1845-10

1845-10.

ЗАПИСКИ
О
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ЗАПИСКИ

О

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА

Т. Степанова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ М. ОЛЬХИНА.
1844

207

Харьковская Публичная
БИБЛИОТЕКА УРСР
инв. 1329267

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Апрѣля 15 дня, 1843 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ВВЕДЕНІЕ.

КАКІЯ НАУКИ СОСТАВЛЯЮТЪ ОБЛАСТЬ НАУКЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ.

=

Къ области собственно такъ называемыхъ Политическихъ наукъ относятся слѣдующія науки: Философія, какъ наука всѣхъ наукъ, Естественное Право, Политика, Политическая Экономія, Дипломатія, Политическая Исторія и Статистика. a)

Философія излагаетъ понятія о первоначальной причинѣ всего существующаго, познаетъ всѣ коренные, высочайшіе законы происхожденія и бытія вселенной и въ частности земнаго шара. По сему, что такое земной шаръ, что такое сами въ себѣ всѣ творенія, живущія на немъ, въ какомъ безусловномъ отношеніи и связи находятся они между собою, и какое, наконецъ, должно быть предопредѣленіе ихъ, — рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ составляетъ существенный предметъ Философіи. b)

Естественное Право продолжаетъ изслѣдованіе природы человѣческой тамъ, гдѣ оканчиваетъ свои изысканія Философія. Оно изъясняетъ безусловные

законы обществъ и народовъ, то есть, законы взаимнаго отношенія гражданъ въ частности, законы гражданъ въ отношеніи къ обществу и Правительству, и обратно; наконецъ безусловные законы взаимнаго отношенія народовъ между собою. c)

Политика, Дипломатія и Политическая Экономія основываются уже на Естественномъ правѣ. Онѣ собственно занимаются изслѣдованіемъ тѣхъ законовъ, по которымъ всѣ Государства постепенно раскрываются въ своихъ нравственныхъ и физическихъ силахъ. Политика показываетъ законы нравственнаго гражданскаго совершенствованія, или по которымъ общества достигаютъ образованности въ обширномъ смыслѣ. Политическая Экономія показываетъ законы физическаго гражданскаго совершенствованія, или по которымъ общества достигаютъ богатства. Дипломатія же изъясняетъ начала, проистекающія изъ сущности условнаго раскрытія всѣхъ вообще Государствъ, и составляющія нить, соединяющую всѣ народы; также показываетъ тѣ начала, которыя способствовали сближенію Европейскихъ Государствъ, и которыя должны нѣкогда сблизить съ ними Государства и прочихъ частей Свѣта.

Изъ этого видно, что хотя эти три послѣднія науки основываются на началахъ безусловныхъ, но суть науки собственно условныя. Вотъ почему онѣ раскрылись въ области просвѣщенія гораздо позже, нежели Философія и Естественное Право. d).

Наконецъ слѣдуютъ науки: Политическая Исторія и Статистика. Онѣ вполнѣ необходимы для точнаго и вѣрнаго знанія Политики, Политической Экономіи и Дипломатіи, по тому что онѣ представляютъ намъ опыты, и, такъ сказать, по-

вѣрку законовъ, излагаемыхъ науками. Политическая Исторія занимается изложеніемъ того, какимъ образомъ Государства раскрывались въ своихъ физико-нравственныхъ силахъ, какимъ они подвергались уклоненіямъ отъ законовъ, и какіе отъ этихъ уклоненій происходили съ ними перевороты. Статистика же имѣетъ предметомъ своимъ разсматриваніе Государствъ во всѣхъ ихъ многоразличныхъ частяхъ въ опредѣленное какое либо время; слѣдственно Статистика представляетъ положительно то, что есть или было, а Политическая Исторія показываетъ перевороты и причины, по чему что либо такъ есть или было. Впрочемъ эти двѣ важныя науки не достигли еще надлежащаго своего изложенія. Въ Исторіи по большей части событія представляются поверхностно, а причины ихъ излагаются болѣе частныя, ближайшія. Тогда только Политическая Исторія достигла-бы своего совершенства, когда-бы со всею точностію и вѣрностію представлены были всѣ случившіеся перевороты, какъ перемѣны одного и того-же организма, составляющаго или одно какое либо Государство, или одну какую либо часть Свѣта, или наконецъ всѣ Государства земнаго шара. Тоже самое должно замѣтить и о Статистикѣ. Эта наука въ настоящемъ своемъ видѣ должна представлять части одного какого либо Государства не отдѣльно, но въ связи и тѣсномъ соединеніи между собою, такъ чтобы можно было составить истинное понятіе, почему однѣ какія либо части въ Государствѣ находятся въ лучшемъ видѣ, а другія въ худшемъ, какое вліяніе имѣютъ однѣ части на другія, наконецъ почему Государства разнствуютъ между собою въ томъ или другомъ отношеніи e.)

Впрочемъ всѣ вообще науки идутъ къ своему совершенству постепенно. Философія хотя и занимается изслѣдованіемъ высшихъ безусловныхъ понятій, и потому, какъ менѣе всѣхъ наукъ подлежащая непосредственному опыту, во всякое время имѣла великихъ своихъ геніевъ, однако, съ постепеннымъ усовершенствованіемъ прочихъ наукъ, она сама получала лучшее направленіе, — равно усовершенствованіе ея производило благодѣтельное вліяніе и на другія науки. Постепенное раскрытіе силъ человѣчества, безъ сомнѣнія зависящее отъ внутренней жизни и дѣятельности нашей планеты, — вотъ-что составляетъ главное основаніе этой взаимности наукъ и постепеннаго совершенствованія ихъ. Дипломатія составляетъ самую высшую степень этого условнаго раскрытія, и потому эта Наука достигнетъ позже прочихъ своего развитія.

Замѣчанія. а) Писатели Политической Экономіи обращали весьма мало вниманія на этотъ предметъ, т. е. какія науки составляютъ область наукъ Политическихъ. Нѣкоторые изъ нихъ упоминаютъ о Политикѣ. Но, что такое собственно Политика, они недавали ей надлежащаго значенія: то почитали ее за науку практическую, заключающую въ себѣ искуство управлять Государствомъ, выставляли ее за науку теоретическую, противополагая ее Политической Экономіи, но ограничивая ея область разсматриваніемъ одного образа правленія. Ганиль изложилъ нѣсколько началъ объ отношеніи Философіи къ Политической Экономіи, — но весьма ошибочно. Наиболѣе писатели упоминали объ Исторіи и въ особенности о Статистикѣ.

Вообще писатели не показали тончайшей связи, соединяющей Политическія Науки.

По моему мнѣнію, что бы вѣрно обозначить границы какой-бы то нибыло Науки, надо непремѣнно показать ея связи съ другими, болѣе или менѣе къ ней соприкасающимися. Такъ должно было сдѣлать и относительно Политической Экономіи. Несомнѣнно, что весь міръ составляетъ одно цѣлое; онъ есть произведеніе одного Верховнаго Существа—Бога. Слѣдственно, можетъ ли быть, что бы какъ вещи, составляющія міръ, такъ и Науки, изслѣдывающія вещи съ разныхъ точекъ, не имѣли существенной, неразрывной связи? Связь эта бываетъ ближайшая и отдаленная, смотря по тому, съ какой стороны послѣднія, т. е. Науки, расматриваютъ природу.

На этомъ основаніи, я къ кругу Политической Экономіи отнесъ Философію, Естественное или лучше безусловное право, Политику, Политическую Экономію, Дипломатію, Политическую Исторію и Статистику.

Но изъ этаго никакъ не слѣдуетъ, чтобы прочія Науки совсѣмъ не приносили никакой пользы для знанія Политической Экономіи. Я говорю здѣсь о существенной, необходимой пользы.

b) Философія — слово страшное въ обыкновенномъ понятіи людей. Подъ этимъ словомъ поверхностные умы разумѣютъ нѣчто сверхъ-естественное, покрайней мѣрѣ, неземное. Отъ чего это происходитъ? Отъ того, что они не понимаютъ настоящаго значенія Философіи. Есть ли въ мірѣ какой либо человѣкъ, который небылъ-бы Философомъ, хотя механическимъ? Ты имѣешь какое нибудь понятіе о Богѣ, о томъ, какъ міръ сотворенъ, что такое ты самъ; слѣдственно ты и Философъ. Дѣло состоитъ только въ томъ, что философскія понятія не-

всегда бываютъ произведеніемъ собственнаго ума каждаго человѣка, а большею частію заимствуются отъ другихъ. Явись необыкновенный геній, преобразуй весь нравственный, существующій нынѣ міръ новыми своими понятіями о первыхъ основаніяхъ бытія, — и явится другая Философія, и то, что показалось-бы невѣроятнымъ, невозможнымъ вначалѣ, дѣлается понятнымъ, общепринятымъ въ послѣдствіи. — Часто даже понимаютъ Философовъ за людей странныхъ и смѣшныхъ. Этому другая причина. Человѣкъ, занимающійся отвлеченными понятіями, почти всегда разобщается со многими обычаями, принятыми въ общественномъ мірѣ, — онъ посвящаетъ всего себя міру идеальному, — и люди, совершенно чуждые самодѣятельнаго мышленія, вмѣсто благодарности за труды, предпринимаемые ими для пользы человѣчества, выказываютъ къ нимъ холодность, пренебреженіе. Могутъ возразить намъ, какъ можетъ быть Философія полезною для Политической Экономіи, когда начала ея невсегда согласны съ началами второй? Философія учитъ, что люди должны пользоваться одинакими выгодами жизни, но Политическая Экономія беретъ за основаніе совсѣмъ противное правило. Неравенство выгодъ людей служитъ главнымъ ея началомъ По моему мнѣнію, въ означенномъ смыслѣ Политическая Экономія нимало не противурѣчитъ Философіи; потому что люди неодинаковыя населяютъ страны на земномъ шарѣ: одинѣ изъ нихъ болѣе плодородны, другія менѣе. Равно люди неодинаковыя получаютъ способности отъ природы; эти способности бываютъ раскрыты или въ высшей или низшей степени, или въ томъ или другомъ направленіи. Слѣдственно сама природа нѣкоторымъ

образомъ полагаетъ основаніе различію въ состояніи человѣка на земномъ шарѣ.

Что пріобрѣтается непосредственнымъ трудомъ одного, на то никакого неимѣетъ права собственности другой. Впрочемъ, такъ какъ начало Философское остается во всей своей силѣ, — то Философія ведетъ къ другимъ важнымъ заключеніямъ, 1-е: что люди непремѣнно должны пользоваться выгодами жизни, сообразно своимъ способностямъ физическимъ и нравственнымъ, — и этому Политическая Экономія нимало не противорѣчитъ; напротивъ она на этомъ началѣ основываетъ лучшее и безопасное раскрытіе народнаго богатства, 2-е, что рано или поздо многіе нынѣшніе положительные законы неизбѣжно подвергнутся измѣненію. Мы не видимъ, чтобы Государства вполнѣ наслаждались благоденствіемъ и прежде, и нынѣ, — это доказываетъ, что въ общественномъ состояніи народовъ многое еще остается усовершенствовать. Не спорю, что что многія идеи не могутъ быть вдругъ приведены въ ясность, а тѣмъ болѣе въ исполненіе; тѣмъ неменѣе онѣ въ области человѣчества остаются высокими истинами, тѣми пунктами, къ которымъ стремятся важнѣйшія наши желанія и дѣйствія. Пусть толпа поверхностныхъ людей называетъ проявленіе разныхъ системъ и мнѣній по разнымъ отраслямъ Наукъ ересію просвѣщенія, химерою ума и воображенія, но мы не будемъ такъ думать, потому что нерѣдко подобныя химеры послѣ многихъ столѣтій становились свѣтлыми истинами. Конечно простыя истины Политической Экономіи или истины богатства не требуютъ глубокихъ философическихъ умствованій; — онѣ удачно иногда по-

стигаются людьми на самой практикѣ, но я здѣсь разумѣю Науку.

Вотъ примѣръ необходимости знанія Философіи для Политической Экономіи! Спрашивается, что есть богатство? На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ намъ: богатство состоитъ изъ вещей, удовлетворяющихъ нашимъ нуждамъ. — Но снова спрашивается: Что такое нужды? Въ чемъ состоитъ ихъ удовлетвореніе? Какая цѣль этаго удовлетворенія? Безъ помощи Философіи, никакъ нельзя рѣшить этого вопроса; она собственно изслѣдываетъ природу человѣка, какъ физическую, такъ и нравственную. Скажутъ, для чего Политико-Эконому знать это? Какое имѣетъ вліяніе этотъ вопросъ на богатство? Отвѣчаю, существенное; потому что, только рѣшивъ этотъ вопросъ, вы постигнете самое назначеніе богатства, причину неутомимаго стремленія людей къ его пріобрѣтенію и узнаете, какъ должно, такъ сказать, обращаться съ нимъ. При этомъ только условіи, говорю, вы не содѣлаетесь простыми, механическими орудіями своихъ желаній и дѣйствій.

c.) Необходимость знанія Естественнаго Права для Политической Экономіи явствуетъ изъ того, что вопросъ о правѣ собственности рѣшится Естественнымъ Правомъ, — Политическая же Экономія утверждается въ своихъ коренныхъ началахъ на правѣ собственности.

Почему же эту столь важную Науку, какъ Естественное право, многіе почитаютъ вредною и опасною? Этому есть свои причины, а именно, о ней думаютъ такъ потому, что правила, излагаемыя ею, часто состоятъ въ явномъ противорѣчіи

съ предразсудками и заблужденіями, вкоренившимися издавна въ обществахъ, такъ, что еслибы Правительства рѣшились вдругъ привести ихъ въ исполненіе, то вмѣсто пользы, ожидаемой отъ того, общества испытали бы величайшій вредъ. Впрочемъ это не доказываетъ того, чтобы Наука сама по себѣ была вредна и опасна, а только это ведетъ къ заключенію, что правила ея должны быть изучаемы и исполняемы со возможною осторожностію и благоразуміемъ.

Для излѣченія всякой физической болѣзни, равно какъ и болѣзней политическихъ, нужно время, потребны пріуготовительныя средства. Самъ больной рѣдко понимаетъ это; но медикъ, представляемый въ обществѣ Правительствомъ, обязанъ непремѣнно имѣть это въ виду. Всякой въ обществѣ желалъ бы немедля вступить въ свои безусловныя и условныя права, но всякой ли обсуживаетъ со вниманіемъ многочисленныя обстоятельства, отношенія, связывающія общество, т. е., всякой ли думаетъ о томъ, что внезапными перемѣнами можно иногда нарушить права и выгоды другихъ гражданъ, народовъ. — Ты терпишь, какъ говоришь, несправедливо? Такъ, — но долженъ ли и другой терпѣть, въ слѣдствіе твоихъ справедливыхъ требованій, тогда, когда онъ самъ по себѣ не былъ причиною нарушенія твоихъ правъ? Въ этомъ случаѣ надо ввѣриться распоряженіямъ мудрыхъ Правительствъ, употребляющихъ различныя мѣры къ соглашенію взаимныхъ притязаній гражданъ.

Къ счастію, опытъ представляетъ намъ уже много примѣровъ благородной, мудрой политики Правительствъ. Какіе классы общества нынѣ не пользуются священнымъ правомъ покровительства зако-

новъ? Гдѣ права гражданъ не взвѣшиваются нынѣ на вѣсахъ общественнаго блага? Законы уже перестали явно защищать несправедливую сторону, хотя и не вездѣ они исполняются съ надлежащею точностію. Все исправляется, совершенствуется постепенно. Къ самымъ блистательнымъ успѣхамъ обществъ относится возвышеніе средняго класса гражданъ, умѣвшихъ снискать богатство своимъ тяжкимъ трудомъ, необыкновенною дѣятельностію, за что онъ получилъ въ возмездіе право раздѣлять многія преимущества высшихъ сословій, сообразно своимъ личнымъ достоинствамъ; даже низшій классъ народа нынѣ владѣетъ средствами достигать высокой степени обогащенія, между тѣмъ какъ онъ нѣкогда представлялъ изъ себя болѣе собраніе плѣнниковъ общественныхъ, нежели гражданъ одного и того же политическаго тѣла, живущаго одною душою, стремящагося къ одной цѣли. Такъ, — безпрерывные успѣхи просвѣщенія, постоянныя усилія Правительствъ уже много выиграли для общества!

d.) Предметы Политики: образъ Правленія, начала котораго постигаются не Естественнымъ правомъ, излагающимъ одни безусловныя права для обществъ, но Наукою условною, раскрывающеюся вмѣстѣ съ общественною жизнію, — равно религія, воспитаніе, ученіе, законодательство гражданское и уголовное, военная сила, — всѣ эти предметы въ настоящее время, какъ предметы условные общественной жизни, слишкомъ слабо разгаданы; умы нынѣ обратили преимущественное свое вниманіе на Политическую Экономію: для всякой Науки есть свое время.

Предметы Политической Экономіи показаны мною во вступительной лекціи. Дипломатія мною взята

въ обширномъ смыслѣ. Я разумѣю подъ именемъ ея все условное народное право. О ней, равно какъ и о Политикѣ, говорено будетъ мною въ особомъ сочиненіи.

е.) Безъ всякаго сомнѣнія, Природою назначены законы для нашей планеты. Физическая и нравственная жизнь ея развивается подъ ихъ вліяніемъ. Спрашивается: слѣдуетъ ли историку, при изложеніи событій, обсуживать, что было когда либо сдѣлано человѣкомъ хорошаго и худаго, полезнаго и вреднаго, или просто ему надо только съ вѣрностію представлять одно бывшее? Многіе изъ новѣйшихъ писателей рѣшаютъ этотъ вопросъ такъ: что историкъ не въ правѣ вдаваться въ дальнѣйшія свои разсужденія о фактахъ. Во всемъ заключается дѣйствіе Провидѣнія; оно предназначило въ мірѣ быть такъ, какъ было, — и все стремится къ лучшему, — самое зло ведетъ человѣчество разными путями къ добру. И по чувству и по мыслямъ моимъ, я не могу слѣдовать этому вѣрованію Писателей, — вѣрованію, говорю, по тому что они ничѣмъ не могутъ подтвердить справедливости своего историческаго взгляда. Какъ? это необходимо было, чтобы совершилось первое преступленіе, память котораго сохранена древнимъ преданіемъ, именно, братоубійство Каина? Это необходимо было, чтобы Исторія древнихъ Государствъ, особенно Персидскаго, запятнена была страшными злодѣями, чтобы деспотизмъ попиралъ самыя священныя права человѣчества, чтобы для удовольствія одного служили, погибали милліоны жертвъ, — чтобы Греки терзали безпрерывно одни другихъ въ междоусобныхъ войнахъ, дабы потомъ вступить въ чи-

сло презрѣнныхъ рабовъ воинственнаго гиганта-народа, — чтобы Римляне созидали свое величіе, могущество на разрушеніи блиставшихъ богатствомъ и образованностію городовъ, царствъ, — чтобы Марій и Силла лили безъ всякой пощады кровь своихъ согражданъ, незнавшихъ, какой стороны безопаснѣе придерживаться, — чтобы преемники ихъ, увлекаемые равно необузданною страстію властолюбія, шли по стопамъ этихъ двухъ тирановъ, — чтобы Римская Имперія за тѣмъ содѣлалась позоромъ человѣчества, представляла въ области своей жизни одни ужасы преступленій, низость чувствованій, гнусность пороковъ, и наконецъ сама, какъ согнившее дерево, пала подъ ударами ордъ, бродившихъ изъ однихъ мѣстъ въ другія?— Это необходимо было, чтобы каждый кусокъ земли Европейской, въ началѣ образованія Государствъ, былъ упитанъ кровію то древнихъ жителей, то пришлецовъ, — чтобы невѣжество, грубость, предразсудки, суевѣріе, угнѣтеніе, саранчою облегли всѣ народы Европы, — чтобы Западное духовенство, исписавъ себя таинственными идеями Христіанской религіи, совершало именемъ ея безчисленныя злоупотребленія, и, проповѣдуя братскую любовь къ человѣкамъ, само держало въ рукахъ убійственное оружіе для пораженія всякаго, благородно мыслившаго, дѣйствовавшаго въ противность его безграничнымъ притязаніямъ? Инквизиція недолжна была признавать ада: она была сама — адъ. — Это необходимо было, чтобы толпы народныя во имя Христа двинулись изъ Западной Европы въ Азію, все на пути своемъ предавали огню и мечу, отнимали чужую вѣковую собственность, и возвѣщая будущую жизнь, въ то же время каж-

дую мысль, каждое дѣйствіе ознаменовывали видами благъ настоящей жизни? — Это необходимо было, чтобы бѣдный, жалкій простой народъ былъ отданъ безотчетно въ жертву сластолюбія, жадности представителямъ Феодализма? — Это необходимо было, чтобы, въ продолженіе новыхъ столѣтій, политика часто дѣйствовала по направленію страстей честолюбцевъ? Это необходимо было, чтобы, послѣ тысячи золъ, свирѣпствовавшихъ въ Европѣ подъ разными видами надъ бѣднымъ человѣчествомъ, вспыхнулъ наконецъ политическій вулканъ, пожравшій мгновенно всѣ права, всѣ благородныя чувства, всѣ истины? — Это необходимо было, чтобы прослѣдила все пространство Европы ужасная комета, устлавшая свой путь опустошеніями? — Это необходимо было, чтобы и настоящее время собирало жестокую дань съ человѣчества, неоплатнаго долгами пороковъ и страстей? Если все это было и есть необходимо, — то чему вы можете научиться изъ Исторіи для будущей вашей политической жизни? Можете ли вы разгадать, какой надо избрать вамъ путь для вашихъ подвиговъ въ пользу свою и другихъ? Такъ слѣдовало бы теперь вамъ закалить свою душу въ чувствахъ вѣчнаго зла, истребить въ ней чистыя, непорочныя идеи о божествѣ, поклоняться одному идолу-эгоизму, думать, желать, дѣйствовать единственно въ его имя, не бояться никакого наказанія и даже укоризны. — Исторія признаетъ все бывшее необходимымъ, вы во всякомъ случаѣ останетесь правы; — Исторія скажетъ, что таково было назначеніе судьбы; она распоряжалась, совершала вѣчныя свои цѣли вашими дѣйствіями; вы были только ея механическимъ орудіемъ. Удивляюсь, можно ли согла-

ситься на такой страшный приговоръ умовъ просвѣщеннаго вѣка?

Исторію можно раздѣлить на четыре рода: Индивидуальную, Политическую, Дипломатическую и Философическую. Первая занимается описаніемъ жизни какого либо частнаго человѣка; вторая изслѣдываетъ событія какого либо Государства, разсматривая его жизнь общественную, какъ физическую, такъ и нравственную; третья занимается разборомъ событій или жизни всѣхъ вообще народовъ, составляющихъ одно человѣчество; наконецъ четвертая обнимаетъ жизнь всего земнаго шара; въ ней все человѣчество и всѣ низшія существа разсматриваются какъ одно цѣлое, одинъ организмъ.

—

О НАЧАЛАХЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

—

Сей. Cours complet d'Economie Politique pratique; tome prémier. pag. 24.

«Всеобщій законъ, хорошо обслѣдованный, становится началомъ, какъ скоро онъ приводится въ доказательство, въ основаніе извѣстныхъ дѣйствій; только не должно выводить изъ него слишкомъ много заключеній, не прибѣгая снова къ опыту. Этотъ способъ познанія, отклоняя всякое шарлатанство, извлекъ Политическую Экономію изъ круга гипотезовъ, ученій систематическихъ и основанныхъ на догадкахъ, такъ какъ онъ сдѣлалъ нынѣ большіе успѣхи въ Физикѣ.»

Шарлатанство едва ли не болѣе выказывается въ опытахъ, нежели умствованіяхъ Сколько находится

людей, играющихъ, такъ сказать, опытами, обманывающихъ наши чувства! — Гипотезы, равно и систематическія ученія, были и будутъ въ области Наукъ, пока послѣднія не достигнутъ своего совершенства.

При недостаткѣ опытовъ нельзя избѣжать гипотезовъ, нечувствительно ведущихъ къ составленію и лучшему уразумѣнію самыхъ опытовъ. Что же касается до систематическаго ученія, — то умъ человѣческой безпрерывно стремится къ нему, какъ къ центру всякихъ познаній, чтобы изъ всякой Науки составить единство, цѣлое. Систематическое ученіе и ученіе, основанное на догадкахъ, — двѣ вещи, совершенно различныя.

«Ситема есть собраніе истинъ, соединенныхъ между собою. Надо, впрочемъ, чтобы эти истины доказаны были опытами, какъ доказана была ими система Ньютона относительно всеобщаго тяготѣнія.»

Опредѣленіе системы сдѣлано не точно. Система, по моему мнѣнію, состоитъ не въ собраніи истинъ, соединенныхъ между собою, но въ постиженіи одного основнаго начала, изъ коего выводятся уже прочія истины. — Сколько системъ доказаны были опытами, а потомъ ими же были опровергаемы! Система, какъ система, не можетъ быть слѣдствіемъ одних опытовъ, но вмѣстѣ соображеній, умозаключеній.

«Системы становятся часто опасными, когда онѣ, по видимому, основываются на замѣчаніяхъ, но эти замѣчанія сами по себѣ бываютъ неполны.»

Такъ, — но это участь всѣхъ Наукъ, постепенно совершенствующихся. Требуется только одна осторожность въ томъ, чтобы не почитать истины со-

вершенно доказанными, какъ скоро опыты и замѣчанія еще неполны, неудовлетворительны.

«Эти-то системы причиною того, что многіе, не привыкшіе къ размышленію, для истины требуютъ однихъ фактовъ и цифръ; они не понимаютъ того, что цифры, факты, сами по себѣ ничего недоказываютъ безъ выводовъ умствованія.»

Въ этомъ-то и состоитъ трудность, какъ дѣлать правильно выводы, какъ умствовать.

«Такъ напр., какъ можемъ мы судить о торговлѣ по одному простому обозрѣнію ввоза и вывоза товаровъ?—Докторъ Кларкъ, говоря, что Англія нынѣ получаетъ государственнаго дохода 57 милліон. фун. стерл. между тѣмъ, какъ она не получала и 5 милліон. фунт. при вступленіи на престолъ Ганноварскаго дома,—вывелъ изъ этого то заключеніе, какъ много хорошее распредѣленіе налоговъ служитъ къ умноженію богатства. Не странно ли такое заключеніе?—»

Изъ этого видно, что Сей опасался много довѣрять умствованіямъ и вмѣстѣ нападалъ на самыхъ эмпириковъ. Но, — сколько онъ самъ излагаетъ началъ, по видимому, несообразныхъ съ опытами, напр., что государство тѣмъ болѣе богатѣетъ, чѣмъ болѣе ввозится внутрь его иностранныхъ товаровъ? Чѣмъ онъ доказалъ это свое начало? Умствованіями, — но эмпирики явно отвергаютъ ихъ. Это показываетъ, что не въ томъ дѣло, чтобы собрать какіе либо опыты, но въ томъ, чтобы умѣть правильно вывести изъ нихъ умствованія.

Tome sixieme. pag. 233.

«Политическая Экономія есть знаніе свойствъ вещей, (лучше сказать, знаніе законовъ). Статистика—

знаніе явленій, которыя уже суть слѣдствіе тѣхъ свойствъ. По сему первая Наука постоянная, *fixe*, а вторая успѣвающая *progreshsive*, подобно исторіи. Во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ промышленность посредствомъ капитала и земли производитъ вещи, составляющія богатство, во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ удовлетвореніе нуждъ, потребленіе уменьшаютъ богатство. Но число людей не всегда одно и то же, равно не всегда одинъ и тѣ же выгоды или богатство.

Несправедливо говорятъ, что Статистика служитъ основаніемъ Политической Экономіи. Для знанія послѣдней нужно знаніе самаго общества, составныхъ его частей; слѣдственно Политическая Экономія собственно служитъ основаніемъ Статистики.»—

Съ этимъ мнѣніемъ мы вполнѣ согласны, — и скажемъ объ этомъ въ послѣдствіи.

«Физическія и Математическія Науки совершенствуются прежде Наукъ Нравственныхъ, потому что первыя болѣе подлежатъ опыту.»

А нравственныя Науки развѣ не подлежатъ одинаково опыту? Различіе только въ томъ, что познавательность ихъ труднѣе и выше. Объ этомъ равно скажемъ ниже.

Мальтусъ. — Principes d'Economie Politique tome prémier, introduction.

«Хотя, безъ сомнѣнія, въ Политической Экономіи находятся начала общія, подлежащія чрезвычайно малымъ исключеніямъ; но, при внимательномъ разсматриваніи ихъ, увидимъ, что они по многимъ отношеніямъ походятъ на общія, главныя правила нрав-

ственности и Политики, зависящія отъ страстей и наклонностей человѣка.»

Но развѣ страсти измѣняютъ самые законы, положенные для человѣка природою?

«Къ счастію, для пользы Науки и обществъ, Экономисты и Смитъ совершенно были согласны во многихъ важныхъ началахъ,—такъ: относительно свободы торговли и распоряженій каждаго частнаго человѣка, не отступая отъ правилъ справедливости, соблюдать свои выгоды по своимъ частнымъ видамъ.»

Но на чемъ основалось это согласіе? Зависѣло ли оно отъ одного произвола Писателей? Не произошло ли, напротивъ, оно въ слѣдствіе лучшаго постиженія законовъ Природы?

«Главная ошибка новѣйшихъ Писателей состоитъ въ томъ, что они опрометчиво стараются все обобщить.»

Напротивъ это стремленіе умовъ къ обобщенію познаній составляетъ отличительное достоинство просвѣщеннаго вѣка. Тогда только это направленіе было бы ошибочнымъ, когда бы въ самой природѣ не было все обобщеннымъ? — Природа, равно какъ и ея части, составляютъ организмъ, организмъ заключаетъ въ себѣ систему, въ системѣ же все обобщено, и иначе быть неможетъ. Но, разумѣется, опрометчивое, неосновательное обобщеніе, упрощеніе истинъ не можетъ быть полезнымъ.

«Это служитъ причиною худыхъ теорій.»

И не могли онѣ не быть,—потому что Науки достигаютъ своего совершенства постепенно. Это относится не къ одной Политической Экономіи, но и ко всѣмъ Наукамъ. Не должно забывать только того, что Политическая Экономія-Наука новая, недавно образовавшаяся, какъ Наука, въ области мышленія. Но

этому-то умы дѣйствительно берутъ въ ней часто одностороннее, ошибочное направленіе, или то, которое вдается слишкомъ много въ теорію, или то, которое увлекается исключительно опытностію, какъ увидимъ ниже.

«Всякая Теорія ничтожна, если она противорѣчитъ опыту.—»

Такъ; но надо доказать, что она противорѣчитъ опыту, и доказать несомнѣнно, потому что иногда эмпирики въ опроверженіе теорій представляютъ опыты, но эти опыты или невѣрны, или неразсматриваются съ надлежащей точки.

«Политическая Экономія — Наука практическая, относящаяся къ обыкновеннымъ дѣйствіямъ человѣческой жизни.»

Такъ,—несмотря на это, она имѣетъ свои начала главныя, неизмѣняемыя, отвлеченныя, на которыхъ уже утверждаются всѣ, даже обыкновенныя явленія общественной жизни.

Ганиль.—Theorie de l'Econ. Polit. tome 1 pag. 18.

«Философія не можетъ дѣлать большихъ успѣховъ въ наукахъ положительныхъ или практическихъ, какова Политическая Экономія.»

Несправедливо. Философія, какъ наука Наукъ, служитъ основаніемъ равно и для Политической Экономіи.

«Часто укоряютъ эмпириковъ, что они много ошибались; но болѣе ли сдѣлала Философія?»

Это мнѣніе выражено Ганилемъ слишкомъ рѣзко. Ганиль слово *Философія*, по видимому, беретъ здѣсь въ общемъ значеніи, такъ что можно подъ именемъ ея разумѣть теорію; но если бы Ганиль спросилъ:

практика или теорія принесла просвѣщенію болѣе пользы? Тогда легко мы увидили бы странность этого вопроса.

Что значитъ практика безъ теоріи? Что освобождаетъ людей и народы съ каждымъ столѣтіемъ, съ каждымъ годомъ, отъ ига заблужденій? Что разсѣеваетъ ихъ безчисленные предразсудки, унижающіе достоинство существа свободно разумнаго? Что безпрерывно знакомитъ ихъ съ сущностію вещей, составляющихъ предметъ нашей физической и нравственной жизни? Что, какъ не теорія? Пробѣгите исторію всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, и вы увидите въ ней имена теориковъ, освѣщавшихъ путь бѣдному человѣчеству къ его совершенствованію, вы увидите, какъ теорія, подобно солнцу, разгоняла мракъ невѣжества, покрывавшій древніе и средніе вѣки, какъ непобѣдимою своею силою, силою истины, она истребляла варварство, ставила человѣчество лицемъ къ лицу, заставляла его лучше постигать самаго себя, улучшало, облагороживало его?— Что значитъ опытность безъ теоріи? Это глаза безъ зрѣнія. — Да и что такое наука, какъ не область, царство теоріи? Если же Гашиль подъ словомъ: Философія, разумѣетъ слишкомъ отвлеченные выводы, дѣлаемые изъ соображенія опытовъ, то они или составляютъ недостатокъ теоріи, или относятся къ сферѣ Философіи, понимаемой въ тѣсномъ смыслѣ, — но мы выше замѣтили, что и въ этомъ смыслѣ Философія необходима для лучшаго уразумѣнія основныхъ истинъ нашей Науки.

pag 52.

«Собственно Статистика даетъ Политической Экономіи направленіе вѣрное, обезпечиваетъ ея ходъ,

ручается за ея открытія. Политическая Экономія, съ своей стороны, проливаетъ свѣтъ на труды Статистики, распространяетъ и сокращаетъ ихъ, равно опредѣляетъ ихъ важность и пользу. Статистика, можно сказать, собираетъ матеріалы, а Политическая Экономія на основаніи ихъ творитъ зданіе.»

Такъ; зданіе, какъ зданіе, — дѣло Политической Экономіи; матеріалы же, собираемые Статистикою, сами по себѣ ничего не составляютъ. Но, скажутъ, что все таки Статистика служитъ основаніемъ Политической Экономіи. — Ни мало, потому что опыты, представляемые Статистикою, какъ превосходно выразился Сей, суть слѣдствіе свойствъ вещей, а свойства разгадываются Политическою Экономіею, слѣдственно, отъ чего являются тѣ или другіе матеріалы общественной жизни, и какимъ образомъ человѣкъ долженъ дѣйствовать, чтобы были именно извѣстные какіе либо опыты или матеріалы, а не другіе, — это зависитъ отъ разрѣшенія Политической Экономіи. По сему Статистика въ строгомъ смыслѣ не что иное, какъ указатель трудовъ Политической Экономіи, и въ области Наукъ состоитъ подъ зависимостію послѣдней. Изучайте Статистику безъ Политической Экономіи, и вы не научитесь постигать движеній обществъ въ цѣломъ организмѣ сихъ послѣднихъ, вы узнаете только явленія и даже причину ихъ, но въ отдѣльности. Такъ, — какіе слѣдуютъ изъ опытовъ законы, вы, безъ помощи Политической Экономіи, не рѣшите этого вопроса. Это и есть главная причина, — почему Статистика до сего времени была такъ неопредѣлительна, невѣрна, сбивчива, — словомъ, составляетъ тѣло безъ души; она не оживлена Политическою Экономіею. Подождемъ еще нѣсколько лѣтъ или столѣтій, и мы увидимъ Статистику въ самомъ блиста-

тельномъ видѣ. Уже нынѣ многіе умы обратили особенное вниманіе на ея обработку. Во Франціи, въ Англіи стараются представлять систематически всѣ ея явленія, опыты. Причиною этого благодѣтельнаго направленія послужили требованія, воззванія Политической Экономіи; она указала просвѣщенію, что для нея нужны услуги Статистики, что для ея творческихъ трудовъ мышленія требуются въ нѣкоторомъ смыслѣ механическіе труды послѣдней. Но не должно забывать, что Статистика представляетъ опыты не одной физической жизни обществъ, но и нравственной; по этому она исполняетъ цѣли, кромѣ Политической Экономіи, еще другой Науки, — Политики.

pag. 9.

«Мнѣ кажется, что если бы опыты Статистики были сдѣланы тщательно, были полны и заслужили совершенную довѣренность, то проблеммы Политической Экономіи о трудѣ, капиталѣ и различныхъ видахъ торговли рѣшились бы сами собою или удобны были бы для рѣшенія.»

Какъ это? Кто бы вывелъ слѣдствія, законы? Да и какъ Статистика можетъ достигнуть совершенства безъ Политической Экономіи? Съ другой стороны не можно ли выразиться и такимъ образомъ: что если бы только человѣкъ во всей точности постигнулъ всѣ законы общественной природы человѣка, всѣ ихъ отношенія и примѣненія, — то бы не нужна была и Статистика, потому что все шло бы такъ, какъ должно итти.

«Гашиль, между прочимъ, приводитъ мнѣніе одного Писателя, состоящее въ томъ, что физическія вещи всѣ уже изслѣдованы, субстанціи ихъ или соедине-

ны или разложены, — но этого нельзя сказать о промышленностях; въ нихъ все зависитъ отъ знанія опытовъ. Знаніе промышленностей — знаніе дѣйствій человѣка, а знаніе природы — знаніе дѣлъ Творца, — слѣдственно послѣднее знаніе вѣрнѣе, несомнѣннѣе, постояннѣе.»

Мнѣніе это, принятое Гаппелемъ, принято и другими писателями, — но оно ошибочно. Писатели не обратили вниманія на дѣйствіе всеобщаго организма жизни, не видѣли единства, связующаго безконечное разнообразіе бытія. Вникнемъ лучше въ этотъ важный предметъ. — Природа вездѣ одна и та же. Все, что ни существуетъ, — дѣло ея творчества. Слѣдственно нѣтъ никакого разрыва между низшими и высшими существами; слѣдственно во всѣхъ разрядахъ бытія, при постепенномъ его восхожденіи, напечатлѣны слѣды одной и той же творческой силы; слѣдственно вездѣ, во всемъ назначены Природою законы. Такъ, — стихіи, составляющія основу всеобщаго бытія, — земли, камни, металлы, растенія, насѣкомыя, животныя и самый человѣкъ должны имѣть свои предѣлы, свои уставы. Можно ли думать, чтобы явленія физическаго міра совершались по даннымъ законамъ, а что одинъ только человѣкъ дѣйствуетъ по своему произволу? Иначе, отъ чего мы испытываемъ тѣ или другія слѣдствія отъ своихъ поступковъ? Отъ чего въ нравственномъ мірѣ не такъ идетъ, какъ бы мы хотѣли? — Въ чемъ же, спросятъ, состоитъ различіе между двумя мірами, повидимому, совершенно противоположными, но въ сущности составляющими одинъ и тотъ же міръ? Я думаю объ этомъ предметѣ такъ: чѣмъ выше разрядъ твореній, тѣмъ онъ большимъ подвергается условіямъ жизни, потому что тѣмъ выше раскрыта въ

немъ творческая сила Природы, тѣмъ она въ своихъ дѣйствіяхъ разнообразнѣе и многосложнѣе; условія жизни низшихъ твореній уже по необходимой связи заключаются въ высшихъ. Такъ, — организмъ растеній стоитъ на высшей степени раскрытія въ области міра, нежели организмъ металловъ, — организмъ животныхъ еще болѣе развитъ, нежели организмъ растеній; наконецъ организмъ человѣка, существа свободно-разумнаго, составляетъ послѣднюю лѣствицу возхожденія творческой жизненности. Изъ этого видно, что гораздо удобнѣе, легче, скорѣе можно ознакомиться съ науками физическими, разгадывающими законы низшихъ существъ, нежели съ науками нравственными, изслѣдывающими законы разумной природы. По этой-то причинѣ Физическія Науки раскрылись ранѣе въ области просвѣщенія, нежели Нравственныя. — Такъ же изъ вышесказаннаго видно, что законы нравственнаго міра по необходимости подлежатъ большимъ исключеніямъ, нежели законы физическаго міра. Но можно ли думать такъ, какъ думаютъ писатели, что знаніе промышленностей есть знаніе дѣйствій человѣка, а знаніе Природы — знаніе дѣлъ Творца? Не заключается ли въ этомъ мнѣніи явное противорѣчіе? Знаніе промышленностей не есть ли равно знаніе законовъ, назначенныхъ Творцемъ для общественной жизни? Что показываетъ намъ опытъ, когда человѣкъ рѣшается по своему произволу дѣйствовать на физическія вещи? То, что это дѣйствіе, находясь въ противоборствіи съ законами природы, отплачиваетъ ему существеннымъ вредомъ за его невѣжество и дерзость, — не то же ли происходитъ и въ области нравственнаго міра? Такъ, — Природа вездѣ во всемъ одна и та же, одни и тѣ же вездѣ, во всемъ, ея законы?

И такъ изъ соображенія мнѣній вышеприведенныхъ писателей видно, что Сей придерживается болѣе теоріи, не уступая много опытности, — но таковъ впрочемъ онъ въ первомъ своемъ Traité d'Economie Politique. — Ганиль явно защищаетъ опытность, нападая на теорію; Мальтусъ береть между ими средній путь. Прочіе писатели такъ же раздѣляются между собою въ Политико-Экономическомъ направленіи. Приступимъ теперь къ систематическому изложенію нашихъ мыслей объ этомъ предметѣ.

О ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ.

Вопросъ о теоріи и практикѣ одинъ изъ важнѣйшихъ въ Политической Экономіи. По мнѣнію эмпириковъ, та и другая между собою совершенно противныя Политико-Экономы только хорошо пишутъ, но странно было бы приводить ихъ правила въ исполненіе.

Теоретики, съ своей стороны, безпрерывно осмѣиваютъ приговоры эмпириковъ, укоряютъ ихъ въ грубыхъ, закоренѣлыхъ предразсудкахъ, и всячески стараются, такъ сказать, сорвать съ ихъ глазъ бѣльмо. Чтобы удачнѣе разрѣшить такую противоположную борьбу мнѣній, необходимо намъ углубиться въ настоящее значеніе теоріи и практики.

Всякому извѣстно, что человѣкъ первоначально тогда только начинаетъ мыслить, когда способность мышленія возбуждается дѣйствіемъ внѣшнихъ предметовъ. Онъ въ то время составляетъ нѣкоторое понятіе объ этихъ предметахъ, потомъ уже переходитъ къ обсуживанію и соображенію ихъ различныхъ соотношеній, выводитъ изъ того свои заключенія, и такимъ образомъ сфера мышленія болѣе и болѣе разширяется; человѣкъ постепенно покоряетъ своему владычеству цѣлый міръ, сначала усвоя

его умственно, потомъ приводя силы его въ самое дѣйствіе. — И такъ, что есть теорія въ существенномъ понятіи? Она не что иное, какъ соображеніе опытовъ, соображеніе того, что умъ нашъ замѣчаетъ на земномъ шарѣ. Совершенная теорія, неимѣющая никакого отношенія къ опытности, была-бы чистый вымыслъ. Равно совершенная опытность безъ теоріи составила-бы простое понятіе о непосредственномъ дѣйствіи предметовъ, безъ всякаго ихъ обсуживанія. Въ первомъ случаѣ было бы сумасбродство, а во второмъ невѣжество. Такія крайности далеки отъ тѣхъ понятій, какія мы составляемъ о наукѣ, Политической Экономіи. Слѣдственно теорія и практика въ ней не могутъ быть противорѣчащими, а только онѣ болѣе или менѣе между собою раздѣлены въ относительномъ своемъ направленіи. По нашему образу мыслей, названіе теоретиковъ приличествуетъ тѣмъ, которые, разбирая опыты, минувшіе и настоящіе, близкіе и отдаленные, соображая какъ главныя свойства дѣйствія предметовъ, такъ и условныя измѣненія ихъ дѣйствій, выводятъ изъ того всеобщіе и частные законы и составляютъ какъ главныя правила, такъ и исключенія, происходящія, такъ сказать, отъ столкновенія и борьбы первыхъ.

Всѣ науки, какъ науки, изслѣдывающія природу въ разныхъ ея отношеніяхъ, заключаютъ въ себѣ общіе и частные законы.

Въ Физикѣ—общій законъ: что всѣ тѣла оказываютъ тяготѣніе къ центру земли, но на опытѣ видимъ, что перо летаетъ въ воздухѣ. Доказываетъ ли послѣднее явленіе несправедливость перваго закона?

Чѣмъ ближе земля къ Экватору, тѣмъ она тен-

лѣс; но на горахъ даже подъ самымъ Экваторомъ, лежитъ вѣчный снѣгъ.

Въ Медицинѣ: воздержность составляетъ главное условіе здоровья. Но мы видимъ, что иногда воздержные умираютъ скоро, — ведущіе жизнь неумѣренную пользуются счастливымъ здоровьемъ и живутъ долго.

Въ Философіи—общій законъ: что зло, какъ зло, должно испытывать бѣдственныя слѣдствія; но мы видимъ, что злые нерѣдко наслаждаются счастіемъ.

Въ Политической Экономіи общій законъ, что трудъ составляетъ богатство; но опытъ показываетъ, что иногда трудолюбивый бываетъ бѣденъ, и лѣнивый удачно совершаетъ свои предпріятія.

Смѣю думать, что такъ какъ Политическая Экономія наука мало раскрыта, законы общественной жизни мало еще разгаданы, — отъ того весьма часто исключенія, случаи почитаются правилами, — а это вводитъ уже въ заблужденіе жалкихъ Эмпириковъ.»

Эмпирики, напротивъ, идутъ по другому направленію. Они въ своихъ заключеніяхъ относительно предметовъ слѣдуютъ болѣе непосредственнымъ впечатлѣніямъ, нежели отвлеченному соображенію. Недолжно однако думать, что-бы такіе Эмпирики совсѣмъ были незнакомы съ теоріею; они могутъ быть просвѣщенными людьми, хотя дѣйствительно большая часть ихъ мало предается чтенію высокихъ теоретическихъ книгъ и неслишкомъ входитъ въ собственныя умозрѣнія. Съ другой стороны странно было-бы думать, что если теоретики занимаются однимъ только чтеніемъ книгъ, — будто они дѣлаются чрезъ то чуждыми опытности. Напротивъ, они изъ книгъ то почерпаютъ соображенія опытовъ; въ нихъ они

видятъ какъ-бы раскрытымъ цѣлый міръ. a) Но какъ степени теоретиковъ, такъ и степени эмпириковъ чрезвычайно различны; и по отношенію къ этому, они болѣе или менѣе между собою то удаляются, то сближаются. Легко можетъ случиться, что теоретикъ, предаваясь многочисленному соображенію условныхъ дѣйствій, и, стараясь подвести ихъ подъ немногія отвлеченныя, простыя правила, мало по малу уклонится отъ истины. Тоже можетъ произойти и съ эмпирикомъ. Онъ, заключая о предметахъ по однимъ видимымъ признакамъ, можетъ не замѣтить истиннаго закона, коему подчинены внѣшнія ихъ дѣйствія. b) Для избѣжанія той и другой крайности, теоретику безпрестанно надо обращать свое вниманіе на настоящее время, чтобы выведенныя свои положенія изъ прежнихъ опытовъ повѣрять съ новыми фактами; а эмпирику съ своей стороны почаще надо присматриваться къ изысканіямъ теоретика. Первый со всею осторожностію долженъ входить въ отвлеченности, чтобы никакъ не потерять изъ виду Аріадниной нити опытности, а другой не долженъ слѣпо довѣрять первымъ впечатлѣніямъ дѣйствующихъ на него предметовъ. Такъ, кто успѣлъ поставить себя твердо на точныхъ предѣлахъ теоріи и практики,—наиболѣе бываетъ счастливъ въ изысканіи истины. Впрочемъ природа, какъ благодѣтельная мать, никогда не оставляетъ своего разумнаго существа долгое время въ какой либо крайности. Бросимъ только внимательный взглядъ на исторію всѣхъ наукъ, и мы ясно увидимъ что во всѣ эпохи ея, вездѣ происходила борьба между двумя противоположностями, и какъ скоро одна изъ нимъ брала рѣшительное преимущество надъ другою, послѣдняя вдругъ наступала на первую съ

возобновленною силою, и нерѣдко однимъ разомъ ниспровергала ея могущество. Въ продолженіе такого противоборствія открываемы были въ наукахъ всеобщіе и частные законы, и какъ-бы изъ за тучъ являлась въ полномъ блескѣ самая истина. c) Геніи примирители были ея представителями. Это относится не къ однимъ отвлеченнымъ, высокимъ наукамъ, но и ко всѣмъ другимъ, требующимъ гораздо низшихъ способностей человѣка. Среди такого дѣйствія и противодѣйствія возраждалась, раскрывалась, достигала постепеннаго своего блистательнаго совершенства Политическая Экономія кому неизвѣстны нынѣ главныя ея системы: Меркантильная, Физіократовъ и Адама Смита! Однако это показываетъ одно несовершенство ума человѣческаго, который не въ состояніи обнять вдругъ всѣ предметы, усмотрѣть истину, открывающуюся во внутренней ихъ связи. Но человѣкъ, самъ по себѣ, не есть необходимый данникъ, рабъ противоположностей; ему всегда открытъ свободный входъ въ сокровенныя дѣйствія природы, потому что въ самой сущности она — одна и таже какъ въ немъ, такъ и внѣ его. Къ сожалѣнію, люди не столько по ограниченности и несовершенству ума, сколько по ожесточенному самолюбію, рѣшительно упорствуютъ въ послѣдованіи одной какой либо крайности,—а отъ этого уже происходитъ то, что упорный теоретикъ вноситъ въ кругъ своихъ умствованій многія странности, несообразныя съ сущностію вещей гипотезы; упорный же эмпирикъ заключаетъ въ грубыхъ, непозвительныхъ предразсудкахъ; одинъ выходитъ за предѣлы разсудка тогда, когда другой и не приближается къ нимъ. — Разсматривая человѣчество, разсѣянное по лицу зем-

наго шара, мы не можемъ незамѣтить въ настоящемъ его положеніи, что оно видимо совершенствуется частымъ появленіемъ необыкновенныхъ умовъ по всѣмъ отраслямъ наукъ. По сему теоріи необходимы. Даже генію, стремящемуся обнять въ обширности предметъ, его занимающій, иногда извинительны смѣлые, одушевленные нѣкоторою непонятною силою порывы. Нерѣдко самый опытъ оправдываетъ проникнутыя его дальновидностію положенія, уже спустя нѣсколько лѣтъ, между тѣмъ какъ онѣ въ свое время встрѣчалъ однихъ завистниковъ и злобныхъ гонителей. Для убѣжденія въ этомъ слѣдуетъ только вспомнить безсмертнаго Коперника. Природа посылаетъ въ свѣтъ такихъ теоретиковъ наиболѣе тогда, когда, по безусловнымъ своимъ законамъ, она хочетъ дать истинное направленіе измѣненному ходу человѣчества. Эти вдохновенные умы нерѣдко перескакиваютъ своими понятіями настоящій вѣкъ, опереживаютъ послѣдующія за собою многія столѣтія и влекутъ ихъ за собою механически, знакомя съ своими идеями постепенно возрастающее число послѣдователей. По сему великіе теоретики — великіе люди. Къ счастію для нашей науки, нынѣшнее образованіе достигло такой степени, что министры, управляющіе жребіемъ милліоновъ народа, не суть только простые эмпирики, но вмѣстѣ и теоретики, хотя они и невсегда слѣдуютъ во всей строгости новымъ теоретическимъ мнѣніямъ, — и этому, безъ сомнѣнія, находятся важныя причины. Теоретики, излагая свои истины, рѣдко обсуживаютъ возможность приведенія ихъ въ исполненіе, — эта обязанность лежитъ на правителяхъ. Часто совершеніе открытій, даже необходимыхъ для общаго блага, требуетъ или

долгаго времени, или важныхъ какихъ либо приуготовленій. Каждое государство имѣетъ свои разныя отношенія, свой особенный организмъ, получившій извѣстное направленіе, словомъ: свои внутреннія и внѣшнія особенности. Теоретикъ слѣдитъ въ своемъ умственномъ созерцаніи одну истину, исполненіе же ея не принадлежитъ ему. — Изъ всего сказаннаго видно, что какъ теоретики, такъ и эмпирики должны быть доступны одни къ другимъ, должны всегда стараться о соглашеніи своихъ противорѣчій. Споры, особенно производимые съ ожесточеніемъ, имѣютъ весьма вредное вліяніе на состояніе наукъ, а чрезъ то и на самую участь человѣчества. Стыдъ состоитъ не въ томъ, чтобы признать истину, кѣмъ бы она ни была открыта, а въ томъ, чтобы держаться упорно своихъ ложныхъ понятій.

Замѣч. a) Это весьма важное замѣчаніе, — по тому что Эмпирики рѣшительно почитаютъ теоретиковъ за людей, удаленныхъ отъ знакомства съ свѣтомъ или опытами, — по ихъ мнѣнію, теоретики составляютъ свои теоріи будто изъ своей головы, а не изъ разсматриванія природы или всего того, что показываетъ намъ практика. Напр. когда теоретикъ, составляя свои мнѣнія о торговлѣ, насмѣхается надъ мнимымъ ея балансомъ, купецъ, отвергая эти мнѣнія, всегда въ доказательство своихъ рѣчей приводитъ то, что теоретикъ, ни когда незанимавшійся оборотами торговли, ни какъ не въ состояніи понять, какъ они происходятъ на самомъ дѣлѣ. Но развѣ теоретикъ не видитъ этихъ оборотовъ изъ книгъ, изъ отчетовъ, составляемыхъ самыми эмпириками?

b) Какъ часто эмпирики, не будучи въ состояніи сообразить многочисленныхъ обстоятельствъ, дѣ-

лаютъ нелѣпые выводы и требованія? Напр. фабриканты суконъ часто жалуются на ввозъ иностранныхъ товаровъ, требуя отъ своего правительства, для поощренія туземной суконной промышленности, ограниченія ихъ ввоза наложеніемъ большихъ пошлинъ. Уважая голосъ этихъ фабрикантовъ, правительство не можетъ ли иногда нанести чувствительный вредъ какъ потребителямъ, такъ и производителямъ, которые мѣняли свои туземныя произведенія на иностранныя сукна, и которые, по ограниченіи ввоза сихъ послѣднихъ, могутъ со всѣмъ лишиться сбыта своихъ товаровъ. Сверхъ того, означенные фабриканты еще пожелаютъ и того, чтобы ввозъ иностранной шерсти былъ допущенъ въ свое Государство съ неограниченною свободою, надѣясь чрезъ то покупать ее гораздо выгоднѣе цѣною, — но не можетъ ли эта свобода содѣлаться отяготительною и гибельною для производителей отечественной шерсти, неимѣющихъ средствъ соперничествовать на рынкѣ съ иностранными продавцами? Въ такомъ противоборствіи желаній, возгласовъ разныхъ производителей, кому правительство должно болѣе довѣрять, — и основательны ли ихъ желанія, требованія?

Такая близорукость эмпириковъ замѣчается не въ одной Политической Экономіи; другія науки равно представляютъ подобные жалкіе опыты, напр. въ Астрономіи. По видимымъ признакамъ, солнце кажется намъ движущимся около земли, а въ самомъ дѣлѣ земля движется около солнца. Равно, по причинѣ отдаленности, солнце и другія небесныя свѣтила намъ представляются небольшими; слѣдуетъ ли, однако, заключать о нихъ такъ и въ самой сущности?

Въ Физикѣ: вода, какъ и воздухъ, намъ кажутся имѣющими синій цвѣтъ. Не смѣшно ли было бы думать о нихъ такимъ образомъ?

Въ Медицинѣ: полнокровные часто показываютъ признаки совершеннаго здоровья, между тѣмъ какъ они носятъ уже во внутренности зародышъ мгновенной смерти, — и т. д.

Замѣч. с) Подобныя крайности существуютъ во всѣхъ наукахъ, такъ напр. въ Философіи — матеріализмъ и идеализмъ, въ Физикѣ — атомистическая и динамическая системы, въ Медицинѣ — системы возвышенія и ослабленія силъ. Даже въ практической жизни встрѣчаются безпрерывно противоборствія: суевѣріе и своевольство, вольность и рабство, скупость и расточительность и т. д.

Если какое либо изъ означенныхъ направленій человѣчества дѣлается господствующимъ, то или въ тоже время или вскорѣ появляется другое противоположное направленіе, — и человѣчество всегда находится въ борьбѣ между ними, и вредъ съ одной стороны ослабляется дѣйствіемъ съ другой, — иначе человѣчество, стремясь по одному ошибочному направленію, совершенно могло-бы потеряться въ своемъ ходѣ. Какая любопытная, занимательная картина для мыслителя-наблюдателя!

ИСТОРІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Древніе народы имѣли самыя бѣдныя понятія объ общественной жизни, и Политическая Экономія, какъ Наука, имъ совсѣмъ была неизвѣстна. Знаменитѣйшіе Греческіе Писатели смѣшивали ее съ Политикою. То же мы замѣчаемъ у Римскихъ Писателей.

Разсматривая общественный бытъ народовъ—Грековъ и Римлянъ, мы находимъ, что какъ тѣ, такъ и другіе оказывали явное пренебреженіе къ мануфактурамъ и торговлѣ; они предпочитали имъ занятіе земледѣліемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ древніе народы могли всмотрѣться въ процессы своей общественной жизни тогда, когда они были въ совершенномъ разобщеніи? Люди тогда только лучше изучаютъ свою собственную натуру, когда знакомятся съ опытами жизни другихъ. Одинакому жребію подлежатъ народы. По этому не удивительно, что древніе Писатели не были въ состояніи разгадывать общественныя Науки въ полномъ объемѣ.

Что же касается до того, почему Греки и Римляне предпочитали земледѣліе прочимъ родамъ промышленности, — это частію зависѣло отъ ихъ положенія. Финикіяне и Корфагеняне самою необходимостію вызваны были къ мореплаванію и торговлѣ: небольшое пространство земель, худое плодородіе ихъ, близость морей, — вотъ что склоняло ихъ занять мѣсто купцовъ между народами; напротивъ, у Грековъ и Римлянъ земледѣліе составляло главный, первый источникъ народнаго богатства, мануфактуры и торговля находились ими въ младенчествѣ. Сами же по себѣ, они никакъ немогли разгадать важнаго ихъ вліянія на земледѣліе и богатство. Въ природѣ все подлежитъ законамъ постепеннаго совершенствованія. Дикіе и грубые народы почитаютъ даже обработываніе земли для себя тягостнымъ и унизительнымъ трудомъ, и охотно предпочитаютъ ему занятіе звѣриною и рыбною ловлею. Греки и Римляне нѣкоторымъ образомъ почитали оба класса народа, классъ мануфактурный и классъ торговый, бѣдными и жалкими, которые, не имѣя земли, вы-

нуждались необходимостію прибѣгать къ трудамъ и дѣятельности особеннаго рода, и жили какъ бы насчетъ труда земледѣльцевъ.

Подобное пренебреженіе падало на классъ ученыхъ, во время грубости и невѣжества народовъ. Очень немногіе изъ нихъ чрезвычайными своими талантами обращали на себя вниманіе своихъ соотчичей, и это потому, что высшія познанія, составляя главную степень раскрытія нравственныхъ силъ человѣка, невольно увлекали за собою цѣлые народы для направленія ихъ къ высшей дѣятельности, къ высшей цѣли.

Паденіе Рима представляетъ весьма важную эпоху въ Исторіи человѣчества. Разные народы, вышедшіе изъ предѣловъ Азіи и Сѣверныхъ странъ Европы, устремились къ этой знаменитой столицѣ свѣта, и, послѣ долговременныхъ кровопролитныхъ битвъ, положили конецъ политическому ея существованію. Этимъ ужаснымъ дѣйствіемъ они мстили за прежній страхъ, поселенный въ нихъ безграничнымъ властолюбіемъ Римлянъ, — быть можетъ, возбуждены были таинственною силою жизни нашей планеты къ истребленію народа, уже немогшаго существовать своими силами и содѣлавшагося какъ для себя, такъ и для другихъ народовъ безполезнымъ къ достиженію дальнѣйшаго совершенствованія.

Къ сожалѣнію, народы-разрушители были сами погружены въ глубокое невѣжество и, подобно Римлянамъ, умѣвшимъ впрочемъ прикрывать свои поступки личиной справедливости, сначала обогащались болѣе грабительствомъ, нежели произведеніями своего труда, такъ что можно подумать, будто природа осудила народы достигать богатства одними насиліями. Но, спрашивается; откуда же пер-

воначально добывается богатство? Природа сама собой производитъ не много. Физико-нравственный трудъ, направляющій ея силы, - вотъ главный источникъ богатства! — Слѣдственно не лучше ли было каждому народу соединять свои силы съ силами другихъ, чтобы имѣть полное и безопасное право наслаждаться произведеніями, нежели силою присвоивать пріобрѣтенное трудами другихъ? —

Таковъ законъ природы, законъ самой простой, ясно изображенный въ душѣ каждаго и освященный опытами,—но младенческій умъ народовъ не могъ понимать его.

По этой-то причинѣ, какъ древніе народы, такъ и Европейцы, весьма медленно достигали своего благоденствія! — Впрочемъ думаемъ ли мы, что нашъ вѣкъ, гордящійся блистательнымъ просвѣщеніемъ, совершенно изъятъ отъ погрѣшностей и заблужденій! Если и нынѣ человѣчество борется съ ужасными бѣдствіями, — это служитъ вѣрнымъ признакомъ, какъ народы далеки еще отъ настоящей точки общественнаго просвѣщенія! — Каждый вѣкъ платитъ дань своимъ слабостямъ и заблужденіямъ.

Ближайшая причина странныхъ и вмѣстѣ ужасныхъ взаимныхъ отношеній древнихъ народовъ была та, что они не замѣчали общей, таинственной связи, соединяющей въ одно цѣлое все человѣчество; они не понимали высокаго своего предназначенія. Почитая себя чуждыми одни другимъ, они питали взаимную ненависть за различіе вѣръ, законовъ, правленія, нравовъ, и присвоили себѣ право притѣснять, грабить другихъ, какъ скоро находили къ тому средства въ своей силѣ и могуществѣ.

Несмотря на эти уклоненія, всеобщая, постепенно развивающаяся жизнь человѣчества, направляла всѣ

народы къ труду, дѣятельности. Такъ одни изъ нихъ занимались преимущественно обработываніемъ земли, другіе же обогащались фабриками и торговлей. Изъ древнихъ народовъ къ числу послѣднихъ принадлежатъ, какъ замѣчено выше, наиболѣе Финикіяне и Карѳагеняне. Въ средніе же вѣки знамениты были по торговлѣ Италіянскія Республики: Венеція, Генуа, Лукка. Крестовые походы и другія многоразличныя современныя обстоятельства произвели на это весьма благодѣтельное вліяніе. Примѣру Республикъ послѣдовали Ганзеатическіе города. Составляя огромныя владѣнія, они успѣли въ короткое время достигнуть блистательнаго состоянія и скоро опередили богатствомъ обширныя Государства. Замѣтивъ, сколь великая польза происходила отъ занятія торговлею и вмѣстѣ фабриками, эти города обратили свою заботливость на заведеніе и усовершенствованіе послѣднихъ, и въ новомъ родѣ труда нашли новый источникъ своего обогащенія. Открытіе пути вокругъ мыса Доброй Надежды въ Восточную Индію и открытіе новой части свѣта—Америки, чрезвычайно способствовали быстрому распространенію и усовершенствованію въ Европѣ промышленности всѣхъ родовъ, особенно торговой. Съ этого времени Европейцы познакомились со многими малоизвѣстными тогда удобностями и наслажденіями жизни. Между тѣмъ разныя Европейскія Государства, подъ таинственнымъ вліяніемъ Христіанской религіи, постепенно получали новое преобразованіе. Ѳеодализмъ, порожденіе среднихъ вѣковъ, мало по малу сокрушался, верховная власть болѣе и болѣе сосредоточивалась въ рукахъ одного монарха; среднее сословіе, выдвинувшееся на сцену общественной жизни изъ подъ ига рабства и вліянія на

него вассальства, сдѣлалось опорою самодержавія и виновникомъ народнаго благоденствія. Вскорѣ измѣнились внутреннія несогласія, междоусобія, двинулись полезныя взаимныя сношенія народовъ. Государства, какъ бы послѣ тяжкой болѣзни, одерживавшей ихъ нѣсколько столѣтій, вдругъ почувствовали въ себѣ болѣе силы и могущества.

Португалія, Испанія, Голландія, Англія вступили на блистательное поприще всемірной торговли. Въ то же время просвѣщеніе, неразлучный спутникъ всѣхъ благодѣтельныхъ общественныхъ перемѣнъ и вмѣстѣ виновникъ ихъ, болѣе или менѣе примѣтно дѣйствующій, начало вездѣ разливать свой свѣтъ. Такъ появились Писатели, и многіе изъ нихъ обратили свои изысканія на причины богатства, — но вмѣсто того, чтобы всмотрѣться въ законы общественной жизни, они увлеклись одними совершавшимися предъ ихъ глазами, обманчивыми опытами и начали раздѣлять мнѣнія, или лучше сказать заблужденія народовъ. Всѣ они согласно почитали золото и серебро единственнымъ народнымъ богатствомъ,—и это мнѣніе, развившись въ многочисленныхъ положеніяхъ, образовало наконецъ Меркантильную такъ называемую систему. —

Сисмонди. — Nouveaux principes d'Econ. Polit. tome 1, pag 16.

«Ксенофонтъ, въ сочиненіи своемъ, опредѣляетъ Экономію искусствомъ улучшать свой домашній бытъ, относя сюда все, что только служитъ къ нашей пользѣ. Онъ почиталъ важнымъ порядокъ и въ распредѣленіи вещей и въ раздѣленіи работъ; разсуждая же о поведеніи женъ и рабовъ, смотрѣлъ на

послѣднихъ, какъ на скотовъ. Онъ изъявлялъ презрѣніе къ ремесламъ, говоря, что они ослабляютъ здоровье и лишаютъ мужества.

Съ мнѣніемъ Ксенофонта нельзя не согласиться, что занятіе ремеслами нерѣдко оказываетъ вредное вліяніе на здоровье, и что земледѣльцы вообще пользуются несравненно лучшимъ здоровьемъ, нежели ремесленники,—опытъ представляетъ намъ послѣднихъ почти всегда блѣдными, изнуренными. Это изнуреніе иногда доходитъ до такой степени, что самый духъ теряетъ крѣпость и бодрость, — за то вообще ремесленный народъ отличается чрезвычайною ловкостію и проворствомъ, въ чемъ земледѣльцы имѣютъ примѣтный недостатокъ. Присемъ нельзя не обратить вниманія на то, отъ чего ремесленники весьма часто оказываются склонными къ дерзости, буйству? Этому примѣры мы видимъ въ Государствахъ, особенно тѣхъ, въ которыхъ процвѣтаютъ мануфактуры.

Не входя въ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ, я замѣчу только, что это болѣе происходитъ отъ образа жизни рабочихъ людей. Занимаясь долгое время своими единообразными работами на одномъ и томъ же мѣстѣ, они, оставляя ихъ, вдругъ стараются возстановить свои ослабѣвшія силы, и какъ бы механически побуждаются проведенное время безъ движенія вознаградить усиленными напряженіями. Такъ они нечувствительно переходятъ въ положеніе дерзости, буйства, — особенно если они видятъ къ тому удобный случай, или если они вынуждаются къ тому неблагопріятными обстоятельствами. Въ Англіи всегда возмутительнымъ классомъ народа былъ классъ рабочихъ людей. Земледѣльцы, какъ бы ни были угнѣтены нуждами, рѣдко перехо-

дятъ изъ мирнаго состоянія къ ожесточенію. При томъ земледѣльцы болѣе разъединены между собою въ общественномъ быту, нежели ремесленники, и менѣе имѣютъ способовъ къ составленію комплотовъ.

По этой причинѣ я полагаю, что 1-е, для класса ремесленниковъ, какъ и для прочихъ классовъ общества, потребно извѣстное время для отдохновенія и постепеннаго возобновленія силъ посредствомъ движенія; 2-е, весьма полезно было бы учреждать разныя частныя общества, свойственныя каждому званію, такъ чтобы всякой, по окончаніи занятій, могъ найти въ нихъ для себя приличное развлеченіе. Таковыя сообщества приносили бы Государству и другую важнѣйшую пользу, — а именно, сообщаясь безпрерывно между собою, занимающіеся извѣстнымъ родомъ работъ могли бы одинъ другому легко и пріятно передавать свои свѣдѣнія, большею частію пріобрѣтаемыя долговременною опытностію. Такъ они постепенно привыкали бы къ лучшему, благородному образу жизни и оставляли бы грубыя, буйныя свои привычки, бывающія неизбѣжнымъ слѣдствіемъ невѣжества и общественнаго разобщенія.

Если ремесленный народъ менѣе безпокоенъ въ Германскихъ земляхъ, то это, кромѣ участія другихъ причинъ, происходитъ много отъ составленія небольшихъ обществъ.

Состояніе рабовъ и женъ въ древнія времена заслуживаетъ особое вниманіе.

Какъ Ксенофонтъ, отличный Греческій писатель, могъ согласиться съ грубымъ, низкимъ понятіемъ объ отношеніи рабовъ къ своимъ господамъ? Какъ онъ не могъ вполнѣ объяснить самыхъ обыкновен-

ныхъ, главныхъ правъ человѣчества? Я думаю объ этомъ такъ. Древній міръ былъ міръ эгоизма. Пробѣгите исторію всѣхъ народовъ этого міра, разсмотрите всѣ системы великихъ древнихъ писателей, — и вы ясно увидите во всемъ отражающееся себялюбіе. Философы были философами для себя. Они старались познать Бога, міръ, вещи, человѣка—для себя, они имѣли своихъ послѣдователей, они учили другихъ для себя. Сократъ былъ мудрецомъ для себя.

Рабами въ древніе времена были покоренные народы. Могли ли философы составить вѣрное понятіе о ихъ безусловныхъ правахъ? Что съ рабами надо обходиться милостиво, это правило неважно, — мы должны обходиться милостиво и со скотами, — но что мы должны обходиться съ первыми, какъ существами, намъ подобными, что имъ равно принадлежитъ право личности и право собственности, и что наконецъ всѣ люди составляютъ одну область человѣчества, — вотъ чего не въ состояніи была объяснить древность.

Женщины такъ же въ древнія времена казались въ правахъ своихъ ниже мужчинъ. Источникъ этого одинъ и тотъ же—слабость. Женщина, дѣлаясь женою мужчины, нѣкоторымъ образомъ передаетъ себя его власти, подобно тому, какъ плѣнникъ дѣлается зависимымъ отъ побѣдителя. Слѣдственно одна физическая сила рѣшала въ древнія времена участь людей. Не естественно ли это? Могъ ли древній міръ не быть физическимъ, матеріальнымъ? Онъ только возникалъ, возраждался. Напрасно онъ бы указали мнѣ на философовъ, мыслителей древняго міра. Повторяю, что они хорошо разгадывали человѣка, а не человѣчество. Иначе, какъ они могли бы презрительно думать о разныхъ классахъ общества?

Идея о человѣчествѣ загорѣлась съ появленіемъ Христіанства; освѣщая путь жизни общественной и народной, она положила конецъ чудовищнымъ отношеніямъ гражданъ. Скажутъ, что религія Христіанская равно учитъ тому, чтобы жены безропотно повиновались власти мужей, а рабы исполняли волю господъ. Такъ и должно быть. Но тѣмъ не мѣнѣе отношенія между этими лицами облагорожены религіею, и это облагороженіе проникло во всѣ права гражданскія и уголовныя.

Теперь спросите, какую пользу принесло для Политической Экономіи нынѣшнее усвоеніе правъ рабамъ? Безчисленную, отвѣчаю, — потому что только съ этимъ усвоеніемъ начала возраждаться Политическая Экономія. До того времени люди не могли понимать ни того, что такое трудъ, ни того, что они должны трудиться, что бы имѣть право на жизнь. Гдѣ нынѣ рабъ не имѣетъ своей собственности? Гдѣ онъ нынѣ не можетъ своимъ трудомъ распространить ее? Съ усвоеніемъ же правъ женскому полу, люди познакомились съ многочисленными потребностями, до того времени неизвѣстными; явились нужды, зависящія отъ тонкаго, прихотливаго вкуса.

И такъ Политическая Экономія доселѣ не существовала бы, если бы продолжалось одинаковое существованіе древняго міра, если бы общественный бытъ Европейскихъ народовъ не претерпѣлъ главнѣйшихъ измѣненій въ своей организаціи. Вотъ, отъ чего Европа представляетъ намъ нынѣ картину болѣе утѣшительнаго состоянія человѣчества. Напротивъ, взгляните на міръ Азіи и Африки, — какія ужасныя мы замѣчаемъ въ нихъ дѣйствія? Въ какомъ постыдномъ уничиженіи тамъ находится женскій полъ, томимый въ мрачныхъ сераляхъ сласто-

любія! И какими цѣпями рабства гражданскаго и политическаго окованы цѣлыя царства! Можетъ ли послѣ этого тамъ возникнуть Наука Политическая Экономія! Но если бы она, по стеченію какихъ либо политическихъ обстоятельствъ, и могла зароиться въ область тамошняго просвѣщенія, — то уже она непремѣнно вызвала бы и другія благодѣтельныя перемѣны.

«Аристотель въ книгѣ «о Республикѣ», посвятилъ пять главъ для нашей Науки. Онъ равно отдаетъ преимущество земледѣлію предъ ремеслами.

Платонъ, въ книгѣ такъ же о Республикѣ, раскрываетъ свою систему законодательства. По мнѣнію его, взаимная польза соединяетъ людей, и изъ этого онъ выводитъ пользу раздѣленія работъ. Торговля, по его мнѣнію, слѣдствіе успѣховъ въ земледѣліи и мануфактурахъ; первое условіе для ней — свобода. Успѣхи обществъ бываютъ послѣдственною причиною того, что одни безпрерывно трудятся, а другіе наслаждаются покоемъ.»

Сисмонди слишкомъ отзывается въ пользу Платона относительно Политической Экономіи; онъ въ своемъ твореніи выпустилъ много мнѣній Платона, показывающихъ рѣшительное его незнаніе даже обыкновенныхъ истинъ этой Науки. Напр. Платонъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ, что никакой гражданинъ не долженъ заниматься ни торговыми оборотами, ни механическими работами, — тѣ и другія занятія низки; такъ же, — «я даже отнялъ бы политическія права у всѣхъ земледѣльцевъ.» Низкое занятіе торговлею надо предоставить иностранцамъ, привыкшимъ къ обману и безстыдству. Перекупщиковъ должно заключать въ оковы. Далѣе—небо образовало душу земледѣльцевъ изъ желѣза и мѣди, но

употребило самое чистое золото въ образованіи душъ людей ратныхъ! — Я не вижу въ этихъ мнѣніяхъ ничего, кромѣ общихъ заблужденій древнихъ Писателей. Изъ мнѣній же, приведенныхъ выше Сисмонди, мысль Платона относительно свободы торговли — чисто Философско-Политическая, другая же мысль, что въ слѣдствіе успѣховъ общества одни трудятся для покоя другихъ, чѣмъ самымъ онъ провелъ рѣзкую черту между работниками и капиталистами, совершенно ложная, хотя Сисмонди и принялъ ее во всей обширности. Мы скажемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Вообще древніе писатели о Политикѣ съ одной стороны не могли не придерживаться опыта, и, такъ сказать, смотрѣть на вещи его глазами, съ другой не вдавались въ отвлеченныя понятія объ обществѣ, вытекающія непосредственно изъ понятій Философіи. Постигали ли они внутреннюю жизнь Политическаго организма? Разгадали ли они всѣ его составныя части? Ни мало. Такимъ образомъ политико-экономическія теоріи должны были родиться въ послѣдствіи, а именно тогда, когда великіе умы начали лучше знакомиться съ политическою жизнію Государствъ, когда лучше начали вематриваться въ сокровенные процессы ихъ движеній.

Гаиль. — Des Systemes d'Econ. Polit. tome 1. pag. 9.

„Природа сама по себѣ не производитъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ.“

Мысль превосходная, — различіе, замѣчаемое нами въ состояніи людей, есть дѣло условій, все равно какъ и различіе самыхъ способностей. Природа, какъ природа, одинакова ко всѣмъ людямъ; въ стро-

гомъ смыслѣ она не даетъ людямъ, однимъ тѣ способности, другимъ другія, особенно одному лучшія, высшія, другому худшія, низшія. Все это различіе происходитъ въ слѣдствіе условной жизни человѣчества — Мы въ послѣдствіи разгадаемъ подробнѣе этотъ предметъ.

За тѣмъ Ганиль приводитъ примѣры, какъ древніе народы обогащались грабежами. — Между прочимъ: «Персы имѣли цѣлію своихъ завоеваній одно богатство. Сначала оно расходилось между всѣми воинами, полководцами, вельможами и прочими заслуженными людьми, потомъ уже содѣлалось удѣломъ небольшаго числа царедворцевъ — любимцевъ, составлявшихъ дворъ монарха. Это произвело чрезвычайнѣйшее вліяніе на испорченность нравовъ, и проч. Такъ, — Персія пала подъ оружіемъ Александра Великаго.

Спартанцы, знаменитые въ Исторіи по храбрости и презрѣнію къ богатству, въ сущности мало заслуживаютъ похвалъ, которыми почтило ихъ потомство. Они поработили жителей Лаконіи, Илотовъ, чтобы возложить на нихъ бремя работъ. Потомъ, познакомившись съ богатствомъ чужихъ народовъ, Спартанцы пренебрегли законы Ликурговы. — [illegible]

Безспорно, что законы Ликурговы странны и нисколько не сообразны съ законами природы. Запретить любить богатство, пріобрѣтать, развивать его всѣми родами промышленности, — дѣло, противное природѣ; а потому эти законы и не могли всегда существовать. Такъ точно и случилось. Спартанцы, почувствовавъ страсть къ богатству, уже стали употреблять къ пріобрѣтенію его способы насилія. Лучше бы Ликургъ далъ всю возможность развиваться народной дѣятельности, — тогда Спарта или долѣе

существовала бы, или представила бы намъ совсѣмъ другую, можетъ быть, болѣе полезную исторію своей жизни.

«Аттика была земля неблагодарная, безплодная. Она никогда не вышла бы изъ состоянія бѣдности, если бы не досталась ей добыча Платейская. Грабежи Азіи открыли ей путь къ возвышенію. Потомъ Аѳиняне овладѣли всѣми денежными суммами, принадлежавшими Грекамъ; мало по малу богатство Аттики сосредоточилось въ рукахъ немногихъ гражданъ, а это повлекло ея паденіе.

Правда, Карѳагенъ богатѣлъ торговлею, но вмѣстѣ производилъ завоеванія и грабежи по берегамъ Средиземнаго моря.

Римъ, основанный бѣглецами, жилъ долгое время грабежами; хлѣбъ и скотъ составляли предметъ этихъ грабежей. Добыча раздѣлялась сначала между всѣми воинами. О славѣ героевъ судили по количеству золота и серебра, похищаемому у непріятелей: одна война возбуждала къ другой. Скоро грабежи возникли внутри самаго Рима. Всѣ, скопленныя богатства въ Римѣ, содѣлались исключительною собственностію патриціевъ. Начались междоусобныя войны. — Наконецъ варвары наводнили Римъ.»

Направленіе, данное жизни Рима, такъ же было не по законамъ природы. Спрашивается, однако: могъ ли бы достигнуть своего величія Римъ, если бы онъ шелъ другою дорогою? Едва ли. И такъ не долженъ ли онъ былъ прибѣгать къ грабежу? Никакъ; можно ли позволить частному человѣку пользоваться всѣми средствами насилія для своего обогащенія, даже тогда, когда бы онъ и не могъ иначе обогатиться? Это было бы ужасно. Для чего же мы должны усвоить такой образъ жизни народамъ? Умѣй пользо-

ваться тѣмъ, чѣмъ владѣешь. Вообще надо обращать свое вниманіе на все человѣчество, а не на отдѣльныхъ народовъ. Для насъ все равно, — былъ ли бы великъ, могущественъ, богатъ Римъ, или нѣтъ. Мы желаемъ только того, чтобы все человѣчество наслаждалось благоденствіемъ.—Впрочемъ, законъ жизни человѣчества неизмѣненъ, — что если одни какіе либо народы предаются безпечности, негѣ, праздности; за то другіе влекутся какою то силою къ необыкновенной дѣятельности. Судьба этого закона совершилась надъ всѣмъ древнимъ міромъ! —

И такъ, изъ всего сказаннаго Ганилемъ видно, что богатство древнихъ народовъ, пріобрѣтаемое грабежами, обращалось во вредъ самимъ грабителямъ. Отъ чего это? Безъ сомнѣнія, отъ того, что 1) народы никогда не умѣли пользоваться такимъ богатствомъ, и это естественно, — и частные люди рѣдко умѣютъ пользоваться богатствомъ, пріобрѣтеннымъ мѣрами противозаконными; 2) что это богатство немогло быть достаточнымъ на будущее время. Рано или поздо источнику грабежей надо было истощиться. Между тѣмъ, когда грабежи дѣйствительно становились менѣе выгодными, распредѣленіе богатства получило новый оборотъ. Классъ богатыхъ нечувствительно стѣснялся, а классъ бѣдныхъ, напротивъ, умножался. Богатство то раздѣлялось неравномѣрно между всѣми гражданами, то соединялось въ рукахъ немногихъ, или покупкою или наслѣдствомъ, или другими способами.

Такъ, — классъ бѣдныхъ, постепенно возрастая, неизбѣжно выходилъ въ смутныя времена изъ предѣловъ благоустройства, порядка, какъ это видимъ въ Римѣ, — или уже предавался возможнымъ порокамъ, частію для снисканія благосклонности силь-

ныхъ или богатыхъ, частію для добыванія богатѣйшихъ средствъ къ удобностямъ жизни, какъ то видимъ въ Персіи и другихъ древнихъ монархіяхъ, и въ самомъ Римѣ во время Имперіи. Богатые же или сильные чрезъ то сами постепенно портились въ своихъ нравахъ, — гордость, пренебреженіе къ низшимъ и особенно бѣднымъ, становились отличительными чертами ихъ общественнаго значенія. Для поддержанія же своей расточительности, пышности безпредѣленной, они прибѣгали къ ужаснымъ способамъ для высасыванія, такъ сказать, послѣднихъ достояній богатства низшихъ классовъ, обреченныхъ на трудъ и лишенія. И такъ могли ли эти Государства долго процвѣтать? Могли ли они наслаждаться продолжительнымъ благоденствіемъ? И удивительно ли, что въ эти древнія времена, когда духъ завоеваній юношествовалъ въ общественной жизни, когда всякой народъ, водружавшій знамя своего политическаго бытія на земномъ шарѣ, безпрерывно стремится къ раздвиженію своихъ силъ, къ возобладанію надъ своими соперниками, уже старѣвшими, — удивительно ли, говорю, что въ эти времена Государства безпрестанно смѣнялись одни другими, и тѣ народы, которые уже разкрылись въ своихъ политическихъ узахъ, дѣлались сами рабами другихъ, равно наслѣдовавшихъ ихъ порочный жребій? Вотъ важнѣйшій источникъ паденія древняго міра!

Скажутъ намъ: развѣ Венеція, Генуа, Португалія, Испанія, Голландія и Англія могутъ совершенно оправдаться предъ свѣтлыми глазами просвѣщеннаго наблюдателя въ похищеніяхъ, присвоеніяхъ чужихъ богатствъ?

Такъ, — но вотъ что отвѣчаетъ на это Гаиль. Если, говоритъ онъ, Венеціанцы и Генуэзцы и зах-

ватывали чужіе корабли; то они дѣлали это болѣе для отдаленія соперничества, нежели для своего обогащенія. Равно, если Португальцы и Испанцы производили грабежи, то, по крайней мѣрѣ, предметы грабежей были ими употребляемы для мѣны, для производства торговли. По сему эти государства, по мнѣнію Ганиля, взяли совершенно другое направленіе къ своему обогащенію, нежели какому слѣдовали древніе народы. Не входя въ существенную причину такого направленія Европейцевъ, очевидную изъ всего того, что сказано мною прежде, я почитаю нужнымъ прибавить, что Португалія и Испанія въ самой сущности не умѣли пользоваться богатствами, пріобрѣтенными отъ другихъ народовъ; даже немогу согласиться съ Ганилемъ и въ томъ, будто они захватывали это богатство собственно для торговли. По моему мнѣнію, торговля была уже слѣдствіемъ этихъ захваченій. Извѣстно изъ Исторіи, какъ поступали Испанія и Португалія съ покоренными землями. Что же касается до Голландіи и Англіи, то дѣйствительно все пріобрѣтенное ими у чужихъ народовъ, въ чужихъ земляхъ, служило къ одушевленію ихъ промышленности, — потому-то эти государства быстро достигли блистательнаго нынѣшняго обогащенія. — Трудъ, раскрывающійся въ разныхъ видахъ промышленности, — одинъ указатель народовъ, самый надежный къ ихъ благосостоянію, полный рѣшитель ихъ счастливой судьбы!

Впрочемъ Ганиль слишкомъ обширно принялъ вліяніе богатства на народное благоденствіе. По его мнѣнію, всѣ перевороты царствъ міра сего происходили отъ хода народнаго обогащенія. Это не отчетливо. Конечно и въ каждомъ частномъ организ-

мѣ людей мы замѣчаемъ чрезвычайное вліяніе физической природы на душевное состояніе. Но опытъ показываетъ и противныя дѣйствія, т. е. дѣйствія духа на тѣло. Одинакое замѣчаніе относится къ жизни политическихъ обществъ. Если богатство производило сильное вліяніе на нравственный организмъ государствъ; то равно и самая нравственность рѣшительно дѣйствовала на ихъ организмъ физическій. Мы тутъ разумѣемъ вѣру, нравы, правленіе. Такимъ образомъ въ паденіи, презрѣнномъ состояніи древнихъ государствъ, кромѣ вліянія на то богатства, участвовали еще многочисленныя нравственныя причины, подлежащія изслѣдованію Политики.

О МЕРКАНТИЛЬНОЙ СИСТЕМѢ.

Спрашиваю, по чему Меркантильная система возникла первая въ области Науки Политической Экономіи? Причины этаго явленія ума человѣческаго очевидны: 1-е) человѣкъ всегда начинаетъ свое мышленіе отъ предметовъ чувственныхъ и постепенно восходитъ до понятій отвлеченыхъ, изъ системѣ же Политической Экономіи Меркантильная самая чувственная, въ ней нетребуется особеннаго умственнаго соображенія. Золото и серебро безпрерывно находятся въ обращеніи при покупкѣ и продажѣ вещей, слѣдственно золото и серебро составляютъ единственное богатство. Вотъ прямое эмпирическое умствованіе! 2). Народы замѣчали, что богатыми Государствами наиболѣе становились тѣ, которые преимущественно обращали свою промышленность, на торговлю, — жизнь же ея, если могу такъ выразиться, движется колесомъ дорогихъ метал-

ловъ. По сему эти металлы и должны были, по мнѣнію всѣхъ, составлять единственное богатство; но того не замѣчали, что въ означенномъ движеніи замыкалась одна наружная жизнь, внутренняя же жизнь имѣетъ предметами своего движенія совсѣмъ другія силы, и именно, силы производительныя. —3-е) въ началѣ новыхъ столѣтій Государства Европейскія вели безпрерывныя войны: эти войны требовали чрезвычайныхъ издержекъ, для удовлетворенія которыхъ тогдашнія средства налоговъ становились вовсе недостаточными. По этой причинѣ Правительства принуждены были прибѣгать къ займамъ. Но какіе производители въ этомъ случаѣ могли скорѣе оказать имъ свое пособіе? Очень явственно, что это были негоціанты. Владѣльцы и фабриканты могутъ располагать только своими доходами, первые отъ своихъ земель, а вторые отъ своихъ капиталовъ, заключающихся въ фабрикахъ. Купцы же удобно обращаютъ свой капиталъ въ деньги: капиталъ ихъ почти весь обращающійся. Такъ купцы содѣлались полными агентами Правительствъ въ отношеніи къ народному богатству. Министры, располагавшіе доходами и расходами Государствъ, всегда обращались къ нимъ въ государственныхъ нуждахъ и принимали ихъ совѣты. Но само собою разумѣется, что купцы не давали имъ другихъ совѣтовъ, кромѣ тѣхъ, которые касались собственно ихъ частныхъ выгодъ. Министры почитали эти выгоды Государственными. Вездѣ гремѣли слова *деньги* и *деньги*. Эти слова мало по малу содѣлались девизомъ народнаго богатства.

Какъ скоро негоціанты стали оракулами всѣхъ политико-экономическихъ распоряженій, — отсюда распространился длинный рядъ предубѣжденій,

изъ этого источника вытекли многочисленные ряды запрещеній, поощреній, корпорацій. Монополія положила основаніе своему царству, овладѣла всѣми умами государственныхъ и частныхъ людей. Можно сказать, что міръ политико-экономическій потерялся въ своемъ прямомъ ходѣ къ физическому народному благосостоянію. Должно ли послѣ этого удивляться, что система, такъ называемая запретительная, и нынѣ еще владычествуетъ въ Европейскихъ Министерствахъ! Вѣрьте, что предразсудки, вѣками порождаемые, истребляются такъ же вѣками. — Странное явленіе въ политическихъ обществахъ! Мы выше замѣтили, что древніе народы оказывали пренебреженіе къ торговлѣ. Новѣйшіе же народы вручили этимъ промышленностямъскипетръ общественнаго богатства.

Причина перваго факта нами разгадана выше; причина же втораго объясняется изложенными обстоятельствами. Ни въ древнія, ни въ новыя времена народы не разумѣли истиной системы народнаго обогащенія. Новые народы не потому отдавали преимущество торговлѣ предъ земледѣліемъ, что она, какъ высшая отрасль физической дѣятельности, оказываетъ болѣе вліянія на богатство, но потому, что она способствовала пріобрѣтенію денегъ— золота и серебра.

Одинъ изъ величайшихъ Министровъ, поддерживавшихъ Меркантильную систему былъ Колбертъ. Но его имени система называется колбертовою. Но Колбертъ собственно развилъ, усовершенствовалъ Меркантильную или, лучше сказать, торговую систему.

Разсматривая всѣ положенія, направленіе Меркантильной системы, мы можемъ нѣкоторымъ образомъ сравнивать ее въ духѣ народной дѣятельности съ

системою древнихъ народовъ, системою грабительства, если только подобныя направленія могутъ называться системами. Въ древніе вѣка способъ грабительства состоялъ въ явномъ насильственномъ присвоеніи, похищеніи чужихъ богатствъ, золота и серебра, а въ новые вѣки онъ избралъ орудіемъ своимъ торговлю; и если первый способъ грабительства необходимо влекъ за собою рѣшительную гибель народовъ,—второй равно подвергалъ ихъ бѣдственнымъ переворотамъ въ общественной жизни. Впрочемъ, Шторхъ, сказавъ, что мало было политическихъ заблужденій, которыя принесли бы столько зла, какъ система Меркантильная, сказалъ очень много.

Правда, эта система составляла зло, и притомъ зло важное, Политическое, но вмѣстѣ въ ней заключался и зародышъ добра. Были ли необходимы, полезны завоеванія въ древніе вѣка? Отвѣчаю, были. Безъ нихъ человѣчество навсегда оставалось бы въ мертвомъ снѣ лѣни и безпечности: войны пробудили ихъ силы, хотя это пробужденіе соединено было величайшими бѣдствіями для человѣчества. Меркантильная система дала сильное движеніе торговой промышленности, — это движеніе возбудило и прочія силы производительныя, но разумѣется, въ тоже время, по причинѣ невѣрнаго направленія, оно замедляло успѣхи самой производительности. Таковъ жребій человѣчества, среди золъ и горькихъ испытаній стремящагося постепенно къ своему совершенствованію!

Теперь обратимъ вниманіе на опроверженіе Меркантильной системы.

Три главныхъ ея положенія: 1) золото и серебро составляютъ единственное богатство; 2-е) надо

пріобрѣтать, сколько можно болѣе ихъ, посредствомъ внѣшней торговли; 3) въ этой цѣли должно ограничивать ввозъ иностранныхъ произведеній и поощрять вывозъ собственныхъ своихъ.

1-е. Еслибы дѣйствительно золото и серебро составляли единственное богатство, то на какомъ основаніи мы почитаемъ богатыми имѣющихъ въ своемъ владѣніи обширныя земли, разныя при нихъ заведенія, фабрики и т. п. Эти владѣльцы иногда не имѣютъ у себя никакого денежнаго капитала.—Далѣе, когда мы сравниваемъ Англію, Францію и другія Европейскія Государства по отношенію къ богатству; то ужели мы дѣлаемъ это сравненіе единственно по количеству дорогихъ металловъ? Ужели Англія богаче Швеціи только по мѣрѣ этого количества? Ужели устроенные каналы, дороги, тысячи обширнѣйшихъ, великолѣпныхъ заведеній и подобные безчисленные предметы не входятъ въ составъ народнаго богатства? Даже сомнительно и то, чтобы въ такихъ Государствахъ, какъ Англія, состояло въ оборотѣ огромное количество дорогихъ металловъ, по крайнѣй мѣрѣ по сравненію съ массою богатства; — разнообразные обороты внутренней и внѣшней торговли въ нихъ частію производятся непосредственною мѣною товаровъ, частію посредствомъ многочисленныхъ видовъ благодѣтельнаго кредита. Государства бѣдныя, мало просвѣщенныя, въ коихъ кредитъ не развитъ во всей блистательной обширности, и гдѣ непосредственная мѣна много стѣснена по малому сбыту товаровъ, испытываютъ большую необходимость имѣть въ оборотѣ огромное количество дорогихъ металловъ.

Наконецъ, чтобы разительнѣе видѣть, что золото и серебро сами по себѣ не составляютъ един-

ственнаго богатства, спрашиваю, могли ли Американскія земли назваться богатыми потому только, что обладали многочисленными рудниками дорогихъ металловъ? И чтобы сдѣлать богачъ съ кучею золота и серебра, переселившись на какой либо малонаселенный островъ? Не согласился ли бы онъ пожертвовать тамъ своими сокровищами за небольшой кусокъ плодородной, обработанной земли, доставляющей необходимыя для жизни произведенія?

И такъ, составляютъ ли дорогіе металлы богатство? Составляютъ; но въ той же мѣрѣ, въ какой служатъ богатствамъ и другія произведенія. Различіе между ними только то, что первыя приняты у всѣхъ народовъ за общее средство мѣны произведеній, слѣдственно всѣдѣ можно получать за нихъ необходимыя для себя вещи.

Это-то исключительное достоинство или условіе золота и серебра было причиною заблужденія эмпириковъ, а это заблужденіе положило основаніе бытію Меркантильной системы.

2-е. Второе положеніе Меркантильной системы также ложно. Дѣйствительно, народы, бѣдные рудниками дорогихъ металловъ, по необходимости должны пріобрѣтать ихъ торговлею, но для чего пріобрѣтать ихъ тѣмъ, которые изобилуютъ богатѣйшими рудниками? Имъ уже нужны не золото и серебро, а другія произведенія.

3-е. Третье положеніе одинаково ложно. Меркантилисты требуютъ того, чтобы ограничивать ввозъ иностранныхъ товаровъ, а поощрять вывозъ своихъ, въ той цѣли, что бы излишній вывозъ своихъ произведеній былъ дополняемъ со стороны иностранныхъ государствъ золотомъ и серебромъ. Но представимъ, что въ самомъ дѣлѣ какое либо Госу-

дарство ежегодно обогащалось бы иностранными дорогими металлами, не могли ли бы они наконецъ потерять всю свою цѣнность, по причинѣ чрезвычайнаго изобилія? Къ чему же имѣть дорогіе металлы безъ всякой цѣнности или съ цѣнностію чрезмѣрно малою, тогда разумѣется, когда обороты торговли равно могли бы совершаться съ меньшимъ ихъ количествомъ и потому съ бо́льшею ихъ цѣнностію, — между тѣмъ, выпустивъ извѣстное ихъ количествъ заграницу, Государство получило бы за нихъ другія произведенія.

При семъ нельзя не обратить вниманія и на то, что если дорогіе металлы, по причинѣ накопленія, унижаются въ цѣнности въ сравненіи съ цѣнностію ихъ въ другихъ Государствахъ, то трудно и почти невозможно никакими мѣрами удержать тайный ихъ вывозъ изъ своей земли. Всегда найдутся такіе, которые смѣло рѣшатся подвергнуть себя очевидной опасности для пріобрѣтенія чрезвычайныхъ выгодъ,—я неговорю уже о томъ, что кромѣ контрабанды есть еще тысяча другихъ злоупотребленій, ускользающихъ отъ самой строгой бдительности правительствъ. Для убѣжденія себя въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на Испанію и замѣтить, что дѣлалось въ этомъ жалкомъ государствѣ тогда, когда Правительство запрещало строжайшими законами вывозить дорогіе металлы заграницу.

Нѣтъ ничего смѣшнѣе противорѣчій меркантилистовъ. Слѣдуя ихъ системѣ, каждое Государство должно стараться болѣе ввозить иностраннаго золота и серебра. Но не должны ли, по необходимости, одни какія либо Государства выпускать бо́льшее ихъ количество, чтобы другія могли ихъ по-

лучать? Слѣдственно, согласны ли съ здравымъ разсудкомъ итоги ввоза и вывоза дорогихъ металловъ, итоги, показывающіе въ каждомъ изъ Государствъ болѣе выигрыша, нежели проигрыша, или болѣе ввоза, нежели вывоза золота и серебра?

Но вотъ доколѣ могутъ дойти жалкіе эмпирики. Нѣкоторые изъ нихъ не почитаютъ даже вредомъ или убыткомъ разныя ненужныя постройки въ Государствѣ, если только золото и серебро, употребленныя на нихъ, не выходятъ за границу. Какъ не замѣчаютъ они того, что еслибы мнѣніе ихъ было справедливо, тогда смѣло можно было бы истреблять деревни, разорять города, потому только, что чрезъ это количество денегъ внутри Государства нимало неуменьшилось бы? И такъ, къ чему служила бы внутренняя дѣятельность? Какую пользу приносила бы она, когда съ нею не увеличивался бы ввозъ иностраннаго золота и серебра?

Но, спрашиваю, ужели Государство не обогащается и тогда, когда на наши дорогіе металлы покупаются иностранныя машины, посредствомъ которыхъ мы лучше выдѣлываемъ свои издѣлія, потребляемыя или внутри Государства, или вывозимыя для продажи въ иностранныя земли? Если, по мнѣнію эмпириковъ, не обогащается наше Государство въ первомъ случаѣ, то по крайней мѣрѣ не дѣлается ли оно богатымъ во второмъ?

Меркантилисты безразсудно смѣшиваютъ состояніе частныхъ людей съ состояніемъ народовъ. — Частный человѣкъ дѣйствительно можетъ быть богатымъ съ одними денежными капиталами. Разумѣется, что если онъ непосредственно издерживаетъ ихъ на покупку нужныхъ для себя произведеній, то онъ можетъ ихъ прожить, какъ капиталъ. Если же онъ

живетъ съ особенною расчетливостію и для сохраненія денежнаго капитала издерживаетъ одни проценты, съ него получаемые, въ этомъ случаѣ онъ сбережетъ свой капиталъ навсегда. — Но можетъ ли цѣлое Государство поступать, подобно частному человѣку? Предположительно ли, чтобы оно могло собрать въ запасъ огромныя денежныя суммы такъ, чтобы за сіи послѣднія покупало всѣ безчисленныя, нужныя для потребленія вещи? Не ясно ли видна нелѣпость такого предположенія?

Истина очевидна, что дорогіе металлы, какъ и всякія произведенія, имѣютъ свою извѣстную, опредѣленную цѣнность, и что они, по необходимому закону общественной жизни, стремятся туда, гдѣ получаютъ за нихъ болѣе разныхъ потребляемыхъ произведеній. Если въ нашемъ Государствѣ находится изобиліе дорогихъ металловъ, то они стремятся въ другія мѣста, гдѣ они дороже, и, въ замѣнъ ихъ, мы получаемъ новыя вещи, и на оборотъ. Но чтобы все количество дорогихъ металловъ было вывезено заграницу посредствомъ покупки иностранныхъ произведеній, это невозможно, — потому что, по причинѣ чрезмѣрнаго вывоза ихъ въ другія Государства, цѣнность оставшихся въ нашемъ, въ сравненіи съ цѣнностію прочихъ произведеній, дойдетъ до того, что иностранцамъ выгоднѣе будетъ получать отъ насъ какія либо произведенія, нежели золото и серебро, или уже иностранная торговля сама по себѣ прекратится. Этотъ законъ торговой жизни народовъ неизмѣненъ.

Наконецъ присоединяю къ этимъ сужденіямъ послѣднее мое мнѣніе. Видѣть въ золотѣ и серебрѣ единственное богатство и, такъ сказать, весь предметъ нашей физической жизни, — гибельно какъ для

частныхъ людей, такъ и для цѣлаго общества. Для частныхъ людей потому, что эти люди совершенно не понимаютъ настоящей цѣли своего существованія, нимало не знакомы съ благородною мыслію, что богатство служитъ собственно къ улучшенію нашего физическаго быта во всѣхъ его отношеніяхъ; напротивъ, они постепенно получаютъ пристрастіе къ скопленію денегъ. Это—ихъ идолъ, которому они приносятъ жертвы въ продолженіе своей жизни, смѣло посягаютъ для него на презрѣніе даже важнѣйшихъ обязанностей, составляющихъ достоинство человѣка-гражданина. Такимъ образомъ они ищутъ, жаждутъ золота для самаго золота, и если иные изъ нихъ несовсѣмъ отказываютъ себѣ въ наслажденіи разными удобствами, удовольствіями жизни, — то дѣлаютъ это или по одной привычкѣ, или изъ рабской, невольной покорности требованіямъ общежительства. Прочіе же, отдавшись всѣмъ своимъ существомъ презрѣнной страсти сребролюбія, охотно отказываются отъ удовлетворенія даже обыкновенныхъ, необходимыхъ нуждъ, утѣшаются одною мыслію—владѣть чрезвычайными сокровищами. Странное и вмѣстѣ страшное заблужденіе! По моему мнѣнію, эти жалкіе люди дѣйствительные меркантилисты въ образѣ своей жизни, и меркантилисты безразсуднѣе представляемыхъ намъ теоріею.

Спрашиваю я: къ чему намъ богатство, какъ не для улучшенія нашей физической жизни, не для пріобрѣтенія высшихъ условій, достоинствъ жизни нравственной, по крайней мѣрѣ столько, сколько можетъ содѣйствовать тому богатство? — Но что за цѣль, что за назначеніе природы накоплять золото и серебро, и непользоваться ими? И человѣкъ

слѣдующій такому направленію, бываетъ ли способенъ къ совершенію истинно нравственныхъ внушеній? Напр., можетъ ли рѣшиться, въ годы величайшихъ народныхъ бѣдствій, удѣлить другимъ часть своего богатства, чтобы тѣмъ поддержать ихъ жалкое существованіе, не говорю привычныя выгоды ихъ жизни? Напротивъ, не рѣшится ли скорѣе такой сребролюбецъ въ это время воспользоваться удобнымъ случаемъ для бо́льшаго своего обогащенія, для бо́льшаго накопленія денегъ? Человѣкъ же, совершенно понимающій цѣль потребности богатства, усматривающій въ деньгахъ одно средство для добыванія себѣ разныхъ вещей, удовлетворяющихъ его нуждамъ, онъ скорѣе постигаетъ нужды другихъ, подобныхъ ему существъ, скорѣе знакомится съ мыслію, впрочемъ довольно свѣтлою, что и другимъ равно, по закону природы, надо поддерживать свое физическое бытіе, а слѣдственно, какъ отказать имъ въ части своего богатства, находящагося у него въ избыткѣ? Страшиться будущаго безъ очевидной причины можетъ только злодѣй или совершенный невѣжда; послѣдній, однако, несмотря на свой безпрерывный страхъ, большею частію издыхаетъ среди кучи золота и серебра, неся за собою во гробъ презрѣніе и проклятіе живущихъ!

Образъ мыслей, внушаемый Меркантильною системою, пагубенъ и для общества. Дѣйствительно общества, зараженныя нелѣпою мыслію — видѣть въ золотѣ и серебрѣ единственное богатство, способны ли постигать пользу, важность своей дѣятельности? Не рѣшится ли меркантильный народъ, подобно народамъ-варварамъ, грабить каждаго сла-

баго своего сосѣда?—Деньги, деньги, вотъ что нужно, по его образу мыслей, для его благоденствія? Онъ никакъ невидитъ въ собственныхъ своихъ силахъ источника богатства, онъ ищетъ его въ обладаніи чужими дорогими металлами. Слѣдственно, какого благородства ожидать отъ такого направленія народовъ во внѣшнихъ отношеніяхъ политики? Даже во внутреннемъ управленіи меркантальное Государство становится постепенно ужаснымъ. Народоправители его питаютъ пагубную мысль, что народъ ничего не теряетъ чрезъ то, если отъ него взымаются однѣ деньги,—помнѣнію ихъ, эти деньги опять разными путями входятъ въ сферу народной дѣятельности. Но какъ не замѣчаютъ эти мелкіе умы, что деньги хотя и возвращаются къ народу, но не иначе, какъ за произведенія, окончательно употребляемыя лицами, большею частію принадлежащими къ нравственному классу? Такъ не можно ли однимъ и тѣмъ же количествомъ денегъ мало по малу истощить все Государство? Ужасы этого заблужденія вполнѣ раскрыты и свирѣствуютъ между народами Азіи, Африки. Тамъ-то, грабя у народовъ золото и серебро, властители ни мало незаботятся о томъ, что они этимъ самымъ разоряютъ ихъ, лишаютъ ихъ способовъ къ раскрытію своей промышленности.—Отнять укого нибудь послѣдній кусокъ хлѣба почитается дѣломъ ужаснымъ, и точно на такой поступокъ рѣдко кто рѣшится, кромѣ отъявленнаго злодѣя, — но отнять у другаго деньги, хотя-бы онѣ были пріобрѣтены продажею послѣдняго куска хлѣба, не всегда почитается дѣломъ безчеловѣчія. Послѣ этаго удивительно-ли и то, что народы, населяющіе самыя благотворныя земли природы, любимые, повидимому, ея

сыны, осчастливленные драгоцѣнными ея дарами, остаются на жертву бѣдности, голода?

И такъ я думаю, что чѣмъ народъ наиболѣе разобщенъ съ нелѣпою мыслію видѣть только въ золотѣ и серебрѣ богатство, тѣмъ болѣе онъ дѣлается близкимъ къ дѣйствительному богатству, равно и богатые частные люди тѣмъ болѣе становятся благородными въ образѣ своей жизни.

Къ сожалѣнію, нынѣшній вѣкъ сколько теоретически разобщается съ меркантильною системою, столько практически силится усвоить ее въ высшей степени. Нынѣшній вѣкъ, повидимому, вѣкъ эгоизма, вѣкъ золота и серебра. Гдѣ невидимъ мы нынѣ истощенія всѣхъ возможныхъ средствъ для ихъ пріобрѣтенія? Много ли даже такихъ, которые бы для этой цѣли не посягнули на самые гнусные, низкіе поступки, не говорю на рѣшительный отказъ своимъ обязанностямъ. Французы, Англичане, Нѣмцы, Русскіе и т. д., гражданскіе и воинскіе чины, ученые купцы и т. д. всѣ равно жаждутъ золота и серебра, всѣ требуютъ денегъ. Что это за противорѣчіе практики съ теоріею? Отъ чего дѣйствительный міръ идетъ на перекоръ міру умственному? Я рѣшаю этотъ вопросъ такъ:

По моему мнѣнію, означенное противорѣчіе на самомъ дѣлѣ не существуетъ; немногіе нынѣ желаютъ золота и серебра изъ одного къ нимъ пристрастія, отказывая себѣ въ удобностяхъ и наслажденіяхъ жизни. Эти люди большею частію родились совершенными бѣдняками и въ продолженіе своей жизни испытывали однѣ нужды, томились одною жаждою сдѣлаться богатыми. Другой же классъ людей, и притомъ самой обширный, состоитъ изъ

тѣхъ, которые стремятся ко всѣмъ безчисленнымъ наслажденіямъ, удовольствіямъ, для которыхъ золото и серебро имѣютъ цѣнность единственно для другихъ цѣнностей. посмотрите на практическій міръ, и вы увидите множество этихъ людей. Скажутъ, да не всегда ли такъ было? Невсегда ли люди дѣлились на два означенные, особые класса? Такъ, — но нынѣшній вѣкъ рѣзко отличается отъ предшествовавшихъ временъ, и причина этому очевидна.

Не болѣе 50 лѣтъ прошло, какъ мануфактурная и торговая промышленность получила быстрое движеніе; средства изобрѣтательности по части той и другой съ каждымъ годомъ улучшаются. Отъ этаго самаго многія произведенія унизились въ своей цѣнности и содѣлались болѣе общими для потребленія. Вмѣстѣ съ раскрытіемъ физическихъ потребностей разширялся и кругъ умственныхъ, — всѣ классы стали болѣе близкими одни къ другимъ,— это равно умножало общія нужды. Съ этого времени вездѣ обнаружилось необыкновенное стремленіе къ улучшенію физической жизни, вездѣ томятся жаждою разнообразныхъ удобностей, наслажденій. Конечно, еслибы въ тоже время во всѣхъ Государствахъ устроенъ былъ надлежащимъ образомъ политическій организмъ, то бы немогло произойти особыхъ злоупотребленій. Изъ этого видно, что въ каждомъ Государствѣ, гдѣ физическая жизнь развилась въ разнообразіи потребностей, перемѣны неизбѣжны. Равно, видите и то, что Правительство необходимо должны съ одной стороны обуздывать въ народахъ жадность физическихъ наслажденій, съ другой удерживать ихъ отъ злоупотребленій. — Не это ли страшное положеніе народовъ волнуетъ нынѣ самый теоретическій міръ? Не-

отъ того ли литературный разумъ увлекся вихремъ матеріализма, предался весь необузданному стремленію чувственности? Такъ же, не это ли наводитъ на народный бытъ мрачныя тучи разрывомъ общихъ бѣдствій? И не это ли наконецъ предчувствіе ужасовъ безпрестанно вызываетъ высокіе умы къ скорѣйшему разгадыванію политическихъ Наукъ, который одни въ состояніи спасти людей и народы? Но отъ чего, спрашиваю, пришелъ нравственный міръ въ такое состояніе? Ужели онъ не могъ избѣжать этой видимой неестественности въ своемъ совершенствованіи? Самъ ли онъ причиною этого страннаго факта, или эта причина покоряется зависимости другихъ высшихъ причинъ общаго бытія?

Представьте себѣ только ничтожность нашей планеты въ области небесныхъ царствъ, связь ея съ ними, ничтожность дѣйствій человѣка на земномъ шарѣ со всѣми его практическими и теоретическими успѣхами, и послѣ этаго должно ли удивляться многому таинственному въ образѣ нашего бытія? Какъ-бы то ни было, — только нынѣшняя эпоха человѣчества чрезвычайна особенностями.

Мюнъ былъ одинъ изъ замѣчательныхъ Писателей, поддерживавшихъ Меркантильную систему. Правило его главное состояло въ томъ, чтобы непремѣнно, при продажѣ и покупкѣ товаровъ, имѣть въ виду пріобрѣтеніе дорогихъ металловъ. Въ послѣдствіи эта система обратилась въ систему торговую, имѣвшую цѣлію общее благо народовъ, однако неупускавшую изъ виду балансъ въ пользу золота и серебра. Таковы были писатели: Сиръ Джосаія Чайлдъ, Сиръ Вилліамъ Питти и особенно Сиръ Добле Нортъ, защищавшій свободу торговли, также Локкъ, Виндерлинтъ, Сиръ Матью Дек-

карь, Юмъ, Гаррисъ. Локкъ преимущественно изложилъ вліяніе труда на произведеніе богатства.

Между французскими писателями Меркантильной системы замѣчателенъ Мелонъ; между италіанскими Дженовези, первый начавшій въ Миланѣ публичныя лекціи о Политической Экономіи.—Онъ, и многіе другіе италіанскіе писатели, сильно возстали противъ злоупотребленій монетной системы, хотя усилія ихъ остались безъ всякаго успѣха. Монета была безпрерывно въ Италіи перемѣняема, поддѣлываема.

Несмотря на то, что въ одинъ и тотъ же вѣкъ съ Меркантильною системою раскрывалась внѣшняя торговля, обогащавшая собою Государства, эта система нашла для себя многихъ противниковъ, замѣчавшихъ въ ней чрезвычайные недостатки, тѣмъ болѣе, что Государства не наслаждались вполнѣ внутреннимъ благосостояніемъ. Извѣстно, въ какомъ плачевномъ состояніи находилась Франція при концѣ царствованія Лудовика XIV и въ началѣ царствованія его преемника. Кольбертъ, министръ необыкновеннаго ума, неутомимой дѣятельности, успѣлъ во время управленія своею финансовою частію Франціи расширить сферу мануфактуръ и торговли; Франція богатѣла тою и другою, золото и серебро текли по Государству въ изобиліи; но скоро народъ началъ страдать надъ игомъ бѣдности; удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ нуждъ становилось затруднительнымъ; платежъ налоговъ дѣлался невозможнымъ, — возгласы, жалобы, ропотъ, возникая постепенно, распространились наконецъ по всѣмъ сословіямъ, особенно низшему и среднему; чрезвычайный долгъ, какъ огромная тяжесть, подавлялъ источники народнаго благоденствія. Быть можетъ,

такое разстройство физическаго народнаго быта приводило въ смятеніе и нравственные классы, — міръ умственный волновался, по видимому, самъ не зная настоящей тому причины. Если мы часто находимся въ затрудненіи объяснить причины собственныхъ нравственныхъ перемѣнъ, — легче ли разгадывать ихъ въ организмѣ цѣлаго народа?

Но могла ли спать сномъ непробуднымъ Наука Политическая Экономія, — какъ ни тяжела она была для разгадыванія истинъ, тѣмъ неменѣе она шевелилась, затрогивалась. Въ тиши ученыхъ кабинетовъ, нѣкоторые умы, пораженные жалкимъ состояніемъ Государства, обдумывали способы къ его поправленію, изыскивали источники вѣрнаго народнаго обогащенія. Очень ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ, меркантильная система немогла устоять въ цвѣтущей своей силѣ; ей приближался рокъ, если не на практикѣ, не въ управленіи государственномъ, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ теорій — пасть, рушиться.

Такъ, послѣ многихъ писателей, подрывавшихъ систему Меркантильную, скоро явился Кенэй, потрясшій ее въ самомъ основаніи. Кенэй былъ медикъ Людовика XV. Онъ доказывалъ, что золото и серебро нимало не составляютъ богатства, что въ одномъ земледѣліи заключается его источникъ. Главныя доказательства его мнѣнія были слѣдующія: земля производитъ не только то, что необходимо для вознагражденія труда земледѣльца, но доставляетъ еще излишнее количество произведеній, получаемыхъ владѣльцами, — это количество составляетъ чистый доходъ, плодъ труда природы. На этомъ доходѣ основывается все богатство. Фабрики и торговля обязаны ему своимъ существованіемъ. Фабриканты, по

мнѣнію Кенея, дають только другую форму тому, что пріобрѣтено отъ земледѣлія; цѣна, получаемая ими за издѣлія, служитъ частію вознагражденіемъ за матеріалы, ими употребляемые въ составъ издѣлій, частію за трудъ, платимый работникамъ, и за трудъ ихъ самыхъ: слѣдственно цѣною издѣлій выкупается все потребленное. Такого же мнѣнія Кеней и относительно купцовъ. Они ни что иное дѣлаютъ, какъ только передаютъ изъ однѣхъ рукъ въ другія произведенія земли и издѣлія фабрикъ, но сами по себѣ нимало неувеличиваютъ ихъ количества, подобно фабрикантамъ. Цѣна, получаемая купцами отъ продажи товаровъ, также служитъ однимъ вознагражденіемъ потребленнаго.

На этомъ основаніи Кеней допустилъ три класса общественные,—классъ производителей, классъ владѣльцевъ и классъ потребителей. Въ классъ производителей состоятъ земледѣльцы, способствующіе произведенію чистаго дохода; классъ владѣльцевъ живетъ собственно этимъ доходомъ: они виновники народнаго богатства; а въ классѣ потребителей заключены Кенеемъ прочіе граждане, какъ то: фабриканты, купцы, чиновники, ученые, духовные.

Изъ этихъ положеній Кеней вывелъ слѣдующія заключенія: 1-е, что только владѣльцы имѣютъ полное право управлять Государствомъ; 2-е, что они одни обязаны платить поземельную подать, взымаемую съ чистаго дохода,—всякая другая подать окончательно взимается съ сей послѣдней; 3-е, что свобода торговли вытекаетъ изъ природы вещей.

Нельзя не видѣть, что система Кенея, названная системою экономистовъ или физіократовъ, имѣетъ много остроумнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ много ошибокъ и недостатковъ, и въ своемъ

основаніи ложна. По мнѣнію экономистовъ, богатство состоитъ собственно въ матеріи, — но человѣкъ самъ по себѣ не творитъ матеріи, дѣйствіе его состоитъ только въ томъ, чтобы умѣть направить силы природы къ извѣстному роду произведеній. Въ этомъ отношеніи земледѣлецъ дѣлаетъ то же, что дѣлаютъ фабрикантъ и купецъ. Фабрикантъ такъ же при своемъ производствѣ пользуется силами природы, какъ то, вѣтромъ, водою, огнемъ и проч.; купецъ равно при своей торговлѣ не обходится безъ этихъ силъ.— При томъ, какъ экономисты не могли замѣтить, что многія произведенія земли рѣшительно не имѣли бы никакой цѣнности, еслибы они не были употребляемы на фабрикахъ, или если бы не воспользовалась ими торговля? И ясно, что если для усвоенія полезности какимъ либо произведеніямъ требуется на фабрикахъ или въ торговлѣ гораздо болѣе труда и притомъ труда важнѣйшаго, — то эти произведенія должны получить и бо́льшую цѣнность, нежели какую они получаютъ при первоначальномъ своемъ происхожденіи, а слѣдственно они должны составлять и бо́льшее богатство.

И такъ трудъ фабрикантовъ и купцовъ вообще такъ же производителенъ, какъ и трудъ земледѣльцевъ. Допустивъ это, мы уже отвергаемъ и заключенія, выведенныя экономистами изъ своей теоріи. Странно, какъ они, вводя полную свободу въ производительности, не замѣтили, что первымъ положеніемъ относительно управленія Государствомъ, они прямо шли противъ этой свободы. Усвоя аристократамъ исключительное вліяніе на управленіе, они вводили нѣкоторымъ образомъ феодализмъ. Всѣ классы общества, по этой теоріи, должны дѣйствовать, разширяться подъ ихъ знаменемъ. — Какъ же

при этомъ ходѣ дѣлъ, мануфактуры могли бы достигнуть настоящей блистательной степени раскрытія, подчиняясь земледѣлію, и какою свободою могла бы пользоваться торговля, когда бы связаны были руки у народной дѣятельности?

Что касается до поземельной подати, то не менѣе ясно, что всякій долженъ платить налоги по мѣрѣ получаемыхъ цѣнностей за свои произведенія, но владѣлецъ иногда можетъ менѣе ихъ получить, нежели фабрикантъ или купецъ. Когда только на одного владѣльца возложена обязанность нести подати, то для уплаты ихъ онъ иногда будетъ принужденъ сбывать свои произведенія дешевле, нежели какъ бы это было безъ наложенія податей.

Свобода въ производимости и торговлѣ въ частности составляетъ весьма важный предметъ Политической Экономіи, — о немъ будетъ говорено въ послѣдствіи.

Нельзя не замѣтить, что экономисты всегда отличались кротостію, миролюбіемъ, доброжелательствомъ, — это, безъ сомнѣнія, происходило отъ того, что 1-е, перомъ ихъ руководило одно чувство благодарности къ безцѣннымъ милостямъ природы, 2-е, ими не управляла зависть, источникъ хитрыхъ соображеній; они, заключивъ богатство въ природѣ, довольствовались не многимъ. Строго говоря, экономисты приговожденные къ землѣ, оставались матеріальными. Но кто не видитъ, что чѣмъ общества болѣе и болѣе раскрываются, совершенствуются, чѣмъ народонаселеніе сильнѣе распространяется по лицу земнаго шара, тѣмъ и сфера дѣятельности необходимо становится обширнѣе; въ ней заключаются и большія волненія и сильнѣйшія соревнованія. Въ основаніи — человѣкъ долженъ быть физіократомъ,

за тѣмъ онъ долженъ усвоить себѣ прочія достоинства, какъ слѣдствіе разкрытія образованности высшихъ классовъ.

Вотъ какъ выразился Мак-Кюллохъ о Кенеѣ. «То, что напрасно предпринимали англійскіе писатели, было начато французскимъ философомъ, въ полной мѣрѣ замѣчательнымъ по оригинальности, тонкости ума, по простотѣ и искренности своего характера. Это былъ знаменитый Кеней, которому безспорно принадлежитъ слава изысканія и анализированія правилъ богатства, чтобы положить основныя начала Политической экономіи: онъ далъ ей форму систематическую, онъ содѣлалъ ее собственно Наукою.»

Замѣчанія. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Мак-Кюллоха. Конечно, въ строгомъ смыслѣ Политическая Экономія, какъ Наука, получила основаніе въ твореніи Адама Смита; Кеней же создалъ только теорію ея. Достоинствомъ высокимъ, по моему мнѣнію, Кенея, была отвлеченность, высокость мыслей, т. е. то самое, что почитается обыкновенными умами за главный его недостатокъ. Какъ не видятъ эти умы, что одинъ Кеней заставилъ людей-гражданъ думать о законахъ природы, что онъ первый вразумилъ народы о душѣ ихъ общественной жизни?

Кеней имѣлъ многихъ послѣдователей, болѣе или менѣе измѣнявшихъ его мысли. Такъ Гурней держался мнѣнія, что человѣкъ, дающій вещи другую форму, чрезъ то прибавляетъ къ ней потребляемую цѣнность. Онъ яснѣе всѣхъ предшественниковъ изложилъ слѣдствія пошлинъ и разныхъ препятствій въ производимости. Всѣмъ извѣстенъ его афоризмъ: «Laissez faire et laissez passer.»

Тюрго счастливо раскрылъ теорію монеты и ту истину, которая сама по себѣ обыкновенна, но въ его время была новою, что цѣнность монеты ни мало не зависитъ отъ распоряженій Правительствъ, что она тотъ же товаръ. Онъ превосходно отдѣлилъ сумму денежную отъ суммы капиталовъ; начала его относительно процентовъ отличны. За всѣмъ тѣмъ онъ былъ послѣдователь Кенея, потому что держался основной мысли этого писателя, а именно, что одна только земля даетъ новыя цѣнности.

Мерсье де ла Ривьеръ, Дюпонтъ де Немуръ были извѣстные писатели - послѣдователи Кенея.

Точность и основательность послѣдняго писателя выказываются, кромѣ его сочиненія, изъ писемъ его къ Сею, напечатанныхъ въ сочиненіи: «Mélanges et correspondance d'Economie politique.»

Кондорсетъ и еще болѣе Кондальякъ также заслуживаютъ быть упомянутыми въ Исторіи Политической Экономіи.

Беккарія, читавшій курсъ Политической Экономіи въ Миланѣ, отлично писалъ о производительности капиталовъ.

Верри, Италіанецъ, былъ одинъ изъ разсудительныхъ писателей Политической Экономіи. Онъ смотрѣлъ на вещи лучше экономистовъ или физіократовъ. Онъ доказалъ, что промышленность состоитъ въ томъ, чтобы усвоить матеріи, уже существующей, какую либо форму,—этимъ самимъ онъ ниспровергалъ систему физіократовъ.

Филанджіери слѣдовалъ началамъ Верри.

Галіани написалъ замѣчательное сочиненіе: *Разговоры о торговлѣ хлѣбомъ.*

Впрочемъ не всѣ писатели приняли систему Экономистовъ; многіе сильно вооружались противу нея,

старались поддерживать, хотя съ большими ограниченіями, Меркантильную систему. Изъ нихъ наболѣе извѣстенъ Стюартъ. Онъ доказывалъ, что богатство дѣйствительно не состоитъ въ изобиліи золота и серебра, но въ изобиліи произведеній, и что дорогіе металлы служатъ только средствомъ обращенія послѣднихъ. Соглашаясь съ экономистами, что земледѣліе способствуетъ составленію и увеличенію богатства своимъ чистымъ продуктомъ, Стюартъ однако полагалъ, что этотъ продуктъ не есть одинъ источникъ богатства, но служитъ только основаніемъ возрожденія и усовершенствованія фабрикъ и торговли. Наконецъ онъ утверждалъ, что внѣшняя торговля собственно образуетъ главный источникъ богатства въ такомъ смыслѣ, что если балансъ мѣны произведеній находится на сторонѣ нашего Государства, то оно чрезъ это обогащается, а если балансъ невыгоденъ для нашего Государства, то въ этомъ случаѣ оно должно отказаться отъ производства внѣшней торговли, принявъ только нужныя предосторожности. — Очевидно, Стюартъ этими своими мнѣніями заключалъ богатство въ изобиліи золота и серебра.

Наконецъ, послѣ разныхъ споровъ, происходившихъ между знаменитыми писателями, которые болѣе или менѣе придерживались двухъ противныхъ системъ, болѣе или менѣе измѣняли потрясенныя ихъ положенія, появился одинъ изъ величайшихъ мужей 17-го столѣтія, это—Адамъ Смитъ. Съ обширнымъ, проницательнымъ умомъ, разнообразными познаніями, благороднѣйшими чувствами, неутомимою дѣятельностію и непомѣрнымъ терпѣніемъ въ подробныхъ и многосложныхъ изслѣдованіяхъ, этотъ геній человѣчества успѣлъ извлечь изъ хаоса без-

численныхъ мнѣній и противорѣчій Политическую Экономію и создалъ ее, какъ Науку. Онъ въ своемъ безсмертномъ твореніи *) совершенно разсѣялъ ошибки и заблужденія обѣихъ системъ, Меркантильной и Физіократовъ. — Такъ онъ опредѣлилъ совсею ясностію, что такое значитъ въ сферѣ богатства золото и серебро, и что не въ деньгахъ, а въ вещахъ, удовлетворяющихъ наши нужды, состоитъ сущность богатства. Равно онъ убѣдительно доказалъ, что не одно земледѣліе, но фабрики и торговля такъ же производительны; трудъ—вотъ, что, по его мнѣнію, заключаетъ главный источникъ производительности. Трудъ одинъ даетъ вещамъ цѣнность, бережливость же служитъ необходимымъ средствомъ къ умноженію богатства; раздѣленіе труда составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ предметовъ, разгаданныхъ Смитомъ. Нельзя не благодарить его за это отъ сердца.

Статьи о капиталахъ, о доходѣ отъ земли, о платѣ за трудъ и прибыли отъ капитала въ твореніи Смита чрезвычайно занимательны многими истинами. Мысль Смита о свободѣ торговли—мысль генія, воодушевленнаго благороднѣйшими желаніями добра человѣчеству. Словомъ, во всѣхъ отдѣлахъ творенія Смита разсѣяны важныя, глубокія правила.

Вначалѣ ученіе Смита весьма худо было принято какъ въ Англіи, такъ и во Франціи; это почти всегдашняя участь геніевъ, рѣшающихся проложить новую дорогу для всеобщаго блага. При томъ, въ его время въ Министерствахъ Европейскихъ господ-

*) An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Изслѣдованіе свойствъ и причинъ богатства народовъ. Переведъ Ник. Политковскій. 4 ч. 1802 г.

другіе менѣе. Но что Смитъ геній величайшій своего времени, этому находятся свидѣтельства несомнѣнныя. Какая необыкновенная во всѣхъ его мысляхъ легкость, свѣтлость! — Читая его твореніе, не можемъ вѣрить, что бы онъ старался обдумывать, обсуживать вещи, — кажется что все лилось свободно изъ подъ его пера. Онъ нимало не краснорѣчивъ, слогъ его простой, но эта простота привлекательнѣе иного краснорѣчія. Правда, мысли Смита кажутся разсѣянными, но эта разсѣянность нимало не портитъ единства; читатель ни мало не разлучается въ его твореніи съ основными идеями, какъ бы далеко не увлекался онъ посторонними разсужденіями писателя, — это безчисленныя тропинки, ведущія не уклонно къ одному центру, къ общему предмету. Смитъ подѣлалъ многія ошибки, принялъ многія невѣрныя мнѣнія, — тѣмъ неменѣе онъ научаетъ въ цѣломъ. Цѣлое въ его твореніи заключаетъ въ себѣ высокія истины. Но изъ сказаннаго мною не должно думать, будто Смиту не стоило труда создать свою систему; напротивъ, въ этомъ отношеніи онъ отличался чрезвычайнымъ терпѣніемъ. Геній — мыслитель всегда бываетъ долгое время, такъ сказать мученикомъ самаго себя прежде, нежели созрѣетъ у него весь плодъ глубокихъ думъ, прежде, нежели сосредоточится въ немъ весь образъ мыслей. Только послѣ принесенія этой жертвы, геній въ полномъ смыслѣ дѣлается творцемъ; тогда уже у него бываетъ все разочтеннымъ, размѣреннымъ; — довольно одного движенія мысли, — и цѣлыя массы разсужденій свободно становятся у него въ прелестной симетріи. — Извѣстно, что Смитъ, прежде изданія своего безсмертнаго творенія, былъ почитаемъ не болѣе, какъ разсудительнымъ писа-

телемъ: самые близкіе къ нему знаменитые современники не замѣчали въ немъ высокаго ума. Извѣстно такъ же и то, что десять лѣтъ онъ трудился надъ своимъ твореніемъ въ уединеніи, почти въ удаленіи отъ свѣта. — Излишнимъ почитаю упоминать о рѣдкихъ качествахъ души Смита. Они довольно явствуютъ изъ благороднаго образа его мыслей. Правда, нѣжное, высокое чувство доброжелательства людямъ и народамъ высказывается у него нѣсколько подъ грубою корою, но это произошло болѣе отъ того, что Смитъ, занявшись однимъ матеріальнымъ предметомъ, богатствомъ, не могъ не быть самъ матеріаленъ.—Смитъ жилъ просто, скромно. Совѣтуя народамъ сберегать, умножать богатство, онъ въ домашнемъ своемъ быту не строго слѣдовалъ этому правилу. — При семъ нельзя невспомнить Жокарта, славнаго механика, который часто смѣялся надъ тѣмъ, что его ткацкіе станки доставляютъ милліоны доходовъ Государству, а самъ онъ тяготился отъ бѣдности. Великіе геніи рѣдко собираютъ благодарности отъ частныхъ людей; къ нимъ уже бываетъ признательнымъ само человѣчество, для котораго они живутъ, трудятся.

Изъ писателей, развивавшихъ Политическую Экономію послѣ Смита, знаменитѣйшіе были: Графъ Лодердаль, Бухананъ, Сей, Сисмонди, Ганиль, Мальтусъ, Рикардъ, Шторхъ, Миль, Мак-кюлохъ и многіе другіе. При чтеніи ихъ систематическимъ твореній, нельзя не почувствовать высокаго уваженія къ ихъ талантамъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое особенное достоинство, каждый успѣлъ обработать въ различной степени особенныя какія либо статьи Науки; вообще же всѣ эти писатели болѣе или менѣе различаются между собою образомъ своихъ мы-

слей и даже самымъ взглядомъ на П. Э. Одни изъ нихъ болѣе придерживаются опытности, другіе слѣдуютъ болѣе изложеніямъ теоретическимъ, а иные приняли средину между тѣми и другими. И потому первые склоняются къ системѣ Меркантильной, хотя въ видѣ утонченномъ, возвышенномъ, обогащеномъ мыслями благородными, вторые придерживаются въ особенности системы физіократовъ, равно такъ же удаляясь крайности сей послѣдней, избѣгая ошибокъ, уже совершенно раскрытыхъ въ области Науки; третьи же писатели стараются согласить, примирить два противоборствующія направленія.—По сей то причинѣ, разсматривая новѣйшія сочиненія, мы въ нихъ находимъ или противныя мнѣнія, или критическія замѣчанія, или недоразумѣнія, сомнѣнія. Въ чемъ согласуются напр. Сей и Рикардо, тому явно противорѣчитъ Ганиль и Мальтусъ; въ чемъ согласны Сей и Мальтусъ, въ томъ оспориваютъ ихъ Ганиль и Рикардо.—Наконецъ, въ чемъ сближаются всѣ эти писатели между собою, въ томъ сильно возстаетъ на нихъ Казо, уклоняется отъ нихъ Дюноайе.

Впрочемъ, нѣкоторые пункты Политической Экономіи согласно рѣшены писателями, и если встрѣчаются въ какихъ либо сочиненіяхъ возраженія на эти пункты, то они ничтожны, говоря въ смыслѣ Науки.

Не входя въ подробное разсматриваніе всѣхъ извѣстныхъ новѣйшихъ сочиненій, я упомяну о нѣкоторыхъ, въ коихъ важныя изысканія и мнѣнія произвели чрезвычайное вліяніе на просвѣщенные умы.

Лодердаль *) первый старался ниспровергнуть

*) An inquiry into the nature and origin of public wealth. 1804

многія положенія Смитовой системы, относительно цѣнности вещей, которая по мнѣнію Смита опредѣляется трудомъ, такъ же относительно производительности труда, которая по смыслу Лодердала, принадлежитъ не одному труду физическому, но и нравственному. Важнѣйшее мнѣніе Лодердала состоитъ въ томъ, что небережливость, но изобрѣтенія служатъ къ увеличенію богатства. Во всемъ видѣнъ умъ Лодердала, хотя не всегда основательный.

Бухананъ, подобно Гарнье, сдѣлавшему отличныя замѣчанія въ пользу физіократовъ, такъ же издалъ твореніе Смита съ своими превосходными примѣчаніями. Мы будемъ иногда упоминать о его мнѣніяхъ въ послѣдствіи.

Сей *) едвали неболѣе прочихъ писателей оказалъ Политической Экономіи не оцѣненныя услуги. Онъ безпрерывно трудился надъ раскрытіемъ и поясненіемъ ея началъ. Труды эти потому болѣе важны, что Сей, замѣчая явное противоборствіе эмпиризма съ теоріею, видя, какъ мало истины сей послѣдней усвояются первымъ, старался отъ самыхъ отвлеченныхъ началъ доходить до опытовъ обыкновенныхъ, и, такъ сказать, преставлять предъ глазами эпириковъ, людей мало знакомыхъ съ наукою, благодѣтельныя ея изслѣдованія и вліяніе на народное богатство. Вотъ, по чему онъ во второмъ своемъ сочиненіи, Cours d'Econom. polit. pratique кажется болѣе народенъ, простъ, вразумителенъ. — Нельзя однако не замѣтить, что онъ нѣкоторыя свои теоретическія начала во второмъ сочиненіи много ос-

*) 1. Traité d'ec. polit. 2 Cours d'Econo polit. pratique. 3. Catechisme d'Econom polit. — 4. Lettres à Malthus sur differens sujets d'Econom polit. Etc.

лабилъ. Можетъ быть, на него въ этомъ отношеніи подѣйствовали сильныя возраженія другихъ писателей, разгадавъ которыя, онъ уже почелъ нужнымъ для полезности своего сочиненія сдѣлать нѣкоторыя уклоненія. Вообще Сей показываетъ въ своихъ твореніяхъ умъ логическій, точный, вѣрный, послѣдовательный, обогащенный разнообразными практическими познаніями. Между многочисленными превосходными статьями въ сочиненіяхъ Сея, статьи о балансѣ торговли, о сбытѣ произведеній, о свободѣ торговли, о машинахъ, чрезвычайно важны и произвели сильное движеніе въ умахъ эмпирическаго міра.

Рикардо и Мальтусъ, *) два Англичанина необыкновеннаго ума. Они также принесли величайшую пользу Политической Экономіи. Направленіе теорій этихъ писателей почти противоположно. Первый вдается болѣе въ теоретическія изысканія, старается посредствомъ отвлеченности, сколько можно, упростить Науку. Второй, напротивъ, преданный соображенію наблюденій, усиливается обнимать всѣ обстоятельства, измѣняющія главные пункты. Потому Мальтусъ разнообразитъ тамъ, гдѣ Рикардо кажется простъ, опредѣлителенъ. Природа какъ бы съ намѣреніемъ произвела въ одно время двухъ этихъ великихъ геніевъ, которые, противодѣйствуя одинъ другому, тѣмъ болѣе успѣли раскрыть, пояснить истины высокой Науки. По моему мнѣнію, Рикардо обладалъ въ бо́льшей степени геніемъ,— и хотя многія начала его совершенно опровергнуты, тѣмъ не менѣе онъ великъ. Требовались чрезвы-

*) Рикар. Principes d'Economie polit. et de l'impôt. Мальтусъ 1. Essaie sur le principe de la population. — 2. Principes d'Econ. polit.

чайныя усилія умовъ для того, чтобы обнять всю область Рикардовыхъ положеній, и отыскать въ нихъ недостатки, ошибки, чрезъ что едвали не болѣе всѣхъ писателей Рикардо далъ высшее направленіе Политической Экономіи. Услуга бесмертная! — Слогъ Рикардо теменъ, сухъ. Рикардо, кажется, нимало не заботился о томъ, чтобы читатели могли свободно ознакомиться съ его оригинальными мыслями; онъ заботился объ одной истинѣ. Слѣдственно не удивительно, что, по отзыву его самаго, не болѣе 25 человѣкъ поняли его сочиненіе, при изданіи его въ свѣтъ. Самъ Сисмонди сильно жалуется на темность и сухость его мыслей и выраженій. Я осмѣливаюсь упрекнуть Рикардо въ другомъ, гораздо значительномъ, недостаткѣ, а именно, въ томъ, что онъ чрезвычайно кажется холоднымъ, равнодушнымъ въ своихъ мнѣніяхъ о природѣ и человѣкѣ. Отъ того въ разныхъ мѣстахъ своего творенія, онъ представляется даже зловѣщимъ. Между многими статьями, изслѣдованными Рикардомъ и Мальтусомъ, преимущественно достойны вниманія и соображенія статьи: о доходѣ отъ земли, о платѣ за трудъ, и прибыли отъ капитала. Статьи о налогѣ, изложенныя Рикардомъ, также превосходны. Мальтусъ отличается особеннымъ даромъ нечувствительно увлекать читателей своими положеніями. Изложеніе о народонаселеніи—одно изъ знаменитѣйшихъ произведеній ума Мальтуса. Его понятія объ этомъ важномъ предметѣ, понятія новыя, рѣзкія, увлекли почти всѣхъ писателей; даже тѣ изъ нихъ, которые въ началѣ старались опровергнуть его мнѣнія, слабостію своихъ возраженій единственно увеличили славу Мальтуса. Но справедливы ли его понятія о народонаселеніи,—это изложено мною въ особой

статьѣ Политической Экономіи. Статьи Мальтуса: о цѣнности, объ излишнемъ накопленіи произведеній, о машинахъ, о раздѣленіи дохода національнаго, весьма занимательны.

Сисмонди *) стоитъ въ первомъ разрядѣ между новѣйшими писателями Политической Экономіи. Многіе предметы этой науки имъ изложены оригинально, такъ напр. статья о накопленіи произведеній. Онъ сильно старается доказать, что изобиліе капиталовъ служитъ одною изъ главныхъ причинъ уменьшенія прибыли, и влечетъ за собою съ одной стороны разстройство капиталовъ, а съ другой безработность, прекращеніе способовъ къ пропитанію непосредственно трудящихся. По сему онъ со всѣмъ жаромъ возстаетъ противу излишняго произведенія богатства не въ соразмѣрность съ требованіемъ его; съ равнымъ жаромъ онъ охуждаетъ чрезвычайное раздробленіе труда и изобрѣтеніе машинъ, отнимающихъ средства къ пропитанію работниковъ. Сисмонди вообще старается сблизить теорію съ опытами, хотя часто ошибочно. Все же его твореніе отличается благородствомъ мыслей, космополитическими чувствованіями. Слогъ его ясенъ, вразумителенъ, краснорѣчивъ.

Ганиль **) многими своими сочиненіями оказалъ, подобно прочимъ писателямъ, великія услуги Политической Экономіи. Критическія изслѣдованія разныхъ противорѣчащихъ мнѣній знаменитыхъ авторовъ составляютъ отличительную черту его твореній. Между тѣмъ многіе предметы науки имъ ра-

*) Nouveaux principes d'Econom. polit. и проч.

**) 1. Des systèmes d'Econom. polit. — 2. La théorie d'Econom. polit. — 3. Dictionnaire d'Econom. polit. и другія.

зобраны, обсужены удачно. Такъ, онъ убѣдительно, свѣтло доказалъ, что классъ нравственный самый производительный изъ всѣхъ классовъ дѣятельности, что классъ торговый гораздо производительнѣе классовъ мануфактурнаго и земледѣльческаго, и что сей послѣдній классъ менѣе всѣхъ производителенъ. Это мнѣніе онъ поддерживаетъ вопреки почти всѣмъ новѣйшимъ писателямъ, съ противной стороны обсуживающимъ производительность классовъ. Статьи Ганиля: о деньгахъ, о банкахъ, любопытны. Слогъ Ганиля обиленъ, увлекателенъ. Нельзя однако, при внимательномъ изслѣдованіи его мнѣній, не примѣтить, что онъ придерживается меркантилизма, хотя съ величайшею утонченностію и послѣдовательностію въ мысляхъ; опыты составляютъ, по мнѣнію Ганиля, главную основу теоріи Политической Экономіи.

Сочиненія Шторха, по части Политической Экономіи, извѣстны всему ученому міру. Хотя этотъ писатель, какъ онъ и самъ признается, въ первомъ своемъ сочиненіи: Cours d'Economie Politique, руководствовался мнѣніями Смита, Сисмонди,—однако эти мнѣнія имъ весьма много пояснены, раскрыты, обогащены вѣрными здравыми сужденіями. Онъ примѣтно заботился о томъ, чтобы быть доступнымъ легкому, свободному понятію его сочиненія, и достигъ этой цѣли въ полной степени, такъ, что Мак-Кюллохъ не несправедливо почитаетъ его сочиненіе лучшимъ въ области науки. Во второмъ его сочиненіи, du Revenu national, заключаются многія мысли оригинальныя, собственно ему принадлежащія; здѣсь уже онъ рѣзко опровергаетъ нѣкоторыя положенія Смита и сильно возстаетъ противу разныхъ мнѣній знаменитаго Сея. Сочиненія Шторха

особенно полезны потому, что содержатъ въ себѣ примѣненія правилъ теоріи къ Россіи.

Мак-Кюллохъ, *) занявшій кафедру Политической Экономіи, основанной въ Лондонѣ въ честь безсмертнаго Рикардо, также внесъ свое имя въ кругъ знаменитыхъ писателей. Превознося величайшими похвалами Рикардо, онъ не во всемъ соглашается съ его мыслями. Отъ Мальтуса и Рикардо онъ примѣтно отличается плодовитостію и ясностію изложенія.

Сенъ-Симонъ **) и его послѣдователь Августъ Контъ разсматриваютъ Политическую Экономію совершенно съ новой точки. Они внесли эту науку въ область Политики. По мнѣнію ихъ, физическіе классы должны занимать первое мѣсто въ дѣйствіяхъ общественной жизни. Ученые же, какъ теоретики, должны ихъ руководить на сценѣ практики. Нельзя не сказать, что мнѣнія этихъ писателей болѣе оригинальны, нежели справедливы. Но я здѣсь не говорю о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, развитыхъ изъ системы Сенъ-Симона.

Дрозъ и Дюноаве, ***), какъ новѣйшіе мыслители, не менѣе другихъ писателей пріобрѣли знаменитость по части нашей науки. Кромѣ здраваго, вѣрнаго обсуживанія разныхъ предметовъ Политической Экономіи, они особенно отличаются желаніемъ утвердить ее на правилахъ чистой нравственности. Дюноаве превосходно изобразилъ нравственныя качества, необходимыя для дѣйствователей въ каждой

---

*) Discours sur l'Econ. polit. Многія статьи, весьма любопытныя, помѣщены въ журналѣ Revue Britannique.

**) Catéchisme des indistruels 1817 и другія.

***) Дрозъ l'Econom. polit.—Дюноаве Traité d'Econom. sociale.

отрасли промышленности. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ своего творенія онъ вовсе уклонился отъ мнѣній, общепринятыхъ писателями, такъ напр. относительно понятія о промышленности земледѣльческой, мануфактурной и торговой.

Дестютъ-Траси *) изложилъ начала Политической Экономіи не въ большой книжкѣ, но вѣрно, точно; въ каждой статьѣ видѣнъ его умъ логическій, отчетливый, хотя слишкомъ строгій.

Скарбекъ **) весьма удачно воспользовался твореніями знаменитыхъ питателей: сочиненіе его изложено ясно, убѣдительно.

Сей Нантскій ***), далекій въ сравненіи съ извѣстныхъ Сеемъ, написалъ сочиненіе однако достойное чтенія. Онъ придерживается весьма тонко системы меркантилистовъ. Казо ****) одинъ изъ ревностнѣйшихъ и пламенныхъ поборниковъ меркантильной системы. Онъ сильно возстаетъ противу Смита и всѣхъ новѣйшихъ писателей такъ, что не вооруженный глубокимъ знаніемъ науки, невольно можетъ согласиться съ его мнѣніями. Я буду имѣть случай въ послѣдствіи представить вамъ нѣкоторыя изъ этихъ мнѣній для разбора.

Ферріе *****), также тонкій меркантилистъ.

Миллъ, ******) въ небольшой книгѣ изложилъ систему Рикардо ясно, основательно, и вообще можетъ

---

*) Traité d'Econ. polit.

**) Théorie des richesses sociales.

***) Traité de la richesse individuelle et de la richesse publique.

****) Bases fondamentales de l'Econ. polit. d'après la nature des choses, и другія.

*****) Du système commercial.

******) Les élémens d'Economn. polit.

почитаться однимъ изъ глубокихъ знатоковъ Политической Экономіи.

Бланки *) въ небольшомъ сочиненіи представилъ истины Политической Экономіи въ порядкѣ и ясности.

Пеміо **) подѣлалъ много отличныхъ замѣчаній на счетъ политико-экономическихъ школъ, италіанской, англійской, французской.

Албанъ де Вильневъ-Баржемонтъ ***) совокупилъ въ своемъ важномъ твореніи всѣ филантропическія мысли относительно бѣдности. Введеніе его заслуживаетъ особеннаго вниманія разборомъ мнѣній знаменитыхъ писателей, хотя этотъ разборъ односторонень, съ которымъ никакъ нельзя согласиться безотчетно.

Еверетъ ****) писалъ о народонаселеніи противу системы Мальтуса весьма сильно, рѣзко. Въ такомъ же духѣ изложено твореніе Годвина. —

Два новѣйшія сочиненія: «Cours d'Economie politique par Rossi» 2 vol. и «Cours d'Econ. polit. par M. Michel. Chevalier» 1 vol. — Первое сочиненіе отличается нѣкоторыми новыми изслѣдованіями предметовъ Политической Экономіи; другое же примѣнено къ настоящему политико-экономическому быту Франціи и во все не заключаетъ въ себѣ систематическаго изложенія науки. Впрочемъ оно весьма увлекательно, и бросаетъ новый свѣтъ на понятія о промышленности и средствахъ ея распространенія.

---

*) Précis d'Econom. polit.

**) Histoire de l'Econ. politique en Italie.

***) Econ. pol. Chrétienne.

****) Nouvelles idees sur la population.

Изъ нѣмецкихъ писателей заслуживаютъ вниманія: Сарторій, Лоцъ Зейтеръ, Якобъ, Соденъ, Веберъ, Фульда, Рау, Пёлитцъ, Шмальцъ и другіе.

Сарторій послѣдователь физіократовъ. Лоцъ изложилъ нѣкоторые главные предметы науки счастливо. Якобъ *) особенно замѣчателенъ подробнымъ изложеніемъ о налогахъ. Соденъ **) философъ политико-экономъ, писалъ слишкомъ отвлеченно, но весьма занимательно. Рау ***) изложилъ Политическую Экономію основательно; сочиненіе его стоитъ въ ряду съ другими знаменитѣйшими твореніями для изученія науки, хотя подробность, многочисленность раздѣленій и сухость много отнимаютъ удовольствія отъ чтенія книги. Нельзя не упрекнуть въ томъ же недостаткѣ и Пёлитца. Пёлитцъ ****), излагая всѣ политическія науки, писалъ вмѣстѣ и о Политической Экономіи. Шмальцъ — весь физіократъ.

Изъ писателей италіанскихъ обращаетъ на себя общее вниманіе Джоіа *****). Твореніе его называютъ по справедливости Энциклопедіею Политической Экономіи. Мнѣ весьма нравится раздѣленіе науки, сдѣланное имъ на теоретическую и практическую.

Изъ писателей русскихъ замѣчательны: генералъ-маіоръ Орловъ и Тургеневъ. Первый писалъ о государственномъ кредитѣ, второй о теоріи налоговъ. Кромѣ того въ разныхъ журналахъ нерѣдко встрѣ-

---

*) Grundsätze der National-Oeconomie oder Staatswirthschaftslehre.

**) Die Nationalöconomie.

***) Lehrbuch der politischen Oekonomie.

****) Die Staatswissenschaften im lichte unserer Zeit.

*****) Nuovo prospetto della Scienze Economiche.

чались отличныя статьи по части науки. Напр. въ 1833 году въ Телескопѣ статья Андросова о предметахъ и настоящемъ состояніи Политической Экономіи — отлично изложена; въ журналѣ министерства 1837 года статья Н. Штиглица: «Обзоръ исторіи Политической Экономіи», изложена презанимательно. Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ находятся многія примѣчательныя статьи Бессера. О Политической Экономіи вообще, и въ особенности о производимости — сочиненіе Никитенкова, небольшое, но отлично написанное. Много встрѣчалось другихъ прекрасныхъ статей по разнымъ предметамъ науки въ журналахъ. Есть еще переводы твореній Смита, Дроза, Бланки, введенія Сея въ науку Политическую Экономію, разсужденія о Политической Экономіи Макъ-Кюллоха и проч. —

Къ чести нашего вѣка, мы находимъ даже сочиненія женщинъ по Политической Экономіи. Такъ — Марсетъ *) издала разговоры о Политической Экономіи: въ нихъ заключаются истины Смита. Г-жа Мертинью **) изложила важнѣйшіе предметы науки весьма удачно. Испытавъ на себѣ трудность знанія отвлеченной науки, Мертинью рѣшилась изобразить ее въ видѣ простомъ, обыкновенномъ; для этого она избрала разсказы. Она выводитъ на сцену одно семейство на Мысѣ Доброй Надежды, бывшее въ числѣ небольшой колоніи. Стонъ, глава этого семейства, былъ довольно образованъ, понималъ вполнѣ дѣло труда. Развивая общественную жизнь въ многоразличныхъ, постепенно возрастающихъ отноше-

*) Conversation en political Economy.

**) Illustrations of political Economy.

ніяхъ, Мертинью успѣла самымъ счастливымъ перомъ обозначить добродѣтели и совершенства труда, и, ясно, вразумительно высказала истины Политической Экономіи. Нельзя отъ имени этой науки не изъявить ей искреннѣйшей признательности за такое драгоцѣнное сочиненіе. Многіе, скучая одними разсужденіями науки, можетъ быть, и не захотѣли бы усвоить ихъ; но, читая ихъ облеченными въ видъ разговоровъ, въ видъ семейной, исторической жизни, нечувствительно съ ними ознакомятся.

ПОЛЬЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Польза Политической Экономіи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Хотя нѣкоторые народы во всѣ времена достигали блистательной степени богатства безъ политико-экономическихъ познаній; но странно было бы выводить изъ этого заключеніе о безполезности науки. Жизнь человѣчества сама по себѣ вызывала народы къ разнымъ родамъ промышлености; они руководствовались въ ихъ производствѣ однимъ наблюденіемъ различныхъ событій. Но почти всегда, при внезапномъ стеченіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ трудно было опредѣлить настоящую точку для своихъ дѣйствій, эти народы неизбѣжно подвергались сильнымъ потрясеніямъ и переворотамъ. Впрочемъ случались такія обстоятельства, которыя нимало не зависили отъ распоряженій самого народа, страдавшаго подъ ихъ игомъ, напр. что могли сдѣлать Финикіяне, сокрушаемые безпрерывными нападеніями могущественныхъ непріятелей? Всякое возобновленное ихъ благоденствіе вызывало новые удары завистливыхъ народовъ. Равно, какъ могъ поддержать цвѣтущее свое состояніе

богатый Карфагенъ, потрясенный въ основаніи своего политическаго бытія бѣднымъ, но непобѣдимымъ Римомъ, поклявшимся стереть съ лица земли знаменитаго соперника? Можемъ ли мы, не оскорбляя въ строгомъ смыслѣ истины, обвинять Венеціанцевъ, Генуэзцевъ въ ихъ паденіи худыми политико-экономическими распоряженіями? Напротивъ, не служитъ ли къ ихъ славѣ и то, что эти почти ничтожныя республики, въ продолженіе многихъ столѣтій, поддерживали свое политическое бытіе посредствомъ богатства? Но чѣмъ оправдаются безразсудные Испанцы, составлявшіе могущественный народъ, заставившіе въ блистательную эпоху своего величія другіе народы трепетать себя, чѣмъ оправдаются въ постигшей ихъ ужасной бѣдности, въ совершенномъ разстройствѣ своего нравственнаго и физическаго состоянія? Не обличаются ли они явно въ грубомъ невѣденіи даже обыкновенныхъ истинъ Политической Экономіи? Самое богатство, пріобрѣтенное ими изъ Америки, послужило имъ не въ прокъ, потому что они не умѣли имъ пользоваться. Вѣрьте, что если бы Политическая Экономія была довѣдома этому жалкому государству, оно давно вышло бы изъ нынѣшняго положенія, обуреваемаго смятеніями.

Но спросятъ, отъ чего же Англія и Голландія, не зная нашей науки, между тѣмъ нѣсколько столѣтій уже стоятъ въ первомъ разрядѣ богатѣйшихъ государствъ Европы? На это отвѣчаю: что эти государства вообще поступали по правиламъ науки, выведеннымъ изъ однихъ наблюденій. Кромѣ того они въ состояніи были поддерживать, защищать свое богатство силою. Не смотря на это, не испытывали ли и эти государства многія сильныя потрясенія отъ невѣденія истинъ Политической Экономіи? Не нахо-

дилась ли Англія на краю гибели тогда, когда, выпустивъ ужасную массу банковыхъ билетовъ, подвергла тысячи богатѣйшихъ капиталистовъ совершенному раззоренію? И сколько разъ она была жертвою другихъ политико-экономическихъ ошибокъ! Она страдаетъ отъ нихъ даже и нынѣ, когда Политическая Экономія уже знакома этому государству, потому что практика не успѣла еще усвоить всѣхъ доспѣховъ теоріи. То же можно примѣнить и къ Голландіи. Такимъ образомъ, если мы осмотримъ всѣ государства, населяющія земной шаръ, вездѣ увидимъ свои ошибки, уклоненія, заблужденія, и въ слѣдствіе ихъ испытанные переломы, бѣдствія.

Изъ этого видно, какъ странно мнѣніе мелкихъ эмпириковъ, будто для управленія цѣлымъ государствомъ не нужно имѣть теоретическихъ познаній, кромѣ здраваго разсудка и опытности. Что здравый разсудокъ необходимъ для соображенія многосложныхъ частей управленія, этому никто не будетъ противорѣчить. Что же надо разумѣть подъ слогомъ опытность? Не есть ли Политическая Экономія та же опытность, но опытность, замыкаемая въ соображеніи всѣхъ вѣковъ, всѣхъ мѣстъ, всѣхъ народовъ, покрайней мѣрѣ извѣстныхъ? Слѣдственно, безъ предварительнаго ея познанія, не угрожаетъ ли опасность впасть въ тѣ грубыя ошибки и заблужденія, которымъ подвергались народы въ теченіе многихъ столѣтій. Напротивъ, не можемъ ли мы истины, излагаемыя въ Политической Экономіи, соображенія всѣхъ вѣковъ и народовъ, съ величайшею пользою приноровливать къ новѣйшимъ временамъ и извѣстному какому либо народу? И такъ, если бы всѣ, имѣющіе вліяніе на судьбу государствъ, отъ управленія коихъ зависитъ благосостояніе и несчастіе ихъ,

если бы, говорю, эти правители были знакомы съ высокими правилами Политической Экономіи, то они никакъ не поступали бы въ своемъ управленіи по одному механизму труда, они нимало не опасались бы слѣдствій недостатка и бѣдности, не страшились бы самыхъ ужасныхъ бореній государствъ между собою. Обстоятельства, угрожающія народамъ неизбѣжнымъ разореніемъ, набѣгаютъ чрезвычайно рѣдко. Притомъ, при благоустроенномъ внутреннемъ управленіи, всегда есть средства избѣжать совершенной гибели.

Но для того, чтобы заслужить имя истинно полезнаго Министра Финансовъ, не одно только нужно предварительное знаніе началъ Политической Экономіи; ему надо обладать еще тонкою проницательностію ума и понимать во всей подробности общія и частныя отношенія государствъ, иначе неизбѣжны ошибки и заблужденія другаго рода, чѣмъ, пользуясь грубые необразованные эмпирики, стараются укорять въ нелѣпости мнѣній глубокихъ теоретиковъ Политической Экономіи.

Знаніе Политической Экономіи важно не для однихъ государственныхъ людей, непосредственно распоряжающихъ народнымъ богатствомъ, но и для прочихъ, завѣдывающихъ другими отраслями государственнаго управленія. Такъ знаніе Политической Экономіи необходимо для министра юстиціи. Безъ этого знанія онъ легко можетъ дѣлать по своей части постановленія, противорѣчащія государственной пользѣ или видамъ народнаго богатства. Для убѣжденія въ этомъ, слѣдуетъ только обратить свое вниманіе на всѣ отрасли законодательства гражданскаго и уголовнаго, напр. вопросъ о раздѣлѣ наслѣдствъ требуетъ глубокихъ познаній политико-эко-

номическихъ. Извѣстно, что въ Англіи недвижимыя имущества сосредоточиваются въ рукахъ старшаго изъ наслѣдниковъ, во Франціи, напротивъ, всѣ наслѣдники раздѣляютъ имѣнія по равнымъ частямъ. Въ Англіи одинъ владѣлецъ приходится на 28 жителей, а во Франціи одинъ на 7 жителей.

Спрашивается: какое законодательство мы находимъ выгоднѣе, англійское или французское? Французскіе политико-экономы съ жаромъ возстаютъ на постановленія Англіи. Англійскіе же политико-экономы охуждаютъ законъ Франціи. По мнѣнію первыхъ, чрезвычайная противоположность, замѣчаемая между богатствомъ аристократовъ и нищетою низшихъ сословій въ Англіи, происходитъ отъ худаго рѣздѣла наслѣдства,—не говоря уже о томъ, что противно законамъ природы предоставлять наслѣдство одному старшему сыну въ обиду прочихъ дѣтей. Если дѣйствительно въ Англіи находится еще много земель, худо или совсѣмъ необработанныхъ, то этому причиною также, какъ полагаютъ французскіе писатели, означенное постановленіе о наслѣдствѣ. Напротивъ, англійскіе писатели доказываютъ, что если Англія успѣла стать на блистательную степень величія и богатства; то этимъ обязана она одному настоящему образу своего управленія, въ которомъ аристократизмъ беретъ великое участіе и даже преимущество. Но какъ могли бы аристократы поддержать свой вѣсъ и достоинство безъ закона о наслѣдствѣ? Съ другой стороны, эти политико-экономисты предсказываютъ, что Франція со временъ должна сойти на чреду государствъ бѣднѣйшихъ, потому что рано или поздно земли въ ней дойдутъ до такой степени раздробленія, что едва ли онѣ будутъ достаточными для поддержанія безбѣдственнаго существова-

нія владѣльцевъ. Вотъ два противоположныя мнѣнія, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ рѣшеніе судьбы государствъ, и въ рѣшеніе которыхъ входитъ знаніе науки Политической Экономіи. По моему мнѣнію, какъ тѣ, такъ и другіе писатели нѣсколько вдались въ крайности. Если и докажетъ намъ политическая исторія, что дѣйствительно Англія обязана своимъ настоящимъ величіемъ и благосостояніемъ вліянію аристократизма, то все таки не слѣдуетъ утверждать, что законъ, принятый о наслѣдствѣ этимъ государствомъ, самъ по себѣ необходимъ въ виду народнаго богатства, и я осмѣливаюсь предсказывать его уничтоженіе; равно, если раздробленіе имѣній, безпрерывно возрастающее, и угрожаетъ Франціи уменьшеніемъ частныхъ богатствъ, нельзя однако думать, чтобы онъ повлекъ за собою всеобщую бѣдность. При совершенствѣ изобрѣтеній орудій, машинъ, и при увеличеніи народонаселенія, каждый кусокъ земли будетъ доставлять владѣльцамъ достаточныя средства къ ихъ пропитанію. Притомъ, по закону политико-экономическому, какъ скоро раздробленные участки земель начинаютъ приносить мало дохода, — владѣльцы, вынуждаясь продавать ихъ, переходятъ уже къ другимъ занятіямъ, — такимъ образомъ земли снова сосредоточиваются въ рукахъ не многихъ владѣльцевъ. — Вообще въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ требуются необыкновенные пріемы промышленостей и богатства, англійскій законъ о наслѣдствѣ, примѣненный къ мѣсту и времени, приноситъ величайшія выгоды; напротивъ въ государствахъ, населяющихъ обширныя, плодородныя земли, болѣе полезно постановленіе французское, особенно если дѣятельность народная получила быстрое развитіе. Богатые владѣльцы, обезпечен-

ные доходами отъ своихъ обширныхъ земель, рѣдко заботятся о лучшемъ ихъ обработываніи.

Кромѣ наслѣдства, находятся другіе предметы, касающіеся народнаго богатства, въ управленіи гражданскомъ. Напр. выгодно ли для народнаго богатства предоставлять гражданамъ всѣхъ сословій право покупать земли? По Русскому законодательству, это право заключалось прежде въ тѣсныхъ границахъ. Нынѣ же всѣ сословія равно пользуются имъ. Я почитаю распространеніе этого права чрезвычайно благодѣтельнымъ; потому что тотъ только рѣшается пріобрѣтать земли покупкою въ собственность, кто имѣетъ надежду воспользоваться ихъ особенными выгодами. Граждане средняго и низшаго сословій, нажившіе капиталъ посредствомъ разныхъ занятій въ сферѣ промышленности, часто счастливѣе помѣщиковъ въ пріобрѣтеніи этихъ выгодъ, и опытъ показываетъ, какъ часто люди бѣднѣйшаго состоянія мало по малу становились богатѣйшими владѣльцами!

Законы, относительно векселей, заемныхъ писемъ, купчихъ и т. п. также важны по предмету народнаго богатства. Отъ характера этихъ законовъ зависитъ удобное, выгодное перемѣщеніе капиталовъ, и худыя постановленія могутъ замедлять ходъ народной промышлености. Вообще никакъ не слѣдуетъ стѣснять такое перемѣщеніе и заимствованіе капиталовъ большими пошлинами и другими отяготительными мѣрами. По моему мнѣнію, эти предметы входятъ въ составъ особаго управленія, тѣмъ болѣе, что они требуютъ скорости и удобности исполненія. Возвратъ занятыхъ капиталовъ долженъ быть свято исполняемъ; въ этомъ всякія уклоненія вредны, а тѣмъ болѣе злоупотребленія, — и тотъ, кто во зло

употребляетъ общественную довѣренность, неминуемо подвергаетъ себя строжайшему взысканію и наказанію. Какой величайшій вредъ для промышленности, когда богатѣйшіе капиталисты, страшась потерять свои капиталы, скорѣе соглашаются оставлять ихъ у себя праздными, нежели отдавать ихъ въ ростъ!

Распоряженія, относительно безопасности дорогъ, ихъ поправленія, очищенія рѣкъ и каналовъ и пр. такъже важны въ политико-экономическомъ быту. Заставьте простой народъ поправлять дороги во время сельскихъ занятій,—вы причините ему величайшее зло; но поручите исправленіе дорогъ, проведеніе каналовъ и подобные предметы частнымъ людямъ, составляющимъ компаніи,—пусть они употребятъ на это свои огромные капиталы и пусть выручаютъ ихъ пошлинами, — общество выиграетъ чрезъ это весьма много; быть можетъ, многіе будутъ роптать, жаловаться на такой платежъ, — но эти возгласы останутся возгласами дѣтей, непонимающихъ своей пользы. Время и выгоды заставятъ ихъ благодарить правительство.

Уголовное законодательство, подобно гражданскому, имѣетъ вліяніе на народное богатство. Напр. должно ли, и какъ наказывать нахлѣбничества? Ужасно воображать о вредѣ, происходящемъ для имѣній и капиталовъ, отъ неспрзведливаго или притѣснительнаго суда! Преступникамъ, содержимымъ подъ стражею, особенно неважнымъ, надобно предоставлять разныя работы, чтобы они не могли развыкнуться съ трудомъ, или, привыкнувъ къ извѣстному роду труда, могли въ послѣдствіи содѣлаться полезными для себя и для другихъ. Даже самое наказаніе, по возможности, должно быть обращаемо къ общест-

венной пользѣ. Въ новѣйшія времена ссылка преступниковъ въ отдаленныя мѣста составляетъ наказаніе обычное и полезное. Что было безразсудиѣе многочисленныхъ казней, употреблявшихся во времена невѣжества? Изуродываніе, лишеніе членовъ, дѣлали людей-преступниковъ, сколько несчастными для нихъ самихъ, столько обременительными для обществъ. Конфискація имѣній служила нѣкогда чудовищнымъ способомъ обогащать казну исторженіемъ капиталовъ изъ круга привычной промышлености.

Министру военныхъ силъ равно нужно быть знакомымъ съ правилами Политической Экономіи. Многія распоряженія, по видимому незначительныя, оказываютъ полезное или вредное дѣйствіе на народное богатство, такъ напр. распоряженіе, гдѣ поставить войско. — Требуется величайшая осторожность въ томъ, чтобы войска не притѣсняли жителей деревень, селъ, не разстроивали ихъ занятій. Самые наборы войска очень важны въ этомъ отношеніи. Даже образъ войны подлежитъ вниманію и суду политико-экономa. Лувуа поставлялъ свою славу и находилъ особенное удовольствіе въ раззореніи непріятельскихъ городовъ. Министръ или полководецъ, проникнутый благородными чувствами, вполнѣ понимающій важность труда, которымъ пріобрѣтается богатство, никогда не рѣшится на подобныя ужасныя дѣйствія.

Для министра иностранныхъ дѣлъ Политическая Экономія — наука необходимая, потому что онъ имѣетъ въ рукахъ своихъ тысячи способовъ вредить внѣшнимъ торговымъ оборотамъ и благопріятствовать имъ.

Всѣ прочія государственныя должности имѣютъ болѣе или менѣе отношеніе къ нашей наукѣ. Такъ— сколько зависитъ отъ начальника губерніи распоряженій, касающихся народнаго благосостоянія? Не дѣло ли его, гдѣ и какъ устроить мѣста для сбыта товаровъ; какія принять мѣры для поощренія промышленности; какіе избрать способы къ поправленію, улучшенію дорогъ, мостовъ; какъ возбуждать гражданъ къ дѣятельности, болѣе выгодной, и т. д. Одного природнаго ума для мудраго управленія недостаточно, — требуется нынѣ наука.

Между частными людьми, для владѣльцевъ земель и промышленниковъ, особенно нужны политико-экономическія познанія. — Разобщенные съ здравыми понятіями, какъ тѣ, такъ и другіе, рѣдко заботятся о введеніи лучшихъ, выгодныхъ средствъ производства своихъ промышленостей. Первые часто не понимаютъ и того, что отъ богатства ихъ крестьянъ или работниковъ зависитъ собственное ихъ богатство, и что, раззоряя ихъ, они чрезъ то подвергаютъ самихъ себя опасности раззоренія и бѣдности. Если же богатство государства основывается исключительно на промышлености земледѣльческой, то нельзя удивляться тому, отъ чего такое государство медленно подвигается къ улучшенію своего физическаго, и нравственнаго быта.

Знаніе Политической Экономіи полезно для всѣхъ гражданъ; предметъ его общій для нихъ, — каждый въ большей или меньшей степени пользуется богатствомъ. Слѣдственно, тѣмъ вѣрнѣе политико-экономическія понятія распространяются между всѣми гражданами, тѣмъ большій успѣхъ предстоитъ отъ труда и дѣятельности каждаго изъ нихъ,—тѣмъ вѣрнѣе избирается дорога къ пріобрѣтенію, сохра-

нію и увеличенію богатства, — тѣмъ менѣе встрѣчается ошибокъ, заблужденій, странныхъ, необдуманныхъ предпріятій. За то неизбѣжная бѣдность угрожаетъ народу, чуждому здравыхъ политико-экономическихъ понятій. Счастливъ еще онъ, если, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, онъ какъ бы случайно направляется на прямую дорогу. Но случайное счастіе и возвышеніе народовъ рѣдко надежно, твердо. При внезапномъ, какъ замѣчено было выше, несчастномъ оборотѣ обстоятельствъ, народъ опять можетъ сойти на чреду государствъ бѣдныхъ безсильныхъ, а иногда совсѣмъ можетъ потерять политическую свою независимость и существованіе.

Сей, между прочимъ, замѣчаетъ, что частный человѣкъ можетъ обогащаться иными средствами, нежели какими обогащается государство, напр. воровствомъ, грабежемъ. Но мы видѣли, что и цѣлыя государства не рѣдко, если не существовали, покрайней мѣрѣ обогащались насиліями. Вообще же, какъ между народами, такъ между частными людьми эти способы обогащенія непрочны. Частные люди за свои поступки отвѣчаютъ предъ судомъ общества, народы предъ судомъ человѣчества. Частные люди, обогащающіеся средствами противузаконными, рискуютъ за себя и за наслѣдниковъ. Рѣдко такое богатство употребляется послѣдними съ пользою: они большею частію не радятъ о сохраненіи, умноженіи его, потому что они не знакомы съ истиною, что только одинъ (истинный) трудъ составляетъ источникъ богатства. Исключенія въ этомъ отношеніи ничего не значатъ. Да и кто можетъ быть лучшимъ наставникомъ для дѣтей, какъ не отецъ; — но какой онъ наставникъ, когда богатство его бы-

ло слѣдствіемъ противузаконныхъ пріобрѣтеній? Впрочемъ, если бы всѣ граждане рѣшились вмѣсто труда пользоваться болѣе другими средствами къ своему обогащенію, то какъ могло бы существовать такое государство? А потому, сфера злоупотребленій всегда должна быть менѣе сферы труда; и, смотря по этому отношенію, государства испытываютъ болѣе или менѣе зла, бѣдствій. Если же злоупотребленія, увеличившись наконецъ, становятся страшнымъ потокомъ, поглощающимъ всѣ пріобрѣтенія труда, — государство неизбѣжно подвергается паденію. Въ настоящее время даже въ государствахъ Азіи, рѣшительно чуждыхъ знанія неизмѣнныхъ правилъ Политической Экономіи, злоупотребленія далеко отстаютъ, отъ уровня съ трудомъ. Съ другой стороны нельзя, къ сожалѣнію, не видѣть, что нѣтъ европейскаго государства, въ которомъ злоупотребленія не мѣшали бы труду дѣйствовать просторно, безопасно. Подъ словомъ: злоупотребленіе, мы разумѣемъ здѣсь всѣ мѣры, предпринимаемыя, какъ нравственными, такъ и физическими классами къ своему обогащенію вопреки общественнымъ законамъ, напр. обманъ, хитрость въ произведеніи и продажѣ вещей. Вотъ причина, по которой въ государствахъ, допускающихъ подобныя злоупотребленія, рѣдко богатые капиталисты процвѣтаютъ долгое время,— сынъ рѣдко наслѣдуетъ успѣхи обогащенія своего отца, а внукъ почти всегда становится жертвою бѣдности. Очень ясно, что источникъ всѣхъ злоупотребленій заключается въ невѣжествѣ гражданъ; богатые не хотятъ нести общественныхъ тягостей, сообразно своему состоянію, и платить дѣйствователямъ разныхъ классовъ, сообразно пользѣ, приносимой ими обществу,—чѣмъ нѣкоторымъ образомъ вынуж-

дают их к средствам насилія,—между тѣмъ и сами они прибѣгаютъ на разные способы, вынудительныя къ своему обогащенію. Бѣдные тѣмъ болѣе извиняются въ этомъ случаѣ. Такимъ образомъ, дѣйствіе труда безпрерывно мѣшаются съ дѣйствіями злоупотребленій. И такъ, для избѣжанія этого общественнаго зла, этой заразы, разстроивающей общественное благосостояніе, каждый гражданинъ долженъ заучить истину, что для обогащенія вѣрнаго, безопаснаго, постояннаго ; источникъ одинъ, — трудъ бѣдному и богатому равно надо знать законы этого обогащенія, законы труда, законы Политической Экономіи. — Конечно, можно знать и не исполнять ихъ; но это бываетъ только тогда, когда 1) знающій ихъ не проникнутъ истиною и важностію знанія; 2) или когда онъ увлекается всеобщимъ потокомъ злоупотребленій; но все таки онъ не можетъ не быть болѣе или менѣе облагороженнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Если же наука объемлетъ въ своемъ кругу слишкомъ большое число своихъ послѣдователей, то ея торжество непремѣнно, тѣмъ болѣе, что она подаетъ средства къ уничтоженію самыхъ злоупотребленій. Иначе, какимъ образомъ государства достигли бы высшей степени своего усовершенствованія?

Знаніе Политической Экономіи, знакомя человѣка съ трудомъ и добродѣтелями, происходящими отъ него, тѣмъ облагораживаетъ его, усвоиваетъ ему настоящее достоинство и значеніе въ мірѣ, такъ что онъ становится дѣйствительнымъ его царемъ, покоряющимъ себѣ всѣ стихіи; онъ въ полной мѣрѣ наслаждается независимостію, выключая особенныхъ непредвидѣнныхъ случаевъ и обстоятельствъ. Главная его зависимость состоитъ въ соблюденіи зако-

новъ природы, если только можно назвать это зависимостію.

Въ то же время знаніе Политической Экономіи сближаетъ между собою людей и народы взаимностію ихъ услугъ, взаимностію ихъ пользъ. Онъ ясно показываетъ намъ, что всѣ люди и народы составляютъ одно цѣлое, одно человѣчество, и что только дружными, соединенными силами, они въ состояніи достигнуть своего благоденствія. Познакомившись со всѣми предметами Политической Экономіи, нельзя не увидѣть, что общественная жизнь имѣетъ свой организмъ, многоразличныя части, управляемыя общею жизнію; каждая часть помогаетъ одна другой, и болѣзнь одной части разстроиваетъ всѣ другія.

Не должно думать, чтобы знаніе Политической Экономіи порождало жадность къ пріобрѣтенію богатства. Никакъ. Она только показываетъ его назначеніе, важность, необходимость въ общественной жизни. Жадность составляетъ крайность. Скупость и расточительность изгоняются изъ области науки; онѣ, какъ страсти, удаляютъ человѣка отъ назначенной ему цѣли. Посмотрите на міръ, и вы увидите толпу людей, преданныхъ этимъ страстямъ какъ бы по механизму влеченія; эти люди никогда не дадутъ вамъ отчета, по чему они поступаютъ, живутъ такъ, а не иначе, — они эгоисты. Политическая Экономія не терпитъ эгоизма, но между тѣмъ даетъ полный просторъ дѣятельности каждаго человѣка. Если древніе мудрецы и нынѣшняя строгая нравственность вооружаются противу богатства, то не потому, чтобы оно было само по себѣ или вредно или гибельно для добродѣтели, но потому, что оно, какъ сказали, нерѣдко пріобрѣтается средствами,

противными добродѣтели, или уже пользуются имъ во вредъ нравственности. Политическая Экономія, обезоруживая предразсудки, защищаетъ богатство, и ясно выказываетъ благодѣтельныя его слѣдствія для обществъ и народовъ. Быть можетъ, что нынѣшняя эпоха, какъ замѣчено мною выше, обнаруживаетъ слишкомъ необузданное стремленіе людей къ богатству, и это имѣетъ свои вредныя слѣдствія; но не наша наука причиною этого; напротивъ, она только можетъ спасти людей и народы отъ будущихъ бѣдствій, она только, вступивъ на высшую степень своего раскрытія, можетъ указать имъ истинное направленіе и цѣль. Политическая Экономія — наука самой природы; природа сама по себѣ не назначаетъ человѣку никакого зла, она вся — благость и счастіе.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ,

читанная Сентября 5 дня 1832 года.

—

Милостивые Государи!

Начальству угодно было поручить мнѣ преподаваніе Вамъ Политической Экономіи. Долгъ мой стараться, сколько будетъ въ моихъ силахъ, оправдать довѣренность, и если преподаваніе мною этой важной Науки столько будетъ успѣшно, что Вы, М. Г., руководствуясь имъ, со временемъ можете принести истинную пользу Отечеству, то я почту себя въ полной мѣрѣ достигнувшимъ своей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему служило бы изученіе Наукъ, и собственно Политическихъ, если бы не имѣли мы въ виду этой цѣли, такъ ясно обозначаемой самимъ учрежденіемъ публичныхъ учебныхъ заведеній. Слѣдственно, что за Наука, которая не утверждала бы насъ въ благороднѣйшихъ чувствованіяхъ преданности Верховной власти, управляющей политическимъ организмомъ народа. Что, говорю, за Наука, которая бы не вела насъ къ тому, чтобы мы могли служить Правительству своими познаніями и дѣятельностію къ исполненію его предначертаній? Что, го-

ворю, за Наука, которая немогла-бы споспѣшествовать общему благосостоянію и спокойствію?

Политическая Экономія имѣетъ предметомъ своимъ изложеніе правилъ, показывающихъ народамъ, какимъ образомъ они могутъ обогащаться. Собственно, какъ Наука, она получила недавно свое основаніе. При изложеніи исторіи ея, мы увидимъ, въ какомъ состояніи она была въ древнія времена, и какъ постепенно утверждалась, раскрывалась во всѣхъ частяхъ въ новыя времена. Здѣсь только замѣчу то, что менѣе, нежели въ продолженіе ста лѣтъ, она испытала величайшія измѣненія. Высокіе умы быстро переходили отъ одной теоріи къ другой; одна система безпрерывно ниспровергала другую. Писатели то придерживались въ основаніи своихъ мнѣній болѣе опыта, то, отдаляясь отъ него, увлекались разными нерѣдко странными гипотезами. Одни изъ нихъ, по видимому, хотѣли покорить владычеству ума факты, другіе, напротивъ, всѣ умозаключенія подчиняли ихъ непосредственному наблюденію. Даже новѣйшіе писатели, какъ то, Сей, Сисмонди, Рикардо, Миль, Мальтусъ, Ганиль, Мак-Кюллохъ, Скарбекъ, Дестютъ де Траси, Казо, Сенъ-Симонъ, Августъ Контъ, Рау и многіе другіе, каждой смотритъ болѣе или менѣе съ различной точки на Политическую Экономію, и, въ отношеніи къ однимъ предметамъ ея, они между собою мнѣніями сближаются, въ отношеніи же къ другимъ, напротивъ, они раздѣляются, такъ что, не начертавъ своего образа мыслей объ этой наукѣ, надобно въ изложеніи ея блуждать, какъ въ хаосѣ, или должно было-бы постоянно слѣдовать одному какому либо автору; но кому изъ нихъ рѣшительно отдать преимущество? Сія-то борьба между

умами въ обозначеніи началъ Политической Экономіи была отчасти причиною того, что народы боялись довѣрять теоретическимъ изысканіямъ писателей и старались болѣе придерживаться обыкновеннаго хода вещей. Политическія науки заключаютъ въ себѣ жизнь народовъ, Политическая Экономія обнимаетъ жизнь физическую, а Политика, въ тѣсномъ смыслѣ понимаемая, жизнь нравственную. Изъ одного этого опредѣленія видно, сколь обширное онѣ должны имѣть вліяніе на Государства! Едва ли въ этомъ отношеніи съ ними равняются другія науки. Показать, изъ какихъ основныхъ частей состоитъ политическій организмъ Государствъ вообще, какіе поставлены природою законы для жизни и постепеннаго совершенствованія ихъ, какія нужны условія для того, чтобы Государства съ одной стороны достигали болѣе и болѣе своего обогащенія въ физическомъ состояніи, съ другой стороны усвоивали себѣ высшую образованность и всѣ ея особенности (мы въ послѣдствіи увидимъ, что Политека и Политическая Экономія находятся въ совершенной между собою связи): показать все это—безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ для народовъ важный предметъ.

Было время, когда великіе умы со всѣмъ жаромъ возставали противъ богатства; было время, когда народы даже гордились своею бѣдностію и почитали ее источникомъ мужества и всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей, было время; но это время уже измѣнилось. Теперь богатство *) признается равно

*) Мы въ послѣдствіи увидимъ, что подъ именемъ богатства разумѣются здѣсь не золото и серебро, а всѣ вообще матеріальныя вещи, удовлетворяющія нашимъ нуждамъ.

везде необходимымъ условіемъ для благосостоянія и могущества Государствъ. Венеція, Голландія, Англія наиболѣе разительнымъ своимъ примѣромъ доказали эту истину. Какою славою наслаждалась Венеція за нѣсколько предъ симъ столѣтій; какъ она была сильна, даже страшна для другихъ Государствъ — тогда, когда заключалась въ предѣлахъ небольшаго пространства земли! и такимъ цвѣтущимъ состояніемъ, такимъ величіемъ она обязана была единственно богатству.—Голландія подобный блистательный примѣръ представляла въ новыя времена. Но что скажемъ объ Англіи, этой могущественнѣйшей на морѣ державѣ? Сравните ея пространство съ пространствомъ другихъ земель Европейскихъ; потомъ сравните ея народонаселеніе съ ихъ народонаселеніемъ, наконецъ представьте ея полновѣсное вліяніе на Европу, на цѣлый земной шаръ,—не должно ли все это приводить насъ въ удивленіе? Что же причиною такой чрезвычайной, рѣдкой особенности этой націи? Ея богатство. Но всякому извѣстно, что богатство ея не было плодомъ грабительства, притѣсненія другихъ Государствъ, подобно тому, какъ обогащались въ древнія времена многіе народы; богатство ея есть плодъ необыкновенной дѣятельности, искусства, образованности жителей. Раскроемъ Исторію новѣйшихъ временъ, и спросимъ, могла ли бы Англія, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, поддерживать такія ужасныя войны, которыя она вела сама непосредственно съ другими Европейскими Державами, или въ которыхъ она болѣе или менѣе участвовала, если-бы чрезвычайное богатство не давалоей къ тому способовъ? Что поставило ее въ то могущественное положеніе, что она успѣвала наклонять

по своимъ видамъ вѣсы Европейской политики то въ ту, то въ другую сторону, какъ не богатство ея? Флотъ поддерживалъ ея торговлю, торговля поддерживала ея флотъ, и бѣдныя Государства нерѣдко принуждены были платить дань богатству владычицы морей своими силами.

Теперь обратимъ взоръ свой на самую внутренность этой богатѣйшей націи. — Не восхитительно ли видѣть повсюду въ ней цвѣтущіе города, селенія, искусственною рукою проведенные каналы, устроенныя дороги, тысячи произведеній странъ всего земнаго шара, роскошныхъ предметовъ ея и чужихъ мануфактуръ? Едва ли мы въ состояніи представить въ своемъ воображеніи все то, что усматриваетъ глазъ путешественника, посѣщающаго это Государство *). — Самое просвѣщеніе, которымъ оно достойно можетъ превозноситься, въ ходѣ своемъ обязано нѣкоторымъ образомъ богатству; потому что физическая и нравственная жизнь народовъ соединены между собою тѣсно, и оказываютъ взаимно одна на другую полезное или вредное вліяніе.

Что говорилъ я доселѣ объ Англіи, то въ большей или меньшей степени относится и къ прочимъ Государствамъ Европы. — Потому нельзя не удивляться безпрерывнымъ возгласамъ многихъ историковъ, приписывающихъ тысячи золъ, которымъ подвергались Государства, единственно богатству. По ихъ мнѣнію, богатство причинило паденіе Ва-

*) Спросятъ: отчегоже въ Англіи находится ужасное число бѣдныхъ? Отвѣчаю на сіе: бѣдные въ Англіи таковы только въ отношеніи къ ней самой. Притомъ, мы говоримъ здѣсь о цѣлой націи; но какое Государство въ состояніи жертвовать для бѣдныхъ болѣе 200 милліоновъ рублей ежегодно? Наконецъ Англія имѣетъ, подобно другимъ Государствамъ, свои политическіе недостатки. Объ этомъ скажемъ мы въ своемъ мѣстѣ.

вилону, Ассиріи, Мидіи и другимъ державамъ; богатство привело Аѳинянъ подъ зависимость бѣдныхъ Спартанъ, богатство погубило Римъ. Мысль нелѣпая! — Богатство, какъ богатство, такъ же какъ и просвѣщеніе, сами по себѣ никогда не могутъ быть вредными, гибельными для народовъ. Источникъ переворотовъ проистекаетъ изъ другихъ основаній. Вотъ, до какой степени могутъ обманываться даже глубокіе умы такъ называемыми фактами, нѣмыми свидѣтелями живущей истины,—и сколько таковыхъ фактовъ, къ сожалѣнію, находится въ области Политической Экономіи? —Народамъ, равно какъ и человѣку въ частности, предопредѣлено природою болѣе и болѣе совершенствоваться, утончаться во вкусѣ, пользоваться всѣми своими физическими и нравственными способностями; безъ богатства этого достигнуть невозможно. Такимъ образомъ первый и главный предметъ нынѣшнихъ правительствъ тотъ, чтобы, сколько можно, давать лучшее, вѣрное направленіе народной дѣятельности, дабы, мало по малу, Государства могли достигать высшей степени своего обогащенія.

Но вы спросите, какое-же отношеніе все это имѣетъ къ Политической Экономіи? Если и прежде были народы богатые, то къ чему служитъ Наука? На это превосходно отвѣчаетъ Сей, что, если человѣкъ можетъ наслаждаться здоровьемъ, незная никакихъ правилъ Медицины, должно-ли изъ того выводить заключеніе, что Медицина безполезна? — Можемъ ли мы думать, что, если-бы прежнія и нынѣшнія богатѣйшія Государства лучше понимали правила Политической Экономіи, то все равно они-бы не лучшимъ пользовались состояніемъ, нежели въ какомъ находились прежде и

находятся нынѣ; увѣрены ли вы, что Государства бѣдныя, руководствуясь правилами этой Науки, не могли бы содѣлаться богатыми? Но вы спросите, что если Политическая Экономія теперь даже въ главныхъ основаніяхъ своихъ, какъ мы замѣтили выше, подвергается жаркимъ спорамъ писателей; то заслуживаетъ ли она какое либо довѣріе?— Безъ сомнѣнія. — Въ природѣ все образуется, раскрывается постепенно; науки равно подлежатъ тому же закону, закону постепенности. Но сколько уже открыто, доказано истинъ Политическою Экономіею? Сколько уже она изложила, объяснила правилъ для физико-нравственной дѣятельности народовъ? Слѣдственно, можемъ-ли мы не имѣть надежды, что она со временемъ разрѣшитъ и тѣ задачи, которыя намъ кажутся теперь слишкомъ отвлеченными, неясными, раскроетъ важность и необходимость того, что теперь считается ненужнымъ и безполезнымъ для практики? Думаете ли Вы, что въ природѣ есть какой либо даже обыкновенный фактъ, который не имѣлъ бы прямаго отношенія къ самой высокой, отвлеченной идеѣ? чтобы одна вещь не соединена была тончайшею связію съ другою?— А если мы иногда и замѣчаемъ разрывъ, промежутокъ между понятіями о разныхъ предметахъ; то это происходитъ единственно отъ нашего ограниченнаго мышленія, свойственнаго каждому вѣку.

Впрочемъ, если бы народы всегда одинако достигали извѣстной степени богатства, если бы они никогда не были жертвами на самомъ опытѣ вредныхъ послѣдствій отъ направленія своей дѣятельности,—то конечно не нужно было бы науки; да она въ такомъ случаѣ и не могла бы осуществиться въ видѣ науки. Давно ли было, что всѣ государ-

ства Европы почитали единственнымъ богатствомъ золото и серебро? Давно ли было, что Испанія, обладая драгоцѣнными рудниками Америки, рождала всеобщую къ себѣ зависть въ народахъ? И кто могъ тогда разочаровать это жалкое государство въ томъ, что оно не находится на высшей степени богатства? Какой фактъ, по видимому, можетъ быть обольстительнѣе того, когда Испанія, имѣя въ рукахъ своихъ груды золота и серебра, за нихъ пріобрѣтала все, что ни хотѣла! Чѣмъ же все это кончилось? Что было слѣдствіемъ такого слѣпаго, безпечнаго довѣрія къ обольстительнымъ указаніямъ опыта? — То, что Испанія, среди мнимаго богатства, погрузилась въ ужасную бѣдность, а народы, познакомившись лучше съ правилами Политической Экономіи, разобщились и съ нелѣпою мыслію полагать богатство только въ изобиліи золота и серебра. Но, можетъ быть, опять спросите, отъ чего эта Наука такъ поздо начала возникать? — на это отвѣчаю, что прежде должно было видѣть дѣйствіе государствъ съ разныхъ точекъ, чтобы послѣ можно было составить о нихъ какое либо понятіе; прежде надобно было, чтобы государства сблизились между собою, очертили себя нѣкоторыми неразрывными условіями взаимнаго вліянія, чтобы потомъ наблюдательные умы могли выводить извѣстные законы для физико-нравственной ихъ жизни: слѣдственно, когда вызывалось исполненіе этого ожиданія, какъ не въ новѣйшія времена Европы? Чтобы сильнѣе убѣдиться въ этой истинѣ, надо только со вниманіемъ углубиться въ исторію народовъ. Изъ этого Вы видите, М. Г., что Политическая Экономія получила начало свое изъ самаго хода вещей; она родилась изъ жизни нравственной природы, а не такъ,

какъ многіе эмпирики думаютъ, что она непосредственное твореніе писателей, что она составляетъ нѣчто постороннее, нѣчто побочное относительно жизни политическаго организма народовъ. Такъ, необходимость, важность и польза Политической Экономіи неоспоримы.

Но, хотя уже существовали разныя системы Политической Экономіи, хотя многіе умы уже состязались между собою въ постиженіи ея истинныхъ основаній, публичное преподаваніе ея распространялось позже и медленнѣе. Мак-Кюллохъ, новѣйшій писатель, говоритъ въ своей рѣчи о Политической Экономіи *) такимъ образомъ: «хотя Англія и можетъ почитаться отечествомъ Политической Экономіи; однако не она первая признала пользу открытія публичнаго преподаванія этой Науки. Эта честь принадлежитъ Италіи, или лучше сказать, Бартоломею Интіери Флорентинцу. Онъ, видя отечество свое въ бѣдственномъ положеніи и горя патріотическимъ жаромъ изыскать истинные источники богатства и благосостоянія народа, испросилъ у правительства позволеніе основать каѳедру Политической Экономіи съ назначеніемъ преподавать ее знаменитому Дженовези. Дженовези открылъ свое ученіе въ 1754 году 5 Ноября, и оказалъ блистательные успѣхи, а въ 1764 издалъ сочиненіе о Политической Экономіи въ 2 томахъ **). Въ 1769 году, Императрица Марія Терезія основала подобную каѳедру въ Миланскомъ университетѣ, и преподаваніе Политической Экономіи поручено было славному Беккарію. Такъ, мало

*) Французскій переводъ, извѣстный подъ названіемъ: discours sur l'economie politique, напечатанъ въ 1825 году.

**) Lezioni di commercio o sia di d'economia civile.

но малу, вездѣ распространялось публичное изученіе этой важной Науки.» Несмотря на это, въ Англіи, гдѣ такъ много было отличныхъ писателей политико-экономовъ, и гдѣ такъ много они принесли славы и пользы своему отечеству, въ Англіи, говорю, только въ недавнія времена открыта каѳедра Политической Экономіи въ честь знаменитѣйшаго писателя Рикардо; преподаваніе ея поручено было ему (Мак-Кюллоху). Но нигдѣ публичное изученіе Политической Экономіи не получило столько ободренія, какъ въ Россіи, нашемъ отечествѣ, М. Г. Это было въ царствованіе незабвеннаго Покровителя наукъ, Императора Александра. Честь Россіи, благодареніе нашимъ Государямъ, пекущимся о благѣ народномъ! Вамъ, безъ сомнѣнія, М. Г., извѣстно, что Политическая Экономія преподается во всѣхъ нашихъ университетахъ. Если же мы не видимъ, чтобы у насъ выходили въ свѣтъ полныя, систематическія сочиненія по этой части, какъ то мы видимъ въ другихъ Государствахъ Европы, это должно приписать тому, что Россія по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ позже другихъ государствъ вступила на степень государствъ образованныхъ; но крайней мѣрѣ мы, къ утѣшенію своему, сознаемся, что просвѣщеніе въ нашемъ отечествѣ идетъ быстрыми шагами. Правительство наше заботится о доставленіи всѣхъ способовъ къ распространенію наукъ. Правительство ничего не щадитъ для счастія народа, желаетъ только, чтобы самый народъ содѣйствовалъ достиженію его мудрыхъ цѣлей усердіемъ и преданностію общему благу. Постараемся, М. Г., содѣлать себя достойными такого его попеченія. Вотъ одна изъ важнѣйшихъ наукъ, изученіе которой можетъ принести

безцѣнную пользу для нашего отечества. Позвольте мнѣ надѣяться, что Вы, для основательнаго, точнаго познанія ея; соедините съ охотою особенное вниманіе; а я, съ своей стороны, употреблю труды, чтобы содѣлать ее для васъ, по возможности, истинно полезною.

Но прежде, нежели вступлю въ сферу изложенія самой Науки, я намѣренъ показать Вамъ вкратцѣ главные ея предметы, которыми мы будемъ заниматься, и вмѣстѣ образъ нашего преподаванія. Мы сначала разсмотримъ, какія науки болѣе или менѣе имѣютъ тѣсную связь съ Политическою Экономіею и чѣмъ равно отличаются отъ ней; потомъ, основана ли эта Наука, какъ наука, на началахъ твердыхъ, непоколебимыхъ; за симъ сдѣлаемъ существенный, точный обзоръ исторіи Политической Экономіи до нынѣшняго времени, и покажемъ въ общемъ разборѣ сочиненій новѣйшихъ писателей, въ какомъ состояніи она находится теперь и чего можно ожидать отъ ней впередъ, также исчислимъ во всѣхъ отношеніяхъ пользу Политической Экономіи. Это нѣкоторымъ образомъ послужитъ намъ введеніемъ въ Науку. Послѣ того займетъ строгое наше вниманіе систематическое изложеніе главныхъ основаній Философіи-Политики, и потомъ изслѣдованія, что такое должно разумѣть подъ именемъ богатства, какіе находятся источники богатства. Мы покажемъ въ особенныхъ очеркахъ, что главныхъ источниковъ богатства три, а именно: природа, трудъ и капиталъ. Изложивъ все это, мы приступимъ къ отдѣльному разсматриванію этихъ трехъ источниковъ; такъ, сначала, скажемъ о природѣ, ея общихъ и частныхъ особенностяхъ, потомъ о трудѣ, о различныхъ родахъ промышлен-

ности, о взаимномъ ихъ отношеніи и общемъ ихъ отношеніи къ нравственной дѣятельности человѣка, равно о выгодахъ раздѣленія труда и разныхъ существенныхъ способахъ увеличенія производимости, какъ-то, о машинахъ, каналахъ и тому подобномъ. Третій источникъ богатства, капиталъ, составитъ важнѣйшій предметъ нашихъ разсужденій; здѣсь скажемъ вообще о капиталѣ, о раздѣленіи капиталовъ, о главныхъ причинахъ увеличенія капиталовъ, и въ особенности, объ отношеніи произведенія къ потребленію или о накопленіи капиталовъ, такъ какъ этотъ предметъ подлежитъ сильнымъ спорамъ знаменитыхъ писателей. Такъ окончится первое отдѣленіе Политической Экономіи, извѣстное у писателей подъ именемъ произведенія богатства. Второе отдѣленіе будетъ заключать въ себѣ собственно раздѣленіе богатства. Здѣсь уже скажемъ о трехъ источникахъ дохода, какъ то: о доходѣ отъ земли, о платѣ за трудъ и о прибыли отъ капитала. Эти части весьма важны и трудны въ области Политической Экономіи. Потомъ скажемъ вообще о доходѣ національномъ. Затѣмъ будемъ говорить о монетѣ, золотѣ и серебрѣ, объ отношеніи ихъ къ богатству, также объ ассигнаціяхъ и банкахъ. Статьи о цѣнѣ произведеній и мѣрѣ цѣнности ихъ принадлежатъ ко второму же отдѣленію Политической Экономіи. Изслѣдованіе о свободѣ торговли будетъ составлять послѣдній предметъ этого отдѣленія и обратитъ на себя наше особенное вниманіе. Наконецъ приступимъ къ третьему отдѣленію Политической Экономіи, оно собственно заключаетъ въ себѣ потребленіе богатства. Здѣсь разсмотримъ всѣ роды потребленій, непроизводительныхъ и воспроизводительныхъ, полезныхъ и вредныхъ,

частныхъ и публичныхъ. Статья о народонаселеніи также одинъ изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ предметовъ Политической Экономіи, тѣмъ болѣе, что писатели слишкомъ раздѣлились своими мнѣніями на счетъ его и производятъ сильное вліяніе на нѣкоторыя распоряженія правительствъ.

Всѣ эти мною обозначенные предметы будутъ заключать въ себѣ собственно теорію Политической Экономіи. За симъ мы вступимъ въ практическое разсматриваніе разнаго рода промышленности, какъ то, земледѣльческой, мануфактурной и торговой. Въ этой же части будетъ изслѣдовано мною и то, на какія отрасли народной и государственной дѣятельности потребны издержки правительствъ и откуда эти послѣднія должны быть заимствованы; разсмотримъ всѣ роды извѣстныхъ налоговъ, пользу и невыгоды ихъ; наконецъ заключимъ Науку свою сужденіями о государственномъ долгѣ.

И такъ, изъ этаго краткаго, сдѣланнаго мною обозрѣнія всего того, что я предначерталъ Вамъ, М. Г., для преподаванія по предмету Политической Экономіи, Вы можете видѣть, что трудъ нашъ чрезвычайно обширенъ, многосложенъ и вмѣстѣ важенъ. Словомъ, я постараюсь познакомить Васъ со всѣмъ тѣмъ, что относится къ области Политической Экономіи, постараюсь, такъ сказать, усвоить Вамъ Науку въ такой степени, чтобы Вы послѣ въ состояніи были сами, безъ всякаго затрудненія и сбивчивости, предаваться исключительному занятію ею. Это будетъ главною моею цѣлію. Чтобы въ полной мѣрѣ достигнуть ея, я въ каждой отдѣльной системѣ Политической Экономіи буду разбирать мнѣнія лучшихъ писателей, показывая, какимъ обра-

ломъ они оспаривали въ своихъ доказательствахъ одинъ другаго, и потомъ будемъ выводить собственное наше заключеніе. Я обращу особенное вниманіе на то, чтобы со всею точностію отличить самое достовѣрное отъ менѣе-достовѣрнаго, и менѣе достовѣрное отъ совершенно ложнаго; и чѣмъ важнѣе, замѣчательнѣе представится нашему обсуживанію предметъ, тѣмъ мы будемъ осторожнѣе, внимательнѣе какъ въ разборѣ чужихъ мнѣній, такъ и въ изложеніи нашего. Вы со временемъ вступите на поприще общественной службы, слѣдственно непростительно было бы напитать васъ мнѣніями невѣрными и часто вредными. Можно ли въ такомъ случаѣ Вамъ, съ одной стороны, устроить лучше свое счастіе, съ другой принести ожидаемую отъ Вашей дѣятельности пользу самому государству?

Еще я прибавлю Вамъ и то, что истины, правила Политической Экономіи, сколько можно, я буду стараться основывать на фактахъ; опыты послужатъ у насъ повѣркою для теоріи. Вы видите М. Г., что для успѣха въ этомъ, знаніе Статистики безцѣнно. Конечно, въ строгомъ смыслѣ, Статистики для Политической Экономіи еще нѣтъ, и на долго не будетъ ея; покрайней мѣрѣ мы воспользуемся тѣмъ, что уже мы имѣемъ въ виду. Преимущественно же мы будемъ обращать наше вниманіе на Статистику Россіи, нашего отечества, для котораго мы образуемся, будемъ заниматься и этою Наукою. Всякое государство имѣетъ свой физическій и нравственный организмъ. Есть истины, которыя, такъ сказать, централизируютъ всѣ государства между собою, но большая часть изъ нихъ такихъ, которыя болѣе или менѣе подлежатъ исключительности, смотря по времени, мѣсту и другимъ много-

численнымъ отношеніямъ государствъ. Въ этомъ смыслѣ Россія заслуживаетъ величайшее вниманіе. Ея пространство, народонаселеніе, національный характеръ жителей, степень раскрытія физическихъ и нравственныхъ силъ, все это составляетъ рѣзкія особенности ея, какъ Государства. Мы никакъ не должны упускать изъ виду этаго различія. И такъ, теорія и практика, умствованія и опыты у насъ сольются въ одну науку; мы постараемся то и другое совокупить въ одно цѣлое, и въ этомъ-то состоитъ вся важность изложенія Политическихъ Наукъ, которыя въ правѣ назваться науками сколько отвлеченными, столько и положительными.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ,

ЧИТАННАЯ СЕНТЯБРЯ 2 ДНЯ 1835 ГОДА.

Милостивые Государи!

Вотъ уже истекъ третій годъ преподаванія мною Политической Экономіи въ здѣшнемъ Университетѣ! Отдавая должную справедливость слушателямъ трехъ годовъ, я, однако, не могу не замѣтить, что въ послѣднемъ году я имѣлъ многихъ какъ съ превосходными способностями, такъ съ особеннымъ прилежаніемъ и усердіемъ. Желаю со всею искренностію моей души, чтобы они принесли своими трудами и познаніями полезные плоды нашему любезнѣйшему Отечеству. Это же самое заставляетъ меня обратиться и къ Вамъ, М. Г., съ убѣжденіемъ, чтобы вы посвятили послѣднее время своего ученія въ Университетѣ напряженное, ревностное занятіе науками. Оставьте считать цѣлію вашею то, что должно только служить средствомъ къ достиженію цѣли; я могу сказать Вамъ, что не сообразно съ истиннымъ Вашимъ назначеніемъ думать единственно о полученіи правъ, соединенныхъ съ окончаніемъ курса наукъ.

Настоящее время—время невознаградимое для васъ въ будущемъ, и смотря по тому, какъ вы успѣете теперь имъ воспользоваться, отъ того будетъ зависѣть самое значеніе вашей службы. Вы не оскорбитесь тѣмъ, что я обратилъ ваше вниманіе на предметъ, по видимому не относящійся прямо къ моей обязанности. Дѣло мое положить Вамъ Науку, Политическую Экономію. Одно мое безграничное усердіе къ вашей пользѣ вынудило меня къ этой уклоненной рѣчи. Я всегда былъ проникнутъ искреннѣйшими чувствами любови къ отечеству, всегда желалъ, чтобы оно имѣло, сколько можно, болѣе истинно просвѣщенныхъ, преданныхъ его благу гражданъ. Но наша Наука не ограничивается одною пользою отечества,—кругъ ея гораздо обширнѣе, эта Наука касается блага всего человѣчества; тѣмъ важнѣе ея назначеніе.

Вы съ самаго начала спросите: что это за Наука, изученіе которой необходимо для блага человѣчества и въ частности для блага отечества? Рѣшеніе этого вопроса сдѣлается само собою яснымъ, при ея изложеніи. Наука, Политическая Экономія, разгадываетъ физическую жизнь государствъ, какъ политическихъ обществъ; каждый человѣкъ живетъ двоякою жизнію, физическою и нравственною,-вамъ это извѣстно. Человѣкъ, какъ простое животное, долженъ ѣсть, пить, одѣваться, сберегать себя отъ холода. Отсюда развиваются тысячи физическихъ или животныхъ нуждъ, потому что пища, питье, одежда, жилища облекаются человѣкомъ въ разнообразные виды и всякой стремится удовлетворить этимъ нуждамъ по мѣрѣ своихъ силъ. Кромѣ этихъ потребностей нашей физической природы, находятся еще другія нужды, нравственныя, относящіяся до нашей нравственной природы. Эти нужды равно многочисленны. Что мы

сказали о частномъ человѣкѣ, то же идетъ къ цѣлымъ обществамъ, состоящимъ изъ частныхъ людей, заключающимъ въ своемъ кругу всѣ ихъ нужды физическія и нравственныя. Мы можемъ представлять себѣ общества, какъ индивидуальныя лица, имѣющія жизнь физическую и нравственную. Предметы первой извѣстны подъ общимъ именемъ богатства, предметы второй составляютъ образованность, понимаемую въ обширномъ смыслѣ. Какъ богатства въ обществѣ пріобрѣтаются, вотъ задача, рѣшаемая нашею Наукою, Политическою Экономіею! Есть-ли какое общество, которое могло бы обойтись безъ богатства, ибо есть-ли какой либо нераздѣльный, которой бы не нуждался въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ, жилищѣ? Но какъ происходитъ на самомъ дѣлѣ удовлетвореніе нуждъ?

Взглянемъ мы на частнаго человѣка,—онъ чувствуетъ потребность въ тѣхъ или другихъ вещахъ, чувство это понуждаетъ его къ ихъ пріобрѣтенію; онъ исполняетъ это требованіе природы, даже самъ незамѣчая того, онъ живетъ, не понимая жизни. Инстинктъ велитъ ему влагать пищу и питье въ свой желудокъ, онъ повинуется этому закону, и не требуетъ отъ инстинкта отчета, какъ пища и питье свариваются въ его желудкѣ, какъ образуются изъ нихъ соки и разливаются по цѣлому организму для поддержанія его жизни; онъ простой исполнитель воли природы. Но человѣкъ не простое животное; онъ одаренъ еще свободою и разумомъ, и въ этомъ отношеніи въ немъ мало по малу пробуждается любопытство знать, какъ дѣйствительно пища и питье сохраняютъ, питаютъ его организмъ; къ этому любопытству само собою присоединяется желаніе разгадать, точно ли всякая пища и питье полезны для

его физической природы. Не причиняютъ ли ему нѣкоторыя изъ нихъ какого либо вреда, или не доставляютъ ли самой пользы въ различныхъ степеняхъ? Отсюда раждается наука, подъ названіемъ медицины. Я здѣсь не бѣру во вниманіе болѣзней, происходящихъ уже въ слѣдствіе неправильнаго рода жизни.—Для меня всегда казалось страннымъ, почему введено въ употребленіе изученіе наукъ—Естественной Исторіи Физики; но Общая Медицина несоставляетъ ли предмета изученія каждаго человѣка? Если для насъ нужно и полезно знать, отъ чего происходятъ какія либо явленія въ мірѣ, на прим: что за явленіе—громъ, молнія, электричество, и т. д; то не болѣе ли необходимо пріобрѣсти достаточное понятіе о томъ, какимъ образомъ происходитъ сваренie пищи въ нашемъ желудкѣ, какое оказывается имъ вліяніе на цѣлый составъ нашего организма, а еще болѣе, какія главныя части сего послѣдняго? Мы пьемъ, ѣдимъ каждый день; отъ употребленія того и другаго зависитъ здоровое и нездоровое состояніе нашей физической жизни, и мы незнаемъ, какъ все это совершается? Я полагаю навѣрное, что скоро на это обращено будетъ просвѣщенное вниманіе, и Общая Медицина войдетъ въ составъ главныхъ, изучаемыхъ всѣми наукъ.

Примѣнимъ сказанное нами къ Наукѣ, Политической Экономіи. Общества политическія живутъ, умножаются, и частные люди рѣшительно никакого не имѣютъ свѣдѣнія, какимъ образомъ эта жизнь поддерживается, развивается: они трудятся по инстинкту, собираютъ богатство, раздѣляютъ его между собою, потребляютъ его, и ни мало не занимаются наблюденіемъ того, какъ все это совершается въ организмѣ общественномъ. Точно ли пріобрѣтеніе, раздѣ-

леніе, потребленіе богатства идутъ хорошо или худо; между тѣмъ безпрерывно отвсюду слышны жалобы то на недостатки или бѣдность, то на злоупотребленія и подобные факты политической жизни, такъ какъ безпрестанно слышимъ жалобы на нездоровье и болѣзни. Однако нечувствительно опытомъ собираемъ былъ запасъ знаній медицинскихъ, равно мало по малу образовался кругъ познаній политическихъ. Такъ, необходимость была причиною воззванія наукъ медицинскихъ,—та же необходимость вызвала и науки политическія. Я не хочу здѣсь распространяться о томъ, надобно-ли ввести въ общее употребленіе изученіе Политической Экономіи? Хотя не могу не замѣтить, что если знаніе Общей Медицины нами признано полезнымъ для всѣхъ людей, то равно нельзя отвергнуть пользы всеобщности знанія и политическихъ наукъ. Подробное же изслѣдованіе и леченіе болѣзней, равно какъ и подробное изученіе политическихъ наукъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ сферѣ особеннаго занятія нѣкоторыми частными людьми, посвящающими себя изученію того или другаго предмета. Если позволите мнѣ сдѣлать сравненіе, то Сей, извѣстный писатель, чрезвычайно мудро назвалъ очеркъ главныхъ правилъ Политической Экономіи, имъ изложенныхъ, катихизисомъ, по тому что это точно катихизисъ общественной жизни, подобно тому, какъ мы имѣемъ катихизисъ вѣры; такіе же катихизисы слѣдовало бы составить для нравственности и медицины,—законы природы вездѣ одинаково неизмѣняемы, святы.

Изъ сказаннаго мною, Вы легко можете заключить о степени нынѣшняго просвѣщенія народовъ.—Напрасно нѣкоторые думаютъ, будто просвѣщеніе достигло въ настоящій вѣкъ самаго высшаго рас-

крытія. По моему мнѣнію, оно еще слишкомъ слабо. — Что за просвѣщеніе, когда еще надо убѣждать людей въ пользѣ знанія какой либо науки,—надо не то, чтобы для точности показать имъ всѣ благодѣтельныя слѣдствія, происходящія отъ ея изученія, а то, чтобы разувѣрить ихъ въ нелѣпости предубѣжденія противъ ея пользы? — Что за просвѣщеніе, когда самая мысль, что просвѣщеніе необходимо для общаго блага, не содѣлалась свѣтлою, безспорною мыслію народовъ? Вы услышите отъ многихъ, принадлежащихъ не къ простому званію, состоящему изъ людей, совершенно грубыхъ, необразованныхъ, но отъ тѣхъ, кои знакомы съ теоретическими познаніями, и, по общему голосу, заключаютъ кругъ людей просвѣщенныхъ, вы услышите, говорю, отъ нихъ странныя мнѣнія на счетъ Политической Экономіи,—имъ кажется эта Наука пустою, ни мало не сообразною съ практикою, а слѣдственно безполезною въ примѣненіи къ общественной жизни. — Сей, о которомъ только что я упомянулъ, принужденъ былъ посвятить цѣлое разсужденіе въ своемъ сочиненіи на убѣжденіе читателей въ признаніи пользы этой Науки. Сей писалъ во Франціи, націи просвѣщеннѣйшей въ Европѣ, что же сказать о другихъ государствахъ, менѣе образованныхъ? Но, безъ сомнѣнія, просвѣщеніе назначено Провидѣніемъ въ удѣлъ не нѣкоторымъ народамъ и людямъ, а всѣмъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени. Сообразивъ же это, мы невольно сознаемся, что человѣчество XIX столѣтія жалко. — Пора умереть, говорятъ поверхностные мыслители, Европѣ; она уже отжила свой вѣкъ; многочисленное народонаселеніе, богатство, образованность, все доказываетъ, что она приближается къ своему концу. Мысль совершенно нелѣ-

ная! Европа составляетъ одну часть человѣчества, человѣчество же еще юно, далеко отъ возмужалаго возраста, въ которомъ силы физическія и нравственныя должны въ полнѣ раскрыться, двоякая жизнь народовъ должна созрѣть, подобно какъ зрѣетъ жизнь каждаго особеннаго существа!

Достигли ли Европейцы высшей степени обогащенія? Нимало. Бѣдность, усматриваемая нами въ политическихъ Европейскихъ обществахъ, служитъ яснымъ тому доказательствомъ. Я не хочу вамъ сказать того, что всѣ люди должны пользоваться одинакими удобностями и выгодами жизни, но никакъ немогу согласиться на то, чтобы общества находились въ цвѣтущемъ состояніи тогда, когда большая часть народа борется съ обыкновенными нуждами, а меньшая часть его наслаждается тѣмъ блескомъ, которымъ поражаетъ насъ богатство нѣкоторыхъ государствъ. Требованія Политической Экономіи другія. Она имѣетъ своею цѣлію общее благоденствіе народовъ, а не частное, для нея жребій всѣхъ людей драгоцѣненъ; по ея законамъ всякой долженъ болѣе или менѣе участвовать въ наслажденіи произведеніями природы и труда. Можетъ быть, она имѣетъ еще высшія важнѣйшія цѣли, но крайней мѣрѣ въ настоящемъ ея раскрытіи мы не можемъ ихъ обозначить; будущее, безъ сомнѣнія, заключаетъ въ себѣ для теперешняго времени много неизвѣстнаго, непостижимаго. Вы можете сдѣлать мнѣ на счетъ бѣдности возраженіе, а именно, что богатство—понятіе относительное. Если, скажете, Римляне не пользовались безчисленными произведеніями Европейскаго искусства и нынѣшними многоразличными родами произведеній природы, то значитъ ли, что Римляне были бѣдны? Такая бѣдность будетъ удѣломъ всѣхъ временъ, иду-

щихъ къ совершенству, всѣхъ народовъ, начавшихъ свое бытіе съ различныхъ эпохъ жизни нашей планеты. Такъ нужды раждаются, возрастаютъ по мѣрѣ знакомства человѣка съ вещами, служащими къ ихъ удовлетворенію. Однако если мы видимъ, что, несмотря на чрезвычайное изобиліе произведеній, многіе частные люди борятся съ потребностію самыхъ обыкновенныхъ вещей, не имѣютъ того, чѣмъ удовлетворить свой голодъ, чѣмъ одѣться, гдѣ укрыться; то подобное состояніе обществъ не слишкомъ завидно хотя бы, повторяю, нѣкоторые изъ его членовъ и изобиловали безчисленными предметами, удовлетворяющими ихъ нужды. Вы опять можете возразить, что это не относится собственно къ произведенію богатства, но къ его раздѣленію; изобрѣтаемыя же вещи, по необходимости, должны распространяться постепенно отъ высшихъ классовъ къ низшимъ, отъ богатыхъ къ бѣднымъ. И на это я согласенъ; но Политическая Экономія, занимаясь изслѣдованіемъ пріобрѣтенія богатства, вмѣстѣ разгадываетъ и законы его раздѣленія. Не смотря на чрезвычайное различіе, замѣчаемое нами въ нынѣшнихъ Европейскихъ государствахъ между классами общества и между самыми гражданами по отношенію къ богатству, это различіе гораздо въ меньшемъ размѣрѣ, нежели въ какомъ мы его находимъ у Римлянъ и другихъ древнихъ народовъ. Прочтите превосходное сочиненіе Августа Конта, Traité de Législation, и Вы ужаснетесь общественнаго быта Римлянъ, на который нѣсколько походитъ настоящій бытъ Европейскихъ колоній. Все дышетъ эгоизмомъ, варварствомъ, проведшимъ рѣзкую полосу между двумя классами общества, господствующимъ и повинующимся, или между классомъ капиталистовъ владѣль-

цевъ и классомъ работниковъ. О! когда люди содѣлаются людьми одни къ другимъ, почувствуютъ свои взаимныя обязанности, свое родство, единокровіе! Долго-ли они будутъ сохранять гражданскія связи въ виду одной своей пользы? Долго ли жизнь общественная въ проявленіи движенія своихъ внутреннихъ силъ останется дикою, разъединенною для человѣчества! Что это за общество, которое мы видимъ въ настоящее время у народовъ такъ называемыхъ, образованныхъ, общество, въ которомъ чувствительное сердце, просвѣщенный умъ, безпрестанно подвергаются страху за себя и за другихъ? Что это за общество, терзающее само себя, высасывающее само изъ себя кровь, съ одной стороны пожирающее чужую собственность, безъ заслугъ, безъ достоинствъ, нѣжащееся среди изобилія, взлелеянное дарами благопріятнаго случая, гордое, презрительное, самоуправное, безотчетное, съ другой стороны угнѣтаемое безмѣрными трудами, истомленное голодомъ, изможденное тяжкими нуждами, иногда съ отличными достоинствами, съ правомъ на всякое преимущество, но подавленное презрѣніемъ, униженіемъ, безъ всякой надежды на лучшій жребій? Что это за общество? И послѣ этаго нашъ вѣкъ можетъ называться просвѣщеннымъ, можетъ хвалиться богатствомъ? Пусть говорятъ это тѣ, которые, за бросаемые вверхъ мыльные пузыри просвѣщенія ловятъ благосклонные отзывы публики, пользуются ея щедротами; пресыщаются выгодами жизни. Пусть говоритъ это сатрапъ Персидскій, пользующійся плодами чужой работы и отъ самаго младенчества не знавшій, что такое работа? По его мнѣнію, это принадлежность другихъ народовъ, другихъ людей, изъ числа которыхъ онъ изъятъ волею Провидѣнія. Безпечность, изнѣженность, гордость, вотъ,

что Азіятецъ почитаетъ своимъ удѣломъ! И пусть говорятъ это тѣ, коимъ достается легко счастіе этой жизни, какъ то: политическіе спекуляторы, разсѣянные по угламъ всѣхъ званій, должностей, промысловъ, низкій родъ льстецовъ, привиллегированныя особы, снабженныя грамотами давности или нововведеній на право пользоваться преимущественными выгодами! Наконецъ пусть говорятъ это всѣ, незнакомые съ нуждами, бѣдствіями, и безчувственные къ потребностямъ, страданіямъ другихъ! Но вы, М. Г., не говорите этого, по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ вы начинаете изучаться Наукѣ общественной жизни, постигать, какъ все должно итти въ обществѣ, чтобы потомъ это сравнить съ тѣмъ, какъ все идетъ на самомъ дѣлѣ. Я Вамъ скажу прежде, нежели начну излагать Науку, что вѣкъ нашъ дѣйствительно находится на высшей степени просвѣщенія въ сравненіи съ временами прежними, которыя, какъ чудовища, приподнимаясь изъ Океана прошедшаго, страшатъ нынѣшняго благороднаго, человѣколюбиваго наблюдателя. Скажу Вамъ еще, что и богатство раскрыто несравненно въ большой степени, нежели какимъ оно было прежде. Но въ тоже время замѣчу, что просвѣщеніе и богатство еще не наслаждаются вполнѣ тѣмъ и другимъ, что раздѣленіе того и другаго еще не снимаетъ клейма съ человѣчества. — Взгляните, повторяю Вамъ, на состояніе государствъ Европейскихъ, присмотритесь къ жизни высшаго, средняго и низшаго классовъ, къ жизни капиталистовъ и работниковъ, владѣльцевъ земли и самыхъ земледѣльцевъ, взвѣсьте ихъ потребности, способы удовлетворенія сихъ послѣднихъ, и ужели сердце Ваше при семъ не можетъ содрогнуться? Если въ Англіи, этой богатѣйшей, просвѣщеннѣйшей

нацiи, насчитываютъ тысячи удрученныхъ нуждами, то и Англiя не благоденствуетъ. Я говорю объ Англiи; но тамъ, по отзыву политико-экономовъ, способы вспомоществованiя бѣднымъ вышли уже изъ границъ благоразумнаго человѣколюбiя, это значитъ, что вспомоществованiе само по себѣ не въ состоянiи истребить бѣдности; для этого нужны особыя мѣры, заключающiяся въ силахъ общественныхъ, открываемыя Политическою Экономiею. Что же сказать о другихъ Европейскихъ Государствахъ? Я уже молчу объ Америкѣ (исключая можетъ быть С. А. Соединенные Штаты), Азiи, Африкѣ, молчу, ибо мысль моя, чувство мое цѣпенѣютъ, при воззрѣнiи на физическiй бытъ этихъ несчастныхъ странъ свѣта, по видимому имѣющихъ другаго Бога, другую природу, другое человѣчество. Индѣйцы, Варварiйцы, Кафры, лучше бы было, если бы мы незнали, что вы имѣете право называться человѣками! Уже нѣсколько тысячелѣтiй прошло, какъ многiя страны Азiи и Африки были населены, процвѣтали, подвергались многочисленнымъ переворотамъ, и теперь еще продолжаютъ свое народное существованiе. Сравнивая народонаселенiе Европейскихъ Государствъ, начавшихъ бытiе несравненно позже, съ народонаселенiемъ тѣхъ странъ, мы не можемъ не удивляться чрезвычайному различiю въ пользу первыхъ. Гдѣ же, спрашивается, народонаселенiе, которое должно бы было, судя по времени, распространиться по лицу вторыхъ? Оно подавлено въ утробѣ матерей варварствомъ. Получеловѣки! уже ли земной шаръ для васъ былъ тѣсенъ? Ужели источники богатства, предоставленные вамъ природою въ обладанiе, истощились или найдены вами недостаточными для вашего существованiя? Но развѣ Европа богаче вашихъ

странъ? Развѣ способы къ сохраненію своего бытія въ ней изобильнѣе, удобнѣе? Въ этомъ то вы рѣшительно заблуждаетесь! Вамъ, М. Г., извѣстна физическая природа странъ Азіи и Африки, извѣстно и то, что многочисленные роды произведеній, составляющихъ нынѣ достояніе Европы такъ, какъ будто они были ея всегдашнею естественною принадлежностію, первоначально заимствованы, перенесены въ нее изъ тѣхъ странъ; извѣстно, наконецъ, что и собственными произведеніями она первоначально была скудна; уже трудъ, окропленный потомъ ея жителей, ихъ оплодородилъ, онъ не истощилъ силъ природы, какъ бы можно было предполагать, но болѣе ихъ развилъ, оживилъ. Какъ завидно состояніе Европы! Какъ человѣчество въ ней болѣе обезпечено, облагорожено! Не смотря на все это, мы таки не отстаемъ отъ мнѣнія, нами сказаннаго, что состояніе Европейскихъ Государствъ еще далеко отъ того, чтобы можно было назвать его счастливымъ, и чтобы не можно было жалѣть о немъ.

Что же дѣлать, Вы спросите? Нельзя же истребить неравенства въ состояніи; всѣмъ не возможно жить одинаково. Правда, но ужели законы природы не для всѣхъ существуютъ? Ужели этотъ міръ чудовищный пристрастенъ въ основаніи бытія къ своимъ порожденіямъ? Такъ скажите, что управляетъ его пристрастіемъ? — Нѣтъ, бѣдность, угнѣтеніе существуютъ не по законамъ природы. Въ этомъ виновенъ человѣкъ, незнающій ея законовъ!

Въ Швеціи нѣтъ чугунныхъ дорогъ, и такъ должно быть; но онѣ будутъ, для этого потребно время, и въ Англіи онѣ еще не вездѣ устроены! — Въ Европѣ еще не вездѣ достигли блистательнаго состоянія земледѣліе, мануфактурность, торговля, и такъ дол-

жно быть, каждое Государство развивается въ силахъ постепенно. Простой гражданинъ нигдѣ не пользуется удобствами высшаго класса гражданъ, и такъ должно быть; состояніе, званіе, общественныя отношенія ихъ совершенно различны, но тѣмъ не менѣе бѣдность и угнѣтеніе не должны существовать. Можно ли признать назначеніемъ природы, чтобы Китай собиралъ по улицамъ, въ продолженіе года, нѣсколько десятковъ тысячъ родившихся дѣтей, брошенныхъ за-мертво, потому только, что родители не въ состояніи ихъ кормить, чтобы низкій классъ народа питался гнилою рыбою, испорченнымъ мясомъ животныхъ въ такомъ обширномъ богатѣйшемъ государствѣ? Можетъ ли быть опредѣлено природою, чтобы въ Индіи, этой благословенной землѣ, нерѣдко сотни тысячъ погибали отъ голоду, тогда, когда въ другое время погибаетъ хлѣбъ, несобранный на жатвѣ? Природа ли распредѣлила, чтобы со времени ужасной, постыдной, оклеймившей человѣчество продажи Негровъ, вывезенное изъ Африки число ихъ, простиравшееся свыше 50 мил., не только не увеличилось, по всеобщему закону народонаселенія, напротивъ постепенно стиралось съ лица земли, и чтобы неисчерпаемое богатство колоніальныхъ произведеній замедлялось угнѣтеніями, жадностію Европейцевъ? Она ли назначила, чтобы государства, подобныя Испаніи, пользующейся чрезвычайными выгодами для счастливаго раскрытія труда, далеко отстали отъ другихъ сравнительно бѣдныхъ по всѣмъ отраслямъ промышленности, испытывали неимовѣрныя бѣдствія въ физическомъ и нравственномъ быту? Ея ли законъ, чтобы вообще Европейскія Государства, волнуемыя безпрерывными ссорами, упитываемыя кровію своихъ народовъ, не-

тощали на войны милліоны богатства и въ тоже время истребляли на другіе милліоны, въ продолженіе войнъ, пріобрѣтенія вѣковыхъ трудовъ? Ели законъ, чтобы съ одной стороны необузданная роскошь, безпечность, нѣга, съ другой безразсудность въ изысканіи способовъ покрывать недостатокъ налоговъ, влекли за собою ужасное чудовище, извѣстное подъ названіемъ долга, медленно пожирающее драгоцѣнныя произведенія труда и заражающее вдовитымъ дыханіемъ общественные источники богатства? Пусть кто хочетъ, такъ думаетъ, а по моему мнѣнію, въ этомъ ни мало не виновна природа.

Теперь послушайте съ различныхъ сторонъ мнѣнія о томъ, какъ надо поправить худое состояніе Государствъ, и вы услышите, что одни твердятъ: запретите вывозъ за границу золота и серебра, запретите свободный ввозъ иностранныхъ товаровъ, наводняющихъ наши рынки, подрывающихъ отечественную промышленность, и богатство польется рѣкою въ Государствѣ, — какъ будто этотъ приговоръ не то же значитъ, какъ еслибы мы сказали: препятствуйте, народы, одни другимъ улучшать свою промышленность, заботьтесь не о томъ, чтобы добывать произведенія дешевою цѣною, хотя бы то было извнѣ, а о томъ, чтобы отнимать выгоды у другихъ народовъ — другіе повторяютъ, что надо непремѣнно предпринимать строгія мѣры къ обузданію неумѣренности въ простомъ народѣ, къ пресѣченію праздности, лѣности этаго класса, — по мнѣнію ихъ, это одно замедляетъ цвѣтущее состояніе промышленности, а о томъ они ни мало не думаютъ, откуда происходитъ самая лѣность? По мнѣнію иныхъ, надо уменьшать чрезвычайные разходы, употребляемые

на содержаніе нравственныхъ классовъ, потому что этимъ истощаются способы промышленности, а того не соображаютъ, сколько нравственные классы своимъ трудомъ способствуютъ увеличенію самаго богатства. Наконецъ, многіе возстаютъ съ жаромъ на чрезмѣрность податей или худое ихъ распредѣленіе. Не можно исчислить всѣхъ разнообразныхъ мнѣній, разбросанныхъ по кабинетамъ Государственныхъ людей, ученыхъ, духовныхъ, военныхъ, по магазинамъ, лавкамъ,—и всѣ почитаютъ свои мнѣнія справедливыми, основанными на очевидномъ опытѣ.

Мнимые политико-экономы! Это ваши опыты такіе же, какіе представляются глазамъ, находящимся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ предметовъ. Все имъ кажется вдвойнѣ или въ превратномъ видѣ. Но если бы и вѣрно угаданы были опыты, но нельзя вылѣчить и тѣла нашего, не истребивъ болѣзни въ цѣломъ организмѣ; можно ли иначе лѣчить политическое тѣло? Для этого нужна система, нужна наша Наука, Политическая Экономія. Она-то обнимаетъ все политическое тѣло, разгадываетъ законы его физической жизни, она-то показываетъ, какимъ образомъ богатства въ обществахъ пріобрѣтаются, раздѣляются, потребляются. Конечно, она еще не раскрыла всѣхъ законовъ, составляющихъ благосостояніе обществъ; въ ней еще недостаетъ много такого, чѣмъ руководствуясь, они могли бы вполнѣ достигнуть цѣли, нами выше обозначенной. Покрайней мѣрѣ, многіе законы, ею обслѣдованные, уже служатъ твердымъ къ тому основаніемъ; исполнивъ ихъ, общества смѣло, прямымъ путемъ могутъ итти къ своему совершенствованію.

Но всегда ли уважаются эти законы на самой практикѣ? И отъ чего? Отъ того ли, что боятся сдѣ-

лать ошибку въ примѣненіи ихъ къ положительному состоянію Государствъ, или по другимъ какимъ либо расчетамъ? Думаю, отъ того и другаго.

Впрочемъ, я долженъ при этомъ замѣтить вамъ, что для полнаго благоденствія народовъ не довольно одного знанія Политической Экономіи; есть еще другая наука не менѣе важная, это Политика, разгадывающая законы нравственной жизни обществъ. Но эта наука находится еще въ слабомъ состояніи. Настоящій вѣкъ—вѣкъ, если могу такъ выразиться, политико-экономическій. Этому причины будутъ мною показаны въ послѣдствіи.

Милостивые Государи!

Съ самаго начала я прошу Васъ не удивляться, что обратилъ ваше вниманіе на печальную сторону Политическихъ обществъ. Я не изображалъ Вамъ великолѣпія, блистательной роскоши, въ нихъ царствующей, не говорилъ Вамъ ничего о безчисленныхъ, огромныхъ устроеніяхъ, украшающихъ города, о дорогахъ и каналахъ, стоившихъ чрезвычайныхъ суммъ, о разнообразныхъ мануфактурахъ, представляющихъ чудеса искусства человѣческаго ума, о цвѣтущемъ состояніи торговли, мѣняющей произведенія всѣхъ частей свѣта, не упоминалъ вамъ о необыкновенныхъ успѣхахъ земледѣльческой промышленности, ея многочисленныхъ развитыхъ отрасляхъ, тысячи произведеній природы и труда. Всѣ подобныя описанія вы безпрерывно можете встрѣчать въ журналахъ, газетахъ, книгахъ. Статистика излагаетъ Вамъ все это подробно, хотя безъ надлежащей отчетности, безъ жизни, подобно тому, какъ по-

лотно носить на себѣ кисть художника. Но много ли книгъ, обнимающихъ недостатки человѣческаго труда, обличающихъ предразсудки, невѣжество обществъ? Много ли книгъ, показывающихъ то, что должно быть, а не то только, что уже есть? Для перваго предмета нуженъ умъ, для втораго одни глаза. Я желалъ-бы лучше, что бы менѣе было блеску, но болѣе существеннаго добра и менѣе ужасовъ зла. Горе, если достанется вамъ въ удѣлъ испытывать послѣднія, не приготовившись къ тому. Но если бы и достался вамъ этотъ жребій, по крайней мѣрѣ, знайте его прежде въ теоріи, заранѣе приготовляйтесь жить не одною своею жизнію, но жизнію другихъ, равныхъ вамъ существъ. Радуйтесь менѣе общественнымъ наслажденіямъ, и болѣе скорбите объ общественныхъ недостаткахъ, — и безъ Васъ найдется много въ первомъ кругу, сфера вторыхъ всегда скудна. Посмотрите на великихъ дѣйствователей обществъ, пробѣгите листки ихъ жизни, и Вы увидите, что они большою частію были вскормлены одними несчастіями, болѣзнями, даже они добровольно отдавали себя имъ на жертву, какъ бы для того, что бы лучше разгадать положеніе другихъ существъ, страдальцевъ зла общественнаго. — Великія души! примите признательность нашу, утѣшьтесь тѣмъ, что и въ отдаленномъ краю Европы находятся люди, вамъ сочувствующіе, понимающіе вполнѣ благодѣянія, оказанныя вами человѣчеству, и которые почли бы себя на верху счастія, если бы могли въ чашу вашихъ благодѣяній положить отъ себя какую либо дань, жертву безкорыстныхъ усилій.

Но говоря такимъ образомъ противъ богатыхъ, хотя въ пользу самаго богатства, я опасаюсь, чтобы

не сдѣлать этимъ на васъ непріятнаго впечатлѣнія, не подвергнуть васъ опасности впасть въ крайность. Фанатизмъ ужасенъ, а дѣло наставника священно! Дѣйствительно, вы можете такъ подумать, если не вникните въ существенный образъ моихъ мыслей. Спрашиваю: въ правѣ ли мы оскорбляться, видя знатнаго лорда, окруженнаго великолѣпіемъ, блескомъ, или, встрѣчая банкира, производящаго ежедневно милліонные обороты, незнающаго, по видимому, что такое нужда? И сколько вы найдете въ обществѣ подобныхъ людей, живущихъ на противоположенномъ полушаріи бѣдности! Въ правѣ ли, однако, смотря на нихъ, оскорбляться? Ни мало. Вѣрьте, что эти люди часто бываютъ достойными бо́льшей жалости, нежели какую заслуживаютъ люди бѣднѣйшаго класса. Лордъ, лишившійся 100 тысячъ десятинъ земли тогда, когда еще у него 10 тысячъ, уже почитаетъ себя совершенно разорившимся, тяготится самою своею жизнію; банкиръ, потерявшій по несчастному расчету 10 милліоновъ тогда, когда еще имѣетъ у себя въ запасѣ 1 милліонъ, уже теряетъ бодрость духа и становится часто жертвою отчаянія. Между тѣмъ, сколько бы вы нашли людей на ихъ мѣстѣ счастливыми, благословляющими свою судьбу! Скажу вамъ еще болѣе. Римскій Патрицій позавидовалъ бы теперешней жизни какого нибудь посредственнаго купца,—но этотъ купецъ всегда ли нынѣ доволенъ своимъ состояніемъ, своимъ богатствомъ? Отъ чего же это происходитъ? Это естественно. Образъ нашихъ мыслей, желаній, зависитъ отъ навыка, отъ того образа жизни, къ которому мы привыкли, отъ того круга общества, въ которомъ мы безпрестанно обращаемся, отъ нашихъ обстоятельствъ. Все это замыкаетъ сферу нашихъ нуждъ,

которымъ мы повинуемся, какъ рабы своего времени. Но вотъ въ чемъ дѣло. Правильно ли раздѣлены эти нужды во всѣхъ классахъ общества? Сообразно ли труду, виновнику богатства, онѣ возрастаютъ? Удовлетвореніе ихъ не противно ли въ какомъ либо отношеніи общественной пользѣ? Въ этомъ-то случаѣ надо прибѣгнуть къ Политической Экономіи. По сему, надо направить общество такъ, чтобы каждый гражданинъ его дѣйствовалъ, жилъ, сообразно своей и общей пользѣ, хотя бы и не понималъ причины, движущей его по такому направленію; надо, чтобы ни кто не выходилъ изъ круга постепеннаго общественнаго совершенствованія, чтобы трудъ и нужды въ обществѣ раскрывались въ надлежащемъ порядкѣ.

Для достиженія этой цѣли, умы до сего времени обыкновенно прибѣгали къ нравственности; но она невсегда оказывалась къ тому достаточною, потому что нравоучители, увлекаемые порывами безотчетной добродѣтели, съ одной стороны необдуманно вооружались противу богатства, стараясь поселить къ нему презрѣніе, отвращеніе, не разобравъ, что этого нельзя сдѣлать, потому что въ самой нашей натурѣ заключается стремленіе къ улучшенію своего физическаго быта; съ другой стороны, они неосторожно старались покровительствовать бѣдность, возбуждая богатыхъ оказывать ей возможное вспомоществованіе, не замѣчая, что тѣмъ самымъ часто поощряли праздность, лѣность, которыя влекли за собою тысячи пороковъ и преступленій. Можетъ быть, эти недостаточные успѣхи нравственности были причиною того, что многіе изъ новѣйшихъ писателей политико-историковъ почти вычеркнули ее изъ своихъ сочиненій;—но это опять составляетъ важную ошиб-

ку: нравственность всегда должна оставаться основаніемъ общественныхъ наукъ, а потому-то политико-историки, мало знакомые съ послѣдними, часто, при разслѣдованіи фактовъ, впадали въ большія погрѣшности. Исторія сама по себѣ не научитъ обществъ, какъ они должны жить, дѣйствовать. Для этого нужны науки, разгадывающія общественные законы, Политическая Экономія и Политика.

Теперь предлежитъ мнѣ обратить ваше вниманіе на занятіе самою Наукою, чтобы вы впередъ могли ознакомиться съ тѣмъ, что для васъ нужно, при слушаніи моихъ лекцій.

Милостивые Государи!

Наука наша, Политическая Экономія, требуетъ чрезвычайнаго напряженія умственныхъ способностей; постояннаго, твердаго вниманія; строгаго, отчетливаго сужденія. Простой памяти, нужной для заучиванія нѣкоторыхъ наукъ, здѣсь недостаточно; вы съ одною ею нимало неуспѣете. По сему то, я считаю моимъ долгомъ въ началѣ посовѣтовать вамъ каждую статью, и въ статьѣ каждую мысль, обсуживать со всею тщательностію и точностію. Впрочемъ, надо будетъ только сперва углубиться въ постиженіе моего систематическаго образа мыслей, потомъ не трудно будетъ вамъ развивать дальнѣйшіе мои выводы. Запамятованіе мнѣній различныхъ писателей нѣсколько обременитъ ваше вниманіе; изложеніе же моихъ мыслей будетъ для васъ яснымъ, удобопонятнымъ. Я долговременнымъ усиліемъ моихъ способностей успѣлъ сомкнуть науку въ организмъ. Для

удачнаго разматыванія клубка ниточнаго, требуется найти первую его нить. Кто не сыскалъ ея, тотъ, безъ сомнѣнія, будетъ жаловаться на невозможность размотать клубокъ, но онъ самъ виноватъ въ этомъ. Я довѣряю вашимъ способностямъ! Къ совершенному моему удовольствію, опытъ въ этомъ уже меня увѣрилъ.

Милостивые Государи!

Позвольте теперь мнѣ просить васъ, не какъ уже профессору, преподающему науку по долгу своего званія, а какъ гражданину, искренно любящему свое отечество, заняться этою наукою съ особеннымъ усердіемъ. Знаніе ея такъ важно въ настоящее время, что я не могу не сожалѣть о слабомъ ея распространеніи. Правда — вездѣ говорятъ о Политической Экономіи; но спросите велерѣчивыхъ людей подробнѣе о ней, и вы будете поражены поверхностнымъ о ней понятіемъ. Дѣло не въ томъ, чтобы говорить о Политической Экономіи, даже прочитать, а еще болѣе перелистать нѣсколько книгъ о наукѣ, но въ томъ, чтобы проникнуть въ ея основаніе, начала, выводы. Между тѣмъ не могу не замѣтить вамъ, какъ вредны бываютъ сужденія полуученыхъ людей, потому что этими сужденіями увлекается иногда толпа умовъ, заслужившихъ уваженіе, не говорю уже о умахъ посредственныхъ, обыкновенныхъ. Вообще эти люди въ понятіи Политической Экономіи склоняются къ Статистикѣ, они ищутъ въ ней не законовъ общественныхъ, которыхъ они часто и не любятъ, а опытовъ; безъ

сихъ послѣднихъ наука имъ кажется отвлеченною, мечтательною. Но законы общественные могутъ ли не быть отвлеченными, не бывши однако мечтательными? Опыты предоставлены Статистикѣ, за то эта наука сама по себѣ и шагу не сдѣлаетъ, безъ помощи Политической Экономіи, не заблудившись въ своихъ заключеніяхъ. Мы болѣе скажемъ объ этомъ въ послѣдствіи. И такъ, не огорчайтесь тѣмъ, если ваши познанія, пріобрѣтаемыя дорогою цѣною умственнаго труда, иногда не оцѣнятся надлежащимъ образомъ въ свѣтѣ. Понимать Политическую Экономію не такъ легко, какъ ознакомиться съ идеями, разсѣянными въ повѣстяхъ, романахъ, и даже съ возвышенными понятіями поэзіи, краснорѣчія. Въ моемъ понятіи, Смитъ, если могу такъ выразиться, полу-богъ обществъ! А много ли онъ былъ вознагражденъ за колоссальныя, извлеченныя изъ ничтожества, истины? Но Смитъ былъ одинъ изъ счастливыхъ писателей. Надо учить невѣжество, хотя бы оно и не умѣло цѣнить того; мало по малу можно пробить твердую, грубую его кору, и тѣмъ болѣе пріобрѣсть значенія въ сферѣ человѣческаго достоинства! Разверните исторію, читайте о Лудовикѣ XIV, вы будете понимать почти все, не читавъ о Францискѣ I, Генрихѣ II, и покрайней мѣрѣ вы пріобрѣтете достаточное понятіе о царствованіи Лудовика, но разверните книгу Политической Экономіи, прочитайте статью, положимъ, о доходѣ отъ земли, безъ познанія предъидущихъ статей, — и вы рѣшительно ничего не поймете. Читайте исторію, и не думайте, у васъ все таки останется многое въ памяти, соображеніи, — читайте Политическую Экономію и не думайте, вы останетесь въ такой же слѣпотѣ, въ какой находились до ея чте-

нія! Впрочемъ, я здѣсь разумѣю исторію въ простомъ смыслѣ, если же взять ее въ высшемъ значеніи, какъ науку фактовъ, обнаруживающихъ общественную и народную жизнь, то нельзя и ее уразумѣть безъ систематическаго ученія. Отъ того-то она по большей части служитъ для памяти, нежели для ума. Напримѣръ, много ли пользы знать, что тогда-то совершилось такое-то происшествіе, не доискавшись кореннаго его источника, значенія и всѣхъ даже отдаленныхъ, важныхъ послѣдствій? Но много ли людей, понимающихъ это требованіе умственной исторіи? Политическую же Экономію рѣшительно нельзя знать по одной номенклатурѣ: она вся состоитъ изъ предметовъ мышленія. Здѣсь нѣтъ многочисленныхъ именъ, удивляющихъ иногда любителя исторіи. Къ чему же жаловаться вамъ на людей необразованныхъ и полуобразованныхъ? Вы идите своей дорогой, сначала изучайтесь сами, а потомъ изучайте другихъ творить богатство, хотя бы вамъ въ удѣлъ не досталось быть ни богатыми, ни въ особенной почести. Дайте людямъ золото, и васъ осыпятъ благодарностями, научите ихъ пріобрѣтать золото, и вы иногда не услышите ни одного благодарнаго слова. Отъ чего же? Отъ того, что послѣднее благодѣяніе не для всѣхъ понятно, ясно. За то, если ваши познанія будутъ приняты публикою со вниманіемъ, если они найдутъ какую-либо просвѣщенную особу своимъ покровителемъ, то старайтесь этимъ воспользоваться, для блага другихъ, сколько можно удачнѣе. И вѣрьте, что всегда найдутся въ обществѣ, хотя не въ большомъ числѣ, люди, которые отдадутъ должное вашимъ способностямъ, оцѣнятъ ваши труды, познанія.

И такъ, углубляйтесь съ надлежащимъ усиліемъ въ излагаемую мною теорію науки, слѣдите ходъ моихъ мыслей, вызывайте собственный вашъ умъ на разборъ ихъ, и вмѣстѣ приларовляйте ихъ къ практикѣ, особенно къ нашему государству, судите, заключайте. Я не въ силахъ изобразить вамъ, какое обширное поле, для теоретической и практической дѣятельности, представляетъ вамъ наше отечество! Физическая и нравственная природа Россіи, если могу такъ выразиться, богата силами. Статистикъ доставитъ вамъ очеркъ источниковъ народнаго богатства, обсудите ихъ, подведите ихъ подъ законы общественной жизни, подъ систему Политической Экономіи. Знаю, что Статистика наша слишкомъ бѣдна опытами, необходимыми для полнаго соображенія народнаго богатства, и собранные опыты невѣрны, ошибочны; но что дѣлать? Впрочемъ, эта участь не одного нашего отечества, но и другихъ государствъ въ большей или меньшей степени. Просвѣщеніе, знакомство съ вещами, идутъ постепенно. Зачѣмъ требовать отъ своего вѣка того, что принадлежитъ послѣдующимъ столѣтіямъ? Зачемъ укорять одинъ народъ въ недостаткѣ того, что пріобрѣтено другими народами заблаговременно? Довольствуйтесь тѣмъ, что уже есть, только остерегайтесь давать свое рѣшительное мнѣніе, дѣлайте иногда одни предположенія. Вы и тѣмъ уже принесете безцѣнную пользу государству. Явятся въ послѣдствіи другіе умы, которые, собравъ опыты въ бо́льшемъ количествѣ, составятъ выводы удачнѣе. Не берите никогда на себя слишкомъ много, знайте, что не рѣдко одно ошибочное направленіе можетъ причинить государству ужаснѣйшій вредъ; но берегитесь и излишней недовѣрчивости къ себѣ.

иногда одно, упущенное изъ виду, счастливое соображеніе могло бы повести къ полезнѣйшимъ выводамъ. Для лучшаго успѣха въ этомъ, вы довольствуйтесь одною книгою, подъ названіемъ Статистики; вы постоянно читайте другія книги, обнимающія частные предметы народнаго богатства, слѣдите ходъ промышленостей въ Коммерческой Газетѣ, Земледѣльческомъ Журналѣ и въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ. Вообще не страшитесь препятствій, которыми угрожаетъ вамъ практическій міръ, умѣйте съ ними бороться, старайтесь побѣдить ихъ. Можетъ быть, ни одно государство въ Европѣ не нуждается столько въ порывахъ, усиліяхъ геніальныхъ, какъ Россія, и, можетъ быть, никакое другое, подобно ей, не требуетъ столько благодѣтельныхъ соображеній по своему настоящему и будущему вліянію на жребій народовъ.

Однако не подумайте, чтобы вышеозначенною моею рѣчью я сколько нибудь вызывалъ Васъ на порицаніе существующихъ въ общественномъ быту учрежденій. Никакъ; напротивъ, сохраните къ нимъ неизмѣнное уваженіе. Теорія научаетъ, но не располагаетъ. Замѣтьте эту истину навсегда. Я желаю, чтобы вы были въ полномъ значеніи истинными сынами Отечества, вѣрнѣйшими подданными нашего Монарха, явившаго многочисленные опыты своей любви къ общественному благу. Когда вступите на сцену практической жизни, когда займете мѣста дѣйствователей въ обществѣ, тогда сами будете имѣть время и обязанность осуществить ваши чувства, понятія, и тѣмъ принесете прямую, безкорыстную, мирную пользу государству. Въ этомъ, осмѣливаюсь замѣтить вамъ, ручается вполнѣ нео-

бывновенная заботливость, выраженная Монархомъ въ разныхъ случаяхъ; я приведу Вамъ на память одинъ изъ нихъ, именно, время посѣщенія Монархомъ выставки отечественныхъ издѣлій въ Москвѣ, 19-го мая сего года. Не говоря о многихъ важныхъ изрѣченіяхъ Дражайшаго Государя, произнесенныхъ при этомъ посѣщеніи, по различнымъ предметамъ народной дѣятельности, я скажу только объ одномъ. Когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ стояли между прочимъ модели земледѣльческихъ орудій машинистовъ Буденовъ, то, узнавъ, что Г. Масловъ, редакторъ Земледѣльческаго Журнала и правитель дѣлъ Сельскаго Хозяйства, Его Величество изволилъ такъ отозваться: «Мнѣ пріятно слышать, что здѣсь многіе съ успѣхомъ занимаются земледѣліемъ: пора обратить на эту часть особенное вниманіе; эта часть самая важная для Государства, и Я надѣюсь, что впередъ она пойдетъ лучше.» — О! если бы эти драгоцѣнныя слова Монарха глубоко зарыты были въ землѣ нашимъ Отечествомъ! Я восхищаюсь утѣшительною мыслію, какъ они въ короткое время принесли бы неисчислимые плоды! Васъ же, милостивые государи, я прошу зарыть эти чувства Монарха-Отца глубоко въ вашей душѣ, чтобы они принесли неисчислимые плоды настоящаго вашего изученія.

Но для того, чтобы вы вполнѣ могли достигнуть этой, предначертанной вамъ цѣли, вамъ надо вооружиться рѣшительностію не всегда поступать такъ, какъ поступаютъ другіе, но какъ велитъ вамъ долгъ, велитъ ваша наука. Надо же быть кому нибудь примѣромъ для другихъ? Почему же вамъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать слабостямъ, ошибкамъ другихъ, не

начать самимъ пролагать лучшую дорогу къ общественной благородной дѣятельности, сообразно мудрымъ указаніямъ Правительства? Дружными, постепенными усиліями, вы можете дать политическому организму полезнѣйшее движеніе. Не забудьте, что вы изучаетесь наукамъ въ маломъ числѣ среди милліоновъ народа, не забудьте, что вы своими понятіями, поступками, распоряженіями, можете имѣть вліяніе на участь поколѣній, еще неродившихся, еще невинныхъ, незаслужившихъ того рода золъ, который они могутъ испытать. Благодарите Провидѣніе за драгоцѣнное избраніе васъ на важнѣйшее назначеніе, и неуклонно исполните его требованія, только помните, что велѣнія Провидѣнія не суть всегда требованія вѣка; послѣднія могутъ быть ошибочными, первыя всегда святы; надо внимательнѣе вематриваться въ послѣднія, чтобы не почесть ихъ за первыя. Не входя въ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ, я представлю вамъ одно замѣчаніе. Выше было нами сказано, что нынѣшній вѣкъ — вѣкъ политико-экономическій. Всѣ народы почувствовали нынѣ важность пріобрѣтенія богатствъ, для своего благоденствія, не только въ отношеніи физическомъ, но и нравственномъ. Частные люди вполнѣ проникнуты этою мыслію. Но что же мы видимъ на опытѣ? Люди рѣдко умѣютъ избѣгать крайностей; они уже, такъ сказать, страдаютъ болѣзнію богатства; до такой степени они жаждутъ удобствъ, выгодъ, наслажденій, что жертвуютъ для нихъ всѣми другими важными цѣлями. Вотъ требованіе и, можно сказать, заблужденіе настоящаго вѣка! Умѣйте его разгадать.

И такъ, вы должны быть проникнуты чистою, безкорыстною, свѣтлою любовію къ отечеству, и, при-

бавлю, къ человѣчеству. Если же, къ несчастію, вамъ сообщены вредные навыки, перелиты въ вашу душу общіе предразсудки, то истребите, подавите ихъ заблаговременно. Вы еще въ силахъ это сдѣлать. Пройдетъ время послѣдняго, но самаго высшаго вашего воспитанія, и тогда уже будетъ поздно трудиться надъ самимъ собою, тогда уже вы неизбѣжно, подобно другимъ, сдѣлаетесь жертвою зла. Слѣдственно, теперь надо вамъ употребить чрезвычайныя усилія для вашего нравственнаго перерожденія; поставьте себѣ единственною цѣлію общее благо, заключите въ немъ и ваше собственное; старайтесь облагородить всякую вашу мысль, движеніе, поступокъ, а для этого уклоните себя нѣкоторымъ образомъ отъ свѣта дѣйствующаго, потому что вы еще не дѣйствователи, а приготовляетесь быть ими, иначе вы рѣшительно потеряетесь въ разгаданіи вашего назначенія.

Съ такимъ только направленіемъ, вы содѣлаетесь истинными моими слушателями. Тотъ мой не слушатель, кто назначаетъ себя единственно на простое выслушаніе науки и механическое ея заученіе, въ комъ любознательность, изыскательность ума мертвы; тотъ мой не слушатель, кто хладнокровно будетъ перелистывать мое ученіе, принимая его безъ душевнаго участія, въ коемъ не будетъ отражаться мое искреннее радушное чувство къ добру человѣчества; тотъ мой не слушатель, въ комъ не будетъ постепенно врѣзываться высокая мысль посвятить свои мирныя познанія общественной жизни на пользу отечества. Вы будете меня слушать, но не будете моими слушателями. Конечно, вы можете исполнить долгъ своего настоящаго, носимаго вами зва-

ния, но не исполните, говорю вамъ, священнаго долга сыновъ отечества, друзей человѣчества; а я, къ прискорбію моему, не достигну цѣли, начертанной начальствомъ и совѣстію мнѣ, какъ вашему наставнику-руководителю.

ЗАПИСКИ
О
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІЙ

—

ГЛАВА I.

Главныя основанія Политической Экономіи.

Духъ и матерія — два главныя основанія всего существующаго. Преобразуя матерію, духъ произвелъ постепенный рядъ многоразличныхъ твореній. Высшее раскрытіе является въ человѣкѣ. Въ этомъ взаимномъ существенномъ соотношеніи, духъ и матерія повиновались волѣ Творца, своего источника, — всегда совершенной, вѣчной, неизмѣняемой. Но такъ какъ творческое дѣйствіе никогда не можетъ быть остановлено, ни прервано, то оно должно быть и нынѣ такимъ же, какимъ было во время первоначальнаго творенія міра. Но человѣкъ, какъ окончательное явленіе духа и матеріи, по необходимости, существо свободноразумное: слѣдовательно и всѣ существа или творенія, соединенныя съ нимъ одною нитію бытія, должны носить на себѣ отпечатокъ свободнаго условнаго своего дѣйствія. Итакъ, кромѣ безусловнаго дѣйствія Творца, находится въ природѣ условное дѣйствіе твореній, опредѣляемое разумною свободою

человѣка. Человѣкъ—субъектъ въ условномъ отношеніи, а вся низшая природа его—объектъ; вообще же человѣкъ и вся низшая природа составляютъ объектъ Творца; они никакъ не могутъ выступить изъ предѣловъ его безусловнаго дѣйствія, выражаемаго законами природы физической и нравственной. Исполняются ли эти законы условно или не исполняются,—они все равно неизмѣняемы безусловно; или ближе сказать, они всегда исполняются или положительно или отрицательно. Если мы встрѣчаемъ вредныя слѣдствія отъ не исполненія законовъ въ условныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, то это показываетъ исполненіе законовъ отрицательно, въ противномъ случаѣ они исполняются утвердительно.

При началѣ своего бытія, человѣкъ долженъ былъ дѣйствовать вдругъ силою духа и матеріи. Отъ дѣйствія духа раждались понятія, отъ дѣйствія матеріи происходило питаніе. Этотъ феноменъ служитъ главнымъ источникомъ раскрытія нравственныхъ и физическихъ силъ. Мы не можемъ представить ни одного мгновенія, въ которое бы тѣло наше не было питаемо и духъ не имѣлъ понятій. Такое состояніе означало бы смерть. И такъ, человѣкъ безпрерывно долженъ дѣйствовать на окружающую его природу и усвоять ее, такъ сказать, въ себя, дабы чрезъ то продолжалась его жизнь духовная и матеріальная.

Въ дикомъ, первоначальномъ состояніи, каждый человѣкъ дѣйствовалъ въ особенности и въ каждомъ отдѣльно раскрывались физико-нравственныя силы. Потомъ люди соединялись между собою въ извѣстномъ кругу, чтобы взаимными усиліями способствовать правильному раскрытію своихъ силъ. Такъ образовалось общество! Но чтобы это общество

продолжало свое бытіе, для этого люди установили правительство, наблюдавшее за сохраненіемъ взаимной связи всѣхъ гражданъ. Несправедливо нѣкоторые утверждаютъ, что только правительство составляетъ нравственную жизнь обществъ, а граждане составляютъ одну жизнь физическую. Напротивъ, жизнь физическая и нравственная заключается въ каждомъ человѣкѣ—гражданинѣ. Правительство же собственно составляетъ необходимое условіе существованія общества, — а сіе послѣднее служитъ необходимымъ условіемъ раскрытія самихъ силъ человѣка. Мало по малу въ обществѣ начали составляться различные классы народа, изъ коихъ одни избрали предметомъ своимъ совершенствованіе нравственныхъ силъ, а другіе обратили свой трудъ и дѣятельность на раскрытіе силъ физическихъ. Первые классы сообщали успѣхи своего труда вторымъ, а сіи послѣдніе удѣляли первымъ свои пріобрѣтенія, — и эта взаимность дѣйствій способствовала всеобщему сохраненію и постепенному совершенствованію. Что сказано о частномъ обществѣ; то же должно разумѣть и о всѣхъ государствахъ земнаго шара, или о всемъ человѣческомъ родѣ; ибо всѣ народы находятся въ одной и той-же сферѣ человѣчества и различаются одними условными отношеніями. Наука, излагающая правила, посредствомъ коихъ нравственная жизнь обществъ достигаетъ постепеннаго нравственнаго раскрытія, какъ мы выше видѣли, называется Политикою. Другая же наука, показывающая правила, по которымъ должна раскрываться физическая жизнь обществъ, называется Политическою Экономіею. Все, что относится къ успѣхамъ раскрытія нравственной жизни, можно назвать общимъ именемъ образованность; а что отно-

ется къ раскрытію физической жизни, составляетъ богатство.

Я почелъ нужнымъ изложить эти философскія мои понятія, какъ начала Политической Экономіи, что бы, руководствуясь ими, мы менѣе затруднялись объясненіемъ высокихъ истинъ этой науки. Изъ этихъ главныхъ началъ видно:

1-е. Что человѣкъ не можетъ не дѣйствовать, что этимъ дѣйствіемъ обнаруживается и раскрывается его физико-нравственная жизнь, и даже въ общемъ смыслѣ физико-нравственная жизнь всего земнаго шара, такъ какъ раскрытіе силъ сего послѣдняго достигаетъ своей цѣли посредствомъ человѣка, своего высшаго творенія.

2-е. Что всякое дѣйствіе человѣка первоначально и окончательно подлежитъ дѣйствію безусловныхъ законовъ, или вѣчной, неизмѣняемой волѣ всетворящей силы.—По этому, чѣмъ сообразнѣе условное дѣйствіе его съ безусловными законами, тѣмъ оно бываетъ совершеннѣе и тѣмъ болѣе оно способствуетъ правильному раскрытію всеобщей жизни. Къ несчастію люди и народы весьма слабо понимаютъ эту необходимую связь условнаго съ безусловнымъ. Они слѣпо предаются влеченію обстоятельствъ, дѣйствуютъ по одному направленію вязывающихся къ нихъ жребій случаевъ; они слѣпо довѣряютъ ихъ выгодѣ и невыгодѣ, не замѣчая того, что за сценою ихъ всегда ожидаютъ или послѣдственныя бѣдствія или счастіе, — иначе какимъ образомъ могъ бы существовать самый міръ?

3-е. Всякое дѣйствіе человѣка подлежитъ строжайшей, опредѣлительной постепенности. Ускореніе и замедленіе раскрытія физико-нравственныхъ силъ производятъ растройство и безпорядокъ.

4-е. Люди во всякое время и вездѣ могутъ быть равно счастливы, могутъ наслаждаться, сообразно раскрытію своихъ силъ, благосостояніемъ и условнымъ совершенствомъ.

5-е. Бытіе общества составляетъ необходимое условіе раскрытія физико-нравственной жизни человѣка; по этому мысль нелѣпа, что общество въ существенномъ смыслѣ образовалось по согласію и условному произволу людей. — Необходимость же общества, какъ мы выше сказали, служитъ условіемъ для правительства. Такимъ образомъ съ существованіемъ общества начинается вторая эпоха жизни человѣка, или, лучше сказать, продолжается одна и та же эпоха, только въ высшей точкѣ раскрытія.

6-е. Народы не иначе могутъ достигать постепеннаго своего совершенствованія, какъ только посредствомъ согласнаго дѣйствія нравственныхъ и физическихъ классовъ. Атакъ какъ эти классы существенно принадлежатъ всѣмъ, находящимся на земномъ шарѣ обществамъ, по этому и всѣ народы обязаны дѣйствовать одинъ на другаго съ совершеннымъ согласіемъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Всякое противодѣйствіе, во взаимности этихъ классовъ происходящее, производитъ вредное вліяніе не на одинъ только народъ, но на всѣ народы. Земной шаръ составляетъ одинъ и тотъ же организмъ, для всѣхъ твореній и для всего человѣчества.

7-е. Нравственная и физическая жизнь постепенно раскрывается во всякомъ человѣкѣ — гражданинѣ; только каждый въ особенности беретъ на себя обязанность содѣйствовать раскрытію той или другой. Слѣдственно, кто худо или неправильно дѣй-

ствуетъ въ сферѣ всеобщаго раскрытія, тотъ погрѣшаетъ не только въ отношеніи къ себѣ, но и въ отношеніи къ цѣлому обществу, и даже ко всему человѣчеству. Онъ неизбѣжно подвергаетъ себя строжайшему отчету.

Мы сказали, что граждане, въ какомъ бы классѣ ни находились, всѣ въ безусловномъ отношеніи, какъ и самые народы, могутъ наслаждаться равно благами жизни; но такъ какъ физико-нравственная жизнь, по отношенію къ условному раскрытію, сосредоточивается наиболѣе въ высшихъ классахъ; то имъ принадлежитъ неотъемленое право пользоваться большимъ уваженіемъ и большими условными преимуществами. Равно и народы обязаны изъявлять одинъ другому бо́льшее или меньшее уваженіе, смотря по степени своего физико-нравственнаго достоинства. Вотъ, почему частные люди всегда стремятся занять высшія мѣста, вступить на степень высшей условной жизни. Желаніе скоплять богатства и достигать почестей имѣетъ основаніе въ природѣ человѣка. Но это желаніе различно отъ дѣйствія страстей честолюбія и корыстолюбія, какъ отъ дѣйствія неумѣренныхъ, не обузданныхъ влеченій, безпрерывно стремящихся выйти изъ круга правильнаго и постепеннаго усовершенствованія. Чтобы занимать мѣсто въ высшемъ классѣ общества, для этого надо быть способнымъ къ соотвѣтствующей ему дѣятельности, иначе произойдетъ нарушеніе политическаго равновѣсія, и отсюда вытекаютъ всѣ безпорядки и смятенія, представляемыя фактами исторіи древнихъ и новыхъ народовъ.

Даже по времени раскрытія, народы обязываются къ сохраненію уваженія одинъ къ другому. Отъ каждаго вѣка вызываются вниманіе и заботливость къ

будущимъ поколѣніямъ, долженствующимъ вступить на высшую точку усовершенствованія. На этомъ основано стремленіе къ потомственной славѣ, замѣчаемое нами въ людяхъ, одаренныхъ высокимъ геніемъ, въ коихъ всегда сильнѣе сотрясается цѣль всеобщаго требованія людей и народовъ. Съ другой стороны, сообразно тому, какъ каждый вѣкъ дѣйствовалъ въ своей сферѣ условнаго раскрытія, пріобрѣтается имъ уваженіе и признательность потомства. Политическая Исторія имѣетъ предметомъ опредѣлить въ точности эту мѣру взаимнаго отношенія народовъ.

8-е. Показать, какой нравственный классъ пользуется правомъ на преимущество одинъ предъ другимъ, смотря по степени вліянія на образованность— дѣло Политики; равно, какой классъ физическій долженъ почитаться высшимъ, смотря по вліянію на богатство,—это предметъ Политической Экономіи. Но Политика разсматриваетъ и физическіе классы по отношенію ихъ къ нравственнымъ классамъ, равно и Политическая Экономія не можетъ не брать во вниманіе вліянія классовъ нравственныхъ на классы физическіе. И такъ, несправедливо нѣкоторые новѣйшіе писатели ставятъ оба рода этихъ классовъ въ одномъ разрядѣ и кругѣ дѣятельности; чрезъ это они смѣшиваютъ существенное ихъ различіе въ политическомъ организмѣ.

9-е. Почему Политическая Экономія такъ нескоро явилась въ видѣ науки, — это естественно потому, что прежде должно было видѣть многія государства съ разныхъ точекъ, что-бы обнять обширный кругъ дѣйствія всѣхъ физическихъ классовъ. Но такъ какъ дѣйствіе нравственныхъ классовъ гораздо многотруднѣе и сокровеннѣе, по этой причинѣ Политика

еще до сихъ поръ не вышла изъ младенческаго состоянія. Дипломатія же еще менѣе раскрыта, какъ наука: она теперь состоитъ единственно изъ собранія началъ безусловныхъ и статистическихъ изложеній; начала же положительныя, обозначающія путь постепеннаго раскрытія и взаимнаго сближенія народовъ, еще мало разгаданы.

10-е. Богатство, въ высшемъ значеніи, ни что иное, какъ извѣстное раскрытіе физической жизни государствъ. Презирать богатство также безразсудно, какъ и питать излишнюю къ нему привязанность. Въ первомъ случаѣ мы какъ бы стараемся замедлить необходимую усовершаемость, постепенную дѣятельность физическихъ силъ. Во второмъ случаѣ, мы дѣлаемъ противное, т. е. какъ бы стремимся ускорить развитіе силъ. Это показываетъ намъ и то, почему древніе великіе писатели сильно возставали противу богатства. Они смотрѣли на него только со стороны безусловной. Новѣйшіе же писатели берутъ его во вниманіе болѣе со стороны условнаго значенія. Но, то и другое, составляетъ одинъ крайности. Еслибы богатство въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимаютъ писатели, т. е. въ смыслѣ изобилія вещей, удовлетворяющихъ наши нужды, составляло главный предметъ человѣка, его цѣль, все его счастіе; то вопросъ рождался бы самъ собою, по чему Богъ первоначально не усвоилъ нашему земному шару плодородія въ высшей степени тѣмъ болѣе, что, помѣнію писателей, отъ этого зависѣло бы и большее народонаселеніе? Чтобы разумное существо наслаждалось изобиліемъ всѣхъ произведеній, и притомъ, чтобы существовали многіе милліоны людей, вызываемые этимъ условіемъ къ жизни, кажется, это согласно съ благостію и все-

могуществомъ Творца. Странность этого вопроса очевидна Мысль Сея: «къ несчастію человѣкъ долженъ трудиться для содержанія и прокормленія себя,» противорѣчитъ простому обыкновенному понятію о жизни человѣчества, — какъ будто истинное счастіе человѣка состоитъ только въ томъ, чтобы наслаждаться и ничего не дѣлать. Самый глубокомысленный Рикардо, Мак-Кюллохъ приняли это странное мнѣніе въ подтвержденіе своихъ политико-экономическихъ соображеній. Мальтусъ также въ сочиненіи своемъ безпрерывно повторяетъ, что человѣкъ по природѣ своей склоненъ къ лѣности, что трудъ составляетъ для него тяжкое бремя. Другіе новѣйшіе писатели, особенно Вильневъ Баржемонтъ, твердятъ то же самое. Конечно, люди почти всегда стараются избѣгать большихъ трудовъ, и между тѣмъ жить въ довольствѣ; но послѣднее желаніе происходитъ отъ естественнаго стремленія человѣка къ физическому усовершенствованію, а первое бываетъ слѣдствіемъ естественнаго побужденія трудиться, сообразно своимъ силамъ, безъ всякаго обремененія, чтобы усиленною дѣятельностію не ускорить раскрытія физико-нравственныхъ силъ, и чтобы во время отдохновенія пользоваться способностію усвоить себѣ дѣйствіе своихъ трудовъ. Изъ этого заключаю, что если бы вдругъ предоставлены были намъ всѣ наслажденія и возможность не трудиться, то сдвали бы состоялось на то общее согласіе людей. Покрайней мѣрѣ они скоро принуждены были бы раскаяться въ этомъ согласіи неблагоразумномъ, несообразномъ съ высокою нашею цѣлію. А потому, я принимаю мнѣніе совершенно противное мнѣнію Мальтуса, и именно, что человѣкъ отъ природы сотворенъ и склоненъ къ дѣятельности, но только

правильной. Составивъ странное мнѣніе о человѣкѣ, въ разсужденіи труда, Сей продолжаетъ: «къ счастію никто не могъ сказать, что воздухъ и свѣтъ мнѣ принадлежатъ». Эта мысль, принятая Ракардомъ, также не имѣетъ ни какого основанія. Воздухъ и свѣтъ составляютъ самыя необходимыя стихіи для всеобщей жизни и дѣятельности; онѣ не могутъ не быть всеобщими, не могутъ не принадлежать всѣмъ, даже не только людямъ, но и прочимъ твореніямъ. Напротивъ того, земля и другія вещи, по необходимости, подлежатъ частной собственности; безъ этого не льзя было бы предположить и исключительной дѣятельности человѣка.

Нѣкоторые почитаютъ богатство вреднымъ для обществъ, потому что оно, вводя роскошь, чрезъ то портитъ нравственность, дѣлаетъ людей изнѣженными и склонными къ разнымъ порокамъ и преступленіямъ. Эта мысль совершенно нелѣпая! Богатство дѣйствительно можетъ имѣть вредное вліяніе на людей, когда съ нимъ не соединяется постепенное развитіе нравственности; — но когда то и другое согласно идутъ вмѣстѣ, тогда человѣкъ и общество не могутъ не достигать постепеннаго утонченія, усовершенствованія; организація ихъ болѣе и болѣе получаетъ высшее образованіе. Такимъ образомъ, организація народовъ будущихъ столѣтій должна быть выше, нежели организація нынѣшнихъ народовъ. Впрочемъ не довольно одного общаго раскрытія нравственныхъ и физическихъ силъ во взаимной ихъ связи; надо еще, чтобы это раскрытіе равномѣрно обнаруживалось во всѣхъ классахъ народа и во всѣхъ гражданахъ. Если же физическая и нравственная жизнь раскрывается медленнѣе, хотя въ одномъ какомъ либо классѣ,

это неминуемо угрожаетъ перемѣнами. И такъ, чѣмъ богатство и образованность правильнѣе раздѣлены между всѣми гражданами, тѣмъ государства совершеннѣе и способнѣе къ высшему раскрытію. Недостатокъ правильнаго раздѣленія, къ сожалѣнію, весьма важенъ и ощутителенъ былъ не только въ древнія, но и новѣйшія времена у самыхъ просвѣщенныхъ народовъ. Голландія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особенное уваженіе. Къ чести Англіи можно замѣтить по крайней мѣрѣ то, что она старается устранить этотъ недостатокъ величайшими пожертвованіями, дѣлаемыми отъ высшихъ классовъ въ пользу низшихъ. — Новѣйшіе писатели возстаютъ противъ этого общественнаго благодѣянія Англіи, и почитаютъ его послѣдственно опаснымъ, гибельнымъ; справедливы ли ихъ мнѣнія — это увидимъ въ послѣдствіи.

—

ГЛАВА II.

Идеи Политической Экономіи.

Но прежде, нежели вступлю въ область самой науки, я намѣренъ сдѣлать еще важное замѣчаніе Всякая наука имѣетъ свои идеи. Идеи суть цѣли, назначенныя природою для всѣхъ отдѣловъ жизни человѣчества, для жизни индивидуальной, общественной и народной. Человѣчество достигаетъ этихъ цѣлей, или осуществленія идей, постепеннымъ раскрытіемъ своихъ силъ физическихъ и нравственныхъ. Тотъ фанатикъ, кто вздумалъ бы осуществить ихъ,

опередивъ цѣлыя тысячелѣтія. Такіе фанатики, какъ кометы, иногда являются въ мірѣ теоретическомъ и практическомъ. Они стремятся безпрерывно выйти изъ предѣловъ, созданныхъ и временемъ и мѣстомъ, и потому нарушая естественный порядокъ обществъ и народовъ, причиняютъ смятенія, волненія и бѣдствія. Они иногда увлекаютъ за собою толпу людей, воспламененныхъ пылкимъ воображеніемъ, преданныхъ необузданнымъ страстямъ, особенно огорченныхъ стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, недовольныхъ своей судьбою. Но цѣлое общество, народы, не могутъ раздѣлять образа ихъ мыслей; всякой боится за себя, за собственность и личность. Правительства, равно оберегающія благосостояніе гражданъ, всегда враги фанатиковъ. Не рѣдко они видятъ себя въ невозможности исполнять даже мѣръ, признанныхъ отъ нихъ самихъ справедливыми, а не только требованій фанатизма, выходящихъ изъ обыкновеннаго порядка вещей. Фанатики теоретическіе еще менѣе опасны отъ того, что они всегда встрѣчаютъ себѣ соперниковъ въ области теоріи; но фанатики практическіе ужасны: они приводятъ въ исполненіе свои мечтанія часто скрытно, таинственными путями. Впрочемъ, никакъ не должно ставить на одной линіи фанатизма съ искреннимъ доброжелательствомъ мудрыхъ теоретиковъ—филантроповъ, ко введенію всего лучшаго, открывающихъ однѣ истины ко благу общему, показывающихъ одну дорогу, по которой общества и народы должны итти къ достиженію своей цѣли. Въ этомъ отношеніи глубокіе теоретики истинные благодѣтели человѣчества; безъ нихъ оно, потерявшись въ своемъ ходѣ, могло бы подвергнуться, чрезъ многочисленныя свои ошибки и уклоненія, опаснымъ переломамъ. Къ

счастію, въ настоящее время просвѣщенныя правительства даже поддерживаютъ этихъ людей. Мы сказали, что всякая наука имѣетъ свои идеи, такъ какъ всякая часть общественной и народной жизни имѣетъ свои цѣли. Вотъ идеи Политической Экономіи!

Въ обществѣ не должны быть бѣдные; всякой гражданинъ долженъ пользоваться большими или меньшими выгодами жизни. — Спрашиваю, можетъ ли эта идея осуществиться въ настоящее время? Для этого нужно: 1-е, чтобы граждане, неспособные трудиться по болѣзни и другимъ недостаткамъ, были содержимы частію пособіемъ правительства, частію пособіемъ богатыхъ гражданъ. Сколько благодарны мы къ попеченіямъ перваго по этому предмету, столько мы не можемъ не жалѣть о холодности вторыхъ. При настоящемъ эгоистическомъ соревнованіи производителей, нѣтъ никакой надежды отклонить возвышенія, обогащенія однихъ, униженія, обѣдненія другихъ. Міръ человѣчества быстро стремится къ разнымъ изобрѣтеніямъ, улучшеніямъ, безпрерывно оказывается приливъ и отливъ—то въ произведеніи, то въ потребленіи цѣнностей, такъ что бѣдность нѣкоторыхъ гражданъ среди этихъ волненій политико-экономическаго моря неизбѣжна. И такъ, идея наша надолго должна остаться идеею, если только мы допустимъ возможность ея осуществленія; — замѣчу однако, что ея осуществленіе никакъ не можетъ исполниться чрезъ ограниченіе производительности, какъ хотятъ этого нѣкоторые политико-экономы; напротивъ, оно должно вызвать особыя мѣры и, быть можетъ, важнѣйшія преобразованія въ общественномъ быту.

Всѣ производители должны пользоваться богатствомъ сравнительно съ своими физическими и нрав-

ственными силами. Это также идея. Она равно невозможна къ исполненію: этому препятствуютъ въ настоящее время тысячи правъ и привиллегій, усвоенныхъ вѣками разнымъ гражданамъ. Быстрое уничтоженіе ихъ повлекло бы государства къ горькимъ испытаніямъ. Одно уже наслѣдство ставитъ рѣшительную преграду осуществленію идеи; но наслѣдство—вѣковый порядокъ, установленный для блага обществъ, для развитія труда и богатства! А сколько еще сталкивается въ политико-экономическомъ мірѣ обстоятельствъ, случаевъ, совершенно неизбѣжныхъ, которые между тѣмъ производителей часто глупыхъ, безпечныхъ, возвышаютъ на степень богатыхъ, а дѣятельныхъ, благоразумныхъ—обрекаютъ на степень нуждъ.

Всякой трудъ долженъ пользоваться уваженіемъ и выгодами по мѣрѣ пользы, приносимой имъ обществу,—равно идея. Государство, мало образованное, мало знакомое съ достоинствами каждаго труда физическаго и особенно нравственнаго, въ состояніи ли дать каждому сословію, каждому званію, свою цѣнность, назначить свое мѣсто? Ни мало;—и соблюдается ли надлежащая точность по этому предмету въ образованныхъ государствахъ? Нѣтъ.

Каждый родъ труда, дѣятельности, долженъ пользоваться полною свободою въ производимости—идея. Есть ли хотя одно государство въ мірѣ, въ которомъ правительства не видѣли бы себя въ необходимости дѣлать свои распоряженія къ направленію общественной дѣятельности? Въ какомъ государствѣ всѣ граждане достигли высшей степени образованія, нравственности, чтобы могли вполнѣ понимать, обсудить пользу свою и пользу обществъ? Притомъ, въ состояніи ли частные люди отдалить, унич-

тожить всѣ естественныя препятствія, замедляющія, останавливающія промышленниковъ въ развитіи труда?

Торговля должна пользоваться совершенною свободою—идея. Писатели имѣли безчисленные споры между собою противу этой свободы и въ защиту ея. Но теорія уже рѣшила, что свобода торговли—условіе, необходимое для блага обществъ и народовъ. Не смотря на это, можетъ ли она быть осуществлена въ настоящій вѣкъ? Съ одной стороны зависть, взаимное недоброжелательство народовъ, съ другой боязнь правительствъ уничтожить ограниченія, запрещенія, уже существующія, завязавшія выгоды милліоновъ производителей, — и также недоумѣніе, какъ привести въ цвѣтущее состояніе всѣ роды промышленности, при осуществленіи свободы торговли, — вотъ важнѣйшіе вопросы, идущіе, такъ сказать, въ лицо идеи.

Налоги должны падать на всѣхъ гражданъ, по мѣрѣ состоянія или способовъ платить ихъ—идея. Какія не придуманы нынѣ благоразумныя мѣры просвѣщенными государствами для уравненія налоговъ! Сколько изобрѣтено ихъ родовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ предметамъ потребленія! И что же? Достигнута ли цѣль? Осуществена ли идея? Нимало. Все таки бѣдный, низшій классъ народа платитъ болѣе въ соразмѣрности своего состоянія съ состояніемъ богачей, и, разумѣется, въ государствахъ менѣе просвѣщенныхъ, эта несоразмѣрность обширнѣе, нерѣдко ужасна.

Между произведеніемъ и потребленіемъ должно находиться совершенное соотвѣтствіе—идея. Какъ это сдѣлать? Какъ изгонимъ мы изъ общества скупость и расточительность? Что мы придумаемъ противъ

жадности однихъ и противу безпечности другихъ въ произведеніи? Въ нашей ли волѣ сокрушить стеченіе благопріятныхъ и неблагопріятныхъ случаевъ, какъ внутри государства, такъ и внѣ?

Богатство и народонаселеніе должны раскрываться въ правильной постепенной соразмѣрности одно съ другимъ — идея. Многіе писатели возстаютъ со всѣмъ жаромъ противу народонаселенія, стремящагося наводнить земной шаръ, пожрать всю его производимость, всѣ источники богатства, приведя въ нищету все человѣчество, или, поселивъ се, какъ заразу, въ политическихъ обществахъ, разъѣсть весь ихъ организмъ. Какихъ они не даютъ совѣтовъ народамъ и правительствамъ для удаленія этихъ будущихъ бѣдствій! Но имѣютъ ли эти совѣты успѣхъ? Отвѣчаю, нѣтъ. Мы разберемъ нѣкогда эту важнѣйшую идею въ особой статьѣ.—Вотъ главныя, исчисленныя мною идеи Политической Экономіи. Сколько еще находится другихъ въ ея области, болѣе или менѣе важныхъ! Ясно, что человѣчество не можетъ не стремиться къ постепенному ихъ существленію: это цѣли, назначенныя природою для обществъ и народовъ. Но не безумно ли было бы, если бы люди рѣшились осуществить ихъ въ короткое время, и тѣмъ болѣе въ настоящій вѣкъ? Какіе ужасы порождены были бы этими усиліями, по видимому, благородными, но въ самой сущности фанатическими? Вмѣсто ожидаемаго добра, вмѣсто совершенства, предполагаемаго въ жребіи народовъ отъ ихъ исполненія, какая завязалась бы страшная, кровавая игра необузданныхъ страстей? И что тогда произошло бы съ обществами? Они должны были бы, или подвинуться назадъ, или, испытавъ всѣ горькія бѣдствія, пройдя сквозь рядъ безпрерывныхъ перемѣнъ вол-

ненiй принуждены были бы возстановить снова прежнiй порядокъ вещей, скрѣпивъ уже его узами строжайшаго деспотизма. Посмотрите на революцiи, представляемыя намъ исторiею всѣхъ временъ, и вы вполнѣ убѣдитесь въ этой истинѣ.

—

ГЛАВА III.

О богатствѣ.

Сей. — Cours d'Econ. Polit. tome 1. pag. 131.

«Нужды человѣка зависятъ отъ природы, физической и нравственной его организацiи; у человѣка образованнаго болѣе нуждъ.»

Спрашивается, что такое нужды? Нужды суть требованiя нашей природы, удовлетвореніе которыхъ необходимо для сохраненiя и улучшенiя нашей физической и нравственной жизни. У человѣка образованнаго болѣе нуждъ отъ того, что чѣмъ болѣе человѣкъ знакомится съ окружающею его природою, тѣмъ лучше, обширнѣе кругъ его дѣйствiя на вещи, въ ней заключающiяся, и тѣмъ лучше и болѣе онъ приспособляетъ ихъ къ удовлетворенiю своихъ потребностей. Слѣдственно въ строгомъ смыслѣ нужды у всѣхъ людей одинаковы, потому что всѣ люди имѣютъ одинакую натуру, но способы ихъ удовлетворенiя чрезвычайно разнообразны, — и эти-то способы наиболѣе находятся въ рукахъ образованныхъ людей, и они-то уже называются общимъ именемъ—нуждами.

«Способы, коими удовлетворяются нужды, состоятъ въ употребленіи вещей, называемыхъ богатствами

Эти богатства бываютъ двухъ родовъ. Одни даются намъ природою даромъ, какъ то вода: воздухъ и пр. это-богатства естественныя. Они называются богатствами только въ смыслѣ общемъ или философскомъ. Сюда относятся и личныя блага, какъ то, здоровье, счастливый характеръ, любовь ближнихъ и проч.

Другія блага — плодъ труда. Съ понятіемъ объ этихъ благахъ нераздѣльно понятіе о собственности. Собственность предполагаетъ общество, условія, законы. По сему богатства, пріобрѣтаемыя въ этомъ отношеніи, могутъ быть названы общественными богатствами.»

Мы не называемъ этого богатствомъ.

«Мѣра богатства—цѣнность вещей. Для того, чтобы цѣнность составляла богатство, надо, чтобы она была признана (reconnue), но не самымъ владѣльцемъ ея, а другимъ лицемъ. Признаніе это обнаруживается бытіемъ другой цѣнности.

Цѣнность пользы различествуетъ отъ цѣнности мѣны, напр. вода необходима, но она не имѣетъ мѣновой цѣнности; алмазъ же не есть необходимъ, а имѣетъ цѣнность мѣновую высокую. Нѣкоторыя вещи заключаютъ въ себѣ двѣ цѣнности, напр. желѣзо и золото; первое полезнѣе втораго, но цѣнность имѣетъ мѣньшую, нежели второе. По сему золото заключаетъ въ себѣ болѣе общественнаго богатства, а желѣзо содержитъ въ себѣ болѣе естественной цѣнности. Цѣнность измѣняется по времени и мѣсту.

И такъ, богатство состоитъ въ цѣнности вещей и пропорціонально сей послѣдней;—цѣнность же состоитъ въ свойствѣ самой вещи, независимо отъ того, что даютъ за нее. Это свойство называется пользою, — и эта польза не есть естественная, но данная.»

Въ этихъ мнѣніяхъ Сея находится много противорѣчій. По его мнѣнію, цѣнность для составленія богатства должна быть признана и притомъ посторонним лицемъ. Но если какая либо вещь удовлетворяетъ мои нужды, для чего мнѣ знать, такъ ли о ней думаютъ другіе, или нѣтъ, тѣмъ болѣе, что самъ же Сей заключаетъ цѣнность въ пользѣ, а польза обсуживается мною самимъ. Ясно видно, что Сей смѣшиваетъ цѣнность мѣновую съ цѣнностію пользы. Хотя же онъ и говоритъ о различіи цѣнности пользы отъ цѣнности мѣновой, но нельзя понять, что такое онъ разумѣетъ подъ словомъ польза? Въ этомъ смыслѣ онъ смѣшиваетъ различныя нужды, которыя бываютъ трехъ родовъ: необходимыя, составляющія удобность и выгодность, и относящіяся къ наслажденіямъ. Такъ напр. желѣзо никакъ не можетъ итти въ сравненіе съ золотомъ: первое принадлежитъ къ нуждамъ необходимымъ, а послѣднее къ нуждамъ наслажденій; мѣновая же цѣнность этихъ двухъ вещей зависитъ совсѣмъ отъ другихъ основаній, а именно отъ издержекъ произведенія, отъ природы, труда и капитала, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи.

Ганиль. — Systemes d'Econ. Polit. tome 1. pag. 99.

Сей, говоритъ Рикардо, худо опредѣляетъ богатство и цѣнность; онъ смѣшалъ цѣнность пользы съ

цѣнностію мѣны, что было удачно отдѣлено Смитомъ. Если спросить у Сея: въ чемъ состоитъ богатство? онъ отвѣчаетъ, въ вещахъ, имѣющихъ цѣнность. Въ чемъ состоитъ мѣра цѣнности вещей? Отвѣчаетъ, въ ихъ пользѣ. Въ чемъ состоитъ мѣра пользы? въ ихъ цѣнности. И такъ, польза есть мѣра цѣнности, а цѣнность—мѣра пользы.

Ганиль прибавляетъ, что Сей, почитая необходимымъ условіемъ для цѣнности, чтобы она была признана, тѣмъ самымъ даетъ знать, что богатство состоитъ въ мѣновыхъ цѣнностяхъ. Не смотря на это, Сей утверждаетъ, что несправедливо мѣну почитаютъ основаніемъ богатства; она ничего не прибавляетъ къ вещи; богатство состоитъ въ самой вещи, не зависимо отъ мѣны.

Дѣйствительно Сей сбившись въ опредѣленіи цѣнности и пользы,—особенно если мы сообразимъ еще его мысли въ сочиненіи Traité d'Econ. Polit., гдѣ онъ выражается такъ: польза служитъ основаніемъ цѣнности, а цѣнность основаніемъ богатства. Чѣмъ же измѣряется польза? Количествомъ вещей, данныхъ въ обмѣнъ другими. Я могу судить, продолжаетъ Сей, что польза извѣстнаго платья въ три раза болѣе пользы шляпы, если только даютъ три шляпы за одно платье. Изъ этого видно, что Сей подъ именемъ цѣнности разумѣлъ цѣнность мѣновую.

Ганиль возражаетъ: «мало ли вещей, имѣющихъ мѣновую цѣнность прежде, нежели онѣ представляются для мѣны, и теряющихъ эту цѣнность, какъ скоро мѣна не поддерживаетъ ея? Равно, сколько товаровъ, не имѣющихъ никакой цѣнности на мѣстѣ произведенія, по неимѣнію сбыта, а потомъ получающихъ цѣнность, какъ скоро торговля находитъ для нихъ потребителей?»

Что жъ слѣдуетъ изъ этого мнѣнія Ганиля? То, что вещи получаютъ цѣнность чрезъ мѣну, и что мѣновая цѣнность одна составляетъ богатство но это мнѣніе несправедливо. Богатство мое состоитъ собственно изъ тѣхъ вещей, которыя служатъ для удовлетворенія моихъ нуждъ; тѣ же вещи, которыя я назначаю для сбыта, имѣютъ ли мѣновую цѣнность или нѣтъ,—ни въ томъ, ни въ другомъ, случаѣ не составляютъ моего богатства, а оно состоитъ уже изъ вещей, которыя я надѣюсь пріобрѣсти посредствомъ мѣны. Слѣдственно, богатство заключается въ пользованіи самыми вещами, въ свойствѣ ихъ, удовлетворяющемъ наши нужды, а не въ мѣновой цѣнности. Теперь положимъ, что мои вещи имѣли бы мѣновую цѣнность, т. е. я пріобрѣлъ бы за нихъ другія какія либо вещи; но положимъ, что эти вещи не удовлетворяли бы никакихъ моихъ нуждъ, составляли бы онѣ мое богатство? Безъ сомнѣнія, нѣтъ.

Сей приводитъ примѣръ, что земледѣлецъ, добывая вмѣстѣ съ своимъ семействомъ мясо, хлѣбъ и пр. можетъ удовлетворять свои нужды. Слѣдственно, для составленія богатства, по мнѣнію Сея, не нужно того, чтобы вещь имѣла мѣновую цѣнность.

Ганиль почитаетъ этотъ примѣръ незаслуживающимъ никакого уваженія; напротивъ, онъ говоритъ, что вещи, производимыя и потребляемыя земледѣльцемъ, его семействомъ и слугами, безплодны для составленія богатства частнаго и общаго.

Какъ это? По моему мнѣнію, вещи, производимыя всегда, называются богатствомъ, какъ скоро онѣ служатъ къ удовлетворенію нашихъ нуждъ, если же онѣ уже потреблены, дѣло кончено, — польза ихъ не существуетъ; слѣдственно онѣ и не заключаются въ сферѣ богатства. Не то же ли самое происхо-

дить и съ вещами, пріобрѣтаемыми посредствомъ мѣны?

Ганиль продолжаетъ, что народъ, потребляющій все, что онъ ни производилъ, или который не производитъ какъ только то, что потребляетъ, никогда не достигаетъ богатства.

Это непонятно. Положимъ, что этотъ народъ производилъ бы всѣ возможныя вещи для удовлетворенія своихъ нуждъ, — ужели онъ не былъ бы тогда богатъ? Но поелику, какъ ни одинъ частный человѣкъ, такъ ни одинъ народъ не въ состояніи производить всѣхъ вещей для своихъ нуждъ, то разумѣется, что въ этомъ случаѣ необходима мѣна, или лучше необходимъ сбытъ своихъ вещей, для полученія вещей, производимыхъ другими. По этому мѣна необходима для составленія богатства.

Далѣе, — Рикардо возражаетъ противу мѣновой цѣнности такъ: «если бы богатство народа зависѣло собственно отъ мѣновой цѣнности, то народъ былъ бы тѣмъ богаче, или бѣднѣе, чѣмъ болѣе его произведенія были бы рѣдки или изобильны, потому что рѣдкость возвышаетъ цѣнность, а изобиліе напротивъ уменьшаетъ ее.» Но изобиліе вещей доставляетъ болѣе наслажденій, рѣдкость же производитъ однѣ лишенія Изъ этого слѣдовало бы заключеніе, что чѣмъ болѣе народъ имѣетъ наслажденій, тѣмъ онъ бѣднѣе, и на оборотъ. Ганиль почитаетъ это возраженіе дѣломъ одного остроумія.

Рикардо продолжаетъ: «если съ извѣстнымъ капиталомъ извѣстное число людей производитъ 1000 паръ чулокъ, а, по изобрѣтеніи машины, то же число съ тѣмъ же капиталомъ производитъ 2000 паръ; то цѣнность 2000 паръ будетъ та же, какой стоила

прежде 1000 паръ. Такъ, общество, не смотря на увеличившееся количество произведеній и богатства, въ итогѣ будетъ имѣть менѣе цѣнности.»

Ганиль на это отвѣчаетъ: «что общество не будетъ имѣть менѣе цѣнностей, ни менѣе богатства, потому что 2000 паръ чулокъ будутъ равны 1000 парамъ, но и не будетъ богаче, потому что не изобиліе предметовъ, не количество труда, употребленнаго на ихъ произведеніе, составляетъ богатство, а мѣновая цѣнность; но эта цѣнность не увеличилась чрезъ увеличеніе количества чулокъ. Машины, продолжаетъ Ганиль, способствуютъ увеличенію богатства не тѣмъ, что онѣ умножаютъ количество произведеній, а тѣмъ, что онѣ, уменьшая ихъ цѣнность, даютъ чрезъ то возможность большему числу потребителей ими пользоваться, — эти же потребители въ замѣнъ тѣхъ вещей стараются производить свои мѣновыя цѣнности.»

Такъ; но въ этомъ случаѣ произведенія мѣнялись бы въ большемъ количествѣ, хотя цѣнность этого количества оставалась бы одинакова съ прежнею, а слѣдственно и болѣе было бы богатства.

Далѣе, — Ганиль прибавляетъ: «если фабрикантъ, производящій 2000 паръ чулокъ посредствомъ машины, получаетъ напр. 5000 франковъ, именно ту сумму, какую получалъ прежде за 1000 паръ, — онъ не будетъ богаче; равно и потребитель, платя одинакую сумму, не будетъ богаче, а слѣдственно и самое государство не обогатится.»

Странное мнѣніе Ганиля! — Развѣ потребитель не дѣлается богаче, получая за одну и ту же сумму двѣ вещи вмѣсто одной? При томъ, не можетъ ли онъ иногда довольствоваться одною парою чулокъ? И тогда не заплатитъ ли онъ менѣе суммы противу

прежней, а остальную сумму не употребить ли онъ на покупку другихъ вещей? Впрочемъ, я не могу согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ, будто производитель или фабрикантъ не обогащается посредствомъ машины. Можетъ ли быть, чтобы цѣна 2000 паръ чулокъ вдругъ могла унизиться въ соразмѣрности уменьшенія издержекъ произведенія? Упадокъ цѣны происходитъ постепенно,—въ этомъ-то и состоитъ особенный выигрышъ изобрѣтателей машинъ. Рикардо и Ганиль, по видимому, упустили изъ виду это важное обстоятельство.

Мальтусъ. — Principes d'Econ. Polit. tom. 1. pag 60.

Мальтусъ раздѣляетъ цѣнность такимъ образомъ: 1) Цѣнность пользы состоитъ во внутренней пользѣ вещей; 2) цѣнность мѣновая имянная состоитъ въ цѣнности вещи, означаемой цѣнностію дорогихъ металловъ; 3) цѣнность мѣновая вещественная состоитъ въ свойствѣ вещи, доставляющей посредствомъ мѣны другія вещи, необходимыя и полезныя для жизни.

Мальтусъ между прочимъ говоритъ, что если бы всѣ вещи, удовлетворяющія нашимъ нуждамъ, увеличились въ безчисленномъ количествѣ, то, не смотря на то, что онѣ не имѣли бы никакой цѣнности, мы были бы совершенно богаты. Слѣдственно, по этому мнѣнію Мальтуса, богатство состоитъ въ вещахъ.

tom. 2 pag. 5.

Но въ другомъ мѣстѣ сочиненія Мальтусъ выражается такъ: представимъ, что въ Англіи вдругъ всѣ дороги и всѣ каналы, по какому бы то ни было случаю, были бы разрушены, уничтожены, и пресече-

ны были бы провозъ и мѣна произведеній, то хотя эти послѣднія и не уменьшились бы въ своемъ количествѣ, но цѣнность ихъ и самое богатство много пострадали бы. Изъ этого Мальтусъ выводитъ заключеніе, что для составленія богатства требуется не одно количество произведеній, но еще и то, чтобы они были въ извѣстномъ соотношеніи съ нуждами и способами народонаселенія, или лучше, чтобы они имѣли цѣнность.—Далѣе продолжаетъ, что отношеніе между богатствомъ и цѣнностію такъ важно, что вторая дѣлается необходимою для произведенія перваго.

Мы въ разборѣ мнѣній Сея и Ганиля замѣтили, что это несправедливо. Вещь нужна совсѣмъ не потому, что она имѣетъ мѣновую цѣнность, — эта цѣнность берется въ соображеніе только производителемъ, или тѣмъ, который производитъ вещь для другаго, потому что онъ въ это время расчитываетъ, можно ли и сколько за нее получить другихъ вещей, ему нужныхъ, которыя собственно и составляютъ его богатство.

И такъ, Мальтусъ, желая удержать средину между Сеемъ и Ганилемъ, сбивается то на ту, то на другую сторону, отъ того онъ и неопредѣлителенъ въ своихъ мнѣніяхъ.

Шторхъ. — Cours d'Econ. Polit. tom. 1.

«Желанія добывать вещи, избавляющія насъ отъ непріятныхъ ощущеній, или доставляющія намъ удовольствіе, называются нуждами. Нужды бываютъ естественныя или воображаемыя. Первыя зависятъ отъ природы человѣка, вторыя отъ мнѣнія (opinion). Послѣднія становятся нуждами отъ привычки. Отни-

мите нужды воображаемыя, вы обратите человѣка въ скота; отнимите нужды естественныя, и вы сдѣлаете изъ него растеніе.»

Странны мнѣнія Шторха! 1) Растенія нѣкоторымъ образомъ имѣютъ свои нужды,—такъ напр. для нихъ потребны вода, свѣтъ, воздухъ и проч. 2.) Если человѣкъ безъ воображаемыхъ нуждъ сдѣлался бы скотомъ, то можно ли сказать, что онѣ зависятъ отъ одного его мнѣнія, а не отъ натуры? Нужды наши, какъ нужды, всѣ естественныя; человѣкъ не можетъ изобрѣсти ихъ; онъ только придумываетъ различные способы ихъ удовлетворенія, какъ я замѣтилъ это выше, — напр. я могу удовлетворить свой голодъ и жажду хлѣбомъ, мясомъ, плодами, водою и виномъ. Равно я могу укрываться отъ холоду въ хижинѣ и палатахъ. Я могу прикрывать свое тѣло звѣриною кожею, полотномъ, сукномъ и т. д. Всѣ эти нужды не суть ли естественны? Конечно, безъ многихъ вещей мы совершенно можемъ обойтись; но извѣстно, что природа назначила человѣка къ безпрерывному улучшенію своего бытія, такъ что всякому вѣку приличны свои нужды, или свои способы удовлетворенія нуждъ. Можно ли въ настоящее время отказаться отъ употребленія стеколъ, зеркалъ, полотняной рубашки и т. д., хотя съ этими вещами со всѣмъ не были знакомы древніе народы? Не содѣлались ли бы Европейцы дикарями, рѣшившись оставить всѣ настоящія изобрѣтенія, и не погибли ли бы цѣлые милліоны людей, какъ скоро они могли бы разобщиться съ нуждами, такъ называемыми воображаемыми или вымышленными? Человѣкъ не простое животное, но животное, одаренное свободою и разумомъ, а потому и нужды его естественныя

должны уже быть нуждами существа свободно-разумнаго.

Для цѣнности вещей необходимы 3 условія: 1-е, чтобы человѣкъ испытывалъ нужду, 2-е, чтобы находилась вещь, могущая ее удовлетворить, и 3-я, чтобы сужденіе было въ пользу ея.

По мнѣнію Шторха: цѣнность только одна, цѣнность мѣновая; цѣнность же употребленія есть самая польза вещи; слѣдственно слово «польза» достаточно для обозначенія этой цѣнности.

Это такъ, но мы знаемъ, что самая польза имѣетъ свои степени относительно удовлетворенія нашихъ нуждъ, слѣдственно, въ нѣкоторомъ смыслѣ она имѣетъ и различную цѣнность.

«Несправедливо называютъ цѣнности богатствами, потому что не всегда богатство тамъ, гдѣ находятся полезныя вещи. Смѣшно говорить о богатствѣ народа грубаго, и хлѣбъ или пару сапоговъ называть богатствомъ.»

Слово: богатство, означаетъ понятіе относительное. Развѣ у народовъ грубыхъ, необразованныхъ, нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ? Да и кто можетъ ручаться, что нынѣшніе богачи чрезъ 100 лѣтъ не будутъ почитаться бѣдняками? Шторхъ упоминаетъ о парѣ сапоговъ, но было время, когда, можетъ быть, и они составляли рѣдкость.

Далѣе, — по мнѣнію Шторха, понятіе о богатствѣ частныхъ людей относится къ мнѣнію fortune, а не къ доходу revenu, потому что не говорятъ о человѣкѣ, что онъ богатъ, если онъ не имѣетъ значительнаго имѣнія, состоящаго изъ земли или капитала. Національное же богатство все состоитъ въ доходѣ: у націй нѣтъ имѣній.

Такъ; но изъ этого мнѣнія не слѣдуетъ, что получающій извѣстный доходъ не имѣетъ богатства, какъ скоро имѣетъ вещи, удовлетворяющія его нуждамъ.

«Въ строгомъ смыслѣ нельзя сказать, что Политическая Экономія имѣетъ предметомъ своимъ изслѣдованіе одного народнаго богатства; напротивъ, она вмѣстѣ изслѣдываетъ и причины бѣдности.»

Бѣдность, также какъ и богатство, слово относительное, и нельзя опредѣлить, кто безотносительно бѣденъ. Банкиръ, смотря на крестьянина, владѣющаго небольшимъ кускомъ земли и небольшимъ количествомъ скота, назоветъ его бѣднымъ,—между тѣмъ какъ этотъ крестьянинъ въ своемъ быту можетъ почитаться богатымъ. Какъ скоро Политическая Экономія показываетъ причины народнаго богатства,—вмѣстѣ съ тѣмъ она показываетъ и причины бѣдности. Но дѣло другое, если мы беремъ во вниманіе извѣстное какое либо государство, тогда уже мы правила нашей науки примѣняемъ къ его общественному быту и узнаемъ, отъ чего онъ богатъ или бѣденъ, т. е. мы узнаемъ, пользуется ли онъ надлежащимъ образомъ источниками богатства, ему исключительно принадлежащими, или нѣтъ.

Сисмонди. — Nouveaux principes d'Econ. Polit. tome 1 pag. 58.

«Сисмонди между прочимъ богатство опредѣляетъ такъ: «оно есть плодъ труда пріобрѣтенный, но еще непотребленный.»

Это опредѣленіе, говоря строго, неправильно, потому что можно произвести такія вещи, которыя совсѣмъ не будутъ удовлетворять нашихъ нуждъ. Ужели онѣ будутъ составлять наше богатство? Такъ

напр. еслибы безумный сдѣлалъ какую либо вещь, совершенно безполезную?

Казо. — Bases fondamentales de l'Écon. polit.

Казо превосходно различаетъ вещи полезныя отъ вредныхъ, не относя послѣднихъ къ богатству. Это справедливо; но эти вещи могутъ имѣть свою мѣновую цѣнность, въ такомъ случаѣ онѣ могутъ составлять относительное богатство. Впрочемъ, когда Казо выключаетъ изъ круга богатства вещи, служащія для роскоши, почитая ихъ вредными, онъ погрѣшаетъ противу науки. Онъ безпрерывно ссылается на понятія древнихъ о богатствѣ; — но мы видѣли, какъ эти понятія скудны, жалки! Далѣе, Казо, подъ именемъ богатства, разумѣетъ собственно изобиліе вещей полезныхъ, подобно Шторху; но мы замѣтили, что и это несправедливо: слово изобиліе заключаетъ въ себѣ понятіе относительное.

Дрозъ. — Econ. Poli. tom. 1 chap. 111.

Опредѣленіе пользы вещей, сдѣланное Дрозомъ, весьма удачно; — но когда онъ говоритъ, что польза можетъ существовать безъ цѣнности, а цѣнность всегда основана на пользѣ, то нельзя согласиться съ его мнѣніемъ. Дѣйствительно, нерѣдко вещи самыя полезныя остаются безъ всякой цѣнности, когда не понимаютъ ихъ пользы; но и цѣнность не всегда основана на пользѣ, — иногда вещи безполезныя могутъ имѣть цѣнность, — а лучше было бы сказать, что цѣнность основана на расчетѣ о пользѣ вещи.

Я оставляю изслѣдывать мнѣнія другихъ писателей по предмету понятія о богатствѣ и цѣнности.

Всѣ онѣ имѣютъ свои достоинства и свои недостатки.

Изъ критическаго разбора мнѣній нѣкоторыхъ писателей уже можно видѣть мои понятія о богатствѣ и цѣнности. Разсмотримъ однако подробнѣе этотъ предметъ. Человѣкъ первоначально заботится объ удовлетвореніи своихъ необходимыхъ потребностей, какъ-то, старается достать пищу, питье, одѣяніе и проч. Удовлетворивъ свои необходимыя нужды, онъ обращаетъ свой трудъ и дѣятельность на пріобрѣтеніе вещей, составляющихъ удобность, выгодность жизни. Достигнувъ этого, онъ все еще остается недоволенъ, и стремится уже къ наслажденію, или ищетъ всего того, что можетъ доставить ему удовольствіе и пріятности. Что мы сказали о частномъ человѣкѣ, то же должно замѣтить и о цѣлыхъ народахъ. Вообще каждый народъ сначала борется съ обыкновенными нуждами, потомъ мало по малу знакомится съ выгодами, и наконецъ переходитъ къ самому наслажденію. Впрочемъ, точнаго порядка въ удовлетвореніи всѣхъ этихъ потребностей назначить не можно, потому что какъ частные люди, такъ и народы въ большей или меньшей степени въ одно и то же время стараются выполнять необходимыя свои потребности и прихоти. Мы не найдемъ ни одного бѣдняка, ни одного грубаго народа, у которыхъ не были бы наслажденія своего рода. Простой народъ пьетъ крѣпкую водку, кумысъ, опіумъ, упивается ими, и также считаетъ себя счастливымъ, какъ богачъ, упивающійся шампанскимъ и другими винами. При томъ, что у одного человѣка или народа составляетъ предметъ роскоши, то для другаго вещь необходимая, потому что мы замѣтили выше, что одна и та же естественная потребность удовлетво-

ряется безчисленными способами, болѣе или менѣе заключающими въ себѣ удобство и пріятность. Такое-то, безъ сомнѣнія, простое разсмотрѣніе природы человѣческой, послужило главнымъ основаніемъ мнѣнія Смита о богатствѣ, которое онъ опредѣлилъ такъ: богатство состоитъ изъ вещей необходимыхъ, выгодныхъ и пріятныхъ. Прочія опредѣленія, сдѣланныя имъ о богатствѣ, были частныя. Нѣкоторые изъ послѣдователей Смита согласились съ его мнѣніемъ, какъ-то Мальтусъ, Сисмонди, а другіе, напротивъ, болѣе или менѣе составили особыя свои опредѣленія о богатствѣ. Такъ Лаудердань называетъ богатствомъ все то, чего только можно желать, какъ полезнаго и пріятнаго. Сей и Ганиль также почли мнѣніе Смита неудовлетворительнымъ. По мнѣнію ихъ, не одни матеріальныя вещи, какъ полагалъ Смитъ, составляютъ богатство, но и вещи нематеріальныя.

Мы выше видѣли, что богатство дѣйствительно должно относиться къ однѣмъ вещамъ матеріальнымъ, а нематеріальныя заключаются въ особенной сферѣ дѣятельности человѣка, сферѣ образованности. Самый ясный опытъ убѣждаетъ насъ въ необходимости этого различія. Не странно ли назвать богатымъ Гомера потому только, что онъ былъ геній, хотя едва имѣлъ пропитаніе? И какъ Сатрапа, обладающаго всѣми сокровищами, но погруженнаго въ совершенное невѣжество, поставить въ одномъ разрядѣ съ величайшими мужами, дѣйствователями просвѣщенія, нравственности и политики? — Такъ равно и самые народы, наприм. многіе Азіятцы, населяя плодороднѣйшія земли, подъ благотворнымъ климатомъ, имѣя во всемъ изобиліе, безспорно, народы богатые. Европейцы же, напротивъ, отличаются отъ нихъ

образованностію. Конечно, нынѣ уже нѣкоторые Европейскіе народы превосходятъ Азіатцевъ въ изобиліи вещей всякаго рода, но образованностію они въ сравненіи съ послѣдними стоятъ еще выше. Скажутъ намъ: можно ли назвать фабриканта, владѣльца или купца богатыми, если они имѣютъ у себя большое количество или издѣлій, или хлѣба, или другихъ товаровъ, не представляя вмѣстѣ того, что всѣ эти произведенія, имѣютъ сбытъ, и въ замѣнъ ихъ получатся деньги или новыя какія либо произведенія? Даже деньги составляютъ ли сами по себѣ богатство безъ условія, что вмѣсто ихъ можно получить разныя вещи, удовлетворяющія наши нужды? Не можно ли сказать того же самаго и относительно нематеріальныхъ вещей? Если онѣ, какъ товаръ, могутъ получить выгодный сбытъ, то входятъ и онѣ, подобно матеріальнымъ вещамъ, въ составъ богатства? Такъ,— но нематеріальныя вещи служатъ совсѣмъ для другаго назначенія, нежели какое имѣютъ вещи матеріальныя;— ставить тѣ и другія въ одинъ разрядъ, дѣло неестественное. Впрочемъ, если мы дѣйствительно желаемъ совокупить ихъ въ одинъ кругъ, тогда мы должны прибѣгнуть къ новому какому нибудь выраженію, такъ напр. мы можемъ сказать, что благоденствіе обществъ состоитъ въ совокупности вещей, какъ матеріальныхъ, такъ и нематеріальныхъ, удовлетворяющихъ наши различныя нужды. И дѣйствительно, какимъ благосостояніемъ наслаждается частный человѣкъ, не имѣя нравственныхъ достоинствъ, украшающихъ наше нравственное бытіе? Такъ равно, можетъ ли и цѣлый народъ вполнѣ благоденствовать безъ мудрыхъ основаній религіи, нравственности, правленія, просвѣщенія? Но объ этомъ мы скажемъ въ послѣдствіи гораздо болѣе.

Теперь изслѣдуемъ значеніе цѣнности.

Сначала я почитаю нужнымъ сдѣлать различіе между богатствомъ абсолютнымъ, или безотносительнымъ, и богатствомъ относительнымъ. Мы сказали, что богатство вообще состоитъ въ вещахъ необходимыхъ, выгодныхъ и пріятныхъ. Это богатство собственно абсолютное, безотносительное. По этому всякая вещь имѣетъ свою цѣнность существенную, ни мало независящую отъ мѣны, или цѣнность безотносительную. Въ самой природѣ человѣка заключается желаніе имѣть тѣ или другія вещи для удовлетворенія своихъ нуждъ. Но какія вещи и въ какой мѣрѣ удовлетворяютъ его нужды, или въ какой степени онѣ ему необходимы, выгодны и пріятны, — это требуетъ со стороны его особеннаго обсужденія. Опытъ весьма часто показываетъ, какъ люди ошибаются въ точномъ опредѣленіи безотносительной, существенной цѣнности вещей. Не рѣдко вещи, удовлетворяющія наши нужды въ малой степени, цѣнятся гораздо дороже другихъ, наиболѣе способствующихъ улучшенію нашей физической природы въ одномъ и томъ же отдѣлѣ потребностей. Притомъ, что по отношенію къ климату земли, національному характеру какого либо народа, условному его совершенству, можетъ быть полезнымъ для него, то нерѣдко ни мало не соотвѣтствуетъ выгодамъ и пользѣ другаго народа. Есть многія вещи, которыя въ маломъ количествѣ приносятъ существенное наслажденіе, но будучи употреблены въ излишествѣ, причиняютъ вредъ, и между тѣмъ потребленіе ихъ входитъ въ такую привычку и общую моду, что цѣнность ихъ восходитъ до невѣроятной степени. — Относительное богатство состоитъ изъ мѣновыхъ цѣнностей. Эта цѣнность зависитъ отъ издержекъ произведенія. Важный этотъ

предметъ будетъ разобранъ въ особенной статьѣ. Вообще если бы, какъ выразился Мальтусъ, можно было увеличить количество какихъ либо вещей до чрезмѣрности, то онѣ рѣшительно потеряли бы всю свою мѣновую цѣнность, подобно тому, какъ никакой мѣновой цѣнности не имѣютъ воздухъ, вода, свѣтъ. — И такъ, богатство безотносительное тѣмъ болѣе должно увеличиваться, чѣмъ болѣе будетъ уменьшаться относительная цѣнность вещей, или относительное богатство; — и напротивъ, относительное богатство тѣмъ выше, чѣмъ бо́льшая въ немъ заключается относительная цѣнность вещей. По сему, какъ частные люди, такъ и народы, сравнительно съ другими, называются богатыми по мѣрѣ того, чѣмъ болѣе обладаютъ вещами, имѣющими высокую относительную или мѣновую цѣнность.

Замѣч. При этомъ надо брать во вниманіе всю массу цѣнностей вещей, а не въ отдѣльности цѣнность извѣстныхъ вещей, — такъ наприм. цѣнность какою либо рѣдкаго издѣлія можетъ быть въ отдѣленности велика; но въ цѣлой массѣ этихъ издѣлій она можетъ быть гораздо ниже противу цѣнности другихъ издѣлій, въ отдѣльности не дорогихъ. Надо замѣтить, что какъ для народа болѣе выгодно, когда какія либо дорогія произведенія добываются съ избыткомъ не въ одномъ какомъ либо мѣстѣ или области, но во всемъ государствѣ, потому что въ этомъ случаѣ весь народъ становится богатымъ въ отношеніи къ другимъ народамъ; такъ и все человѣчество наиболѣе выигрываетъ и достигаетъ высшей степени богатства тогда, когда мѣновая цѣнность вещей у всѣхъ народовъ постепенно уменьшается; напр. если лучшій виноградъ растетъ въ одной провинціи какого либо государства, то она можетъ получить сбытомъ его бо́льшія выго-

ды; но для цѣлаго государства выгоднѣе было бы, если бы одинакій виноградъ разведенъ былъ во всѣхъ провинціяхъ; а для пользы всего человѣчества требуется разведеніе его во всѣхъ земляхъ, у всѣхъ народовъ. Въ этомъ-то уменьшеніи цѣнностей, безъ сомнѣнія, зависящемъ отъ уменьшенія издержекъ произведенія состоитъ собственно раскрытіе физической жизни человѣчества и, можно сказать, раскрытіе физическихъ силъ всего земнаго шара. — Мы далѣе увидимъ, что всѣ улучшенія разнаго рода, всѣ изобрѣтенія стремятся къ этой цѣли, — и сама природа мало по малу становится къ труду человѣка болѣе покорною, дѣлается болѣе способною къ доставленію безчисленныхъ произведеній. Такъ, — съ одной стороны безпрерывно увеличивающееся народонаселеніе, съ другой постепенно умножающееся богатство, составляютъ два направленія человѣчества, посредствомъ которыхъ сіе послѣднее обнаруживаетъ свою жизнь, свои силы, свою дѣятельность.

—

ГЛАВА IV.

Объ источникахъ богатства.

Шторхъ. — Cours d'Econ. Pol. tom. 1.

«Цѣнности первоначально производятся природою и трудомъ. Производимость заключаетъ въ себѣ дѣйствіе этихъ двухъ первоначальныхъ источниковъ. Производимость бываетъ матеріальная и нематеріальная. Взаимное ихъ вліяніе неоспоримо. Производить—значитъ давать вещи цѣнность. Природа, или сама собою производитъ вещи полезныя, а болѣе

безполезныя, или по направленію труда человѣка. Такъ онъ изсушаетъ болота, истребляетъ лѣса, дикихъ звѣрей, измѣняетъ растенія впр. Онъ направляетъ по своимъ видамъ могущество (puissance) природы.

Какой бы источникъ производимости ни составляли природа и трудъ, — но нельзя не почесть и капитала вторымъ ея источникомъ; потому что если и можно производить богатство безъ помощи его, то уже нельзя дать ему безъ капитала быстраго движенія. Народы, живущіе звѣриною ловлею, почти все производятъ безъ капитала, за то велико ли ихъ богатство?

Сей. Cours complet d'Econ. pol. tom 1. pag. 235.

»Всеобщій фондъ богатства раздѣляются на фондъ производительныхъ способностей и фондъ способовъ или орудій производимости. Фондъ способностей заключаетъ въ себѣ практическія способности къ производимости, какъ то видимъ въ ученыхъ, предпринимателяхъ работъ и въ самыхъ работникахъ. Фондъ способовъ раздѣляется: 1) на фондъ способовъ, неподлежащихъ собственности, какъ то, атмосфера, теплота и пр. и подлежащихъ собственности, какъ то, земли, минералы; и 2) на капиталы, состоящіе изъ продуктовъ прежней производимости.«

Рикардо.—Princ. d'Econ. polit. tome 1. pag. 92.

Сей обвиняетъ Смита за то, что онъ не обратилъ вниманія на цѣнность вещей, происходящую отъ естественныхъ дѣйствователей и машинъ, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ онъ разсматривалъ цѣнность

вещей, усвоемую трудомъ. Но этого Сей не доказалъ, потому что Смитъ нигдѣ въ своемъ сочиненіи не отвергалъ пользы, получаемой отъ естественныхъ дѣйствователей и машинъ.

tom 1 pag. 87.

Напротивъ Смитъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «впрочемъ въ обработываніи земли природа вмѣстѣ дѣйствуетъ съ человѣкомъ, и хотя трудъ природы не стоитъ никакихъ издержекъ, не смотря на то, произведенія ея имѣютъ свою цѣнность, какъ и то, что производится самыми дорогими работниками.» Между тѣмъ Рикардо продолжаетъ, что и Смитъ не во всемъ справедливъ.—Такъ Смитъ говоритъ: «въ земледѣліи природа дѣлаетъ весьма много, а на фабрикахъ все дѣлаетъ человѣкъ.» Рикардо возражаетъ: какъ, ужели для человѣка на фабрикахъ природа ничего не дѣлаетъ? Развѣ ничего не значитъ сила вѣтра и воды, движущая наши машины? Давленіе воздуха, разширеніе паровъ, посредствомъ коихъ движутся самыя важныя машины, не равно ли даръ природы? Даже, есть ли одна какая либо фабрика, на коей природа не помогала бы человѣку? И все это она дѣлаетъ даромъ.

По моему мнѣнію Рикардо, подобно Сею, не совсѣмъ справедливъ. Онъ забываетъ, что въ земледѣльческой промышлености дѣйствительно многое производится одними силами природы. Притомъ въ мануфактурной промышленности произведенія не иными чѣмъ могутъ быть, какъ что хочетъ сдѣлать изъ нихъ человѣкъ, хотя посредствомъ силъ природы, а въ земледѣльческой, природа сама отъ себя усвоиваетъ особенность произведеніямъ. Сила воз-

духа, сила свѣта, сила воды и проч. вездѣ одинаковы, но сила земли не вездѣ одинакова. Вообще, на мануфактурахъ человѣкъ болѣе выказываетъ свои дѣйствія, какъ существо разумное, а въ обработываніи земли менѣе. Какъ Рикардо и другіе писатели не замѣтили этой важной постепенности? По сему, въ торговлѣ человѣкъ еще менѣе зависимъ непосредственно отъ природы, а въ нравственныхъ дѣйствіяхъ онъ вполнѣ существо независимое. Изъ этого видно, что Смитъ превосходно разгадывалъ дѣйствіе природы, только выразился слишкомъ безусловно относительно фабрикъ, а Рикардо впалъ въ противную крайность, т. е. слишкомъ безразлично выразился относительно фабрикъ и земледѣлія. Вотъ причина, по которой прочіе писатели по сему предмету, или придерживаются болѣе мнѣнія Смита, какъ то: Мальтусъ, Сисмонди, Макъ-кюллохъ, или мнѣнія Сея и Рикардо, какъ то: Ганиль, Дрозъ и другіе.

Сисмонди.—Nouveaux princ. d'Econ. pol. tom. 1 pag. 62.

«Какъ ни благодѣтельна природа къ человѣку, но она ни чего недаетъ ему даромъ, а только готова ему способствовать во всемъ до безконечности.»

Мысль Сисмонди справедлива, но онъ выразился, по видимому, не слишкомъ утѣшительно. Какъ будто природа ограничиваетъ свои благодѣянія требованіемъ отъ человѣка труда. Нимало. Трудъ—явленіе необходимое жизни его, какъ существа свободно разумнаго, который долженъ дѣйствовать, развивать, совершенствовать себя и всю низшую природу, — и этому дѣйствію нѣтъ предѣловъ, а если и можно говорить о предѣлахъ, то они заключаются въ

совершенномъ постиженіи всѣхъ законовъ, всѣхъ условій природы такъ, чтобы человѣкъ поступалъ въ отношеніи къ ней, какъ вполнѣ существо свободно-разумное.

«Вещь, не получившая цѣнности отъ труда посредственнаго или непосредственнаго, не есть богатство, какъ бы она ни была необходима (напр. воздухъ, вода и пр.); вещь, неудовлетворяющая нуждъ человѣка, не есть богатство, какимъ бы трудомъ она ни была произведена. Наконецъ, вещи, которыя не могутъ быть скопляемы, сохраняемы, для будущаго потребленія, не суть богатство.»

Подъ именемъ послѣднихъ вещей Сисмонди разумѣетъ нравственныя произведенія. Справедливо ли мнѣніе Сисмонди, увидимъ далѣе.

«Хотя собственно трудъ производитъ богатство, однако мы признаемъ три его источника: природу, капиталъ и трудъ.»

Мак-кюллохъ. — Discours d'Econ. polit.

«Трудъ—единственный источникъ богатства. Вся теорія Политической Экономіи состоитъ въ разрѣшеніи задачи, какъ съ меньшимъ трудомъ можно получить величайшее количество произведеній.»

Приведя мнѣніе различныхъ писателей объ источникахъ богатства, я постараюсь изложить свою теорію объ этомъ предметѣ.

Что такое вообще природа? Природа въ настоящемъ значеніи составляетъ совокупность всего существующаго въ мірѣ, всѣхъ явленій первоначальной причины — Бога. Въ этомъ понятіи природы заключаются стихіи, какъ необходимое условіе бытія всѣхъ твореній, равно самыя творенія, камни, ме-

таллы, растенія, животныя и наконецъ человѣкъ. Въ политико-экономическомъ смыслѣ природа означаетъ все, что ни противоположно человѣку. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ составляетъ субъектъ, а природа объектъ его дѣйствованія. Разсматривая вещи въ послѣднемъ значеніи природы, мы находимъ, что одне изъ нихъ подлежатъ исключительной собственности людей, какъ то: земли, растенія, животныя; другія, напротивъ, состоятъ въ сферѣ общей собственности, какъ то: воздухъ, свѣтъ, вода. Мы не беремъ во вниманіе малозначительныхъ исключеній, напр. вода, набираемая для продажи, составляетъ уже частную собственность, равно какъ воздухъ, собираемый кѣмъ либо въ сосудъ. Причина этого различія зависитъ частію отъ того, что послѣднія вещи находятся въ неограниченномъ количествѣ, частію отъ того, что они сами по себѣ невозможны къ непосредственному обладанію, между тѣмъ какъ первыя, заключаясь въ опредѣленномъ количествѣ, требуютъ особеннаго труда для ихъ усвоенія. Впрочемъ, въ слѣдствіе жизни и раскрытія силъ нашей планеты, и послѣднія вещи болѣе и болѣе умножаются. Въ процессѣ этого безпрерывнаго умноженія, главное дѣйствующее лице — человѣкъ, какъ конечное твореніе всего міра, одаренное разумомъ и свободою. Дѣйствіе человѣка на природу двоякое: физическое и нравственное. Тотъ другое дѣйствіе происходитъ всегда неразрывно, сосредоточиваясь въ большемъ или меньшемъ взаимномъ соотношеніи, напр. въ самыхъ простыхъ работахъ человѣкъ дѣйствуетъ почти однимъ физическимъ трудомъ, а въ пріобрѣтеніи познаній дѣйствуютъ почти одне силы нравственныя или силы нашего ума. Прочія занятія человѣка въ разныхъ степеняхъ, или относятся къ труду нрав-

ственно-физическому, или къ труду физико-нравственному.

Внимательное обозрѣніе земнаго шара открываетъ намъ, что трудъ обнаруживаетъ всю свою силу въ умѣренной полосѣ, Европѣ; а природа, объектъ его дѣйствія, вовсемъ блескѣ производительности является въ жаркомъ поясѣ или въ другихъ частяхъ свѣта. Произведенія сихъ послѣднихъ нерѣдко, при весьма ограниченномъ употребленіи труда, произрастаютъ въ чрезвычайномъ изобиліи. Царство животныхъ, какъ и царство ископаемыхъ, равно отличаются въ нихъ удивительнымъ своимъ разнообразіемъ и многими особенностями. Причина этого богатства природы очевидна. Напротивъ, Европа, въ сравненіи съ тѣми землями представляетъ, можно сказать, скупость природы, бѣдность.—особенно это жалкое состояніе ея продолжалось во время младенчества, въ первые дни ея заселенія. Посему, тогда, когда земли Азіи и Африки лелѣялись щедрою, благодѣтельною природою, а жители ихъ, добывая легко тысячи разнообразныхъ произведеній, постоянно предавались безпечности, негѣ, — Европейцы должны были употреблять чрезвычайныя усилія къ преодолѣнію трудностей своихъ земель, для полученія достаточнаго къ существованію количества произведеній. Съ умноженіемъ народонаселенія, увеличеніемъ общественныхъ связей и потребностей, трудъ въ Европѣ постепенно возрасталъ, усиливался. Не смотря на это, успѣхи Европейцевъ, быть можетъ, оставались бы навсегда ограниченными, если бы естественное богатство другихъ частей свѣта не представилось ихъ изыскательному вкусу. Желаніе обладать этими землями, чтобы обладать самымъ ихъ богатствомъ, сильно возбудило ихъ фи-

зико-нравственную дѣятельность, — въ слѣдствіе чего торговая промышленость быстро раздвинулась, моря покорились владычеству ума, съ тѣмъ вмѣстѣ восторжествовавшаго и надъ безпечностію, невѣжествомъ богачей природы. Чрезвычайные же успѣхи торговли привели въ движеніе и прочія отрасли промышлености. Всякой Европеецъ искалъ дорогихъ произведеній жаркаго климата, коими его суровая природа нѣжилась, лелѣялась, — и средство къ пріобрѣтенію ихъ, всякой находилъ въ умноженіи, или произведеній земледѣлія, или мануфактурныхъ издѣлій. Самыя нравственныя силы почувствовали, такъ сказать, воззваніе силъ физическихъ. Впрочемъ многія особенныя обстоятельства способствовали быстрому ихъ раскрытію, совершенствованію. Кто хотя нѣсколько знакомъ съ политическою исторіею среднихъ вѣковъ, тотъ легко можетъ обнять всю сферу перемѣнъ, происходившихъ въ жизни и возрастаніи Европы.

Но не одна физическая природа другихъ частей свѣта имѣла непосредственное вліяніе на раскрытіе силъ Европы. Природа нравственная этихъ частей свѣта равно нѣкогда дѣйствовала на народы Европы своимъ величіемъ и могуществомъ. Сколько древняя исторія представляетъ намъ чрезвычайныхъ мужей, которые, какъ-бы напутствуемые самимъ Божествомъ, открывали народамъ Азіи, Африки безусловные, святые его законы? Возвышенная созерцательность первоначально свойственна была климату жаркому. Однако это явленіе нравственной природы нимало не было дѣломъ нравственнаго труда человѣка; оно какъ-бы само собою обнаруживалось, подобно тому, какъ физическая природа, безъ посредства усилій человѣка, расточаетъ свои безчисленные дары; необыкновен-

ные геніи древности были, такъ сказать, представителями самой природы, созерцавшейся въ нихъ. Когда же Европа успѣла усвоить себѣ Божественные законы, ими обнаруженные, — жители ея почувствовали въ нравственной своей природѣ то усиліе, которое было необходимо для ихъ постиженія, и тогда уже природа содѣлалась въ полной мѣрѣ лицемъ не страдательнымъ, но дѣйствующимъ. И такъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Европа раскрытіемъ своего физическаго и нравственнаго труда обязана непосредственному вліянію другихъ частей свѣта,—безъ этого она никогда не могла бы достигнуть нынѣшняго своего возвышенія, богатства и образованности.

Сообразивъ все это, что нами сказано относительно природы и человѣка, мы приходимъ къ заключенію, что природа составляетъ собственно основаніе богатства, а трудъ физико-нравственный въ точномъ значеніи,—источникъ его. Разсмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи къ нимъ находится капиталъ.

Человѣкъ, дѣйствуя на природу, всегда видѣлъ себя въ необходимости запасаться многими вещами, служившими ему, такъ сказать, орудіями къ дѣйствію; и чѣмъ болѣе распространялись общественныя связи, умножались нужды, прихоти; тѣмъ въ большей степени увеличивались эти орудія. Къ числу ихъ относятся машины, разныя устроенія, первоначальныя произведенія и т. д. Всякая промышленость требуетъ для своего производства особенныхъ принадлежностей. Эти-то принадлежности и называются въ политико-экономическомъ смыслѣ капиталомъ. Слѣдственно предметы, назначаемые для непосредственнаго потребленія, не должны относить-

ся къ капиталу, хотя и могутъ обращены быть въ его составъ. Равно, что у одного составляетъ капиталъ, то у другаго часто назначается для непосредственнаго потребленія. Капиталъ также, какъ и прочія вещи, подлежитъ скорому и медленному потребленію, всегда однако онъ имѣетъ своимъ назначеніемъ произведеніе вещей или другаго рода, или того же, но въ большемъ количествѣ, напр. шерсть у фабриканта приготовляется для дѣланія суконъ, сѣмена у земледѣльца сберегаются для посѣва. — Обсуживая означенныя нами существенныя качества капитала, мы очевидно усматриваемъ, что онъ не есть ни основаніе богатства, ни источникъ его, но нѣкоторымъ образомъ служитъ посредникомъ между тѣмъ и другимъ. Само собою разумѣется, что первоначально онъ также пріобрѣтается трудомъ. Раздѣленіе между капиталомъ и вещами, назначенными для непосредственнаго потребленія, весьма важно по той причинѣ, чтобы знать, какая соразмѣрность должна быть соблюдаема между тѣмъ и другими. Если же не соблюдается между ними надлежащаго равновѣсія: то всегда происходитъ въ мірѣ богатства, или накопленіе произведеній, какъ товаровъ, или недостатокъ ихъ. Въ послѣдствіи мы будемъ разбирать этотъ важный предметъ Политической Экономіи со всею подробностію.

И такъ, теперь мы знаемъ, въ какой существенной связи находятся между собою три главныя дѣйствователя или агента богатства, природа, трудъ и капиталъ. Вообще, чѣмъ болѣе первая способна къ произведенію разнообразныхъ продуктовъ, также чѣмъ многосложнѣе, выше и совершеннѣе въ своемъ раскрытіи второй, и наконецъ, чѣмъ обширнѣе и пра-

вильнѣе раздѣленъ третій,—тѣмъ государство быстрѣе стремится къ улучшенію своего быта, тѣмъ пріобрѣтеніе и умноженіе богатства безопаснѣе, вѣрнѣе.

Спрашивается: какой дѣйствователь имѣетъ право на бо́льшее преимущество? Кто изъ нихъ важнѣе въ своемъ вліяніи на богатство?—Замѣчанія, сдѣланныя нами въ отношеніи къ Европѣ и другимъ частямъ свѣта, повидимому, склоняютъ вѣсы сравненія въ пользу труда. Мы можемъ примѣнить это къ государствамъ Европы. Извѣстно, что въ Англіи и Голландіи первоначально природа немного благопріятствовала увеличенію богатства. Влажный климатъ, неплодородіе многихъ земель предвѣщали имъ явную, всегдашнюю бѣдность; но трудъ жителей все превозмогъ; посредствомъ необыкновенныхъ усилій, они мало по малу успѣли восторжествовать надъ природою, и богатствомъ своимъ далеко опередили жителей тѣхъ государствъ, которымъ, по видимому, вначалѣ все льстило будущими чрезвычайными выгодами. Съ другой стороны нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что иногда природа поставляетъ ужасныя и почти непреодолимыя препятствія дѣйствію труда, напр. въ отдаленныхъ странахъ Сѣвера. Положимъ, что можно было бы переселиться туда образованнымъ, дѣятельнымъ Англичанамъ, или трудолюбивымъ Голландцамъ, и положимъ, что они все, что только ни относится къ производству труда, перенесли бы съ собою въ тѣ земли, — ужели допустимъ, что они равно имѣли-бы тамъ счастливые успѣхи въ преодолѣніи трудностей природы, какъ успѣли въ этомъ въ собственныхъ своихъ земляхъ? Едвали. Не спорю, что можетъ быть наступитъ то время, когда Сѣверъ и Югъ придутъ въ нѣкоторое равновѣсное соотношеніе къ центральнымъ полосамъ зем-

наго шара, и послѣдуютъ тѣмъ же перемѣнамъ, какія претерпѣли уже средніе его части, но для этого потребны еще многія столѣтія. Впрочемъ, такъ какъ совершеніе этихъ благопріятныхъ явленій опять не иначе возможно, какъ посредствомъ дѣйствія труда, то рѣшительно можно заключить, что трудъ въ области физическаго совершенствованія народовъ стоитъ выше природы, объекта своего дѣйствія.

Такое сравненіе удобно приноровить къ дѣйствіямъ труда и капитала. Что̀ дѣйствія капитала сами по себѣ важны, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; потому что представимъ, что вдругъ по какому либо случаю подвергнулись бы уничтоженію, истребленію капиталы Англіи и Голландіи; можемъ ли мы положить навѣрное, что эти государства опять въ состояніи были бы когда либо достигнуть нынѣшняго своего обогащенія? Притомъ, если физико-нравственный трудъ обязанъ своимъ раскрытіемъ цѣлымъ тысячелѣтіямъ, то одинаково въ продолженіе ихъ скоплялись, умножались самые капиталы. Такимъ образомъ не легко рѣшить, чрезъ что Англія и Голландія болѣе могли бы потерять въ своемъ богатствѣ, чрезъ то ли, если бы жители ихъ обратились въ первобытное свое состояніе, т. е. лишились бы всѣхъ пріобрѣтенныхъ ими совершенствъ физико-нравственнаго труда, или чрезъ то, еслибы, какъ мы видѣли, они лишились бы всѣхъ своихъ огромныхъ капиталовъ? Но вотъ какое различіе служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ въ пользу труда, а именно: если бы можно было или перевести всѣ капиталы, положимъ, Англіи и Голландіи въ другое какое либо государство, или передать всѣ совершенства физико-нравственнаго труда тѣхъ государствъ послѣднему, то что, думаемъ, болѣе при-

несло бы пользы для послѣдняго, первое или второе предполагаемое слiяніе? Безъ сомнѣнія первое. — Изъ этого замѣчанія вытекаютъ весьма важныя истины, которыми, къ несчастію, не пользовались, и нынѣ не вполнѣ пользуются народы. Народы собственно богатѣютъ въ слѣдствіе своихъ личныхъ совершенствъ, а не захваченія, какимъ бы то ни было образомъ, чужихъ богатствъ.

Такъ, нельзя сомнѣваться, что трудъ—важнѣйшій дѣйствователь въ области образованія, умноженія богатствъ! Онъ тотъ мощный агентъ, который въ рукахъ своихъ держитъ всю низшую природу, и дѣйствіемъ котораго живетъ, движется самый капиталъ, — самъ же покоряется единственно общей природѣ, или той, которую мы разумѣли въ первомъ ея значеніи. При этомъ нельзя не пожелать возможнаго совершенства Статистикѣ, что-бы, окинувъ своимъ взоромъ земный шаръ, мы могли вполнѣ взвѣсить во всѣхъ его частяхъ силы природы, силы труда и силы капиталовъ.

—

ГЛАВА V.

О природѣ.

Относительно природы, мы уже замѣтили, какъ она разнообразна своими особенностями. Главное различіе заключается въ климатѣ; второе различіе зависитъ отъ свойства земель, находящихся въ одной и той же полосѣ земнаго шара. Въ одномъ мѣстѣ взоръ нашъ встрѣчаетъ земли плодородныя, изобилующія разнообразными произведеніями, въ другомъ нахо-

дить одни горы, лѣса, степи, болота. Географія подробно изображаетъ намъ это безпредѣльное разнообразіе. — Спрашивается теперь, какая главная его причина? — Было ли оно первоначально усвоено земному шару, или проявилось уже въ слѣдствіе его условной жизни, въ слѣдствіе безчисленныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ эту жизнь? Снова, — что было источникомъ этихъ обстоятельствъ, какая судьба, или какіе законы управляли ими? Могла ли быть другая судьба нашей земли, и слѣдственно, могли ли проявиться совершенно новыя обстоятельства? Вотъ, вопросы, на которые, судя по нынѣшнему состоянію естественныхъ наукъ, мы рѣшительно не въ состояніи отвѣчать! Нѣтъ сомнѣнія, что жизнь нашей планеты зависитъ отъ жизни прочихъ небесныхъ тѣлъ, — но отъ чего зависитъ всеобщая жизнь небесныхъ тѣлъ, что ими управляетъ, почему они даютъ одно другому то или другое направленіе, — рѣшеніе этого пока недовѣдомо нашей мыслительной способности! — Если мы скажемъ, что для этой всеобщей жизни находятся вѣчные, неизмѣняемые законы Провидѣнія, — то спрашиваю опять: откуда же проистекаютъ несовершенства небесныхъ тѣлъ, что служитъ источникомъ бѣдствій, испытываемыхъ нашею планетою, бѣдствій, поражающихъ безчисленными видами существа, ее населяющія? Не участвуетъ ли въ направленіи, принимаемомъ ею, условная жизнь самыхъ существъ? Не бываетъ ли въ этомъ человѣкъ главнымъ лицемъ-дѣйствователемъ, какъ существо свободно-разумное, о чемъ пророчески передастъ намъ исторія древнихъ временъ? Я говорю, *пророчески*, — потому что какимъ образомъ науки могутъ опредѣлить въ подробности вліяніе человѣка или всѣхъ существъ на земной шаръ, дѣй-

ствіе и противодѣйствіе того и другаго? Наука едва можетъ отчетливо изложить подробности явленій жизни отдѣльныхъ существъ и взаимное прикосновенное ихъ вліяніе. Какая происходитъ борьба въ разгадываніи этихъ подробностей между великими умами! Сколько несогласій, противорѣчій! И если какой либо умъ, проскользнувъ сквозь безчисленныя тропинки, успѣваетъ схватить что либо въ цѣломъ, вникнуть сколько нибудь въ общую массу жизни нашей планеты, — онъ уже умъ необыкновенный, изумляющій насъ своимъ геніемъ! Но что значатъ всѣ его познанія, вся его проницательность, глубокомысліе въ отношеніи къ вопросамъ, нами заданнымъ? Почти ничто. Знакомы ли умы вполнѣ съ законами и явленіями жизни частныхъ организмовъ, наприм.: организма человѣческаго? Сколько они находятъ въ немъ таинственнаго, недовѣдомаго, непостижимаго! Гдѣ же имъ вполнѣ опредѣлить, разгадать жизнь такого организма, какой заключается въ нашей планетѣ? Но такъ какъ человѣкъ соединенъ жизнію со всѣмъ, существующимъ на земномъ шарѣ, и даже со всѣмъ, живущимъ въ необъятной вселенной, — вотъ, почему человѣкъ въ древнія времена не могъ многаго непредугадывать. Прозрѣнія тогда замѣняли нынѣшнее ученое постиженіе природы, — и сколько еще въ настоящее время скрывается подобныхъ предсказаній, недоступныхъ уму! Но я слишкомъ далеко уклонился отъ эмпирическаго изслѣдованія природы, болѣе, нежели сколько требуется этого для науки, Политической Экономіи.

Сдѣлаемъ еще нѣкоторыя замѣчанія относительно различія земель. Вообще оно проявляется разнообразно въ разныхъ государствахъ. Нѣтъ ни одного государства, въ которомъ можно было бы подвести

его подъ извѣстныя правила; оно изучается однимъ опытомъ. Не рѣдко среди самыхъ плодородныхъ земель находимъ мѣста, вовсе неспособныя къ обработыванію,— или однѣ земли способны къ добыванію произведеній одного рода; другія, иногда находящіяся вблизи первыхъ, доставляютъ уже особенныя произведенія. По этому-то общія правила народнаго богатства допускаютъ тысячи исключеній, тысячи примѣненій къ мѣстности какого либо народа. Различіе земли, воздухъ, вода, теплота и прочія условія входятъ въ соображеніе производительности. Къ этому надо присоединить еще и то, что народъ, населяя землю, мало по малу свыкается со всѣми ея особенностями, получаетъ тѣ или другіе навыки, обычаи, усвояетъ тотъ или другой характеръ, наклонности, проявляетъ въ себѣ тѣ или другія способности въ высшемъ развитіи. Какая чудесная картина разнообразія земли и человѣчества! И думаете ли, что въ ней нѣтъ никакой гармоніи? Думаете ли, что каждый участокъ земли, каждый отдѣлъ человѣчества дѣйствуютъ между собою безъ всякой связи, въ совершенномъ разобщеніи? Никакъ. Таинственная сила природы держитъ земли и народы подъ общимъ своимъ направленіемъ, ведетъ тѣ и другія къ общей цѣли. Каждой землѣ, каждому народу свойственно извѣстное развитіе, но оно подчинено цѣли общаго развитія. Когда земной шаръ началъ устраиваться первоначально, то ясно, что, послѣ образованія стихій, должны были произойти послѣдственно всѣ постепенные разряды безчисленныхъ твореній. Такъ, не могли не быть растенія, животныя и человѣкъ. Такъ, равно, когда земной шаръ получилъ полное свое бытіе, началъ жить, — ясно, что это бытіе, эта жизнь должны были развиваться изъ

самаго его организма. Если бы мы могли проникнуть своимъ умомъ этотъ организмъ, могли читать въ немъ всѣ зародыши, назначенные для будущаго развитія, мы могли бы легко предсказать все будущее въ связи съ бывшимъ и бывающимъ. Земли не могутъ проявить въ себѣ произведеній, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы непосредственно или посредственно для развитія человѣчества, — и человѣчество не можетъ обнаружить въ себѣ способностей и наклонностей, кромѣ тѣхъ, которыя нужны для развитія земли. Мыслители нѣкогда дѣлали сами себѣ вопросъ: не могъ ли человѣкъ имѣть болѣе чувствъ, нежели сколько ихъ имѣетъ нынѣ, — и въ такомъ случаѣ не могъ ли бы онъ найти въ твореніяхъ болѣе свойствъ, нежели сколько мы замѣчаемъ? Вопросъ этотъ странен! Человѣкъ получилъ отъ природы столько чувствъ, сколько различныхъ свойствъ заключается въ ней самой; жизнь человѣка развилась изъ жизни низшихъ твореній. То же я скажу и относительно условнаго бытія человѣка. Человѣкъ не можетъ проявить себя инымъ чѣмъ либо, нежели какъ назначено ему проявиться природою. Такъ, въ зародышѣ земли уже заключены всѣ роды постепеннаго его условнаго проявленія, развитія, совершенствованія. Осмѣлюсь сказать,— въ этомъ зародышѣ хранятся всѣ виды его промышленности земледѣльческой, мануфактурной и торговой, всѣ виды его дѣятельности нравственной. Еще осмѣлюсь прибавить, что для всѣхъ этихъ проявленій находятся свои законы, свои цѣли, — и горе человѣчеству, отступающему отъ этихъ законовъ, уклоняющемуся отъ этихъ цѣлей. Всмотритесь со вниманіемъ въ факты, представляемые намъ исторіею, и вы найдете въ ней, какъ одни и тѣ же событія сопровождались од-

ними и тѣми же послѣдствіями. Міръ частныхъ людей, міръ отдѣльныхъ обществъ и міръ народовъ въ совокупности во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ, научаютъ насъ однѣмъ и тѣмъ же истинамъ. И такъ, люди и народы, постигайте это требованіе природы, старайтесь узнавать назначеніе каждаго отдѣла земли и человѣчества и общее назначеніе той и другаго!

—

ГЛАВА VI.

О трудѣ.

Сей. — Cours com. d'Econ. pol. tom 1. pag. 212.

Сей утверждаетъ, что собственно одна находится промышленость и только она раздѣляется на виды; но это раздѣленіе произвольное, принятое нами для удобности.

Такъ, но я нахожу это раздѣленіе такимъ же, какое встрѣчаемъ мы и въ Естественной Исторіи въ отношеніи къ раздѣленію царствъ природы. Собственно одно находится царство, царство твореній, какъ мы выше видѣли, непрерывное, связанное тончайшею нитію одной и той же силы, постепенно раскрывающейся. Но это царство раздѣляется на три вида, принятые всѣми естествоиспытателями, имѣющіе основаніе въ особенностяхъ, рѣзко отдѣляющихъ между собою безчисленныя творенія. Если это раздѣленіе произвольное, то такая же произвольность существуетъ и въ раздѣленіи промышлености. Она необходима для вывода различныхъ слѣдствій относительно богатства.

«Въ классѣ мануфактурномъ состоятъ и тѣ, которые, покупая какую либо грубую вещь, обрабо-тываютъ ее для своего потребленія, напр. если хозяйка дома прядетъ ленъ для выдѣлки изъ него чулковъ себѣ и дѣтямъ. Равно сюда относятся домашнія женскія работы. Ткачъ, портной, переплетчикъ книгъ, хлѣбникъ, поваръ и т. д.—также мануфактуристы.»

Въ обширномъ смыслѣ все это справедливо. Но на практикѣ каждый особый трудъ имѣетъ особое названіе. Фабрикантами, мануфактуристами называются тѣ, которые обработываютъ свои издѣлія въ большихъ мастерскихъ. Быть портнымъ, или сапожникомъ,—ремесло, быть часовымъ мастеромъ, машинистомъ — художество. Домашнія рукодѣлія извѣстны подъ именемъ домашнихъ работъ. Но какое дадимъ названіе хлѣбникамъ, поварамъ? Или, подъ какую категорію промышлености ихъ должно подвести? Вообще, въ однихъ мануфактурныхъ занятіяхъ требуется болѣе физическаго труда, въ другихъ болѣе нравственнаго.

«Въ классѣ торговомъ состоятъ какъ тѣ, которые производятъ торговлю оптомъ, такъ и тѣ, которые торгуютъ въ лавкахъ, даже и тѣ, которые покупая въ деревняхъ напр. масло, молоко, зелень, продаютъ все это въ городѣ, или которые развозятъ и продаютъ воду.»

Справедливо,—но и въ этой промышлености надо сдѣлать различіе между трудами. Не смѣшно ли назвать купцомъ продающаго воду? Или назвать купчихой продающую зелень, молоко, плоды? Изъ общаго обозрѣнія промышленостей видно, какъ еще много находится неопредѣленнаго, необслѣдованнаго въ Политической Экономіи! Сколь важно въ

Естественной Исторіи опредѣлить постепенное восхожденіе твореній, — столь важно и въ Политической Экономіи обозначить постепенное восхожденіе труда отъ низшаго до высшаго и притомъ во всѣхъ отрасляхъ промышлености? Это нужно для того, чтобы каждый трудъ получилъ настоящую свою цѣну, свое значеніе въ общественной дѣятельности. Въ настоящее время всѣ труды въ обществѣ перемѣшаны; низшіе иногда оцѣниются дороже высшихъ. Такая ошибка происходитъ частію отъ понятій вѣка, болѣе или менѣе совершенныхъ, частію отъ моды, подлежащей вліянію обстоятельствъ. Сколько было изобрѣтеній, не только не принесшихъ никакой пользы производителямъ, напротивъ причинившихъ имъ одни огорченія и бѣдствія? Природа надѣляетъ людей особенными способностями, талантами по своимъ вѣчнымъ законамъ, а не по тѣмъ предразсудкамъ и заблужденіямъ, которыми бываютъ усѣяны общества. Сколько трудовъ считается въ обыкновенномъ понятіи людей низкими и неблагородными тогда, когда безъ нихъ не могло бы существовать самое общество? Всѣ они служатъ къ достиженію одной цѣли, пользы человѣчества. Это ложное понятіе бываетъ причиною уклоненія многихъ отъ тѣхъ трудовъ, для которыхъ они, по видимому, рождены, къ совершенію которыхъ они наиболѣе чувствуютъ себя способными; они принимаются совсѣмъ не за свое дѣло, отъ этого нерѣдко завязывается борьба между дѣйствователями,—одинъ старается столкнуть другаго съ мѣста, и, къ сожалѣнію, недостойные по разнымъ отношеніямъ успѣваютъ въ этомъ удачнѣе достойныхъ. Вообще, всѣ многообразные роды труда составляютъ одинъ организмъ, и всякой трудъ, какъ каждая часть обыкновеннаго организма, работаетъ

для цѣлаго. Посмотрите, что происходитъ, если какая либо часть нашего тѣла дѣйствуетъ слабо, несоотвѣтственно своей цѣли? То же происходитъ и въ организмѣ трудовъ.

«Можно быть земледѣльцемъ и вмѣстѣ купцомъ, напр. садовникъ, самъ продающій плоды, — или фабрикантомъ, напр. земледѣлецъ, самъ выдѣлывающій кожи.»

Купецъ, самъ подкрашивающій мѣха, есть вмѣстѣ фабрикантъ. Однако, говоря строго, такіе дѣйствователи принадлежатъ къ одному какому нибудь классу и собственно тому, въ которомъ состоитъ главное ихъ занятіе. У садовника, продающаго плоды, главное занятіе садоводство, а продажа плодовъ—занятіе его побочное.

«Государства весьма часто не почитаются мануфактурными, между тѣмъ, какъ во всякомъ государствѣ находятся мануфактуры и торговля.»

Это дѣлается сравнительно. Рѣдко бываетъ, чтобы какое либо произведеніе было дѣломъ одной промышленности,—напр. столъ, кофе,—продукты земледѣльческой, мануфактурной и торговой промышленности.

Сей, одобряя опредѣленіе торговли, сдѣланное Верри, самъ ему слѣдуетъ, — а именно, по мнѣнію Верри, торговля есть перевозъ товаровъ изъ одного мѣста въ другое.

Въ строгомъ смыслѣ, покупающій и продающій товары на одномъ и томъ же мѣстѣ, неравно ли производитъ торговлю? Или мѣновщикъ, находясь всегда на одномъ мѣстѣ, ужели не принадлежитъ къ числу купцовъ? Обороты капиталовъ, время, также значатъ много въ области торговли.»

Геновези опредѣляетъ торговлю такимъ образомъ: она есть мѣна излишняго противу необходимаго, — мѣняютъ то, чего менѣе желаютъ, противу того, чего болѣе желаютъ. Сей замѣчаетъ на это: трудно доказать, чтобы бѣдный ремесленникъ, идущій въ трактиръ, думалъ, что онъ отдаетъ излишнее за необходимое. По мнѣнію Сея, въ торговлѣ равное отдается за равное.

Шторхъ. — Cours d'Econ. pol. tom. 1.

«Въ земледѣльческой промышлености 1) заключаются тѣ труды, которые имѣютъ предметомъ своимъ добываніе вещей, непосредственно производимыхъ природою, — такъ въ царствѣ животномъ: звѣриная ловля, собираніе насѣкомыхъ; въ царствѣ растительномъ: собираніе дикихъ плодовъ, растеній, рубка лѣса, сѣнокосъ; въ царствѣ минераловъ: собираніе разныхъ минераловъ, камней, добываніе каменнаго угля, соли и проч., 2.) заключаются тѣ труды, которые способствуютъ производимости продуктовъ природы, въ царствѣ животномъ — это умноженіе, улучшеніе животныхъ разнаго рода, содержаніе дикихъ животныхъ въ звѣринцахъ, птицъ въ клѣткахъ, рыбы въ садкахъ, пчелъ въ ульяхъ и проч.; въ царствѣ растительномъ: сохраненіе, умноженіе полезныхъ растеній, обработываніе полей, луговъ, улучшеніе лѣсовъ, разведеніе плодовитыхъ деревьевъ, виноградниковъ и проч.; въ царствѣ минеральномъ: въ этомъ царствѣ всѣ произведенія — дѣло одной природы. Человѣкъ еще не достигъ до такихъ познаній, чтобы могъ умножать и улучшать произведенія минераловъ. а)

Въ мануфактурной промышлености 1) заключаются тѣ труды, которые имѣютъ предметомъ при-

готовленіе разныхъ вещей изъ животныхъ частей, напр. копченіе, соленіе мяса, приготовленіе жиру, какъ-то: дѣланіе сала, помады, мыла, обработываніе звѣриной кожи; разнымъ образомъ, дѣланіе разныхъ вещей изъ костей, шерсти, волосьевъ, приготовленіе молока, масла, сыра; 2) тѣ труды, которые имѣютъ предметомъ приготовленіе разныхъ издѣлій изъ матерій растительныхъ, напр. дѣланіе вещей изъ лѣса, изъ коры деревьевъ, произведеніе разныхъ хлѣбныхъ растеній, плодовъ, дѣланіе винъ, водокъ, масла и пр.; 3) тѣ труды, которые имѣютъ предметомъ дѣланіе вещей изъ минераловъ, какъ-то, изъ желѣза, свинца, золота, серебра, изъ камней, изъ земли, песку, дѣланіе пороха, стеколъ, зеркалъ и проч. b)

Торговля раздѣляется на оптовую и мелочную. Первая производится негоціантами, покупщиками и продающими товары въ большомъ количествѣ и большимъ запасомъ. Вторая производится купцами, продающими товары въ раздробъ, по мелочамъ. Торговля оптовая раздѣляется на внутреннюю, внѣшнюю и транзитную. Первая производится покупкою и продажею произведеній внутренней промышленности изъ одного мѣста въ другое. Она отправляется сухимъ путемъ, по рѣкамъ и морямъ. Иностранная торговля прямая производится покупкою иностранныхъ товаровъ и продажею ихъ въ своей землѣ. Она бываетъ непосредственная, когда иностранные товары покупаются непосредственно продуктами внутренней промышленостъ, и посредственная, когда иностранные товары покупаются другими иностранными товарами, которые были куплены еще прежде продуктами внутренней промышлености. Торговля транзитная производится покупкою и про-

дажею товаровъ, принадлежащихъ другимъ государствамъ, безъ всякаго участія произведеній внутренней промышленности. Торговля оптовая и мелочная раздѣляются на разныя свои отрасли, смотря по тому, какой товаръ составляетъ главный предметъ негоціанта. с)

Замѣч. а). Шторхъ умалчиваетъ, отъ чего происходитъ эта невозможность человѣка? Почему онъ не въ силахъ умножить количество камней, металловъ, подобно тому, какъ онъ дѣлаетъ это въ царствѣ растительномъ и въ царствѣ животномъ? И если дѣйствительно положены въ этомъ усиліямъ человѣка границы, то не могутъ ли минералы со временемъ уменьшиться или истощиться до такой степени, что человѣчество почувствуетъ въ нихъ чрезвычайный недостатокъ для удовлетворенія своихъ нуждъ? — Для разгаданія этого вопроса, я предлагаю слѣдующія понятія.

Человѣкъ самъ собою ничего не творитъ; онъ только даетъ направленіе по своимъ видамъ производительной силѣ природы, — и въ этомъ отношеніи онъ въ полной мѣрѣ творецъ. Процессъ жизни минераловъ, заключаясь во внутренности земли и совершаясь вѣками, недоступенъ постиженію ума, а тѣмъ болѣе дѣйствію труда человѣка. Что мы обыкновенно дѣлаемъ съ растеніями для ихъ увеличенія или улучшенія? Мы кладемъ семена ихъ въ землю, гдѣ они прозябаютъ и потомъ произрастаютъ; но что мы знаемъ для подобнаго произрастенія минераловъ? Впрочемъ, еслибы человѣкъ и навсегда лишенъ былъ своего творческаго вліянія на произведеніе минераловъ, — предположительно ли, чтобы они рано или поздно могли совсѣмъ истощиться? Заключается ли высочайшая мудрость природы собственно въ

соотвѣтствіи ея разнообразныхъ произведеній? Вѣрьте, что ихъ столько есть и столько будетъ, сколько нужно для всеобщей жизни человѣчества; самая наша дѣятельность, зависящая, по видимому, отъ нашего произвола, никогда не выдетъ изъ черты, опредѣленной для нея природою. Пройдутъ годы, столѣтія, и, сообразно умножающимся нуждамъ человѣка, откроются новые рудники. Человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ страшиться будущаго,— для него страшно одно его невѣжество.

Съ другой стороны нельзя не видѣть, что количество дикихъ растеній, дикихъ звѣрей и т. п. постепенно уменьшается: мѣста ихъ заступаютъ растенія полезныя, насажденныя рукою человѣчества, животныя полезныя, умноженныя его стараніями. Не удивительно ли для насъ, какъ неожиданно взошелъ въ сферу нашихъ нуждъ картофель, обыкновенное нынѣшнее произведеніе? Не служитъ ли это одно для насъ явнымъ признакомъ благодѣтельнаго попеченія природы? Это произведеніе, по своей удобности къ произрожденію, весьма много предохраняетъ человѣка отъ ужасовъ голодной смерти во время неурожая, или во время увеличенія народонаселенія. Мы еще худо пользуемся этимъ благодѣяніемъ природы. Но не могутъ ли современемъ взойти въ область нашего потребленія новые роды хлѣба? Можно ли сколько нибудь въ этомъ сомнѣваться?

Вообще, не замѣчаете ли вы, что чѣмъ растенія или животныя необходимѣе къ поддержанію, сохраненію жизни человѣка, тѣмъ бо́льшую онѣ заключаютъ въ себѣ способность къ своему разумноженію! Хлѣбъ ли труднѣе намъ производить, или виноградъ? Для разведенія ли овецъ потребны бо́льшія усилія, или

для разумноженія нѣжныхъ животныхъ? Болѣе ли въ нѣдрѣ земнаго шара золота, нежели желѣза?

Между тѣмъ не замѣчаете ли вы, что чѣмъ человѣкъ болѣе совершенствуется въ раскрытіи своихъ силъ физическихъ и нравственныхъ, тѣмъ онъ выше становится къ низшей природѣ, тѣмъ болѣе эта послѣдняя привыкаетъ повиноваться ему, какъ своему владыкѣ. Такъ, чѣмъ болѣе умножаются и нѣжные роды растеній и нѣжныя породы животныхъ, тѣмъ болѣе открываются и новые рудники дорогихъ металловъ.

Знайте, что природа несравненно болѣе заботится о счастіи человѣка, нежели сколько онъ самъ заботится о себѣ. Мы видимъ тысячи примѣровъ, какъ онъ иногда, какъ бы силою влечется къ своей пользѣ, къ своему высшему назначенію.

Все, что сказано мною о земледѣльческой промышлености, какъ промышлености первой, основной для труда, все то въ одинакой степени идетъ и къ прочимъ отраслямъ его дѣятельности.

Все благоразуміе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы умѣть направлять силы природы къ производимости, сообразно ея законамъ, если не въ трехъ царствахъ, покрайней мѣрѣ въ двухъ первыхъ. Это направленіе состоитъ 1-е, въ томъ, чтобы удобнѣе и скорѣе производить, 2, въ томъ, чтобы производить тѣ только продукты, которые дѣйствительно служатъ къ удовлетворенію нашихъ нуждъ, которыхъ потребленіе безпрерывно совершенствуетъ нашу природу. Старайтесь размножить змѣй, и вы на каждомъ шагу будете встрѣчать смерть; старайтесь разводить ядовитыя деревья, и вы найдете въ нихъ средства къ сокращенію своей жизни. Вѣрьте, что и прочія растенія и прочія животныя, при

нашемъ потребленіи, всегда болѣе или менѣе служатъ къ существенной нашей пользѣ. Мы должны, такъ сказать, разгадывать, разлагать природу вещей, природу своихъ нуждъ, и сравнивая одинъ съ другими, сообразно тому, направлять свою дѣятельность.

Можетъ быть, при этомъ спросите меня, хотя этотъ вопросъ относится собственно къ философіи, — для чего природа населила землю нашу дикими звѣрями, жабами? Для чего она, при всей попечительности о нашемъ благѣ, между тѣмъ породила вредныя растенія! Отвѣчаю: все это дѣло условной жизни природы; какъ нравственная, такъ и физическая природа должны были начать свою жизнь отъ самыхъ первыхъ точекъ бытія, — все это необходимо въ началѣ, но все постепенно совершенствуется и совершенствуется посредствомъ человѣка; иначе, въ чемъ состояло бы проявленіе условной нашей жизни? Не остались бы мы тогда одними слѣпыми орудіями бытія? Человѣкъ наиболѣе выказывается великимъ, истребляя зло, порождая добро.

b). Изъ этого краткаго обозрѣнія мануфактурной промышленности вы усматриваете, что она чрезвычайно обширна, многосложна и, можно сказать, обширнѣе, многосложнѣе земледѣльческой; потому что одно и то же произведеніе сей послѣдней часто подвергается тысячи измѣненій въ мануфактурной Напр. представимъ только, что дѣлается изъ одной шерсти животныхъ? Подобные только предметы заставляютъ насъ удивляться, какъ нужды человѣка необъятны, безпредѣльны. Онъ успѣетъ покорять все въ природѣ своей власти, и изъ ея даровъ, ея произведеній образуетъ предметы своихъ безчисленныхъ желаній.

Мы замѣтили постепенную лѣствицу въ произведеніяхъ земледѣльческой промышлености; ту же лѣствицу находимъ и въ мануфактурной. Такъ, производить хлѣбъ, заниматься разведеніемъ полезныхъ растеній, плодовитыхъ деревьевъ, виноградниковъ, равно заботиться объ умноженіи рогатаго скота и стараться уже объ улучшеніи его и другихъ породъ животныхъ, также изыскивать средства къ разработыванію рудниковъ, металловъ разнаго рода, всѣ эти труды имѣютъ свои постепенности, требуютъ не одинакого употребленія силъ физическихъ и умственныхъ. Мануфактурная промышленость равно восходитъ отъ обработыванія самыхъ грубыхъ издѣлій къ выдѣлкѣ нѣжныхъ, дорогихъ. Не смотря на это сходство, въ послѣдней промышлености встрѣчаются несравненно большія, высшія отдѣленія. Труды земледѣлія въ своемъ направленіи, раскрытіи, близки одни къ другимъ, труды мануфактуръ имѣютъ чрезвычайные переходы. Снять кожу съ звѣря и приготовить изъ ней простую подушку или другую какую вещь, и образовать послѣ разныхъ измѣненій тончайшее сукно, — это переходъ чрезвычайный! Въ земледѣліи творитъ непосредственно сама природа; человѣкъ только помогаетъ ея дѣйствію по своей цѣли; на мануфактурахъ человѣкъ очевидно творитъ все, а природа помогаетъ только ему своими силами; человѣкъ становится великимъ собственно въ мануфактурной промышленности. Вотъ, почему люди съ произведеніями земли знакомы были во всѣ столѣтія, во всѣ эпохи своей жизни, — немного было такихъ, которыхъ употребленіе неизвѣстно было человѣчеству издавна; но съ произведеніями мануфактуръ люди знакомились постепенно, съ раскрытіемъ просвѣщенія. Спрашиваю:

носили ли Греки и Римляне льняную рубаху? Имѣли ли они понятіе о шелковыхъ чулкахъ? И сколько есть подобныхъ, нынѣ даже обыкновенныхъ, издѣлій! Но вы скажете, что Римляне равно не пили ни кофе, ни чаю; такъ, но кофе, какъ растеніе, существовало на земномъ шарѣ; человѣкъ не создалъ его; льняная же рубашка, зеркала и другія вещи созданы, такъ сказать, его искусствомъ.

Теперь, думаете ли вы, что всѣ настоящія издѣлія уже заняли всю сферу дѣятельности человѣка? Думаете ли вы, что въ продолженіе будущихъ столѣтій не явятся новыя какія либо издѣлія, плоды безпредѣльно изобрѣтательнаго ума? Можетъ быть, изъ продукта, остающагося у насъ теперь въ совершенномъ забвеніи, будутъ приготовляться нѣкогда рѣдкія вещи. — Въ нравственной природѣ все постепенно развивалось, умножалось. — Къ несчастію, мы, выходя на сцену жизни своего вѣка, по большей части все, представляемое нашему вкусу, принимаемъ съ равнодушіемъ, пользуемся плодами тысячелѣтнихъ трудовъ, и не понимаемъ имъ настоящей цѣны; мы думаемъ, что такъ долженствовало быть и иначе не могло быть; мы думаемъ, какъ будто все человѣчество необходимо обязано было трудиться единственно для нашего вѣка. По этой то причинѣ мы не признательны ни къ предкамъ своимъ, ни къ обществу, жизнію котораго существуемъ, живемъ.

Пусть безпечные богачи, потребители безразсудные, займутся хотя на нѣсколько часовъ обозрѣніемъ всего того, чѣмъ они пользуются, какъ бы даромъ, что они потребляютъ такъ же, какъ дикія животныя потребляютъ все, производимое для нихъ природою. Пусть они пробѣжатъ всѣ разсѣянныя

по государствамъ мастерскія, узнаютъ, какимъ образомъ обработываются нынѣ приготовляемыя для ихъ потребленія издѣлія, пусть съ должнымъ вниманіемъ ознакомятся со всѣми машинами, орудіями, употребляемыми на фабрикахъ, и другими полезнѣйшими блистательными устроеніями; и наконецъ пусть спросятъ, когда, какъ, все это доходило до настоящаго состоянія, какъ постепенно люди постигали природу, какъ мало по малу успѣли побѣдить на этомъ пути ужасныя трудности, — тогда, безъ сомнѣнія, они устыдились бы своего невѣдѣнія. Представимъ только, что было бы съ нами, еслибы всѣ плоды прежнихъ долговременныхъ усилій были истреблены, исчезло вдругъ все, насъ нынѣ лелѣющее, очаровывающее, — что было бы, спрашиваю, съ нами? Мы обросли бы бородой, хватали бы своими руками плоды съ дикихъ деревьевъ и укрывались бы отъ холоду звѣриной кожею. Послѣ этого не ужасно ли видѣть, какъ многіе, пользуясь съ избыткомъ вѣковыми драгоцѣнными пріобрѣтеніями человѣчества, не чувствуютъ къ нему ни какой благодарности, провождая жизнь въ безпечности, негѣ, не доставляютъ ничего новаго къ произведеніямъ прежняго труда?

Сказанное мною о частномъ человѣкѣ можно примѣнить къ цѣлымъ народамъ. Не безумны ли были тѣ народы, которые попирали своими желѣзными стопами столѣтнія пріобрѣтенія другихъ народовъ, пріобрѣтенія, ручавшіяся за благо ихъ и благо самихъ варваровъ-народовъ? Не безумны ли тѣ народы, которые сами, лишенные рѣдкихъ достояній труда, все похищали, все уносили у другихъ народовъ потому только, что они были сильнѣе ихъ? Народы-варвары среднихъ вѣковъ, громившіе Гре-

цію, Римъ, и вы, проливавшіе рѣки крови несчастныхъ Американцевъ можно ли не хладѣть при воспоминаніи одного вашего имени? Пусть другіе смотрятъ на ваши героическіе подвиги и удивляются всему, вами совершенному;—политико-экономъ смотритъ на одни слѣды вашихъ подвиговъ, смотритъ на ваши опустошенія. Пусть другіе говорятъ, что это было необходимо для того, чтобы въ послѣдствіи Америка содѣлалась страною образованною. Философъ-политикъ не довѣряетъ этой необходимости; онъ желаетъ только того, чтобы всякая страна достигала своего улучшенія, своего развитія способами мирными, неразрушительными. Не всегда и немногія мѣры насилія вынуждаются злоупотребленіями, явнымъ нарушеніемъ правъ, упорнымъ невѣжествомъ людей, народовъ. Все прочее бываетъ болѣе дѣломъ необузданныхъ страстей.

Благодареніе судьбѣ, народное просвѣщеніе уже стало твердою ногою на земномъ шарѣ; уже кончилось торжество для невѣжества. Народы Азіи и Африки! Скоро и вы выдете изъ своего безпечнаго, дикаго состоянія; дѣятельность Европейцевъ пробудитъ и васъ, но не для того, чтобы вы, подобно прежнимъ ордамъ варваровъ, рынулись на земли образованныя, увѣнчанныя достояніями физическаго и нравственнаго труда. Это время уже протекло, и протекло невозвратно. Къ полному утѣшенію философа политика, уже и въ Турціи, Индіи, Египтѣ зажжены лучи гражданскаго образованія. Усилія Магаммеда-Али необыкновенны, неизмѣримы. Онъ какъ бы хотѣлъ загладить всѣ вѣковые слѣды грубости, дикости своего народа, — и нѣтъ сомнѣнія, что мало по малу свѣтъ Египетскаго образованія обниметъ пол-Африки.

При этомъ я не могу умолчать о нынѣшнемъ жалкомъ направленіи Исторіи жизни человѣчества. Къ чему наполнятъ ее безжизненными движеніями Сезострисовъ, царей Персидскихъ и т. п? Зачѣмъ умалчиваетъ она о томъ, какъ общественная жизнь народовъ постепенно развивалась? Знаемъ ли мы имена разныхъ благодѣтелей человѣчества, изобрѣтателей всего того, чѣмъ мы пользуемся ежедневно, ежечасно? Знаемъ ли мы точно, какимъ образомъ всѣ роды промышлености выходили изъ своей грубости и достигали нынѣшняго своего цвѣтущаго состоянія? Знакомы ли мы со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлалъ человѣкъ когда либо добраго на пользу себѣ и человѣчества? Послѣ этого удивительно ли, что мы безпрерывно возстаемъ одни противу другихъ. Войны, изчадіе невѣжества и страстей, пожираемыя, такъ сказать, нами на листахъ исторіи, зараждаютъ въ насъ самихъ сѣмя несогласій, раздоровъ, войнъ; мы, повидимому, чуждаемся мирныхъ занятій ума и сердца, — отъ того и нѣтъ въ насъ благороднаго, восторженнаго стремленія къ безмятежной общественной жизни,—отъ того и хладны мы, какъ металлъ, къ несчастіямъ подобныхъ намъ, нечувствительны къ усиліямъ, пожертвованіямъ необыкновенныхъ геніевъ. Мы сами вызываемъ противу себя низшую природу, — и достоинъ ли человѣкъ лучшей участи, человѣкъ, самъ съ себя слагающій званіе существа высшаго, которому ввѣрена Творцемъ священная обязанность направлять къ добру все, отъ него сотворенное?

с). Изъ сказаннаго нами, по видимому, явствуетъ, что торговля занимаетъ меньшую область въ сравненіи съ промышленостію земледѣльческою и манufактурною. Но, при внимательномъ разсматри-

ваніи ея, легко можно видѣть, что сфера ея несравненно еще обширнѣе и многосложнѣе сферы тѣхъ двухъ родовъ промышленности, потому что все, производимое ими, составляетъ непосредственный предметъ торговли. Посмотрите на обыкновенную мелочную лавку, что вы тамъ найдете? Тамъ вашимъ глазамъ представятся и чай, и сахаръ, и пряныя коренья, словомъ, тысячи разнообразныхъ предметовъ потребленія. Хотя всѣ эти предметы совокуплены въ одномъ мѣстѣ сбыта, но они составляютъ плодъ особенныхъ страслей народной дѣятельности. Теперь пройдите всѣ степени торговли отъ низшей до высшей, — какую необъятную найдете разность въ сравненіи съ предметами земледѣлія и мануфактуръ? Такъ напр. сравните бѣднаго разнощика, покупающаго у садовника цвѣты и продающаго ихъ по городу, съ богатѣйшимъ негоціантомъ, производящимъ оптовую торговлю на сотни тысячъ рублей, или съ тѣмъ банкиромъ, въ рукахъ котораго ежедневно совершаются милліонные обороты торговли,— какой непомѣрный переходъ! Гдѣ же болѣе изумительны чрезвычайныя усилія человѣческаго труда, если не въ промышленности торговой?

Владѣльцы земли! Зсаете ли вы, что все ваше богатство, все, чѣмъ вы гордитесь, движется подъ рукою нерѣдко презираемыхъ вами дѣйствователей, называемыхъ купцами? Знаете ли вы, что безъ этихъ промышленниковъ вы были бы и бѣдны, и жалки, и довольствовались бы бытомъ своихъ помѣстьевъ, одними произведеніями своихъ земель? Что значатъ ваши труды въ сравненіи съ ихъ неутомимою дѣятельностію? Что значитъ ваше владычество надъ силами природы, съ ихъ владычествомъ, доставляющимъ безчисленныя пріобрѣтенія всѣхъ народовъ,

всѣхъ земель?—Станутъ ли въ уровень наблюденія оборотовъ торговли съ наблюденіями вашихъ сельскихъ работъ, соображенія выгодъ и невыгодъ первой съ соображеніями того и другаго вторыхъ? Движеніе кораблей, совершаемое по безпредѣльнымъ морямъ земнаго шара, идетъ ли въ параллель съ движеніемъ плуговъ, раздирающихъ ваши земли? Я никакъ не разумѣю здѣсь тягости, несомыя владѣльцами по званію своему въ общественныхъ должностяхъ, — эти должности относятся къ нравственной дѣятельности, — и тогда уже они составляютъ лица, выше всякаго сравненія съ промышленниками. Но пусть было бы и такъ, пусть вы могли бы оспорить у другихъ дѣйствователей преимущество размѣромъ вашего труда, — къ сожалѣнію, — вы не ищете въ этомъ своего достоинства, вы поставляете его даже въ правѣ избѣжать всякаго труда, въ возможности утонать въ безпечности и негѣ. — Впрочемъ, нельзя изобразить, сколько просвѣщеніе и мудрая политика государей сдѣлали надъ вами завоеваній съ дикихъ временъ феодализма. Тѣ ли вы нынѣ, какими были тогда, когда разорять земли своихъ слабыхъ сосѣдей, силою присвоивать все, принадлежащее другому, и торжествовать свои побѣды къ кругу многочисленныхъ рабовъ и поклонниковъ, — составляло всю вашу славу, занимало всю вашу дѣятельность? Купцы-промышленики нѣкогда представлялись вамъ жалкими существами, искавшими сбытомъ своихъ товаровъ обогатиться вашимъ достояніемъ, воспользоватся вашими богатствами. Нынѣ же вы сами ищете произведеній ихъ труда, вы сами покоряетесь ихъ богатству. Но послѣдуетъ время, и вы еще по многимъ отношеніямъ почувствуете преимущество ихъ

надъ собою одинъ только трудъ долженъ возвышать человѣка; одинъ только трудъ дѣлаетъ человѣка истиннымъ царемъ земли!

—

ГЛАВА VII.

О непроизводительности классовъ.

Смитъ.

«Два находится рода труда: одинъ даетъ цѣнность вещамъ, а другой не оказываетъ этого полезнаго дѣйствія. По этому первый родъ называется производительнымъ, а вторый непроизводительнымъ, напр. трудъ работника на фабрикахъ даетъ цѣнность матеріи, имъ обработываемой, т. е. прибавляетъ къ прежней ея цѣнности цѣнность существованія работника и цѣнность прибыли капиталиста. Напротивъ трудъ слуги совсѣмъ ничего не прибавляетъ къ цѣнности какой либо вещи.»

Такъ, — но господинъ безъ слуги не могъ бы заниматься своимъ дѣломъ; равно какъ фабрикантъ безъ него не могъ бы распоряжаться всегда на фабрикѣ. Слѣдственно трудъ слуги нѣкоторымъ образомъ производитъ самыя цѣнности, хотя непосредственно.

«Изъ частныхъ людей тотъ, кто имѣетъ много работниковъ, обогащается, а кто имѣетъ много слугъ, разоряется.»

Да всегда ли можетъ разориться фабрикантъ, содержа большое число слугъ, напр. когда эти слуги исполняютъ нужныя его распоряженія? Равно, всегда ли

онъ можетъ обогатиться, имѣя большое число работниковъ, когда напр. нѣтъ имъ надлежащей работы, или когда цѣнности, ими производимыя, не имѣютъ сбыта.

«Трудъ работника осуществляется въ чемъ-то реальномъ, въ вещи продажной, сохраняющей свою цѣнность, хотя въ продолженіе нѣкотораго времени, напротивъ, трудъ слуги ни въ чемъ реальномъ не осуществляется, услуги его исчезаютъ въ то же мгновеніе, въ которое были совершены, и не оставляютъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ.»

Смитъ забываетъ, что 1-е, слуга оставляетъ, послѣ совершенія труда, слѣды своей услуги, 2) въ чемъ реальномъ осуществляется трудъ мѣновщика, банкира, между тѣмъ какъ тотъ и другой, по мнѣнію Смита, принадлежатъ къ классу производительному?

«То же самое должно замѣтить и о трудѣ другихъ классовъ общества, даже весьма много уважаемыхъ, каковы напр. разные государственные чиновники, воины. Всѣ эти дѣйствователи служатъ государству, но они содержатся годовымъ доходомъ другихъ. Безопасностію, защитою, спокойствіемъ, какъ произведеніемъ труда одного года, не можно, такъ сказать, купить такія же достоянія другаго года.»

Такъ, — но въ продолженіе перваго года, граждане пользовались этими общественными благами и ихъ потребили, — не то же ли самое происходитъ и съ вещами матеріальными потребляемыми, въ теченіе года? Притомъ не видимъ ли мы, что внутреннее и внѣшнее устройство государства, пріобрѣтенное въ одномъ году, ручается за устройство и другихъ годовъ?

«Труды медиковъ, ученыхъ, музыкантовъ и пр. имѣютъ свою цѣнность, подобно прочимъ трудамъ, но всѣ они непроизводительны.»

А возвращеніе, укрѣпленіе здоровья, пріобрѣтеніе познаній, искусства, развѣ не остаются съ нами иногда на всю жизнь? Не пользуемся ли мы ими ежедневно, какъ потребляемъ ежедневно вещи матеріальныя? Я не говорю уже о томъ, что не имѣетъ ли все это вліянія, хотя посредственнаго, на самое пріобрѣтеніе богатства.

«Пріобрѣтенія труда годоваго находятся въ опредѣленномъ количествѣ: чѣмъ болѣе или менѣе они употребляются на содержаніе людей непроизводительныхъ, тѣмъ болѣе или менѣе остается ихъ для классовъ производительныхъ.

Такъ,—но за то тѣмъ болѣе или менѣе получается пользы отъ дѣйствователей нравственныхъ; а эта польза нравственная, какъ замѣчено выше, имѣетъ вліяніе на самое богатство.

«Классы непроизводительные собственно содержатся доходомъ, остающимся послѣ вознагражденія издержекъ, употребленныхъ для полученія произведеній.»

Мысль ложная. Эти классы получаютъ изъ общаго дохода часть, имъ принадлежащую, иначе исполненіе трудовъ, ими совершаемыхъ, пало бы на физическіе классы, — и поелику труды ихъ важнѣе прочихъ, то они имѣютъ полное право брать и болѣе значительную часть дохода, но, разумѣется, не такую, которая служила бы къ ущербу общаго дохода, — въ этомъ случаѣ они неминуемо нанесли бы вредъ, какъ физическимъ дѣйствователямъ, такъ и себѣ.

За симъ Смитъ показываетъ, какія ужасныя суммы денегъ были издержаны Англіею въ разныхъ войнахъ съ Франціею, въ половинѣ 18 столѣтія, и потомъ дѣлаетъ заключеніе, что если бы всѣ эти суммы были употреблены на промышленость, то сколько было бы выстроено новыхъ домовъ, какъ могло бы улучшиться обработываніе земель, какъ могли бы возвыситься фабрики и пр. Впрочемъ, если, не смотря на издержки, состояніе государства все таки улучшалось, то это показываетъ, что капиталы вообще увеличивались въ бо́льшей степени, нежели въ какой они были потребляемы, — и этому причиной были: общее стремленіе народовъ къ обогащенію, благодѣтельное дѣйствіе законовъ, благоразумная свобода, предоставленная правительствами народной дѣятельности.

Заключеніе Смита несправедливо. Не замѣчаете ли вы, сколько находится противорѣчій въ мысляхъ писателей, съ различныхъ сторонъ обсуживающихъ одинъ и тотъ же предметъ общественной жизни? Одни изъ нихъ утверждаютъ, что войны необходимы будто для уменьшенія безпрерывно приливаемаго народонаселенія, угрожающаго въ короткое время пожрать всю производимость нашей земли, и потомъ угрожаемаго остаться на жертву голода; или необходимы по другимъ политическимъ причинамъ; а иные писатели увѣряютъ, что богатство замедляется въ своемъ развитіи отъ войнъ, питающихъ не производительные классы, извлекающихъ капиталы изъ круга промышлености.

Смитъ говоритъ, что если бы Англія не имѣла войнъ, то богатство ея увеличилось бы въ разныхъ отрасляхъ промышлености. Это сомнительно. Конечно войны, какъ войны, не могутъ не быть гибель-

ными для богатства; но действительно ли Англія сохранила бы свое политическое существованіе, не говорю, цвѣтущее состояніе своей торговли, величіе, могущество безъ войнъ, сю понесенныхъ, — это рѣшить можетъ одна политическая исторія. Равно послѣдей надлежитъ указать, всѣ ли войны имѣли одинакія выгодныя слѣдствія для Англіи.

Смитъ еще прибавляетъ, что причина чрезмѣрнаго увеличенія капиталовъ Англіи заключалась въ благодѣтельномъ направленіи законовъ и разныхъ распоряженій правительства, — но если это такъ, то не признаетъ ли этимъ самымъ Смитъ производимости нравственныхъ дѣйствователей, называемыхъ имъ въ отдѣльности непроизводительными? И что бы была Англія, если бы пружины ея физической дѣятельности не двигались подъ направленіемъ нравственной? Что бы она была, если бы глубокая политика, управлявшая мыслями, чувствами цѣлой націи, не завѣдывала парламентами? Что бы была Англія, если бы дипломатія не обращала своихъ проницательныхъ взглядовъ на движенія внутреннія и внѣшнія близкихъ и отдаленныхъ царствъ земли, и не извлекала своихъ пользъ изъ этихъ движеній? Тогда, быть можетъ, Англія составляла бы одинъ жалкій малонаселенный островъ, или еще хуже, какое нибудь завоеванное царство сильнѣйшаго сосѣдняго народа. И такъ, вполнѣ ли отчетливы мнѣнія Смита?

Сисмонди. — Nouveaux Principes d'Econ. Pol. tom. 1. pag. 64.

Сисмонди не почитаетъ богатствомъ ни тѣхъ вещей, которыя не удовлетворяютъ нашихъ нуждъ, какимъ

бы трудомъ онъ ни были произведены, ни тѣхъ, которыя не могутъ быть собираемы и сберегаемы, какого бы равно онѣ не стоили труда, и какое бы ни доставляли намъ наслажденіе. Въ понятіи первыхъ вещей, онъ заключаетъ физическіе труды, не достигающіе своей цѣли, къ понятію же вторыхъ заключаетъ труды нравственные. Такъ, — земледѣлецъ, по невѣжеству, могъ бы засѣять поле оливковыми косточками, полагая, что отъ нихъ произрастутъ оливковыя деревья. Онъ обманулся бы въ своемъ предположеніи, хотя бы на то употребилъ величайшій трудъ. Равно, онъ могъ бы оградить свое жилище отъ нападенія звѣрей, — этотъ трудъ будетъ самъ по себѣ полезный, но непроизводительный, потому что произведенія этого труда не могутъ быть собраны, умножены. Также, можно проводить цѣлые часы въ игрѣ на какомъ либо инструментѣ; трудъ этотъ доставитъ пріятность, но онъ непроизводителенъ; или, можно имѣть много заботъ къ сохраненію здоровья, — и этотъ трудъ полезный, но непроизводительный.

Съ первымъ мнѣніемъ Сисмонди мы согласны; но со вторымъ нѣтъ. Всякій знаетъ, что, не защитивъ жилища отъ звѣрей, мы подвергаемся опасности лишиться и вещей, составляющихъ наше богатство; равно, безъ здоровья въ состояніи ли мы производить богатство? Игра же на инструментѣ, доставляя намъ пріятность, развлеченіе, тѣмъ укрѣпляетъ нашъ духъ и дѣлаетъ насъ болѣе способными къ трудамъ, къ пріобрѣтенію богатствъ.

pag. 76.

Сисмонди безпрерывно повторяетъ, что одинъ трудится для того, чтобы другой могъ покоиться. Подъ

именемъ покоя или отдохновенія, Сисмонди не разумѣетъ праздности; а покой, по мнѣнію его, состоитъ въ томъ, когда производители перестаютъ болѣе трудиться для собиранія богатствъ. Почти всѣ упражненія тѣлесныя, даже пріятныя, по мнѣнію Сисмонди, перестаютъ быть такими, какъ скоро они имѣютъ предметомъ полученіе выгодъ; занятіе же, не имѣющее въ виду выгодъ, составляетъ у богатаго часть его покоя, — таковы занятія умственныя. Такимъ образомъ человѣкъ собираетъ богатство въ той цѣли, чтобы, пользуясь имъ, поставить себя въ возможность управлять свой умъ и возвышать свою душу. Равно, всякая нація собираетъ богатство съ тѣмъ, чтобы каждый частный человѣкъ имѣлъ время или покой, для раскрытія своихъ умственныхъ способностей, и чтобы нѣкоторые изъ нихъ въ особенности посвящали себя облагороживанію человѣческой природы. Если бы всѣ вообще члены непремѣнно трудились всегда, то цѣль богатства не была бы достигнута.

Мнѣнія эти Сисмонди не слишкомъ удовлетворительны. Какъ! Образованіе ума, возвышенность души — дѣйствіе покоя, дѣло нашего отдохновенія? Что для націи нужно заготовленіе богатства, дабы имѣть способы содержать учебныя заведенія, это очень понятно. Но менѣе ли требуется труда для образованія умственныхъ способностей, для пріобрѣтенія разнообразныхъ познаній, нежели сколько нужно его для совершенствованія силъ физическихъ, для всякой физической работы? — Отъ чего несчастный опытъ показываетъ намъ, что многіе неохотно предаются изученію наукъ, особенно когда еще не ознакомились съ безчисленными его пользами? Отъ чего богачъ пустой, беззаботный потребитель гото-

ваго богатства, рѣдко посвящаетъ себя занятію науками? Почему лучше онъ соглашается убить время въ тысячи буйныхъ физическихъ развлеченіяхъ, нежели въ упражненіяхъ ума и сердца! Не значитъ ли это, что занятіе науками не составляетъ покоя, какъ и всякое обыкновенное занятіе? Потребенъ трудъ, потребны усилія, напряженіе, чтобы украситься нравственными достоинствами.

Далѣе—кто не знаетъ, что просвѣщеніе, возвышенность душевныхъ нашихъ способностей были и навсегда будутъ важными, необходимыми принадлежностями всѣхъ эпохи народной жизни? Когда, въ строгомъ смыслѣ, не изучался человѣкъ наукамъ, или законамъ природы, изученіе которыхъ образуетъ въ послѣдствіи разныя отдѣленія самыхъ наукъ? Дикой человѣкъ не старается ли подобно образованному Европейцу, узнавать, какъ лучше дѣлать какія либо вещи, отъ чего происходятъ безпрерывно совершающіяся предъ его глазами явленія, что значатъ отвлеченныя идеи о Богѣ, о безсмертіи души и т. п.? Не носитъ ли онъ въ себѣ зародыша всѣхъ наукъ, которыя мало по малу отдѣляются отъ другихъ отраслей народной дѣятельности и составляютъ, подобно имъ, особые предметы занятія нѣкоторыхъ частныхъ людей въ той цѣли, чтобы они пріобрѣтенія свои въ послѣдствіи сообщали другимъ, и въ замѣнъ ихъ получали пріобрѣтенія физическія?

Спрашиваю еще Симонди, что онъ думаетъ о тѣхъ великихъ, необыкновенныхъ людяхъ, которые, едва имѣя чѣмъ удовлетворить свои физическія потребности, все время посвящали на совершенствованіе своихъ душевныхъ способностей? Или, что онъ думаетъ о тѣхъ, которые нерѣдко, въ продолженіе своей жизни, пили чашу горестей, терпѣли во всемъ нужды, бѣд-

ность, и между тѣмъ безпрерывно изучались и изучали другихъ законамъ природы? Далѣе — спросимъ у наставниковъ, образователей юношества, что значитъ — поселить въ юношѣ, особенно испорченномъ, или по натурѣ, или прежнимъ воспитаніемъ, что значитъ, говорю, поселить въ немъ добрыя чувства, благородныя понятія, усвоить ему украшенія нравственной жизни, перестроить, пересоздать его? Мирно ли онъ совершаетъ эти нравственные труды надъ душею, надъ сердцемъ изкаженнаго юноши, и мирно ли сей послѣдній усвояетъ себѣ труды, заботы перваго?

На все это могутъ сказать мнѣ, что Сисмонди, безъ сомнѣнія, разумѣетъ не то, когда кто либо изучаетъ другихъ наукамъ или содѣйствуетъ другимъ къ пріобрѣтенію душевныхъ отличныхъ качествъ, но то, когда богатый, обезпеченный со стороны физическихъ нуждъ, пользуется нравственными пріобрѣтеніями другихъ и чрезъ то совершенствуетъ свою душу и сердце; — но я отвѣчаю, что 1-е какъ я замѣтилъ выше, и къ усвоенію этихъ пріобрѣтеній,— нуженъ трудъ и нерѣдко тяжелый; 2) это ограниченіе не вполнѣ будетъ обнимать всю сферу просвѣщенія; 3) просвѣщеніе, при такомъ понятіи, не получитъ настоящаго своего значенія, своей необходимости въ жизни частныхъ людей и обществъ. Притомъ, если всѣ подобныя пріобрѣтенія могутъ быть названы отдохновеніемъ, наслажденіемъ, потому что они не имѣютъ мѣновой цѣнности, — то мы можемъ равно производить для себя и физическія вещи, и эти вещи также не будутъ имѣть мѣновой цѣнности; однако онѣ и не составятъ части нашего отдохновенія, потому что онѣ служатъ для нашего потребленія, — онѣ плодъ труда. Если же нравственныя пріобрѣте-

нія почтуть въ означенномъ случаѣ простымъ потребленіемъ, какъ потребляются вещи физическія, уже другими произведенныя,—то это будетъ составлять одно исключеніе въ области просвѣщенія,—да исправленіе будетъ неслишкомъ удачно. Вообще каждый человѣкъ богатый и бѣдный должны дорожить нравственными достоинствами, какъ и самымъ богатствомъ; мы существа животно-разумныя, и цѣль наша двоякая, физическая и нравственная. — Такимъ образомъ и послѣдняя мысль Сисмонди, что богатства служатъ къ достиженію нравственной цѣли — также ложная; — богатство само по себѣ цѣль, но естественно, что нравственная цѣль всего общества достигается скорѣе при обезпеченіи себя со стороны физической цѣли; за то и первая способствуетъ къ вѣрному, безопасному достиженію послѣдней. Мы въ послѣдствіи лучше разберемъ этотъ предметъ.

Мальтусъ. — Principes d'Econ. polit. tome 1. pag. 15.

«Надо непремѣнно отличать гражданъ, способствующихъ произведенію богатства, отъ тѣхъ, которые только потребляютъ его,—иначе нельзя узнать истинной причины, почему наиболѣе обогащаются націи, процвѣтающія промышленостями, отъ тѣхъ, въ которыхъ беретъ перевѣсъ аристократія. Если бы до этого времени аристократы, подобно тому, какъ было въ средніе столѣтія, содержали свой дворъ и прислугу, то богатство многихъ государствъ слишкомъ далеко было бы отъ того состоянія, въ какомъ они находятся нынѣ. Постепенное увеличеніе капиталовъ въ классахъ мануфактурномъ и торговомъ произвели раздѣленіе и отчужденіе недвижимыхъ собственностей земли.»

Все это справедливо, но это не доказываетъ, съ одной стороны, безполезности слугъ, съ другой, того, чтобы они не имѣли вліянія, какъ замѣчено нами выше, на богатство. Теперь положимъ, что слуги, находившіеся при дворахъ аристократовъ, были бы въ числѣ прочихъ земледѣльцевъ и содержали бы только самихъ себя, — я не думаю, чтобы въ этомъ случаѣ богатство много выиграло. Выигрышъ могъ бы состоять еще въ томъ количествѣ произведеній, которое было прежде потребляемо слугами; но при семъ мы должны предположить одинакій трудъ земледѣльцевъ; при уменьшеніи же труда не можно было бы получить и этого количества произведеній. Равно, положимъ, что фабриканты и купцы, находясь въ совершенной зависимости аристократовъ, все производимое ими употребляли бы только для себя или для потребленія самихъ аристократовъ, то и тогда государство не могло бы сдѣлать большихъ успѣховъ въ пріобрѣтеніи богатства. И такъ, одна независимость мануфактурно-торговаго класса, безпрерывно умножавшаго свое богатство, могла произвести благодѣтельное вліяніе на развитіе труда земледѣльцевъ и на уменьшеніе безполезнаго числа слугъ, составлявшихъ бытъ аристократовъ.

По мнѣнію Смита, трудъ, употребляемый напр. на вязаніе чулокъ, всегда производителенъ, хотя бы женщина вязала ихъ для собственнаго потребленія; а по мнѣнію Мальтуса, чулки эти не составляютъ богатства, если они не платимы.

Въ этомъ замѣчаніи Мальтусъ склоняется къ той мысли, что богатство заключается въ мѣновыхъ цѣнностяхъ. Но это замѣчаніе несправедливо, потому что положимъ, что всякій производилъ бы всѣ вещи, нужныя для своего потребленія: развѣ государство

не было бы тогда богатымъ, по отношенію изобилія такихъ вещей?

«Рѣчь оратора, произносимая въ парламентѣ, и пѣніе актриссы составляютъ трудъ производительный, какъ скоро за то и другое получается плата; но самое пѣніе и рѣчь непроизводительны.»

А удовольствіе отъ пѣнія, а польза отъ рѣчи, развѣ непроизводительны? Притомъ полагаю, что трудъ производителенъ не потому, что за него платятъ, а потому, что онъ производитъ вещи, удовлетворяющія нашимъ нуждамъ. Можно производить вещи не только безполезныя, но даже вредныя,—ужели и этотъ трудъ будетъ производителенъ? Трудъ мошенника, обманывающаго своими фокусами, трудъ картежнаго игрока,—ужели производительны потому, что за тотъ и другой трудъ платятъ? А удовольствіе, скажутъ, получаемое въ томъ и другомъ случаѣ? Отвѣчаю, лучше бы было, если бы общества никогда не знакомились съ этими удовольствіями.

По мнѣнію Смита, предметы, составляющіе богатство, должны имѣть продолжительность, должны быть собираемы и оцѣняемы. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Мальтусъ, безъ этихъ условій можетъ ли увеличиться богатство? Положимъ, что учрежденія законодательства, нравственныя правила и проч. могутъ быть увеличены; но какую имъ можно дать цѣнность?

Всякой трудъ имѣетъ свою цѣнность. — Но объ этомъ мы скажемъ въ послѣдствіи.

Гарнье находитъ весьма страннымъ—музыкальные инструменты почитать богатствомъ, а самые звуки и музыкантовъ называть непроизводительными. «Но, говоритъ Мальтусъ, первымъ вещамъ можно назна-

чить цѣнность, а звуки и труды музыкантовъ какъ могутъ быть оцѣнимы?»

Совсѣмъ нѣтъ, и послѣдніе предметы имѣютъ свою цѣнность.

Равно Гарнье почитаетъ страннымъ называть коммиссіонера купеческаго производительнымъ, а коммиссіонера правительства непроизводительнымъ. Мальтусъ отвѣчаетъ на это: что число коммиссіонеровъ въ частныхъ дѣлахъ незначительно и жалованье ихъ не велико; но этого нельзя сказать о коммиссіонерахъ правительства. Трудъ сихъ послѣднихъ не подлежитъ продажѣ и оцѣненію. «Однако, продолжаетъ Мальтусъ, и коммиссіонера, назначаемаго правительствомъ, иногда можно назвать производительнымъ, смотря потому, что ему поручается.»

Я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ Гарнье.

Не должно забывать, что Смитъ признавалъ пользу, приносимую обществу, непроизводительнымъ классомъ. Всякій знаетъ, что онъ даже способствуетъ произведенію вещей матеріальныхъ, слѣдственно, въ этомъ отношеніи, онъ производителенъ. Что же касается до народнаго благосостоянія, на которое оказываютъ вліяніе нематеріальные, предметы, то можно ли даже сравнивать ихъ съ матеріальными? Можно-ли напр. о цѣнности открытій Ньютона и произведеній Шекспира, Мильтона, судить по цѣнамъ, полученнымъ авторами за свои произведенія? Равно, смѣшно было бы пользу войны 1688 го оцѣнивать жалованьемъ солдатъ и суммою употребленныхъ въ продолженіе ея издержекъ. —

Ганиль. — Théorie d'Econ. polit. tom. II. pag. XI.

Между разными разсужденіями о классахъ, Ганиль наконецъ восклицаетъ: «какъ классы, заботя-

щіеся о безопасности, сохраненіи обществъ, и почти исключительно способствовавшіе его могуществу, его блеску, его славѣ, и наконецъ, пріобрѣвшіе уваженіе и признательность людей и народовъ,—какъ, эти классы безплодны? Какое бы было печальное состояніе обществъ, если бы эти классы перестали совсѣмъ существовать!»

Но Смитъ не называетъ означенные классы безплодными; а только непроизводительными въ смыслѣ богатства. Притомъ, мы не можемъ представить существованія обществъ безъ этихъ классовъ, по этой причинѣ они болѣе еще драгоцѣнны, даже по отношенію къ богатству.

«Извѣстно, что потребленіе годоваго продукта поддерживаетъ все народонаселеніе; и такъ, почему какая либо часть сего послѣдняго безплодна? Развѣ народонаселеніе не есть самъ по себѣ продуктъ извѣстной цѣнности?»

Да и нѣтъ, — потребленіе поддерживаетъ и преступниковъ и праздношатающихся; — не ужели они производительны?

«Чтобы произошло съ народонаселеніемъ, если бы оно состояло изъ однихъ классовъ, производящихъ доходы? Безъ сомнѣнія, оно увеличилось бы въ высочайшей степени и возросло бы, быть можетъ, выше дохода.»

Странное мнѣніе Ганиля. Очень ясно, что та часть дохода, которая идетъ теперь для потребленія классовъ нравственныхъ, была бы потребляема этимъ же народонаселеніемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что это народонаселеніе заключалось бы въ числѣ физическихъ производителей, и вмѣсто продуктовъ нематеріальныхъ производило бы продукты матеріальные. Но мы замѣтили, что бытіе классовъ нравствен-

ныхъ необходимо,— и чѣмъ болѣе классы физическіе богатѣютъ, тѣмъ болѣе возрастаютъ и классы нравственные. Иначе мы могли бы сдѣлать новый странный вопросъ: чтобы было съ народонаселеніемъ, если бы оно занималось единственно промышленностію земледѣльческою, не развивая, не раскрывая другихъ промышленостей? Это невозможно по ходу жизни человѣчества!

Смитъ говоритъ, что доходъ имѣетъ свои границы, — по сему не должно ли бояться его истощенія? По мнѣнію Ганиля, этого бояться можно было въ древнія времена, когда все основано было на притѣсненіи, когда доходъ производимъ былъ рабами и покоренными народами. Нынѣ все идетъ иначе. Нынѣ не полагаютъ податей на классы, производящіе доходъ единственно для пользы другихъ классовъ, содержащихся этимъ доходомъ, — этотъ доходъ долженъ быть въ соразмѣрности съ нуждами и наслажденіями.

Никакъ, и нынѣ не всегда и не вездѣ такъ дѣлается. Развѣ войны не могутъ и нынѣ истощить доходовъ производительныхъ классовъ?

pag. 25.

«Если произведеніе дохода превышаетъ произведеніе соотвѣтствующихъ ему цѣнностей, — доходъ непотребляемый перестаетъ быть воспроизводимымъ, а потому и классы, производящіе его, должны уменьшиться.

Отчасти справедливо, — потому говорю, отчасти, что на доходъ или все равно на вещи матеріальныя, удовлетворяющія извѣстнымъ нуждамъ, можно покупать другія вещи. Впрочемъ, мнѣніе Ганиля весьма

важно по тому, что действительно предметы нравственные возбуждают къ большому произведенію предметовъ физическихъ, которыми можно покупать первые предметы. Вообще лучшее средство вывести простой народъ изъ состоянія безпечности, состоитъ въ томъ, чтобы заставить его почувствовать нужду въ разныхъ предметахъ, не только нравственныхъ, но и физическихъ.

«То же самое было бы, если бы произведеніе разныхъ цѣнностей превосходило доходъ, — эти излишнія цѣнности не были бы производимы, и народонаселеніе въ этихъ классахъ уменьшилось бы тогда.»

Такъ дѣйствительно; но иногда народонаселеніе нравственныхъ классовъ можетъ поддерживаться властію правительства; въ такомъ случаѣ для классовъ физическихъ будетъ оставаться весьма немного дохода.

«Конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что правительства могутъ брать изъ дохода слишкомъ большую часть. — Въ этомъ случаѣ потребленіе было бы безплодно; но Смитъ называетъ нравственный классъ непроизводительнымъ вообще.»

Въ означенномъ случаѣ потребленіе было бы не безплодно, а вредно.

Шторхъ. — La Revenu Nationale. pag. 23.

Сначала онъ показываетъ полезное дѣйствіе нравственныхъ классовъ, потомъ продолжаетъ: «несправедливо утверждаютъ, что услуги (servises) подлежатъ продажѣ и покупкѣ, а не самыя дѣйствія ихъ, потому что, если бы послѣднія несоотвѣтствовали цѣли, то бы никто и не искалъ услугъ. Конечно, продукты нематеріальныхъ классовъ часто неизвѣст-

ны; но развѣ продукты звѣриной и рыбной ловли, равно другихъ промышленостей, болѣе надежны, вѣрны? Продукты нематеріальные имѣютъ, подобно продуктамъ матеріальнымъ, продолжительность, могутъ быть собираемы и перепродаваемы, напр. зрѣлище театральное менѣе ли продолжительно, нежели пиршество? Надо знать еще, что первое доставляетъ удовольствіе на нѣсколько дней или недѣль, а второе на нѣсколько часовъ. Дѣйствія медика, или продукты его леченія, или дѣйствія адвоката, спасшаго имѣніе своего кліента, менѣе ли продолжительны, нежели мебель или платье? Изученіе наукамъ не сохраняется ли на всю жизнь, подобно тому, какъ сохраняется зданіе, плодъ труда каменьщиковъ, его строившихъ? Миръ, заключенный съ непріятелями, не ограждаетъ ли государства безопасностію на многіе годы, какъ плотины защищаютъ его отъ наводненій?

Очень ясно, что нематеріальные продукты не могли бы быть собираемы, если бы они не имѣли продолжительности. Такъ, кто можетъ отвергать, что здоровое состояніе народа можетъ улучшаться, или, что познанія его, безопасность, удовольствія могутъ возрастать? Та ли была Европа прежде, какою мы видимъ её нынѣ?

Относительно продажи нематеріальныхъ предметовъ надо замѣтить, что здѣсь разумѣется вознагражденіе издержекъ, сдѣланныхъ для покупки нематеріальныхъ предметовъ, напр. если молодой человѣкъ выучился какому нибудь ремеслу или наукамъ, и за все это платилъ, то цѣна издержекъ можетъ вознаградиться у него употребленіемъ въ дѣло своего искусства или своихъ познаній. Хотя здѣсь продаются собственно не тѣ продукты, которые были ку-

плены, — но иначе нематеріальные предметы и не могутъ подвергнуться продажѣ. Впрочемъ, машины не вознаграждаютъ ли своей цѣны произведеніемъ другихъ предметовъ?

Такъ, но машины сами по себѣ могутъ быть проданы.

Вотъ мнѣнія различныхъ писателей объ этомъ предметѣ! Вотъ и мое мнѣніе.

Человѣкъ первоначально заключалъ въ самомъ себѣ зародышъ всѣхъ сословій общества. Онъ былъ имѣлъ земледѣльцемъ, художникомъ, купцемъ, медикомъ и проч. Въ послѣдствіи, когда народонаселеніе болѣе и болѣе умножалось, когда связи и соотношенія людей-гражданъ увеличились, каждый замѣчалъ, что, смотря по своимъ способностямъ и способамъ, необходимымъ для труда, гораздо выгоднѣе заниматься исключительно одною какою либо отраслію дѣятельности, нежели многими. Такъ произошли различные классы. Главныхъ классовъ четыре: земледѣльческій, мануфактурный, торговый и нравственный. Каждый изъ этихъ классовъ особенно подраздѣлялся на многочисленныя отрасли. Займемся разсмотрѣніемъ главныхъ классовъ.

Классъ земледѣльческій содержитъ въ себѣ: 1) всѣхъ, занимающихся непосредственнымъ собираніемъ произведеній разнаго рода, добываемыхъ, такъ сказать, изъ рукъ самой природы: таковы тѣ, которые выкапываютъ изъ земли камни, металлы, собираютъ растенія, плоды, убиваютъ дикихъ животныхъ, ловятъ рыбу и проч.; 2) всѣхъ, оказывающихъ нѣкоторое вліяніе на добываніе извѣстныхъ произведеній природы: таковы тѣ, которые занимаются скотоводствомъ, держатъ въ клѣткахъ птицъ, въ садкахъ рыбу; 3) преимущественно всѣхъ, обращаю-

щихъ труды свои на обработываніе земли, на разведеніе плодовитыхъ деревьевъ по своему произволу.

За классомъ земледѣльческимъ слѣдуетъ классъ мануфактурный. Трудъ этого класса состоитъ въ томъ, чтобы произведенія природы, добываемыя классомъ земледѣльческимъ, различнымъ образомъ приготовлять и,—то соединяя, то раздѣляя ихъ, давать чрезъ то имъ совершенно новую форму, усвоивать имъ особенное дѣйствіе, для удовлетворенія особенныхъ нашихъ нуждъ.

Торговый классъ заключаетъ въ своей сферѣ тѣхъ, которые означенныя произведенія природы и искуства передаютъ отъ одного другому, чтобы каждый производитель, не прерывая своей обычной работы, могъ чрезъ посредство другихъ пріобрѣтать для себя все нужное, и притомъ съ бо́льшею удобностію, выгодами и гораздо скорѣе.

Всѣ эти три класса занимаются собственно предметами матеріальными.

Четвертый классъ, классъ нравственный, заключаетъ въ себѣ нравственныхъ производителей. Онъ раздѣляется также на разные виды, какъ то, на классы: духовный, ученый, гражданскій и военный Вообще этотъ классъ занимается предметами нематеріальными. Духовный классъ имѣетъ въ своемъ попеченіи сохраненіе религіи, исполненіе публичнаго Богопочтенія, отправленіе всѣхъ обрядовъ, относящихся къ нему, утвержденіе нравственности. Ученый классъ занимается разгадываніемъ природы, вещей, въ ней заключающихся, постигаетъ законы, коими управляются вещи; образованіе, воспитаніе юношества въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ важнѣйшая обязанность этого класса. Граж-

лацкій классъ охраняетъ священныя права собственности и личности,—и все, относящееся до нихъ, составляетъ дѣло, заботливость гражданскаго класса. Наконецъ военный классъ имѣетъ въ своемъ виду безопасность гражданъ и цѣлаго общества, какъ внутри, такъ и внѣ. — Изъ этого одного опредѣленія предметовъ нравственныхъ классовъ удобопонятно, въ какой тѣсной связи они находятся съ классами физическими, какъ они существенно необходимы для дѣятельности и благостоянія послѣднихъ.

Выше замѣчено было нами, что экономисты почитали одинъ классъ земледѣльческій производительнымъ. Адамъ Смитъ опровергъ это мнѣніе и доказалъ производительность прочихъ двухъ классовъ, т. е. мануфактурнаго и торговаго; но классъ нравственный, по его мнѣнію, непроизводителенъ. Нѣкоторые новѣйшіе писатели согласились съ его мнѣніемъ, особенно Мальтусъ, Рикардо, Сисмонди. Сей держится противнаго мнѣнія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего творенія Traité d'Econ. Polit. уклоняется отъ него. Ганиль доказалъ убѣдительно, что классъ нравственный самый производительный. Шторхъ слѣдуетъ тому же мнѣнію.—Ко всѣмъ сдѣланнымъ мною выше замѣчаніямъ на мнѣнія писателей, я почитаю нужнымъ присоединить свою теорію объ этомъ предметѣ.

Мы прежде доказали, что классъ нравственный составляетъ отдѣльный классъ отъ прочихъ. Вещи нематеріальныя означены нами подъ особеннымъ названіемъ «образованность», а матеріальныя составляютъ «богатство.» По этому классъ нравственный дѣйствительно производительный, но только нематеріально, а классы физическіе производительны ма-

теріально. Впрочемъ, тѣ и другіе классы имѣютъ самую тѣсную между собою связь.

Спрашивается теперь: какой трудъ надо назвать непроизводительнымъ? Это, безспорно, тотъ трудъ, который не производитъ никакой цѣнности, не удовлетворяетъ нашихъ нуждъ матеріальныхъ и нематеріальныхъ,—напр. еслибы кто посѣялъ семена въ землю, или употребилъ капиталъ на заведеніе фабрикъ, и за свой трудъ и издержки не получилъ никакого вознагражденія. Равно, еслибы медикъ лечилъ какого либо больнаго, и не смотря на усилія въ его пользу, болѣзнь продолжалась бы въ одинакой степени. Въ томъ и другомъ случаѣ трудъ былъ бы непроизводительный. Причина этой непроизводительности не всегда происходитъ отъ нашей вины, но чаще отъ непредвидѣннаго стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Хотя Шторхъ прекрасно доказалъ, что всѣ принадлежности физическаго труда, означенныя Смитомъ, замѣчаются нами въ нравственномъ, но это яснѣе видно изъ главнаго принятаго мною начала, что нравственныя силы, также какъ и физическія, подлежатъ одному и тому же закону постепеннаго совершенствованія. Если дѣйствительно мы находимъ, что многія физическія вещи переживаютъ цѣлыя столѣтія, то равно мы встрѣчаемъ и нравственныя произведенія, мало измѣняющіяся въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Медленность и скорость потребленія вещей матеріальныхъ и нематеріальныхъ зависятъ отъ ихъ свойства и назначенія. Мы выше сказали, что физическія вещи могутъ быть раздѣлены на три рода; одни изъ нихъ служатъ къ удовлетворенію необходимыхъ нуждъ, другія составляютъ наши выгоды и удобность жизни, а третія доставляютъ намъ наслажденіе. Подобно это-

му, нравственные предметы — одни удовлетворяютъ необходимымъ нравственнымъ потребностямъ, другіе относятся къ удобности, а третіе служатъ для нашего удовольствія. Дѣйствіе правленія, дѣйствіе наукъ и дѣйствіе музыки — три рода дѣйствій, совершенно особенныхъ, по вліянію своему на человѣка,— и какъ онъ по природѣ своей стремится къ пріобрѣтенію матеріальныхъ вещей всякаго рода,— такъ равно желаетъ пользоваться всѣми многоразличными нематеріальными произведеніями. Музыка и подобные предметы также потребны человѣку, какъ вкусныя вина, нѣжные плоды. Первая развлекаетъ наши безпрерывныя заботы, служитъ пріятнымъ облегченіемъ отъ трудовъ, и какъ бы врачуетъ нашъ утомленный духъ и вливаетъ въ него новую силу и жизнь для продолженія обычной дѣятельности. Самые дикіе имѣютъ свои нравственныя наслажденія. Сей въ сочиненіи своемъ Traité d'Econ. polit. между прочимъ говоритъ: что хотя нравственный классъ и приноситъ пользу и потому производителенъ, но странно было бы увеличивать его, подобно другимъ классамъ. Потомъ продолжаетъ, что если бы государство содержало много гражданскихъ чиновниковъ, духовныхъ, ученыхъ и другихъ нравственныхъ дѣйствователей, то въ немъ могло бы быть хорошее управленіе, изученіе наукамъ, но капиталъ отъ того ни мало не увеличился бы.— Въ этомъ мнѣніи Сея заключается явное противорѣчіе. Можетъ ли быть, чтобы въ государствѣ, хорошо управляемомъ, просвѣщенномъ, капиталъ физическій, по мѣрѣ нравственнаго совершенствованія, не увеличился? Но никто не будетъ отвергать того, что число нравственныхъ дѣйствователей должно находиться въ извѣстномъ отношеніи къ числу

и богатству физическихъ дѣйствователей, иначе не будетъ и хорошаго управленія. Впрочемъ, не равно ли требуется правильное соотношеніе между классами самыхъ физическихъ дѣйствователей? Излишнее покровительство, оказываемое одному какому либо изъ нихъ, можетъ быть вреднымъ для цѣлаго государства. Учрежденіе монополій, запрещенія и поощренія, относительно ввоза и вывоза товаровъ, причиняли и нынѣ причиняютъ замедленіе въ приращеніи народнаго богатства.

Вообще въ государствѣ два главные класса составляютъ основаніе обществъ: въ физическомъ классѣ—классъ земледѣльческій, въ нравственномъ—правительство. Правительство обыкновенно печется о сохраненіи безопасности и собственности класса земледѣльческаго, а сей послѣдній за то платитъ правительству часть своихъ произведеній. Въ послѣдствіи времени мало по малу образуются другіе классы физическіе и нравственные, какъ-то: классъ купцевъ, фабрикантовъ, военныхъ, гражданскихъ чиновниковъ, духовныхъ, ученыхъ и т. д. Изъ этого видно, что земледѣльческій классъ служитъ основою прочихъ, потому что, если бы онъ не былъ въ состояніи добывать болѣе произведеній, нежели сколько нужно ихъ для содержанія себя, то никакъ не могли бы появиться и другіе классы; однако, если бы и сіи послѣдніе не раскрывались въ обществѣ, то равно классъ земледѣльческій не дѣлалъ бы особыхъ усилій къ добыванію излишняго количества произведеній, потребныхъ для заплаты услугъ тѣхъ классовъ. На этомъ то основано постепенное развитіе физическихъ и нравственныхъ силъ человѣка-гражданина, и если бы только не былъ никогда нарушаемъ порядокъ въ этомъ раскрытіи злоупотребле-

ніями, заблужденіями, то бы всѣ классы появлялись и совершенствовались, смотря по ихъ необходимости и пользы, получаемой обществомъ отъ ихъ дѣятельности. А потому, если опыты и показываютъ намъ, что иногда нравственный классъ бываетъ въ тягость классамъ физическимъ, стѣсняетъ ихъ полезный трудъ и чрезъ то замедляетъ увеличеніе богатства, то это происходитъ отъ худыхъ распоряженій управленія. Обыкновенно въ государствахъ богатыхъ, т. е. въ которыхъ физическіе классы достигли высшаго своего развитія, и нравственный классъ обширнѣе. Многіе дѣйствователи въ этихъ государствахъ сами непосредственно получаютъ за свои труды вознагражденіе отъ потребителей, такъ что странно бояться возрастающаго ихъ числа, потому что это увеличеніе уже происходитъ въ слѣдствіе обогащенія физическихъ классовъ.

—

ГЛАВА VIII.

О нематеріальной цѣнности.

Доказавъ, что нравственные классы производительны также, какъ и классы физическіе, я почитаю нужнымъ прибавить нѣкоторыя мои понятія относительно всѣхъ классовъ. Спрашиваю: одна ли мѣновая цѣнность матеріальныхъ вещей, составляющихъ богатство, служитъ дѣйствительно цѣнностію всѣхъ трудовъ физическихъ и нравственныхъ? Ни какъ. Опытъ очевидно намъ показываетъ еще но-

вую ихъ мѣру, новую цѣнность. Писатели Пол. Эк. забыли, что всякій трудъ, всякая дѣятельность награждается въ большей или меньшей степени честію, такъ что чѣмъ дѣятельность важнѣе, выше, тѣмъ и бо́льшая приписывается ей честь. — Мальтусъ вопрошаетъ: можно ли о цѣнности открытій, сдѣланныхъ Ньютономъ, или сочиненій Шекспира, судить по цѣнѣ, полученной ими за свои творенія? Кто можетъ допустить такое нелѣпое сужденіе? Но за то какимъ всеобщимъ уваженіемъ, какою величайшею славою наслаждались эти знаменитые писатели? Какое произведеніе физическаго труда могло соперничествовать съ ихъ безсмертными умственными произведеніями? Какой производитель физическихъ классовъ могъ стать на одной линіи съ этими геніями нравственныхъ классовъ? Но не должно думать, чтобы дѣйствователи физическихъ классовъ совсѣмъ не пользовались честію, уваженіемъ въ гражданскихъ обществахъ, и чтобы имена ихъ иногда не были произносимы потомками съ благодарностію? Если, къ сожалѣнію, этого не представляетъ намъ въ подробности исторія человѣчества, то мы выше замѣтили, что это одинъ изъ важнѣйшихъ ея недостатковъ, мало разгаданныхъ историками. Изобрѣтатели машинъ, приносящихъ безчисленныя пользы человѣчеству скорымъ, легкимъ способомъ произведенія, умноженія богатствъ, не имѣютъ ли полнаго права на безсмертіе? Ваттъ можетъ ли умереть въ памяти человѣчества? Равно имена мужей, сдѣлавшихъ открытія по торговлѣ, или способствовавшихъ выгодному ея производству, могутъ ли быть преданы на листахъ исторіи безукоризненному забвенію? — Машина, сама по себѣ, открытіе по торговлѣ, иногда приноситъ мало вы-

годъ проведшему новую черту сообщенія между людьми и народами. Что же должно служить геніямъ вознагражденіемъ за ихъ изобрѣтенія, за ихъ трудъ, рискъ? — Безъ сомнѣнія, слава, уваженіе современниковъ и потомства.—Соображая всѣ дѣйствія, всѣ произведенія людей, мы очевидно усматриваемъ, что чѣмъ болѣе какое либо произведеніе заключаетъ въ себѣ труда нравственнаго, тѣмъ оно пользуется большею честію. Одинъ физическій трудъ собственно выигриваетъ одну мѣновую цѣнность матеріальныхъ вещей, напр. земледѣлецъ, фабрикантъ, обыкновенный художникъ ничего не получаютъ въ вознагражденіе кромѣ того, что слѣдуетъ имъ за трудъ и издержки; но если они придумываютъ что либо новое, если они даютъ произведенію выгодную особенность, то эти изобрѣтенія, какъ плодъ труда нравственнаго, доставляетъ имъ честь. Нравственные классы преимущественно пользуются честію своихъ трудовъ предъ классами физическими, потому что въ нихъ преимущественно выказывается дѣятельность ума; однако не всѣ труды нравственныхъ классовъ получаютъ одинаковую цѣнность уваженія, напр. еслибы ученый наложилъ въ своей изданной книгѣ только то, что до него писали многіе авторы, или если бы гражданскій чиновникъ исправлялъ дѣла только по заведеннымъ съ давнихъ временъ формамъ судопроизводства, — спрашиваю: эти нравственные дѣйствователи достойны ли особеннаго уваженія за свои труды? Дѣятельность ихъ стоитъ ли высокой общественной чести? Не думаю. Ученый тогда только находится въ своей сферѣ великимъ дѣйствователемъ, когда онъ, какъ писатель, отличается оригинальностію, ему принадлежащими идеями. Онъ можетъ быть даже слабо вознаграж-

денъ за свой трудъ въ сравненіи съ другими дѣйствователями, онъ можетъ даже испытывать бѣдность, терпѣть тысячи огорченій въ продолженіе своей жизни; не смотря на это, слава—вѣрная его сопутница; рано или поздно она непремѣнно должна увѣнчать его достоинства. Я понимаю здѣсь славу внутреннюю. Этой славы могутъ не удостоить генія современники, или окружающіе его, по своему невѣжеству, — тѣмъ не менѣе истинная слава съ нимъ неразлучна. Потомство кладетъ клеймо неблагодарности на невѣжды прежняго вѣка, и стряхаетъ безславіе съ неразгаданнаго генія. То же относится къ другимъ нравственнымъ дѣйствователямъ, напр. воинъ, отличающійся на полѣ сраженія необыкновенными подвигами геройства, мужества, не достоинъ ли въ полной мѣрѣ чести, хвалы? Не говорю уже о великихъ геніяхъ, которые проницательностію, быстротою своего ума, постигая всю сферу битвъ, творятъ чудеса въ борьбѣ съ непріятелями. Слава составляетъ прямую ихъ награду. — Труды гражданскихъ мыслителей, дѣйствователей равно оцѣняются цѣною чести, уваженія, по мѣрѣ своей оригинальности, важнаго вліянія на благоденствіе политическаго организма. — Словомъ: всѣ труды пріобрѣтаютъ болѣе или менѣе чести, славы, смотря по тому, что они заключаютъ въ себѣ особеннаго, рѣдкаго. По этому, мы, производя какія либо вещи, должны имѣть во вниманіи, какъ возмездіе, не одно богатство, физическія вещи, удовлетворяющія нашимъ нуждамъ, но должны еще заботиться о пріобрѣтеніи чести, уваженія другихъ. Чѣмъ человѣкъ грубѣе въ своихъ понятіяхъ и чувствованіяхъ, тѣмъ болѣе онъ ослѣпляется наградою физическою, матеріальною; чѣмъ, напротивъ, болѣе онъ имѣетъ въ

себѣ чувствъ возвышенныхъ, благородныхъ, тѣмъ болѣе дорожитъ славою, уваженіемъ. Какою напр. честію дорожитъ купецъ, на каждомъ шагу обманывающій своихъ потребителей, одинъ товаръ продающій за другой, поддѣльный за истинный, худой за хорошій? Что за честь у того, который нагло продаетъ свои обязанности за золото, или проходитъ чрезъ всѣ степени униженія, для достиженія высшихъ мѣстъ, для украшенія себя знаками гражданской чести? Что за честь у того, который черпитъ, получаетъ разными способами истинныя достоинства другаго, чтобы чрезъ то выиграть у невѣждъ мнимое уваженіе и соединенныя съ тѣмъ выгоды? Что за честь у вырывающаго послѣдній кусокъ хлѣба изъ рукъ бѣдняка, чтобы самому сдѣлаться богатымъ, хотя бы онъ безпрерывно встрѣчалъ въ своей пріемной залѣ презрѣнную толпу поклонниковъ? Люди матеріальные имѣютъ въ виду своемъ одно матеріальное. По сей-то причинѣ въ государствахъ, мало просвѣщенныхъ, рѣдко предпринимается трудъ, не имѣющій явною своею цѣлію пріобрѣтенія богатствъ; о славѣ обыкновенные люди мало заботятся; одни геніи только не покоряются всеобщему натиску невѣжества и испорченности нравовъ. Совсѣмъ иное происходитъ въ государствахъ образованныхъ; лестные отзывы современниковъ, слава въ потомствѣ, составляютъ высшій предметъ желаній, усилій гражданъ. Тамъ нерѣдко жертвуютъ всѣми выгодами физической жизни, всѣмъ богатствомъ, для пріобрѣтенія, сохраненія истинной чести. — Спрашиваю теперь, почему писателями П. Э. упущенъ изъ виду этотъ особенный предметъ народной жизни? Это произошло отъ того, что они, занимаясь исключительнымъ изслѣдованіемъ своей науки, не об-

ратим вниманія на другую важнѣйшую науку — Политику, въ коей честь составляетъ краеугольный камень всего зданія.

Дюноайе. — Nouveau traité d'Econ. sac. tome I.

«Въ противность тому, какъ разсуждаютъ писатели Политической Экономіи, сначала разсматривающіе промышленость земледѣльческую, потомъ мануфактурную, и наконецъ торговую, я, говоритъ Дюноайе, почитаю первою промышленостію торговую, второю мануфактурную, а третьею земледѣльческую, — и это на томъ основаніи, что торговля въ своемъ производствѣ несравненно простѣе земледѣлія и мануфактуръ, и что собственно въ слѣдствіе торговли или передачи произведеній началась производительность. Фабрики и земледѣліе подвергаютъ вещи чрезвычайно разнообразнымъ измѣненіямъ, а торговля только переноситъ произведенія изъ однихъ мѣстъ въ другія,—это относится не къ однимъ мелочнымъ продавцамъ, но и къ негоціантамъ, имѣющимъ дѣло съ отдаленными странами Индіи, Америкою и т. д. Слово, коммерція, происходитъ отъ словъ *cum* и *merx*, что означаетъ мѣну; можно ли дать лучшее названіе промышлености извозной, подобно тому, какъ промышлености, дающей произведеніямъ новыя формы, усвоено названіе мануфактурной? Мы всѣ производимъ мѣну въ обществѣ; мы нѣкоторымъ образомъ всѣ купцы (marchands) и всѣ торгующіе (commerçans).»

Я не могу согласиться съ мнѣніемъ писателя относительно понятія о промышленостяхъ. Мы въ слѣдующей статьѣ увидимъ, что условія торговли несравненно выше, нежели условія земледѣлія и мануфактуръ. Здѣсь же заслуживаетъ наше вниманіе

только то, какая промышленость въ области произведенія является прежде, и какая послѣ. — Естественно, что нельзя производить мѣны безъ произведеній. Слѣдственно, прежде должны быть приготовлены произведенія, или въ земледѣльческой промышлености, или въ мануфактурной, а потомъ уже открывается торговля, — и если такъ, то земледѣліе и мануфактуры являются первыми въ мірѣ производительности. Что же касается до того, что мы нѣкоторымъ образомъ всѣ купцы, и производимъ мѣну, — это справедливо. Дѣйствительно, немногіе производителя пользуются сами своими продуктами, большею частію приготовляютъ ихъ для другихъ и получаютъ въ замѣнъ ихъ новые продукты или цѣнности. Но очень ясно, что въ мірѣ ботатства собственно купцы служатъ посредниками между производителями; они уже берутъ на свой трудъ покупку произведеній изъ однѣхъ рукъ и продажу ихъ въ другія, — и за этотъ трудъ, въ совокупности съ издержками, произведенія получаютъ плату или прибыль съ капитала. Слѣдственно, торговля, въ естественномъ ея значеніи, принадлежитъ однимъ купцамъ.

—

ГЛАВА IX.

О принадлежностяхъ всѣхъ трехъ родовъ промышлености.

Всякая промышленость требуетъ особыхъ принадлежностей и совершенствъ труда; но одни писатели замѣчаютъ ихъ преимущественно въ земледѣліи,

другіе въ мануфактурахъ и торговлѣ. По мнѣнію Смита, земледѣліе требуетъ наиболѣе разнообразныхъ познаній и основательной опытности. Доказательствомъ этому служитъ множество сочиненій о сельскомъ хозяйствѣ, изданныхъ въ просвѣщенныхъ государствахъ, между тѣмъ какъ нѣсколько страницъ, напечатанныхъ съ гравюрами, достаточны для показанія всѣхъ разнообразныхъ способовъ дѣйствованія въ механическихъ искусствахъ. Ганиль не соглашается съ этимъ мнѣніемъ Смита, и слѣдуетъ противному образу мыслей. По его мнѣнію, для негоціанта нужно несравненно болѣе познаній, нежели сколько ихъ требуется въ прочихъ отрасляхъ промышленности. Такъ негоціантъ не можетъ отправлять торговлю безъ познанія ариѳметики, оборотовъ биржеваго курса, гражданскихъ законовъ по части торговли, разныхъ введеній въ ней, безъ познанія политической системы европейскихъ государствъ, пользъ ихъ и другихъ безчисленныхъ отношеній. Хотя, продолжаетъ Ганиль, большая часть негоціантовъ не имѣютъ этихъ важныхъ условій въ надлежащей степени, тѣмъ не менѣе они необходимы.—Для производства мануфактуръ, по мнѣнію Ганиля, нужны не столько многоразличныя познанія, сколько нѣкоторыя особенныя качества въ фабрикантахъ, какъ то: смѣтливость, дѣятельность, безпрерывное вниманіе и проч. Трудъ фабриканта ограничивается счастливымъ избраніемъ для работы грубыхъ матерій, умѣніемъ обработывать послѣднія, и болѣе или менѣе нѣкоторыми соображеніями въ томъ, чтобы превзойти своихъ совмѣстниковъ въ искусствѣ обработыванія издѣлій, или въ сбереженіи издержекъ, или наконецъ въ поддержаніи постоянной цѣны издѣліямъ.

Земледѣлецъ, полагаетъ Гамильтонъ, можетъ обойтись безъ всѣхъ познаній, нужныхъ для негоціанта, и особенныхъ качествъ, отличающихъ мануфактуриста. Обычай есть одинъ его кластелинъ, такъ что для земледѣльца ничего болѣе не нужно, какъ обыкновенное вниманіе и прилежаніе. Работы земледѣльческія такъ извѣстны и удобны, что самый искусный земледѣлецъ мало въ чемъ имѣетъ преимущества предъ земледѣльцемъ посредственнымъ.

Съ какимъ мнѣніемъ писателей удобнѣе согласиться? Думаю, съ мнѣніемъ Гамильтона. Всякая низшая промышленость, сравнительно съ высшею, требуетъ менѣе и природныхъ дарованій, и пріобрѣтаемыхъ познаній. Конечно, многіе труды въ классѣ мануфактурномъ производятся почти механически, такъ напр. много ли нужно способностей и познаній работнику, занимающемуся на фабрикѣ дѣланіемъ одинъхъ головокъ для булавокъ? За то получаетъ ли онъ и большую плату за свой трудъ? Съ другой стороны, возмите во вниманіе простаго работника въ земледѣліи,—напр. того, который стережетъ скотъ на пастбищахъ, — много ли предварительнаго нужно для этого занятія?— Я не думаю, чтобы трудъ его вознаграждался большею платою, нежели какой стоитъ трудъ обыкновеннаго ремесленника Частныхъ случаевъ мы здѣсь не беремъ во вниманіе. — Но если есть труды земледѣльческіе, требующіе предварительныхъ многихъ познаній и извѣстныхъ качествъ, то съ другой стороны еще въ большей степени находятся труды мануфактурные, съ которыми неразлучны разныя принадлежности и совершенства.

Смитъ говоритъ, что для узнанія нѣкоторыхъ способовъ производства въ механическихъ работахъ довольно познакомиться съ одними рисунками. Такъ,

но на практикѣ не всегда удачно совершается это изученіе! Не всякой портной, смотря на образецъ, представленный на бумагѣ для сшитья платья, счастливо имъ пользуется. Если судить о трудѣ такъ, какъ судитъ Смитъ, то изученіе наукамъ было бы самымъ легкимъ; довольно было бы прочитать книгу, чтобы познакомиться съ какою либо наукою,— однако опытъ показываетъ противное. Можно читать книгу и не понимать ея, можно понимать ее, но понятія не у всѣхъ будутъ одинаково вѣрны, основательны.

Также Смитъ, изъ того, что многіе авторы писали о Сельскомъ Хозяйствѣ, выводитъ заключеніе, что земледѣльческія работы весьма трудны.—Это заключеніе несправедливо. Въ земледѣльческой промышлености нужны наблюденія, какъ дѣйствовать на природу. Эти-то наблюденія послужили предметомъ цѣлыхъ томовъ книгъ. Въ мануфактурной промышлености одни наблюденія недостаточны: надо еще знать, какъ воспользоваться силами природы, надо владѣть счастливымъ даромъ соображенія. Въ земледѣліи почти всему можно выучиться отъ другихъ: но этого нельзя сказать о всѣхъ мануфактурахъ: во многихъ изъ нихъ необходимы природныя дарованія, проворство, ловкость, безъ коихъ всѣ познанія, всѣ усилія должны остаться тщетными. Вотъ почему земледѣльцемъ почти всякой можетъ быть, но фабрикантомъ едвали. Впрочемъ, мы видимъ, что книги о мануфактурахъ болѣе и болѣе умножаются, и современемъ число ихъ можетъ превзойти число книгъ о Сельскомъ Хозяйствѣ.

И такъ, если при сравненіи земледѣльческаго труда съ трудомъ мануфактурнымъ оказывается, что послѣдній стоитъ на высшей степени, то легко убѣ-

диться и въ томъ, что трудъ купцевъ еще выше, требуетъ гораздо большихъ познаній и способности для своего производства; напр. не замѣчаемъ ли мы величайшаго различія между негоціантомъ государства просвѣщеннаго и купцемъ государства мало просвѣщеннаго? Такъ-ли рѣзко обозначается это различіе между земледѣльцами, фабрикантами той и другой націи? Въ торговлѣ все основывается на расчетахъ, на соображеніи близкихъ и отдаленныхъ выгодъ. Упущеніе изъ вниманія малѣйшаго обстоятельства часто влечетъ за собою вредъ невознаградимый. Земледѣлецъ имѣетъ дѣло съ природою, съ обстоятельствами, мало подлежащими перемѣнѣ, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣми, которыя не зависятъ отъ его воли. Напротивъ купецъ имѣетъ дѣло съ людьми, съ потребителями, коихъ нужды безпрерывно измѣняются, съ производителями, коихъ работы и выгоды чрезвычайно многоразличны. Земледѣльцу нужно трудолюбіе, купцу нужна оборотливость.

Трудъ фабриканта также не можетъ спорить въ своемъ достоинствѣ съ трудомъ купца.—При семъ не должно забывать главнаго нашего замѣчанія, что для сравненія трудовъ всѣхъ родовъ промышленностей надо во вниманіе брать предметы одной и той же важности въ ихъ сферахъ, такъ напр. труду простаго ремесленника надо противополагать трудъ простаго купца; труды, совершаемые на важнѣйшихъ мануфактурахъ, или труды, исполняемые въ высшихъ отрасляхъ земледѣлія, должны быть сравниваемы съ трудомъ главныхъ негоціантовъ, банкировъ.

Странно даже понять, почему Смитъ думалъ, будто земледѣліе требуетъ большихъ познаній и принадлежностей труда, нежели прочія промышленности.

Если бы это было справедливо, то каким образом труды фабриканта и купца выше цѣнились бы въ сравненіи съ трудомъ земледѣльца? Почему первыя доставляли бы болѣе относительныхъ выгодъ? Не рѣшились ли бы многіе земледѣльцы оставить свою работу и заняться другими промышленостями, когда бы они видѣли, что заниматься ими выгоднѣе и вмѣстѣ легче, нежели своею работою? Скажутъ, что на это имѣютъ вліяніе привычка, направленіе, полученное съ малолѣтства. Такъ; но сомнительно, чтобы привычка могла соперничествовать съ желаніемъ большихъ выгодъ; напротивъ, я приписываю это болѣе существенному различію способностей и познаній, потребныхъ для исправленія разныхъ отраслей промышлености. Я всегда былъ такого мнѣнія, что если изученіе, хотя нѣкоторыхъ главныхъ наукъ, необходимо для класса земледѣльческаго, то еще нужнѣе оно для ремесленниковъ, фабрикантовъ и купцевъ. Къ сожалѣнію, ни одно европейское государство не можетъ похвалиться достаточнымъ принятіемъ этихъ благодѣтельныхъ мѣръ, для общаго народнаго благоденствія. Во Франціи, этой просвѣщеннѣйшей націи на земномъ шарѣ, бо́льшая часть народа не умѣетъ ни писать, ни читать.

Замѣч. (Econ. pol. Chrétienne. tome I. pag. 492.) Въ 1832 году во Франціи $^2/_3$ дѣтей, отъ 5 до 12 лѣтъ, совсѣмъ ничему не обучались, — 299.605 было жителей вполнѣ образованныхъ, 11.684.612 умѣли читать и писать, а 14.766.270 не знали ни того, ни другаго. Это исчисленіе показано Графомъ Делабордомъ. По исчисленію же Дюпеня, обучавшихся дѣтей ко всему народонаселенію Франціи, было какъ 1: 30, въ Англіи какъ 1: 16, въ Австріи

какъ 1: 13, въ Голландіи какъ 1: 12, въ Богеміи какъ 1: 11, въ Штиріи и Пруссіи какъ 1: 8, въ Португаліи какъ 1: 80. Вообще Дюпень замѣчаетъ, что въ Тосканѣ, Даніи, Виттенбергѣ, Баваріи, Швеціи и Швейцаріи гораздо болѣе учащихся, нежели во Франціи; напротивъ въ Италіи, Турецкихъ владѣніяхъ, на югѣ Италіи, въ Греціи и Россіи менѣе учащихся въ сравненіи съ Франціею. Вильневъ Баржемонтъ не совсѣмъ соглашается съ показаніемъ Дюпеня, и полагаетъ, что въ Испаніи, гдѣ первоначальныя училища поддерживаются духовными, монахами, почти весь низшій классъ народа умѣетъ читать и писать. То же должно полагать и въ Португаліи. На югѣ Италіи, и особенно въ Папскихъ областяхъ, число первоначальныхъ училищъ умножено. Въ самой Турціи изученіе также болѣе и болѣе увеличивается. Вообще эти показанія, относительно народнаго образованія, весьма поучительны. Конечно, всякому извѣстно, что Англія и Франція почитаются просвѣщеннѣйшими государствами Европы, но это просвѣщеніе походитъ на колоссальныя богатства, сосредоточенныя въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, между тѣмъ, какъ бо́льшая часть жителей пользуется малыми удобствами жизни и значительная часть ихъ борется съ нуждами и бѣдностію. Для благосостоянія всего государства наиболѣе нужно раздѣленіе богатства въ извѣстной пропорціи между его жителями. То же должно замѣтить и относительно образованія. Однако, если этотъ раздѣлъ самъ по себѣ слишкомъ слабъ, недостаточенъ, то равно состояніе государства, сравнительно, не весьма завидно, — напр. въ Испаніи, гдѣ вообще образованность находится на низшей степени. Я полагаю, что низшій классъ народа долженъ, съ одной

стороны, пользоваться самымъ основнымъ образованіемъ, то есть, долженъ умѣть читать, писать, быть свѣдущимъ въ первыхъ началахъ ариѳметики, своего природнаго языка, въ техническихъ наукахъ и преимущественно въ главныхъ правилахъ религіи и нравственности; съ другой стороны, долженъ безбѣдно удовлетворять свои, покрайней мѣрѣ, необходимыя нужды. Для средняго класса народа уже вызываются большіе успѣхи образованія и богатства, а въ высшемъ классѣ развитіе того и другаго необходимо въ самой высшей степени; богатство капиталистовъ, образованность нравственныхъ дѣйствователей, аристократовъ, вполнѣ должны соотвѣтствовать европейскому требованію вѣка.

Послѣ этого удивительно ли, что промышлености, особенно земледѣльческія, такъ медленно совершенствуются? Скажутъ, что всѣмъ не можно быть фабрикантами и купцами, надо быть нѣкоторымъ и земледѣльцами. Не спорю. Но отношенія этихъ классовъ, по числу гражданъ, заключающихся въ нихъ, могутъ быть различны. Одинъ земледѣлецъ можетъ дѣлать то, что дѣлаютъ десять ихъ; лишнее число ихъ лучше могло бы заниматься другими промыслами. Надо же быть и земледѣльцамъ? Такъ, но дѣятельнѣйшіе изъ нихъ, или тѣ, которые имѣютъ болѣе дарованій и познаній, лучше посвящали бы себя труднѣйшимъ, и притомъ выгоднѣйшимъ ремесламъ, нежели земледѣлію. Это нерѣдко показываетъ и опытъ, хотя съ другой стороны знаемъ и то, что часто глупые ремесленники, фабриканты или купцы скорѣе соглашаются вести жизнь бѣдную, нежели оставить сферу своей привычной промышлености; равно земледѣльцы, съ отличнымъ природнымъ умомъ, часто безъ ропота остаются на

всю жизнь при своихъ обыкновенныхъ занятіяхъ. Замѣчательно, что рѣдко земледѣлецъ, какъ земледѣлецъ, успѣваетъ достигать особеннаго обогащенія; онъ дѣлается богатымъ, входя уже въ сферу другихъ занятій, такъ: когда онъ напр. покупаетъ лѣсъ и продаетъ его съ выгодою, или беретъ на себя какіе либо подряды и т. под. Надо, или слишкомъ много имѣть хорошей, удобренной земли, или имѣть очень много скота, чтобы пріобрѣсти значительныя выгоды отъ собственно такъ нами понимаемаго земледѣлія. Дюпень превосходно доказываетъ, что въ Англіи, гдѣ классы мануфактурный и торговый обширнѣе класса земледѣльческаго, большее число бѣдныхъ считается въ послѣднемъ. По сему я заключаю, что если бы классы мануфактурный и торговый не распространялись болѣе и болѣе, то земледѣльческій классъ наконецъ весь подвергнулся бы величайшей бѣдности. Одно спасеніе отъ нищеты, это — безпрерывно поступать въ высшіе классы, дабы остающееся число дѣйствователей въ классѣ земледѣльческомъ могло, сравнительно, получать болѣе выгодъ. Способъ къ этому одинъ и тотъ же, какъ я замѣтилъ выше, — просвѣщеніе. Получивъ извѣстную степень образованія, земледѣльцы начнутъ обращать вниманіе на улучшеніе своихъ произведеній, предметовъ своего труда; частію, облагораживаясь въ своихъ чувствахъ, возвышаясь въ своихъ понятіяхъ, будутъ переходить изъ своего класса въ другіе классы дѣятельности. Такъ промышлености всѣ будутъ достигать улучшенія. Извѣстно, что увеличеніе мануфактуристовъ и купцевъ преимущественно способствовало всеобщему развитію идей и чувствованій. Земледѣлецъ, какъ земледѣлецъ, болѣе, такъ сказать, матеріаленъ, онъ ближе къ грубой физиче-

ской природѣ.—Пока въ Европѣ существовали только два класса, классъ земледѣльцевъ и классъ владѣльцевъ, эта часть свѣта состояла подъ исключительнымъ обладаніемъ земледѣльцевъ и рабовъ, — и невѣжество глубочайшее покрывало ея государства. Но какъ скоро раздвинулись классы мануфактурный и торговый, то Европа вдругъ почувствовала воззваніе къ новой жизни, къ новому направленію въ своемъ политическомъ организмѣ. Эти два класса выказываютъ болѣе нравственныхъ силъ; знаніе законовъ природы въ нихъ выше и важнѣе: отъ того наслажденія обществъ сдѣлались разнообразнѣе; сближеніе гражданъ очевидно облагорожилось. Торговля познакомила народы съ безчисленными произведеніями природы, находящимися въ разныхъ частяхъ свѣта, и съ произведеніями искусствъ человѣка; мануфактурная же промышленость во всей ясности открыла намъ, что человѣкъ сдѣлать въ состояніи посредствомъ своего труда?

Но, можетъ быть, вы спросите, по чему же въ Римѣ многіе великіе мужи жили, возрасли среди земледѣльческихъ работъ? На это отвѣчаю я, что въ Римѣ дѣйствовалъ въ управленіи весь народъ; способности ума могли свободно обнаруживаться тамъ и въ простомъ народѣ, такъ какъ у патриціевъ. Слѣд. не земледѣльческимъ занятіямъ великіе мужи собственно обязаны были въ Римѣ необыкновенными достоинствами. Да и что за общественная жизнь была въ Римѣ? Какими она можетъ хвалиться наслажденіями, украшеніями? Римъ былъ въ безпрерывной борьбѣ между собою и съ другими народами, и, можно сказать, что Римъ населенъ былъ народомъ грубымъ, дикимъ. Немногіе примѣры особенныхъ качествъ души и способностей ума ничего еще не

рѣшаютъ. Притомъ это было дѣломъ, какъ я сказалъ, обстоятельствъ правленія и стеченія благопріятныхъ случаевъ. Безъ раскрытія классовъ мануфактурнаго и торговаго, жизнь общественная неизбѣжно застаивается, хотя не этимъ классамъ собственно предоставлена природою послѣдняя степень гражданскаго совершенствованія, — это составляетъ уже отличительное достоинство классовъ нравственныхъ. Они уже доканчиваютъ раскрытіе физико-нравственной народной жизни; ихъ уже трудъ довершаетъ высокое предназначеніе нашей разумной природы.

Теперь слѣдовало бы показать производительность всѣхъ нравственныхъ классовъ, какъ-то, духовнаго, ученаго, гражданскаго и военнаго, обозначить важность ихъ вліянія на благосостояніе общественное, исчислить принадлежности и условія, не обходимыя для каждаго класса; но это составляетъ другой предметъ науки, именно: Политики. Предполагая издать въ свѣтъ современемъ Общенародное Право, я вмѣстѣ изложу тогда и предметы жизни общественной, нравственной. Здѣсь же я изложу вкратцѣ мои понятія о классѣ ученомъ. Ученый классъ можетъ быть раздѣленъ на два рода: одинъ имѣетъ предметомъ своего ученія изслѣдованія, науки теоритеческія, другой занимается науками практическими. Къ первому роду принадлежатъ: Философія, Права, Математика, наша наука Политическая Экономія и другія,—ко второму роду принадлежатъ: Коммерція, Технологія, Сельское Домоводство, Практическая Механика, Практическая Химія. Эти послѣднія науки относятся до производства богатства. Нельзя не удивляться, какимъ образомъ онѣ, такъ очевидно полезныя, долгое время оставались безъ

вниманія, и только новѣйшія времена дали имъ нѣкоторое значеніе. Это, по моему мнѣнію, произошло отъ слѣдующихъ причинъ: — 1) Греки и Римляне передали Европѣ свой общественный бытъ и свое просвѣщеніе. Промышлености находились у нихъ въ жалкомъ положеніи, — отъ того и науки, излагающія составъ ихъ, правила для занятія ими, не могли у нихъ возникнуть. Вотъ почему Европейцы, въ началѣ своей образованности, предались занятію наукъ, болѣе отвлеченныхъ, нежели практическихъ. 2) Феодализмъ держалъ долгое время среднее сословіе въ состояніи рабской зависимости. Даже въ продолженіи новыхъ столѣтій, аристократство, смѣнившее феодализмъ, почти одно господствовало въ общественномъ быту. Среднее сословіе, проложившее себѣ дорогу къ обогащенію и къ пріобрѣтенію нѣкотораго значенія въ обществѣ, посредствомъ необыкновенной дѣятельности, мало пользовалось успѣхами просвѣщенія. Оно изъ хаоса опытовъ созидало себѣ правила для производства разныхъ родовъ промышлености. Уже Политическая Экономія, раскрывшая глаза народамъ въ познаніи источниковъ богатства, дала всѣмъ среднему сословію и вмѣстѣ показала пользу и важность самыхъ наукъ, относящихся до богатства и производства промышленостей. Эта чрезвычайная перемѣна составляетъ честь нашего столѣтія. Во всѣхъ государствахъ нынѣ стараются изучать практическія науки. Я не могу изобразить, какія благодѣтельныя отъ этого должны произойти слѣдствія! Разумѣется, главная польза заключается въ лучшемъ, болѣе выгодномъ, направленіи промышленостей. Соединивъ теорію съ практикой, промышленики сдѣлаютъ несравненно болѣе успѣховъ въ производимости. Сельское Домоводство познакомитъ

ихъ съ лучшими правилами и вѣрными опытами къ обработыванію земли и разведенію многочисленныхъ полезныхъ растеній, къ заведенію и содержанію разнаго скота, и т. п. Технологія окажетъ тѣ же успѣхи въ мануфактурной промышленности, а Коммерція въ промышленности торговой. Только, по моему замѣчанію, должно бы присоединить къ изученію этихъ наукъ изученіе хотя основныхъ правилъ матери ихъ, Политической Экономіи. Она никакъ не обременила бы мыслительной способности эмпириковъ, если бы ограничилась единственно положеніями, непосредственно извлеченными изъ очевидныхъ опытовъ. Между тѣмъ она сообщаетъ практическимъ познаніямъ болѣе точности, значенія. Политическая Экономія матеріальна только по своему предмету, но никакъ по своимъ правиламъ, благороднымъ, возвышеннымъ, какъ сама природа общественной жизни. Кромѣ означенной пользы, я предвижу еще другую, важнѣйшую, отъ распространенія практическихъ наукъ, а именно: по мѣрѣ успѣховъ, сдѣланныхъ ими, надо ожидать въ народѣ болѣе мирной, скромной наклонности къ труду, любви къ занятіямъ полезнымъ, благороднымъ, любви къ порядку, бережливости, уклоненія отъ злоупотребленій, замѣняющихъ до сего времени недостатокъ познанія правильныхъ способовъ къ своему обогащенію. Самыя науки теоретическія, въ настоящее время еще волнующія умы отвлеченностями, наслѣдованіемъ идей, потеряютъ свое фанатическое направленіе, и сдружась съ науками практическими, усвоятъ ихъ мирное вліяніе, и съ своей стороны сообщатъ имъ болѣе опредѣленности, точности. Я полагаю, что для совершеннаго искорененія духа противорѣчій и ложныхъ понятій о частномъ

и общественномъ благѣ, практическія науки приготовляютъ сильнѣйшее оружіе, такъ, что Европа нечувствительно можетъ принять съ нами новое направленіе, новую жизнь. По моему мнѣнію, ни въ одномъ европейскомъ государствѣ распространеніе изученія практическимъ наукамъ не можетъ быть столько полезнымъ, какъ въ Россіи, и въ смыслѣ политическомъ, и въ смыслѣ политико-экономическомъ. Въ Россіи, нашемъ любезнѣйшемъ отечествѣ, всѣ три рода промышленности, земледѣльческой, манufактурной и торговой, представляютъ необозримое поле для развитія труда. Нельзя, безъ особеннаго изумленія, не воображать о блистательнѣйшемъ состояніи, котораго наше государство можетъ достигнуть въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій! Благодареніе безпредѣльное нашему мудрому Правительству, такъ счастливо постигшему требованія нашего народа, и такъ попечительно обратившему свое вниманіе на этотъ важнѣйшій предметъ—распространеніе практическихъ наукъ.

ГЛАВА X.

О сравнительной производительности всѣхъ трехъ промышленостей.

Смитъ.

«Капиталъ купца, торгующаго въ раздробь, выручаетъ съ прибылью капиталъ купца оптоваго. Капиталъ купца оптоваго не только выручаетъ съ прибылью капитала владѣльцевъ земли и фабрикантовъ,

у коихъ онъ покупаетъ вещи обработанныя и необработанныя, но еще капиталомъ его живутъ извощики и матросы. По этому, промышленость купца оптоваго производительнѣе промышлености купца, торгующаго по мелочамъ.»

Это потому, что для производства оптовой торговли потребно болѣе капитала. Купцы мелочныхъ товаровъ состоятъ въ распоряженіи оптовыхъ. Они какъ бы служатъ ихъ комиссіонерами. Оптовые купцы даютъ имъ въ продажу части своихъ капиталовъ; слѣдственно, въ цѣлой массѣ, промышленость мелочныхъ купцевъ выдетъ болѣе обширною, и выгоды ихъ вообще превзойдутъ выгоды купца оптоваго. Но такъ какъ эти выгоды расходятся между многими лицами, то, сравнительно, промышленость оптоваго купца выгоднѣе, и потому производительнѣе.

«Изъ капитала мануфактуристовъ, одна часть употребляется на капиталъ обращающійся, какъ то, на покупку первоначальныхъ матерій, и слѣдственно воспроизводитъ капиталъ владѣльцевъ земли. Но важнѣйшая часть капитала раздѣляется между работниками въ видѣ платы. И такъ, капиталъ мануфактуриста приводитъ въ дѣйствіе болѣе производительнаго труда, нежели капиталъ купца оптоваго.»

Купецъ равно имѣетъ свои лавки, магазины, имѣетъ равно своихъ работниковъ. Впрочемъ, если все дѣло состоитъ въ томъ, что на фабрикахъ приводится въ дѣйствіе болѣе производительныхъ рукъ, то ужели, когда на фабрикахъ работаютъ посредствомъ машинъ, замѣняющихъ производительныя руки, эти фабрики по тому менѣе производительны? Изъ мнѣнія Смита видно, что чѣмъ болѣе какая промышленость раздѣ-

ляетъ свои выгоды между многими, тѣмъ болѣе она производительна, даже хотя бы эти выгоды были меньшія. — Странно.

«Наконецъ капиталъ, употребленный на земледѣліе, наиболѣе приводитъ въ движеніе труда производящаго, потому что въ земледѣліи не только работники, но и животныя составляютъ производительныхъ дѣйствователей. Кромѣ этого, здѣсь сама природа трудится съ человѣкомъ. Такимъ образомъ, сверхъ воспроизведенія капитала и прибылей, земледѣліе даетъ еще чистый доходъ, произведеніе собственно силъ природы.»

Машины не тоже-ли, что животныя? Что если-бы все это, что нынѣ дѣлается посредствомъ сихъ послѣднихъ, все это, говорю, производилось посредствомъ машинъ, — уже ли тогда земледѣліе сдѣлалось бы менѣе производительнымъ?

«Капиталы, употребленные на обработываніе земель, равно какъ и въ торговлѣ мелочной, всегда остаются внутри государства, напротивъ капиталы купцевъ оптовыхъ стремятся туда, гдѣ выгоднѣе сбытъ произведеній. Капиталы фабрикантовъ, безъ сомнѣнія, должны сосредоточиваться въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся фабрики, но матеріи грубыя и обработанныя не имѣютъ постояннаго мѣста. Ліонъ слишкомъ отдаленъ отъ мѣстъ, гдѣ покупается шелкъ и гдѣ сбываются шелковыя издѣлія. Въ Сициліи носятъ шелковыя матеріи, привозимыя изъ другихъ мѣстъ, хотя самый шелкъ производится на ея земляхъ. Смотря по этому, фабрики бываютъ болѣе или менѣе производительны.»

Совсѣмъ нѣтъ. Иногда производство грубой матеріи можетъ быть выгоднымъ въ своемъ государствѣ, но обработываніе ея, по причинѣ малаго сбыта, не-

выгодно. Ужели предпочтительны такія фабрики тѣмъ, на коихъ употребляемыя грубыя матеріи хотя покупаются въ другихъ государствахъ, за то издѣлія, изъ нихъ обработываемыя, имѣютъ обширный, выгодный сбытъ? Скажутъ, что получаемый отъ послѣднихъ фабрикъ выигрышъ раздѣляется между не многими, первыя же фабрики поддерживаютъ выгоды еще земледѣльцевъ. — Такъ, но лучше заняться издѣліями однихъ выгодныхъ фабрикъ, нежели раздѣлять выгоды ихъ съ маловыгоднымъ обработываніемъ земли. Теперь представимъ, что разныя фабрики сами по себѣ были бы одинаково успѣшны, прибыльны, тогда, конечно, расчетливѣе поощрять тѣ изъ нихъ, для которыхъ грубыя матеріи добываются въ своей землѣ.

«Если какое либо государство не въ состояніи, по причинѣ небольшаго количества капиталовъ, приводить въ движеніе всѣ три промышленности, въ этомъ случаѣ чѣмъ болѣе ихъ будетъ употреблено на земледѣліе, тѣмъ болѣе будетъ получено цѣнностей.»

Справно. Едвали бы Англія находилась когда либо въ блистательномъ, цвѣтущемъ состояніи, если-бы она занималась преимущественно земледѣліемъ.

За симъ Смитъ рѣшительно почитаетъ главною причиною обогащенія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ то, что въ нихъ большая часть капиталовъ употреблена на земледѣліе, — равно, по его мнѣнію, Китай, Индія, Египетъ достигли богатства въ древнія времена единственно усовершеніемъ земледѣлія и манufактуръ.

Такъ, но что было за богатство древнихъ государствъ? Притомъ они находились совсѣмъ въ другомъ положеніи, нежели въ какомъ находились на-

прим. Венеція, Англія, Голландія, Финикія, Карѳагенъ.

«Наконецъ опыты показываютъ, заключаетъ Смитъ, что государства, занимавшіяся преимущественно земледѣліемъ, не достигали такого блистательнаго состоянія, какого достигали государства мануфактурно-торговыя.»

Вотъ уже въ заключеніи Смитъ самъ отступаетъ отъ своего мнѣнія.

Economie Politique Chrétienne tom. 1 pag. 310.

«Всякая мануфактурная промышленость благопріятствуетъ увеличенію народонаселенія; но въ состояніи частныхъ людей ощутительное различіе склоняется въ пользу работниковъ, занимающихся земледѣліемъ. Смертность гораздо сильнѣе открывается въ классѣ мануфактурномъ; быстрое увеличеніе послѣдняго умножаетъ число людей бѣдныхъ, нездоровыхъ, всегда составляющихъ бремя для государства.» — За симъ писатель приводитъ мнѣніе Мальтуса. Ясно, говоритъ Мальтусъ, что двѣ націи съ одинакою скоростію могутъ увеличить меновую цѣнность (сбытъ) произведеній земли и труда, но не въ одной мѣрѣ могутъ предоставить бѣдному работнику удобства, такъ что если бы одна нація преимущественно занималась земледѣліемъ а другая торговлею, то фондъ, назначенный для приведенія труда въ дѣйствіе, различно возрасталъ бы въ той и другой: въ первой народъ жилъ бы съ большими выгодами, и народонаселеніе возрастало бы быстрѣе; а въ другой бѣдные весьма мало могли бы улучшить свой жребій. Вильневъ Баржемонтъ присоединяетъ къ этому другое замѣчаніе, но его мнѣ-

нію не менѣе точное, а именно, что невѣжество, безработность и безнравственность господствуютъ въ провинціяхъ мануфактурныхъ. Потомъ на страницѣ 375 тотъ же писатель говоритъ: «мануфактурная промышленость, особенно способствуя увеличенію народонаселенія, значительно умножаетъ число бѣдныхъ.»

Въ этихъ мнѣніяхъ заключается много недоразумѣній. Относительно бѣдности работниковъ въ мануфактурномъ классѣ, равно относительно ихъ худой нравственности, мы изложимъ наше мнѣніе ниже. Здѣсь же замѣчу только: 1-е, писатель ошибается на то, что мануфактуры болѣе, нежели земледѣліе, способствуютъ увеличенію народонаселенія, а между тѣмъ допускаетъ мнѣніе Мальтуса, что при одинаковомъ сбытѣ произведеній, получаемыхъ отъ торговли (разумѣется, и мануфактуръ, всегда съ нею соединенныхъ) и земледѣлія, народонаселеніе должно возрастать преимущественнѣе въ земледѣльческомъ государствѣ, нежели торговомъ (мануфактурномъ). Какъ это? Не показываетъ ли дѣйствительно самый опытъ, что государства, наиболѣе занимающіяся мануфактурными, сравнительно имѣютъ и болѣе народонаселенія? Мальтусъ дѣлаетъ условіе относительно только того, что фондъ, назначенный для приведенія труда въ дѣйствіе, возрасталъ бы различно въ государствахъ земледѣльческомъ и мануфактурно-торговомъ, и именно выгоднѣе возрасталъ бы въ первомъ. Отъ чего же? По моему мнѣнію это зависѣло бы собственно отъ выгодъ, получаемыхъ отъ земледѣлія и мануфактуръ. Но ясно, что такъ какъ издѣлія сравнительно имѣютъ большую цѣнность, нежели произведенія земли, то и государство мануфактурно-торговое обогатилось бы гораздо скорѣе въ

сравненіи съ государствомъ земледѣльческимъ. Впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, для одного государства выгоднѣе заниматься преимущественно мануфактурами и торговлею, а для другаго земледѣліемъ. Равно увидимъ ниже, что мануфактуры и торговля подлежатъ гораздо большимъ улучшеніямъ и непостоянству нежели земледѣліе: отъ того и выгоды, получаемыя отъ первыхъ, часто бываютъ болѣе шаткими, измѣнчивыми, нежели выгоды, получаемыя отъ послѣдняго. Замѣчу, однако, что если бы, по предположенію Мальтуса, государства обратили весь свой трудъ и капиталы на земледѣліе, то произведеній, добываемыхъ отъ него, было бы такое изобиліе, что они совсѣмъ не имѣли бы никакой цѣнности; слѣдственно они и не могли бы пользоваться одинакимъ сбытомъ съ издѣліями мануфактуръ. Наконецъ, кто не видитъ, что собственно земледѣльческимъ государствомъ можетъ быть всякое, разумѣется не съ равными выгодами, а мануфактурно-торговымъ, едвали.

Гаскиль. — Théorie d'Econ. pol. tom 1. pag. 181.

По мнѣнію Гаскиля, рѣшительно несогласнаго съ мнѣніемъ Смита, великое число работниковъ, получающихъ меньшую плату, не приводитъ въ дѣйствіе болѣе производительнаго труда, въ сравненіи съ меньшимъ числомъ работниковъ, но получающихъ большую плату. — Вотъ сравнительная таблица Англіи и Франціи, сдѣланная Гаскилемъ по числу капиталовъ и выгодъ, полученныхъ производителями. Во Франціи сдѣлано было исчисленіе въ 1789 году, а въ Англіи въ 1798 году. Различіе во времени весьма малое.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ДОХОДА ВО ФРАНЦІИ ВЪ 1789 Г. И ВЪ АНГЛІИ ВЪ 1798 ГОДУ.

	Капиталъ		*Народонаселеніе, живущее платою.*		*Валовой доходъ.*	
	во Франціи.	въ Англіи.	во Франціи.	въ Англіи.	во Франціи.	въ Англіи.
Земледѣліе	42.202.023.333.	24.480.000.000	18.000.000	4.367.208.	3.849.859.354	2.500.000.000.
Мануфактур. и художест.	2.614.319.220.	4.800.000.000	3.692.090	5.645.240.	1.494.230.610	2.176.000.000.
Торговля.	752.100.072.		2.964.930		1.421.810.890	1.900.000.000.
	46.568.442.625.	29.280.000.000.	24.657.020.	10.012.648.	6.765.900.854.	6.576.000.000.

	Издержки производства.		*Плата.*		*Чистый доходъ.*		Народонаселеніе, живущее чистымъ доходомъ: во Франц. въ Анг.
	во Франціи.	въ Англіи.	во Франц.	въ Анг.	во Франц.	въ Англіи.	2.000.000—2.000.000
Земледѣліе.	2.623.108.333	1.666.666.666	132	381.	1.226.571.021	—833.333.333	
Мануфактур. и художест.	1.240.837.600	1.086.000.000	167	664.	288.032.084	—1.088.000.000	
Торговля.	846.064.115	1.000.000.000	376		517.154.135	—900.000.000	
	4.710.010.048	3.752.666.666			2.031.757.240	—2.821.333.333	

Изъ означенной таблицы выходитъ, во Франціи: въ земледѣльческой промышленности народонаселенія въ два съ половиною раза менѣе въ сравненіи съ капиталомъ, принявъ милліоны сего послѣдняго за тысячи. Въ мануфактурной и торговой промышленности напротивъ народонаселеніе болѣе капитала. Плата же за трудъ на каждаго производителя приходится: въ земледѣльческой промышленности по 132 *), въ мануфактурной по 167, въ торговой по 376. Очень ясно, что мануфактурная и торговая промышленность болѣе выгодны,—хотя, вообще говоря, болѣе какъ капитала, такъ и производителей, находилось въ земледѣльческой промышленности. Въ Англіи, въ земледѣльческой промышленности народонаселенія менѣе, въ сравненіи съ капиталомъ, почти въ 6 разъ; въ мануфактурной и торговой народонаселенія болѣе капитала. Въ первой промышленности на каждаго производителя приходится по 381, а во второй и третей по 664. Замѣчательно, что въ мануфактурной и торговой промышленности Англіи вообще болѣе производителей, нежели въ земледѣльческой. Также видно, что производители земледѣльческой промышленности получаютъ болѣе доходовъ въ Англіи, нежели во Франціи.

Къ этому еще присоединяю, что, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, издержки произведенія были въ земледѣльческой промышленности почти одни и тѣ же; въ торговой же промышленности въ Англіи было менѣе издержекъ, а въ мануфактурной про-

*) Гаскль, въ числѣ получающихъ плату за трудъ въ земледѣльческой промышленности, помѣстилъ и владѣльцевъ, почитая труднымъ отдѣлить ихъ отъ первыхъ; въ мануфактурной и торговой промышленности, получившіе плату, отдѣлены отъ получившихъ прибыль отъ капитала.

мышленности различіе въ этомъ отношеніи чрезвычайное, едва вѣроятное. Такъ валовой доходъ во Франціи былъ 1,494,230,610, а издержекъ было 1,240,837,600, такъ что чистый доходъ простирался только на 288,032,084; — въ Англіи же валовой доходъ былъ 2,176,000,000, издержекъ же было только 1,086,000, отъ чего чистый доходъ простирался на 1,088,000,000. Слѣдственно во Франціи чистый доходъ былъ противу валоваго дохода въ 5 разъ менѣе, а въ Англіи только въ два раза менѣе. Здѣсь мы сравниваемъ промышленности одного и того же государства.

Что же касается до сравненія капиталовъ различныхъ государствъ по оцѣнкѣ ихъ въ дорогихъ металлахъ или деньгахъ,—это дѣло весьма трудное. Такъ напр. Гаскиль показываетъ, что въ Англіи употреблено было капитала въ земледѣльческой промышленности 24,480,000,000, а во Франціи 43,202,023,333. Слѣдуетъ ли изъ этого, что во Франціи почти вдвое болѣе положено было капитала? Я не говорю о томъ, что это исчисленіе могло быть не вѣрно по разнымъ отношеніямъ; во Франціи оно могло быть увеличено, въ Англіи напротивъ оно могло быть уменьшено. Кто поручится за вѣрность? Но можно ли знать, что при оцѣнкѣ дѣйствительно взята была въ соображеніе вся масса издержекъ, употребленныхъ на земледѣліе? Что прежде стоило большей цѣны, то въ настоящее время можетъ стоить меньшей. Я могъ употребить для обработыванія и улучшенія какой либо земли положимъ 100,000 р., а могутъ оцѣнить ее въ настоящее время въ 50,000. Сами владѣльцы едва ли въ состояніи дать себѣ полный отчетъ въ массѣ издержекъ, особенно тѣхъ, которыя были употреблены

назадъ тому 100, 200 и болѣе лѣтъ. Такимъ образомъ, въ одномъ и томъ же государствѣ, земли, стоившія различныхъ издержекъ въ различное время, могутъ быть поставлены въ одинаковой оцѣнкѣ. По этому, изъ такихъ сравненій, какія сдѣланы Гаскилемъ, мы можемъ составлять выводы только приблизительные и почти гадательные, и можемъ имѣть къ нимъ довѣріе по общему, настоящему нашему соображенію. Въ равной степени эти замѣчанія относятся къ промышленостямъ мануфактурной и торговой, хотя сравненіе капиталовъ этихъ двухъ родовъ промышлености удобнѣе къ исполненію. Почти также мы ничего не можемъ сказать рѣшительнаго относительно платы за трудъ и прибыли отъ капитала, — напр. если въ земледѣльческой промышленности Франціи эта плата была, какъ полагаетъ Гаскиль, 132, а въ Англіи 381, можно ли изъ этого сдѣлать выводъ, что плата въ Англіи была выгоднѣе почти въ 3 раза въ сравненіи съ платою во Франціи? Едва ли; потому что никакъ нельзя полагать, чтобы въ Англіи работники пользовались удобностями жизни почти въ 3 раза болѣе, — и это отъ того, что цѣна произведеній, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ государствѣ не одинакова. Одно и то же количество съѣстныхъ припасовъ, самыхъ необходимыхъ для жизни работниковъ, въ Англіи могло стоить въ 3 раза бо́льшей цѣны, нежели во Франціи, хотя другія произведенія могли стоить дешевле въ послѣднемъ государствѣ, нежели въ первомъ. Не странно ли было бы наше заключеніе, еслибы мы сказали, что съ такимъ-то капиталомъ мы можемъ одинаково жить, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ государствѣ? Капиталисту, особенно богатому, еще удобнѣе можно со-

гласиться на это предположеніе, но работникъ никакъ не можетъ расчитывать по суммѣ дорогихъ металловъ выгоды свои въ разныхъ государствахъ. Въ этомъ случаѣ надо брать въ сравненіе не деньги, а самое количество произведеній, за нихъ получаемое.

Дюпень.

О производительныхъ и торговыхъ силахъ Франціи.

Дюпень, дѣлая различіе между людьми различнаго возраста, какъ то, собственно возрастными, дѣтьми, стариками, изъ того составляетъ среднее число работниковъ или полныхъ силъ человѣческихъ. Сила лошади имѣетъ, по его расчету, 7 силъ человѣческихъ, волъ 4 силы, корова менѣе, оселъ 1 силу!

Такъ въ 1826 году во Франціи въ земледѣльческой промышленности жителей было:

Народа.	21.056.677	— —	8.406.037 работ.
Лошадей.	1.600.000	— —	11.200 000.
Вол. и кор.	6.973.000	— —	17.432.500.
Ословъ.	240.000	— —	240.000.
			37.278.537 жив. силъ.

Въ мануфактурной и торговой промышленности.

Народа.	10.533.333	— —	4.203.019 работ.
Лошадей.	300.000	— —	2.100.000
			6.303.019 жив. силъ.

Въ Великобританіи въ земледѣльческой промышленности.

Народа.	5.000.000	— —	2,132.446 работ.
Лошадей.	1.250,000	— —	8.750.000
Вол. и кор.	5.500.000	— —	13.750,000
			24.632.446

Въ Ирландіи. . . . 7.455.701

32.088.147 жив. силъ.

Въ мануфактурной и торговой промышленности.

Народа. . . . . 10.000.000—4.264.893 работ.
Лошадей. . . . . 250.000—1.750.000

6.014.893

Въ Ирландіи. 1.260.604

7.275.497 жив. силъ.

Всѣхъ живыхъ силъ.

	во Франціи.	въ трехъ королевствахъ.
Въ земледѣліи. .	37.278.537—	32.088.147
Въ промыш. . .	6.303.019—	7.275.497
итого	43.581.556	39.363.644

За симъ слѣдуютъ не живыя силы.

	Во Франціи	Въ Великобрит.
Мукомолень и гидравлическихъ машинъ .	1.500.000—	1.200.000
Вѣтряныхъ мельницъ .	253.333—	240.000
Вѣтра и судоходства. .	3.000.000—	12 000.000
Паровыхъ машинъ. . .	480.000—	6.400.000
	5.233.333	19.840.000

И такъ силъ живыхъ и не живыхъ въ мануфактурной и торговой промышленности.

	Во Франціи.	Въ Великобрит.
Живыхъ.	6.303.019—	7.275.497
Не живыхъ.	5.233.333—	19.840.000
	11.536.352	27.115.497
Въ Ирландіи. . .		1.002.667
		28.118.164

Вообще во Франціи.		Въ Великобританіи.
Силъ земледѣлія. .	37.278.537—	32.088.147
Силъ мануф. и торг.	11.536.352—	28.118.164
	48.814.889	60.206.311

Въ 1780 году.

Во Франціи было:		Въ Великобританіи.
Живыхъ силъ. . . .	34.583.016—	27.126.572
Гидравлическихъ машинъ и вѣтряныхъ мельницъ.	1.209.560—	1.054.460
Вѣтра для судоходст.	3.000.000—	3.000.000
	38.792.666	31.281.032

Замѣчанія: 1) Если паровыя машины въ Англіи составляютъ 6,400,000 силъ человѣческихъ, — то я не понимаю, какъ это согласить съ мнѣніемъ Пеббера, англійскаго статистика, что могущество паровыхъ машинъ на однихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ равняется силѣ 84,000,000 людей; онъ вывелъ, безъ сомнѣнія, это для сравненія того, что производится работникомъ и паровою машиною. Вообще я сомнѣваюсь, чтобы силами человѣческими могли быть замѣнены силы паровыхъ машинъ въ одинакой пропорціи. 2) Можно ли сравнивать силы жителей разныхъ государствъ одинакимъ образомъ? Равны ли между собою силы земледѣльцевъ, французскаго, Англійскаго или другихъ государствъ? Равно, ужели фабрикантъ англійскій одинаково дѣятеленъ, какъ фабрикантъ датскій или испанскій? Хотя въ меньшей степени, можно отнести то же къ силамъ животныхъ; даже устройство мельницъ, паровыхъ машинъ не равно. По этой причинѣ по однимъ силамъ сравненіе государствъ было-бы слишкомъ слабо.

Сравнивая таблицы Гаскиля, мы находимъ:

	въ 1789.	въ 1826.
Что во Франціи земледѣльцевъ было.	18.000.000	—21.056.677
Фабрикант. и купцовъ. . .	6.757.020	—10.533.333
	въ Англіи въ 1798-мъ	въ 1826-мъ.
Земледѣльцевъ было. . . .	4.367.208	— 5.000.000
Фабрикант. и купцевъ. . .	5.645.240	—10.000.000

Слѣдственно во Франціи въ 1789 году число фабрикантовъ и купцовъ къ числу земледѣльцевъ было почти какъ. . . . . 1: 3.

а въ 1826-мъ. . . . . 1: 2.

Въ Англіи же 1798 года число первыхъ превышало число вторыхъ почти пятою частію, а въ 1826-мъ году—почти половиною.

Изъ этого видно, что а) какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, классъ фабрикантовъ и купцевъ возрастаетъ болѣе, нежели классъ земледѣльцевъ, что б) въ Англіи преимущественно возрастаетъ болѣе въ сравненіи съ Франціею.

Сравнивая таблицы Дюпена 1780 и 1826 годовъ, мы находимъ:

Что во Франціи было въ 1780 живыхъ силъ.		34.583.016.
	въ 1826. . . .	43.581.556.

Слѣдственно прибавилось 9 милліонами силъ.

А такъ какъ всѣхъ силъ живыхъ и не живыхъ было въ 1780.	38.792 666.
1826.	48.814.889.
То значитъ, что не живыхъ силъ было въ 1780. . . . . болѣе	4.000.000.
1826. . . . . болѣе	5.000.000.

Слѣдственно не живыхъ силъ прибавилось на 1 милліонъ.

Напротивъ въ Англіи въ 1780 живыхъ силъ было. . . . . 27.126.572.

въ 1826. . . . . 39.363.644.

Слѣдственно прибавилось ихъ на 12 мил.; а такъ какъ всѣхъ силъ живыхъ и не живыхъ было — — въ 1780. . . . . 31.281.032.

1826. . . . . 60.206.311.

то значитъ, что не живыхъ силъ было

въ 1780 – почти 4.000.000.

1826. болѣе 20.800.000.

Слѣдственно прибавилось ихъ слишкомъ на 16 мил.

Какое обширное поле для соображеній! Вообще нельзя не удивляться, до какой степени въ Англіи распространены машины и судоходство отъ 1780 до 1826 года. Это-то изумительное распространеніе поставило ее на настоящую блистательную степень обогащенія, превосходящую богатства прочихъ государствъ Европы. Невольно благоговѣешь предъ необыкновенною дѣятельностію ея жителей, невольно удивляешься мудрымъ распоряженіямъ, глубокой, внутренней и вѣшней, политикѣ ея правительства.

Не могу, однако, не обратить вниманія на нѣкоторую несообразность статистическихъ выводовъ, дѣлаемыхъ писателями. Выше мы замѣтили, что, по исчисленію Гаскиля, чистый доходъ въ мануфактурной промышлености Англіи, въ 1798-мъ, былъ только въ два раза менѣе въ отношеніи къ валовому доходу, а во Франціи, въ 1789, первый доходъ былъ въ 5 разъ менѣе послѣдняго. Изъ этого сравненія слѣдовало бы сдѣлать выводъ такой, что различіе

было слѣдствіемъ особенныхъ успѣховъ изобрѣтательности въ мануфактурной промышленности, успѣховъ, уменьшавшихъ издержки произведенія. Но Дюпень совсѣмъ не показываетъ этого различія, потому что, по его вычисленію, неодушевленныхъ или не живыхъ силъ въ 1780 году, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, было одинаковое количество, именно, съ небольшимъ 4.000.000. Откуда же, спрашиваю, происходило въ Англіи такое уменьшеніе издержекъ произведенія въ мануфактурной промышленности? Сомнительно, чтобы въ теченіе 19 лѣтъ отъ 1780 до 1798 года, т. е. до времени исчисленія, взятаго Гаскилемъ, изобрѣтательность сдѣлала такіе необыкновенные успѣхи? Если же это справедливо, то имена Ватта и другихъ изобрѣтателей машинъ должны навсегда остаться въ благодарной памяти. Осмѣливаюсь думать, что исчисленія Гаскиля не совсѣмъ вѣрны: или показано менѣе валоваго дохода, или издержки произведенія были большія, — или же наконецъ Дюпень сдѣлалъ невѣрные статистическіе выводы.

Приблизительная оцѣнка произведеній.

Всѣхъ земледѣльческихъ произведеній, по показанію Дюпена, во Франціи простиралось въ 1826 году на 5.343.163.735 фр.; годовая выработка одного человѣка была 358 фр., въ мануфактурной и торговой промышленности произведеній было 3.325.035.303 фр., годовая выработка одного человѣка 540⅓ фр. Этимъ очевидно доказывается большая выгодность мануфактурной промышленности.

Нѣтъ ничего занимательнѣе, какъ читать сравненія, сдѣланныя Дюпенемъ относительно производимости Сѣверныхъ и Южныхъ департаментовъ Франціи. Показавъ, что послѣдніе наиболѣе облагодѣ-

тельствованы природою, между онъ тѣмъ вывелъ заключеніе, что они уступаютъ въ богатствѣ первымъ.

Сѣверные департаменты, при бо́льшемъ образованіи, дѣятельности и промышленности, извлекаютъ изъ земли почти двойное количество чистаго произведенія противъ южнаго народонаселенія. Промышленость мануфактурная и торговая также раскрылась гораздо блистательнѣе въ Сѣверныхъ, нежели Южныхъ. Вообще средній доходъ жителей.

	Въ Сѣверной		Южной		всей Фран.	
Земледѣльцевъ,	257 ф.	69 с.	200 ф.	93 с.	222 ф.	83 с.
Мастеровыхъ .	260	23	218	79	239	54
Жителей (тутъ же и капиталисты). . .	314	47	228	24	265	93

По мнѣнію Дюпеня, эта разность между департаментами происходитъ отъ преимущества искусствъ и наукъ на сѣверѣ, — и это доказывается опытами. Впрочемъ, одна ли Франція въ Европѣ представляетъ это удивительное противорѣчіе богатства искуства съ богатствомъ природы? Испанія, Германія, даже Россія равно служатъ примѣромъ этому. Во всѣхъ этихъ земляхъ южныя страны пользуются бо́льшею щедротою, благодѣяніями природы, нежели страны сѣверныя, и между тѣмъ послѣднія населеннѣе, промышленнѣе, богаче, образованнѣе первыхъ. Это значитъ, что если люди сколько нибудь обезпечены безъ особенныхъ трудовъ въ удовлетвореніи своихъ нуждъ, то уже безразсудно предаются лѣности, праздности, пьетъ, и никакъ не предполагаютъ того, что люди, гнетомые чрезмѣрными трудами въ пріобрѣтеніи способовъ удовлетворенія своихъ нуждъ, и въ этомъ отношеніи представляющіеся людьми жалкими, бѣдными, мало по малу успѣютъ опере-

дить ихъ богатствомъ, и содѣлаются распорядителями, владѣльцами ихъ естественныхъ произведеній. — Примѣните эту важную истину къ самымъ обществамъ, — не то же ли вы увидите и внутри ихъ? Дѣти, наслѣдовавшіе богатыя имущества своихъ отцевъ, стараются ли поддержать, увеличить эти имущества своимъ трудомъ? Не бо́льшею ли частію они, чуждые понятія цѣны собственности, нажитой трудомъ, предаются лѣности, расточительности? Даже не умѣютъ и проживать нажитаго другими. — Странень этотъ міръ! Люди гордятся достоинствами, заслугами, богатствомъ своихъ предковъ, и никакъ не хотятъ цѣнить достоинства, заслуги, богатства тѣхъ, которые равняются ихъ предкамъ!

«Всеобщая финансовая и статистическая исторія Британской Монархіи.—Пабло Пебрера.—1834 года, tom. II.»

Народонаселеніе Великобританіи и Ирландіи.

1831.

Англія.	13.089.333.
Валлійская земля.	805.236.
Шотландія.	2.365.807.
Армія. . . .	271.017.
	16.537.393
Ирландія.	7.734.365
	24.271.758

Великобританія.

	1821.	1831.	
	семействъ		всѣхъ лицъ
Откупщиковъ (fermiérs).	250.000—	250.000—	1.500.000
Земледѣльцевъ.	738.956—	800.000—	4.800.000
Рудокоповъ.	110.000—	120.000—	600.000
Булочниковъ, хлѣбниковъ	160.000—	180.000—	900.000

Художниковъ, архитекторовъ и предпринимателей построекъ. .	200.000	—230.000	— 650.000
Фабрикантовъ.	340.000	—400.000	—2.400.000
Портныхъ, сапожниковъ, шляпниковъ. . .	151.000	—180.000	—1.080.000
Купцевъ.	310.000	—350.000	—2.100.000
Матросовъ и солдатъ. .	319.300	—277.017	— 830.000
Духовенства, чиновниковъ, медиковъ. . . .	80.000	— 90.000	— 450.000
Бѣдныхъ неимущихъ. .	100.000	—100.000	— 110.000
Живущихъ процентами (rentiérs).	190.000	—316.000	—1.116.398
	2.911.383	—3.303.501	—16.537.393

Достойно примѣчанія, что 1-е, откупщиковъ (fermiérs) число было одно и то же въ 1821 и 1831 годахъ, а земледѣльцевъ число умножилось,—2-е, число мануфактуристовъ сравнительно малое.

Я почитаю не безполезнымъ присоединить свои замѣчанія: 1-е, фабрикантовъ увеличилось очень довольно въ теченіи 10 лѣтъ, именно — 60.000; 2-е, купцевъ сравнительно менѣе, именно — 40.000; 3-е, нравственныхъ дѣйствователей еще гораздо менѣе, именно — 10.000.

Но нѣтъ сомнѣнія, что съ увеличеніемъ богатства, этотъ послѣдній классъ будетъ болѣе возрастать. Народы очень скудно еще пользуются плодами нравственной дѣятельности.

4-е. Классъ бѣдныхъ увеличился наравнѣ съ увеличеніемъ нравственныхъ дѣйствователей, а именно —10.000.

Это ясно показываетъ погрѣшность раздѣленія

богатства въ Англіи. Кромѣ оказываемаго бѣднымъ вспомоществованія *), правительство непремѣнно должно позаботиться объ устройствѣ ихъ жребія посредствомъ колонизаціи, или занятія ихъ обработываніемъ земель, еще праздныхъ.—5-е. Въ особенности нельзя не удивляться возрастающему классу живущихъ доходомъ съ капитала: въ 10 лѣтъ увеличилось ихъ — 126.000.

Конечно это чрезвычайно радуетъ безпрерывнымъ увеличеніемъ класса богатыхъ. Но а) если этотъ классъ займствуетъ свои капиталы правительству, то оно, умножая свой долгъ, ставитъ чрезъ то государство въ положеніе весьма опасное для будущаго времени. Въ случаѣ какихъ либо важныхъ переворотовъ, объднѣнія класса податнаго, слѣдственно въ случаѣ невозможности правительства уплачивать, не говорю, капиталы, но самые проценты, — жребій занимодавцевъ будетъ ужасенъ. Не смотря на это, правительство Англіи поступило бы весьма неосторожно, уплачивая капиталы большими массами, потому что это равно могло бы причинить имъ величайшій вредъ. Не имѣя сами возможности употребить свои капиталы въ промышленостяхъ, они принуждены были бы отдавать ихъ частнымъ предпринимателямъ за малый процентъ, и не рѣдко под-

*) По исчисленію Вильяева, это вспомоществованіе было въ 1811 году, на 5.669.856 ф. стер., а въ 1821, на 6.358.703 ф. стер.: сумма ужасная! Только онъ полагаетъ всѣхъ пользующихся вспомоществованіемъ 3.900.000. Это значитъ, что Пебрерь считалъ 110.000 самыхъ бѣдныхъ, неспособныхъ пріобрѣтать ничего своимъ трудомъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы число пользующихся вспомоществованіемъ не было преувеличено.

вергались бы опасности раскаяваться въ этомъ займѣ. Такимъ образомъ благоразумная политика требуетъ уплачивать долгъ только по малымъ частямъ, какъ это дѣлается посредствомъ выкуповъ долговыхъ обязательствъ. Въ настоящее время такая тѣсная находится связь между правительствомъ Англіи и заимодавцами, что они имѣютъ во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ сильнѣйшую поднору противу важнѣйшихъ политическихъ перемѣнъ.

2) Если же капиталы ввѣряются частнымъ лицамъ, то равно, при неблагопріятномъ оборотѣ промышленостей, можетъ произойти чрезвычайная запутанность въ уплатѣ процентовъ и капиталовъ,— смятенія въ этомъ случаѣ неизбѣжны. — Впрочемъ, разсматривая постепенное, постоянное стремленіе государства къ разширенію всѣхъ отраслей промышленности, соображая благоразуміе правительства, неутомимо наблюдающаго за ходомъ народнаго обогащенія, и думать не можемъ, чтобы Англія подвергнулась въ послѣдствіи какимъ либо ужаснымъ переломамъ,—покрайней мѣрѣ они отдалены столѣтіями, и совсѣмъ выходятъ изъ круга гаданій. Притомъ, я полагаю, что капиталисты, не имѣя уже ни какихъ выгодъ заимствовать свои капиталы разнымъ промышленникамъ, наконецъ будутъ вынуждены, или переселяться въ чужія земли, или заимствовать ихъ въ большомъ количествѣ иностраннымъ производителямъ.

Что же касается до замѣчанія Небрера, что классъ откупщиковъ въ теченіи 10 лѣтъ ни мало не увеличился, — это, вѣроятно, произошло отъ закона наслѣдства, о которомъ мы говорили уже выше.

Земли въ Великобритании и Ирландии.

	Обработанныя.	Способныя къ обработыванію. Акры.	Не способныя къ обработыванію къ уплатѣ издержекъ произведенія.	всѣ или
Англія	25.632.000—	3.454.000—	3.456.400—	32.342.400
Валлійскія земли. . .	3.117.000—	530.000—	1,105.000—	4.752.000
Шотландія. . .	5.265.000—	5.950.000—	8.523.930—	19.738.930
Ирландія. . .	12.125.280—	4.900.000—	2.416.664—	19.441.944
Острова.	383.690—	166.000—	569.469—	1.119.159
	46.522.970—	15.000.000—	15.871.463—	77.394.433

Обработанныя.

Для пшеницы.	3.250.000	акровъ.
Ячмена и ржи.	1.250.000	
Овса, бобовъ и гороху.	3.200.000	
Травы.	1.200.000	
Корней и капусты. . .	1.200.000	
Пашенной земли. . . .	2.100.000	
Земляного угля.	47.000	
Луговъ и цвѣтниковъ. .	18.000	
Пастбищъ.	17.300.000	
Заборовъ, холмовъ и лѣса.	1.200.000	
Дорогъ и воды.	1.300.000	
Общества и праздной. .	5.029.000	

Изъ этихъ показаній видно, какъ еще много находится земель необработанныхъ и способныхъ къ обработанію, какъ въ Англіи, такъ въ Ирландіи и Шотландіи. Это означаетъ, что капиталистамъ выгоднѣе употреблять свои капиталы въ другихъ от-

расляхъ промышленности, нежели въ земледѣліи. Конечно, бѣдный классъ народа могъ бы употребленъ быть съ пользою для обработыванія земли; но для этого нужны капиталы, — а капиталисты лучше соглашаются получать малые проценты отъ займа своихъ капиталовъ, нежели ничтожныя выгоды отъ земледѣлія. Быть можетъ, что эти необработанныя земли въ послѣдствіи будутъ обработываемы, или, можетъ быть, совсѣмъ останутся безъ обработыванія, особенно, если распространится свобода торговли хлѣбомъ изъ заграницы, потому что тогда цѣны на произведенія земли неизбѣжно подвергнутся упадку, и слѣдственно еще менѣе будетъ выгодъ обработывать земли, мало плодородныя. Правительство Англіи находится въ настоящее время въ борьбѣ между двумя общественными требованіями. Съ одной стороны, посредствомъ свободы торговли хлѣбомъ оно надѣется поддержать выгоды низшаго класса народа работниковъ, съ другой опасается подорвать выгоды владѣльцевъ, поддерживающихъ свое богатство ограниченіемъ ввоза иностранныхъ произведеній. Первое условіе можетъ произвесть, кромѣ улучшенія участи работниковъ, благодѣтельное вліяніе на раскрытіе промышленности мануфактурной и торговой уменьшеніемъ издержекъ произведенія; а второе условіе, поколебавъ богатство класса владѣльцевъ аристократовъ, можетъ потрясти въ самомъ основаніи политическій бытъ Англіи. Нельзя выразить въ какой степени необходимы правительству Англійскому благоразуміе и осторожность въ преобразованіи многочисленныхъ постановленій, созданныхъ и утвержденныхъ вѣками.

Разсматривая количество обработанныхъ земель, употребляемыхъ по разнымъ родамъ произведеній,

невольно изумляешься необыкновенному распространенію пастбищъ. Безъ сомнѣнія, этому причиною не одно чрезвычайное потребленіе скота въ пищѣ, — но болѣе многочисленность шерстяныхъ фабрикъ, доставляющихъ огромный доходъ государству.

Оцѣнка частной и публичной собственности Великобританіи и Ирландіи.

Частная собственность производительная.

Земли, обработанныя для хлѣба, травъ, сады и пр.	въ Англіи.	въ Шотланд.	въ Ирланд
	фун. стер.		
	1.000.000.000—	200.000.000—	400.000.000
			всего 1.600.000.000.
Десятины, принадлежащія свѣтскимъ владѣльцамъ, не включая духовныхъ		106.000.000—	106.000.000
Рудокопни и минералы. .	90.600.000—	6.600.000—	2.600.000
			всего. 109.800.000
Каналы, чугунныя дороги, строевой лѣсъ и проч.	60.000.000—	2.600.000—	2.600.000
			всего. 66.200.000
Домы жилыя, невошедшія въ оцѣнку земли и служащія для магазиновъ и мануфактуръ. . .	400.000.000—	40.000.000—	93.000.000
			всего. 533.000.000

Товары мануфактурные и разные продукты въ лавкахъ и магазинахъ для продажи.	133.000.000—	21.300.000—	32.000.000
		всего.	186.300.000
Товары иностранные въ лавкахъ.	44.000.000—	5.300.000—	4.000.000
		всего.	53.300.000
Купеческіе корабли и проч.	26.000.000—	5.300.000—	4.000.000
		всего.	35.300.000
Земледѣльческая собственность, состоящая въ зернахъ, сѣнѣ, сырѣ, маслѣ и проч. и въ земледѣльческихъ орудіяхъ.	40.000.000—	6.600.000—	13.300.000
		всего.	59.900.000
Животныя, т. е. лошади, рогатый скотъ, овцы, дикія животныя, птицы и проч. . . .	150.000.000.—	26.000.000—	66.000.000
		всего.	242.000.000
Рыбная ловля внутри Государства и по берегамъ моря, равно все, относящееся къ ней.	4.000.000—	4.600.000—	4.600.000
		всего.	13.200.000
и того.	2.054.600.000—	318.300.000—	622.100.000
		всего.	2.995.000.000
Ошибка у Пебрера въ суммѣ; выходитъ всего.			3.005.000.000

Собственность частная непроизводительная.

	въ Англіи	—Шотландіи	—Ирландіи.	
Земли, необработанныя въ настоящее время, выключая однако неспособныя къ обработыванію, равно дороги и воды. . . .	110.001.000—	22.000.000—	44.000.000	
			всего.	176.000.000
Мебель въ жилыхъ домахъ. . . .	173.000.000—	20.000.000—	53.000.000	
			всего.	246.000.000
Одежды. . . .	21.000.000—	2.000.000—	4.000.000	
			всего.	27.000.000
Серебряныя вазы и другія украшенія въ домахъ.	45.000.000—	4.500.000—	9.000.000	
			всего.	58.500.000
Деньги въ обращеніи, золото, сереб. и мѣдь.	12.000.000—	2.600.000—	5.300.000	
			всего.	19.900.000
Суммы, находящіяся въ кассахъ сбереженія.	13.300.000—	— — —	1.100.000	
			всего.	14.400.000
Серебро, принадлежащее тяжущимся.			всего.	38.900.000
итого	2.428.900.000—	369.400.000—	738.500.000	
			всего.	3.575.700.000
			по ошибкѣ всего.	3.585.700.000

Собственность публичная.

Публичныя строенія, палаты, церкви, темницы, мосты и проч.	26.000.000—	2.600.000—	6.600.000	
			всего.	35.200.000

Арсеналы, крѣпости съ артилеріею.	10.000.000	1.300.000	5.300,000
		всего	22.600.000
Разные матеріалы для строенія и починки кораблей. . . .	—	—	— — —
		всего.	13.000.000
Военные корабли.	—	—	— — —
		всего.	20.000.000
Магазины военные.	—	—	— — —
		всего.	13.000.000
		итого.	103.800.000
			3.585.700.000
			3.689.500.000

Изъ означенныхъ показаній видно: что 1-е рудокопни и минералы составляютъ весьма значительную часть богатства 109.800.000

2-е, Особено скотоводство, которое одно равняется богатству произведеній мануфактурной и торговой промышлености 242.000.000 186.300.000 53.300.000

3-е. Нельзя не удивляться чрезвычайному богатству, только что нами означенному. Какая роскошь! 4-е, Какой небольшой капиталъ заключается въ деньгахъ, находящихся въ обращеніи, — вотъ загадка для меркантилистовъ! 246 300.000 19.900.000

5-е. Какъ ни велика собственность публичная, — но все таки она мало значитъ въ сравненіи съ массою капиталовъ богатства. 6-е, весь капиталъ военный простирается почти на 70.000.000, и онъ то служитъ оградою, защитою собственности, исчисляемой въ тысячахъ милліоновъ. Онъ составляетъ 94 часть бо-

гатства всей собственности, между тѣмъ какъ число матросовъ и солдатъ составляетъ 20 часть всего народонаселенія. Послѣдняя пропорція велика.

Оцѣнка продуктовъ и собственности, ежегодно добываемой въ Великобританіи и Ирландіи, по средствомъ капитала и силъ живыхъ и не живыхъ.

	фун. ст.	
Хлѣба разнаго.	86.700.000	
Сѣна, травы и проч. .	113.000.000	Земледѣліе:
Картофелю.	19.000.000	
Садоводства, овощей и проч.	3.800.000	246.600.000
Разнаго лѣса, хмеля, сѣмянъ.	2.600.000	
Сыра, масла, яицъ. .	6.000.000	
Корма для скота и проч.	3.500.000	
Льну, пеньки.	12.000.000	
Аспидныхъ камней, другихъ камней, мѣлу и проч.	1.900.000	Рудники и
Соли, квасцовъ и проч.	600.000	минералы:
Свинца, олова и мѣди. .	3.800.000	
Желѣза.	4.100.000	21.400.000
Угля.	11.000.000	
Прибыли купцовъ, негоціантовъ, коммиссіонеровъ и проч.	23.625.000	Внутренняя
Прибыли мельниковъ, булочниковъ. . - - -	16.200.000	торговля:
Прибыли имѣющихъ повозки, барки, и всѣхъ лицъ, употребляемыхъ при перевозкѣ товаровъ.	8.600.000	48.425.000

Прибыли на каботажной торговли.	3.550.000	Каботажная торговля: 3.550.000	
Рыбной ловли по берегамъ	1.900.000		
по рѣкамъ. . .	900.000	Рыбная ловля 3.400.000	
внѣ. . .	600.000		
Прибыли и коммиссіи купцовъ.	10.177.704		
Прибыли страховщиковъ	2.120.355	Морская внѣшняя торговля:	
Прибыли маклеровъ и агентовъ морской торговли	1.600.000		
Прибыли отъ найма строеній.	3.800.000		
Закладовъ, поручителей, платы работниковъ. .	7.200.000		
Платы матросамъ. . . .	6.300.000	34.398.059	
Прибыли дѣлающихъ паруса, канаты, компасы и проч.	2.200.000		
Прибыли владѣющихъ прудами, пристанщиковъ и проч. . . .	1.000.000		
Прибыли банкировъ. .	4.500.000	Выгоды банкировъ:	
Прибыли отъ капиталовъ, находящихся подъ иностраннымъ застрахованіемъ.	4.500.000	4.500.000	
Издѣлій хлопчато-бумажныхъ	31.000.000		
Шелковыхъ	8.000.000	Фабрики:	
Шерстяныхъ.	16.000.000		
Полотняныхъ.	11.000.000		
Кожевенныхъ.	15.000.000	148.050.000	
Стальныхъ и желѣзныхъ работъ.	17.300.000		

Фарфоровыхъ и стеклян.	5.900.000	
Серебряныхъ и другихъ	3.400.000	
Бумажныхъ и другихъ.	9.000.000	
Разныхъ издѣлій. . . .	31.200.000	

Изъ означенныхъ показаній видно, что торговля доставляетъ всѣхъ произведеній или богатства. . . . . на 100.000.000.
Фабрики. . . . . на 148.000.000.
а земледѣліе. . . . . на 246.000.000.

Какъ ничтожна каботажная торговля въ сравненіи съ внутреннею и внѣшнею! Не много однако внутренняя торговля превышаетъ внѣшнюю. Это показываетъ блистательное состояніе послѣдней.

Небреръ считаетъ всего капитала, употребленнаго на земледѣліе. . на 1.901.900.000.
т. е. всѣхъ земель. . . . . на 1.600.000.000.
Земледѣльческой собственности. . на 59.900.000.
Животныхъ. . . . . на 242.000.000.

А такъ какъ всего производительнаго капитала считаетъ, ... на 3.005.000.000.
то выходитъ, что земледѣльческая промышленость имѣетъ капитала болѣе половины всего капитала. Но если мы отнесемъ десятины къ земледѣльческой промышлености, всего. . . . на 106.000.000.
тогда эта промышленость будетъ имѣть капитала. . . . . на 2.007.900.000.
Для прочихъ же промышленностей остается. . . . . на 997.100.000.
Если же мы вычтемъ изъ этой суммы жилыхъ домовъ, положимъ. . на 400.000.000.
тогда останется для магазиновъ и мануфактуръ. . . . . на 133.000.000.

Слѣдственно, всего капитала въ мануфактурной и торговой промышленности будетъ. . . . . на 597.100.000.

И такъ, капитала земледѣльческаго будетъ болѣе, нежели въ 3 раза въ сравненіи съ капиталомъ мануфактурнымъ и торговымъ.

Замѣтить надо еще и то, что произведенія минеральныя отнесены нами къ промышленности мануфактурной.

Теперь, сравнивая капиталы, употребленные на всѣ три рода промышленности съ доходомъ, получаемымъ отъ нихъ, мы находимъ, что промышленность, мануфактурно-торговая, гораздо выгоднѣе земледѣльческой. — Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если-бы мы могли сравнить капиталы и произведенія, или доходъ промышленности мануфактурной и торговой, то нашли бы, что послѣдняя выгоднѣе первой.

Далѣе, мы могли бы приступить еще къ сравненію числа производителей съ доходомъ, ими получаемымъ, во всѣхъ трехъ промышленостяхъ; но Небреръ показалъ число производителей только въ двухъ королевствахъ—Англіи и Шотландіи, между тѣмъ какъ капиталы и произведенія показалъ во всѣхъ трехъ королевствахъ, и первыя показалъ отдѣльно въ каждомъ королевствѣ, а вторыя въ совокупности. Мы можемъ въ этомъ случаѣ прибѣгнуть только къ одному средству, а именно, расчитать по числу жителей въ Ирландіи, показанному Небреромъ, число производителей, сообразуясь съ числомъ жителей Англіи и Шотландіи. Хотя мы не соблюдемъ въ этомъ надлежащей точности, по крайней мѣрѣ сдѣлаемъ расчетъ приблизительно.

Небреръ показываетъ народонаселеніе вовсѣхъ трехъ Королевствахъ

такимъ образомъ: въ Англіи съ Валійскими землями.	13.894.569 жит.
Въ Шотландіи	2.365.807
Арміи.	271.017
выходитъ всего. .	16.537.393
Въ Ирландіи.	7.734.365 жит.
Возьмемъ для сравненія въ двухъ королевствахъ 16,500.000, а въ Ирландіи.	7.700.000

На этомъ основаніи раздѣлъ выйдетъ слѣдующій:

	Въ Ирлан.	въ совокупности съ Великобритан.
Откупщиковъ.	630.000	—2.130.000
Земледѣльцевъ.	2.240.000	—7.040.000
Рудокоповъ.	280.000	— 880.000
Мельниковъ, булочниковъ, мясниковъ.	420.000	—1.220.000
Художниковъ, архитекторовъ и пр.	345.000	— 995.000
Фабрикантовъ.	1.120.000	—3.520.000
Портныхъ, сапожниковъ и пр.	504.000	—1.584.000
Купцовъ	980.000	—3.080.000
Матросовъ и солдатъ. . . .	390.000	—1.220.000
Духовныхъ, чинов. и медик.	210.000	— 660.000
Бѣдныхъ.	51.000	— 161.000
Rentiérs.	484.622	—1.601.002
	7.654.622	—

Почти равное число. — Полагая, что въ Ирландіи земледѣльцевъ должно быть гораздо болѣе, а фабрикантовъ и купцовъ менѣе, можно считать первыхъ по крайней мѣрѣ до 3.000.000, а тѣхъ и другихъ до

1.400.000. Если же мы возьмемъ въ соображеніе прочихъ производителей, то на сторонѣ промышленности земледѣльческой еще болѣе останется, такъ что можетъ быть числю земледѣльцевъ будетъ простираться до 3½ мил. и до 4-мил. Но, оставляя всѣ эти соображенія, послѣдуемъ расчету, сдѣланному нами выше.

Такъ, въ земледѣльческой промышленности выходитъ производителей, откупщиковъ и земледѣльцевъ.	9.170.000
Рудокоповъ, булочниковъ, мясниковъ, фабрикантовъ, купцовъ, портныхъ, сапожниковъ и проч.	10.234.000
Если же причислить сюда и капиталистовъ, живущихъ процентами.	1.601.002
то выдетъ. .	11.885.002

Слѣдственно, въ земледѣльческой промышленности менѣе будетъ производителей, нежели въ мануфактурно-торговой. Но если мы положимъ въ Ирландіи земледѣльцевъ однимъ милліономъ болѣе, то отношеніе того и другаго рода промышлености выдетъ почти одинаково.

И такъ, количество богатства, ежегодно добываемаго въ Великобританіи и Ирландіи, раздѣлится въ одной пропорціи между производителями, какъ земледѣльческой, такъ и мануфактурно-торговой промышленности, выключая одного различія между капиталомъ той и другой, какъ выше нами было замѣчено.

Теперь, сравнивъ таблицы народонаселенія по Дюпену и Пебреру, мы найдемъ въ нихъ большое различіе.

Дюпенъ полагаетъ въ Великобританіи въ земледѣльческой промышленности.	5.000.000 жит.

а въ мануфактурно-торговой . .		10.000.000
Пебреръ же полагаетъ fermiérs. . .		1.500.000
да земледѣльц.		4.800.000
всего въ земледѣліи.		6.300.000
Сверхъ того, рудокоповъ.	600.000	
Булочниковъ, мясниковъ .	900.000	
Фабрикантовъ.	2.400.000	
Портныхъ, сапожник. и пр.	1.080.000	
Купцовъ.	2.100.000	
всего. .	7.080.000	—7.080.000
Если причислимъ къ нимъ и rentiérs. .	1.116.398	
то все выдетъ. — — — —		8.196.398 жит.
Причисляя даже архитекторовъ, художниковъ. и тогда выдетъ въ мануфактурной промышлености. . . . . — — — —	650.000	8.846.398

Различіе довольно значительное между показаніемъ Дюпеня и Пебрера. *).

Вотъ-какъ невѣрны статистическія исчисленія въ самомъ образованномъ государствѣ, гдѣ дѣйствительно обращается на этотъ предметъ отчетливое вниманіе. Что же скажемъ мы о другихъ государствахъ? А нельзя не видѣть, что статистическіе выводы составляютъ первое основаніе соображенію богатства по всѣмъ отраслямъ промышлености, равно какъ они необходимы и для соображенія всѣхъ частей прав-

*) Вильневъ Боржемонтъ такъ же несогласно съ Дюпеневъ дѣлаетъ исчисленія относительно Франціи. Онъ показываетъ въ земледѣльческомъ классѣ народа 25.600.000, а въ мануфактурно-торговомъ классѣ 6.400.000, между тѣмъ какъ Дюпень показываетъ въ 1-мъ классѣ 21.056.677, а во 2-мъ 10.533.333. — Равно есть несообразность въ показаніяхъ Пебрера и Вильнева относительно Англіи.

ственной дѣятельности. — Но если первые такъ несовершенны, еще менѣе можемъ ожидать совершенства послѣднихъ.

Предлагаю мои основныя мнѣнія относительно правильности и пользы статистическихъ изслѣдованій.

1-е. Надо съ возможною точностію знать, сколько напр. въ 1800 году было дѣйствователей физическихъ и нравственныхъ въ какомъ либо государствѣ: такъ, сколько земледѣльцевъ, фабрикантовъ, купцовъ, ученыхъ, художниковъ, духовныхъ и т. д., и притомъ сколько именно ихъ находилось въ извѣстной отрасли промышленности; сколько занимавшихся обработываніемъ земли, скотоводствомъ, или сколько занимавшихся фабриками суконными, шерстяными и пр., или сколько занимавшихся оптовою торговлею, внѣшнею, внутреннею, мелочною торговлею, сколько хлѣбниковъ, мясниковъ, торговавшихъ извозомъ и проч.—То же должно замѣтить и о нравственныхъ дѣйствователяхъ.

2). Надо знать, сколько капитала употреблено было производителями въ каждой отрасли промышленности или дѣятельности, и если можно, то расчитать, чего стоилъ употребленный капиталъ во время своего производства, и чего стоитъ въ настоящее время: такимъ только образомъ можно видѣть поглощенную, такъ сказать, массу капитала или труда во всѣхъ промышленостяхъ и въ каждой изъ нихъ, судить по этому о ея важности, значеніи, о ея требованіяхъ; тогда только приступали бы со всею осторожностію къ важнѣйшимъ перемѣнамъ, производимымъ нынѣ не рѣдко безъ всякой отчетливости, менѣе были бы попираемы вѣковыя пріобрѣтенія, сто-

ившія чрезмѣрныхъ трудовъ, болѣе были бы уважаемы, цѣнимы, тяжкіе роды труда.

3). Надо знать, какой доходъ былъ получаемъ производителями въ каждой отрасли промышленности и дѣятельности, и притомъ въ такой же подробности, какая замѣчена нами относительно народонаселенія и капиталовъ. Для большаго успѣха въ производствѣ богатства, должно было-бы дѣлать этотъ расчетъ не только по всему государству, но и въ отдѣльности въ каждой его провинціи, потому что тогда доходъ въ одной изъ нихъ можетъ быть великъ, а въ другой чрезмѣрно малъ. Это зависитъ отъ разныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе выгодныхъ.

4). Сдѣлавъ это, потомъ слѣдить всѣ послѣдующіе годы, показывая прибавку числа производителей, прибавку капиталовъ или издержекъ произведенія, и наконецъ прибавку дохода равно по каждой части богатства и образованости.

Если бы Статистика могла достигнуть этого блистательнаго развитія, этого фактическаго совершенства, тогда легко можно было бы видѣть, какіе классы преимуществуютъ одни предъ другими, какая отрасль дѣятельности выше и какая ниже, выгоднѣе и менѣе выгодна, отъ чего и какіе классы быстрѣе раскрываются, умножаются, и какіе медленнѣе, и какое они производятъ вліяніе на общественное благосостояніе. Но еще болѣе эти соображенія принесли бы пользу, когда бы они падали не въ общемъ итогѣ на все государство, но въ частности на каждую его провинцію и еще лучше на каждый уѣздъ и селенія, заключающіяся въ провинціяхъ, что легко можно сдѣлать при учрежденіи главнаго и частныхъ комитетовъ, занимающихся этими соображе-

ніями. Я уже не говорю о томъ, что общія соображенія государства могли-бы съ чрезвычайною пользою быть примѣнены еще къ другимъ государствамъ, покрайней мѣрѣ стоящимъ въ ряду государствъ богатыхъ, образованныхъ.

При такомъ условіи, міръ нравственный, міръ человѣчества, весь былъ бы открытъ предъ нашими глазами. Правительствамъ никакого не стоило бы труда давать благодѣтельное направленіе общественной жизни, — производители были бы знакомы со всѣми источниками своей производительности.

Но всѣ изложенныя мною мнѣнія составляютъ въ настоящее время одни желанія, одни идеи: исполненіе ихъ предоставляется будущимъ столѣтіямъ. Впрочемъ нельзя не благодарить отъ имени человѣчества съ одной стороны тѣхъ великихъ геніевъ, которые своими понятіями силятся опередить свой вѣкъ и двигаютъ какъ бы насильно людей и народы къ высшему жребію; съ другой стороны тѣхъ геніевъ, которые эмпирически обхватываютъ весь земной шаръ, слѣдятъ его во всѣхъ пунктахъ, вмѣстѣ разлагаютъ общества по ихъ главнымъ составамъ, частямъ, и въ каждой изъ нихъ разгадываютъ жизнь и вліяніе на общій организмъ.

Примѣчаніе. Для совершенія означеннаго статистическаго труда, необходимо составленіе статистическаго общественнаго комитета, въ которомъ каждый дѣйствователь, разумѣется знакомый съ науками политико-экономическими, принялъ бы на себя трудъ заняться обработываніемъ одного статистическаго отдѣла общественной жизни. Разумѣется, что это общество должно быть устроено самимъ правительствомъ и должно пользоваться въ высшей степени его заботливостію и покровительствомъ. Этотъ трудъ

могъ бы продолжиться на многіе годы и начало его было бы соединено съ большими затрудненіями. Въ послѣдствіи можно было бы придумать лучшіе способы какъ пополнять, исправлять эти труды, по прошествіи извѣстнаго времени. Такъ собранныя дѣйствователями статистическія свѣденія должны быть пересматриваемы, пересуживаемы въ общемъ комитетѣ. Заключенія, оттуда выведенныя, должны уже передаваться высшему начальству для распоряженій. Содержаніе этого статистическаго комитета или общества стоило бы нѣсколькихъ сотенъ тысячъ рублей; но пользы, отъ него полученныя, простирались бы на многіе милліоны Какой хозяинъ въ состояніи дать благодѣтельное направленіе своему экономическому быту, когда онъ не въ состояніи дать себѣ вѣрнаго отчета въ употребленіи многоразличныхъ издержекъ и въ полученіи дохода, равно въ разысканіи причинъ бо́льшаго или меньшаго количества первыхъ и втораго?—Равно, какъ правительство можетъ благодѣтельно направить промышленость и нравственную дѣятельность, безъ соображенія хода той и другой? Соображать приходы и расходы государственные—дѣло финансовое, но соображать приходы и расходы народные—дѣло политико-экономическое. Счастливый успѣхъ въ первомъ еще не можетъ способствовать обогащенію государства: это предметъ, цѣль втораго соображенія. Въ настоящее время обыкновено поступаютъ относительно послѣдняго пункта такъ: расчитываютъ, въ какой отрасли промышлености произошло какое-либо приращеніе; наприм., что въ земледѣльческой промышленности увеличился вывозъ произведеній за границу въ такой-то мѣрѣ, равно количество мануфактурныхъ издѣлій или самыхъ мануфактуръ умножилось

въ такой-то пропорціи, и изъ этого дѣлаютъ выводъ: слѣдственно богатство народное вообще возрасло въ такой-то степени! Спрашиваю: къ чему ведетъ этотъ безжизненный отчетъ народнаго богатства? Естественно, что количество произведеній постепенно увеличивается во всѣхъ отрасляхъ промышленности,—но это увеличеніе 1-е, соразмѣрно ли увеличенію самаго народонаселенія? 2-е, соразмѣрно ли увеличенію самыхъ нуждъ? Каждое государство постепенно стремится къ улучшенію своего быта; отъ того во всѣхъ классахъ общества и въ правительствѣ безпрерывно умножаются разныя потребности. И такъ, если нѣтъ полнаго соотвѣтствія въ первомъ и второмъ нашемъ предположеніи,—состояніе народа, при самомъ увеличеніи богатства, не будетъ выгоднымъ. Но, положимъ, что соображеніе увѣнчано было-бы счастливымъ успѣхомъ, мы можемъ сдѣлать новый вопросъ: не могло ли бы увеличеніе произведеній произойти гораздо въ большей пропорціи при другомъ направленіи промышленностей? Далѣе, всегда ли большій вывозъ произведеній за границу означаетъ улучшеніе въ положеніи всего государства? Не можетъ ли этотъ избытокъ произойти въ однихъ какихъ либо классахъ, у однихъ какихъ либо производителей, между тѣмъ какъ другіе классы, другіе производители въ это время борятся съ величайшими нуждами, бѣдностію? Иногда увеличившееся количество произведеній можетъ имѣть выгодный сбытъ внутри самаго государства, тогда вывозъ ихъ заграницу будетъ меньшій: не смотря на это, положеніе народа будетъ счастливѣе, общее благоденствіе возрастетъ утѣшительнѣе. Это всегда случается, какъ скоро низшій классъ народа начинаетъ потреблять болѣе произведеній, особенно мануфактурныхъ издѣлій

своего государства. Вотъ вопросы никогда не разрѣшимые для таможенныхъ списковъ, — они подлежатъ одному разысканію, нами выше обозначенному. Прибавлю еще и то, что для уменьшенія огромныхъ издержекъ, необходимыхъ къ составленію комитетовъ, особено частныхъ въ провинціяхъ, можно было бы распорядиться такимъ образомъ, чтобы членами въ эти комитеты были выбираемы по каждому классу дѣятельности или промышленности извѣстные своими свѣдѣніями, образованностію, производители, обезпеченные собственными доходами въ удовлетвореніи своихъ нуждъ. Одинъ только предсѣдатель, да нѣсколько молодыхъ образованныхъ чиновниковъ, могуть быть назначаемы со стороны правительства.

Мы видѣли, что Смитъ почитаетъ классъ земледѣльческій наиболѣе производительнымъ; за нимъ слѣдуютъ классы мануфактурный и торговый. Мнѣнію его слѣдуютъ: Сей, Мальтусъ, Рикардо, Сисмонди и другіе. Сравнивая торговлю внутреннюю со внѣшнею, они отдаютъ преимущество первой. Рикардо не допускаетъ этого преимущества. По его мнѣнію, если во внѣшней торговлѣ капиталъ одного какого либо государства приводитъ въ обращеніе капиталъ другаго, то равно происходитъ то же и съ другимъ государствомъ: слѣдственно одно замѣняется другимъ. Ганиль, между другими писателями, рѣзко держится мнѣнія, противнаго мнѣнію означенныхъ писателей. Разсмотримъ подробнѣе этотъ предметъ.

Земледѣліе, какъ выше замѣчено, составляетъ главный и первый источникъ богатства. Оно не только доставляетъ все нужное для непосредственнаго потребленія, но еще производитъ все нужное для фаб-

рикъ. Сравнивая цѣнность произведеній земледѣлія съ цѣнностію произведеній фабрикъ и торговли, какъ видно изъ таблицы Ганиля, мы находимъ, что первая цѣнность, покрайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ состояніи государствъ, превосходитъ послѣднія двѣ цѣнности, но за то и число людей, занимающихся обработываніемъ земли, гораздо превосходитъ число людей, занимающихся фабриками и торговлею, такъ что если сравнимъ цѣности произведеній всѣхъ трехъ промышленостей съ числомъ жителей, занимающихся ими, то самая большая производительность будетъ на сторонѣ промышлености торговой, средняя на сторонѣ промышлености мануфактурной, а меньшая будетъ принадлежать земледѣльческой промышлености. Такъ обыкновено сравниваютъ народонаселеніе. Россія, по числу жителей и по пространству, несравненно превосходитъ Францію и Англію, но сравнительно эти государства населеннѣе Россіи. Слѣдственно земледѣліе доставляетъ бо́льшему числу людей содержаніе, но съ меньшими выгодами, а отъ фабрикъ и торговли содержится меньшее число людей, но съ большими выгодами. Причина этого различія очевидна. Для производства мануфактурной и торговой промышлености требуется болѣе искусства, способностей, дѣятельности, и другихъ принадлежностей, такъ что, по отношенію къ нимъ, торговля иностранная самая трудная и важная, отъ того она и самая выгодная.

И такъ вообще классъ земледѣльческій болѣе производителенъ, но въ условномъ, сравнительномъ отношеніи классъ купцевъ, а потомъ классъ фабрикантовъ болѣе производительны, или лучше сказать, болѣе прибыльны. Первое замѣчаніе важно по тому, что оно показываетъ обширное вліяніе земледѣльче-

ского класса на богатство народное. Притомъ нельзя не взять въ особенное вниманіе и того, что земледѣліемъ содержится большое число жителей. Жизнь каждаго человѣка составляетъ звено во всеобщей цѣпи дѣятельности земнаго шара. Даже тотъ человѣкъ, который, обработывая землю для своего пропитанія, ничего не доставляетъ другимъ, не есть безполезенъ въ политико-экономическомъ смыслѣ. Онъ своимъ трудомъ полагаетъ основаніе улучшенію земли и чрезъ то даетъ возможность другимъ скорѣе достигнуть богатства.

Равно и второе замѣчаніе, т. е. что классъ фабрикантовъ и купцевъ сравнительно болѣе производителенъ, заслуживаетъ важности, потому что оно открываетъ причину, по которой народы, сколько можно, стараются распространять фабрики и торговлю.

Теперь, какъ первыя государства, обогатившись посредствомъ фабрикъ и торговли, потомъ постепенно обращали свой трудъ къ лучшему обработыванію своей земли, такъ и послѣднія чрезъ усовершенствованіе земледѣлія, мало по малу пріобрѣтали болѣе успѣховъ въ распространеніи фабрикъ и торговли. Этими-то и другими разными, по видимому, противуположными средствами благодѣтельная природа всегда стремится сблизить самые отдаленные народы. Чувство взаимной пользы знакомитъ ихъ между собою и постепенно направляетъ ихъ къ взаимному содѣйствію въ раскрытіи своихъ силъ; и если бы только народы слѣдовали назначенію природы, то исторія не представляла бы намъ ужасныхъ, бѣдственныхъ переворотовъ, постигавшихъ разныя государства, переворотовъ, происходившихъ отъ зависти однихъ къ богатству другихъ.

И такъ должны ли земледѣльческія государства распространять свои фабрики и торговлю? Безъ сомнѣнія, только въ этомъ потребна осторожность, чтобы дѣйствовать не изъ зависти къ богатству другихъ народовъ.

Зависть — ужасный порокъ въ индивидуальномъ, общественномъ и народномъ быту. Увлекаемые ею люди, общества и народы никогда не разсуждаютъ о томъ, что 1-е вредя другимъ, не причиняютъ ли они чрезъ то вредъ самимъ себѣ? 2-е ущербъ благосостоянія или пользъ первыхъ можетъ ли принести имъ какую либо пользу, способствовать сколько нибудь ихъ благосостоянію? 3-е, вредъ, наносимый другимъ, не превышаетъ ли въ высшей степени собственной ихъ пользы? — Безъ соображенія и исполненія этихъ трехъ условій можетъ ли существовать согласіе, блаженство человѣчества на земномъ шарѣ?

По этому Смитъ ошибся, полагая, что природа назначила всѣмъ народомъ постепенно переходить отъ земледѣльческой промышлености къ мануфактурной и торговой. Я думаю, что и въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ образуются классы мануфактурный и торговый, частію дѣйствительно въ слѣдствіе изобилія произведеній земли, но большею частію по нуждѣ; эта нужда заставляетъ многихъ прибѣгать къ разнымъ родамъ дѣятельности мануфактурной и торговой. Ганиль, въ противность Смиту, совѣтуетъ всѣмъ народамъ преимущественно заниматься торговлею; это составляетъ уже другую крайность.

При семъ я не могу не обратить вниманія на упущеніе писателей. Выше сказано, что подъ именемъ мануфактурнаго труда разумѣется всякій трудъ, дающій произведеніямъ земли особенный видъ, особенную форму, для удовлетворенія нашихъ особен-

ныхъ нуждъ. Но, что писатели разумѣютъ тогда, когда берутъ въ сравненіе два класса земледѣльческій и мануфактурный? Они, какъ видно, берутъ во вниманіе только то, что отдѣльно производится такъ называемыми фабрикантами; всѣ же прочіе труды относятся ими къ классу земледѣльческому, но это несообразно съ собственнымъ ихъ понятіемъ о мануфактурномъ классѣ. По моему мнѣнію, къ послѣднему классу относятся и тѣ труды, которые совершаются хотя земледѣльцами, но которые составляютъ плодъ труда мануфактурнаго. Я даже сомнѣваюсь, считаютъ ли писатели въ числѣ мануфактурнаго класса тѣхъ ремесленниковъ, которые въ деревняхъ занимаются преимущественно или исключительно обработываніемъ разныхъ мануфактурныхъ издѣлій. Кажется, что они идутъ наравнѣ съ земледѣльцами. И такъ, чтобы сдѣлать вѣрное распредѣленіе производительности между классами земледѣльческимъ и мануфактурнымъ, для этого надо всѣ произведенія мануфактурнаго труда отнести къ мануфактурному классу, а продукты земледѣльческаго труда отнести къ классу земледѣльческому, и тогда уже сравнить тѣ и другія произведенія и вывести заключеніе, какія изъ нихъ имѣютъ бо́льшую цѣнность, или находятся въ бо́льшемъ количествѣ. Въ первоначальныя времена общественной жизни весьма не много было отдѣльныхъ ремесленниковъ или фабрикантовъ, т. е тѣхъ, которые занимались единственно произведеніями труда мануфактурнаго; не смотря на это, послѣднія произведенія равно существовали. Бѣдный земледѣлецъ и нынѣ самъ себѣ строитъ домъ, самъ дѣлаетъ для себя мебель, столъ, стулья, повязки и т. д., даже шьетъ себѣ платье. Но эти работы суть ли работы земледѣльческія, и вхо-

дятъ ли онѣ въ счетъ у писателей при сравненіи продуктовъ земледѣльческихъ и мануфактурныхъ? Совсѣмъ нѣтъ; между тѣмъ какъ всѣ произведенія земледѣльцевъ идутъ въ сравненіе въ полной обширности. — И такъ, подвергая все это тщательной разборчивости, я осмѣливаюсь думать, что произведенія класса мануфактурнаго должны имѣть несравненно бо́льшую цѣнность, нежели произведенія земледѣльческія, — да и въ самомъ дѣлѣ рѣдко какой продуктъ земледѣльческой промышленности не подвергается дѣйствію труда мануфактурнаго и притомъ въ различныхъ видахъ. Вотъ причина, по которой при увеличивающемся общественномъ богатствѣ классъ мануфактурный, отдѣляясь отъ земледѣльческаго, болѣе и болѣе умножается; и какъ обозначить, до какой степени это умноженіе можетъ распространиться?

Что же касается до класса торговаго, то онъ еще болѣе производителенъ, нежели прочіе классы. Причина тому одна и таже. Если земледѣлецъ, производя своимъ трудомъ разныя вещи, удовлетворяющія нашимъ нуждамъ, самъ ихъ представляетъ на рынокъ для продажи; то этотъ плодъ труда его, состоящій въ доставленіи на рынокъ вещей, долженъ собственно относиться къ области торговли. И сколько подобныхъ трудовъ совершается въ каждомъ государствѣ? Такимъ образомъ, если отдѣлить отъ земледѣлія и мануфактуръ все, что только составляетъ предметъ торговли; то едвали можно усомниться, чтобы цѣнность послѣдней въ общей массѣ не превзошла цѣнности продуктовъ двухъ первыхъ родовъ промышленности.

Спрашивается: по чему же не всякой народъ преимущественно можетъ заниматься двумя послѣдними отраслями промышленности, т. е. фабриками и тор-

говлею? Этому есть особыя причины. Вообще народы, населявшіе землю, окруженную морями или орошаемую обширными рѣками, всегда пользовались перевѣсомъ въ производствѣ торговли предъ прочими народами, не имѣвшими этихъ естественныхъ выгодъ.

Въ народѣ, по крайней мѣрѣ въ первоначальныя времена, никакъ не можно предполагать особенности въ раскрытіи способностей и свойствъ, а потому нельзя сказать, что такой-то народъ самъ по себѣ болѣе способенъ къ мануфактурной промышленности, а другой къ земледѣльческой. Это рѣшается физическими и нравственными обстоятельствами: они-то дають народамъ то или другое направленіе. Впрочемъ, если народъ по чему либо получилъ ошибочное направленіе, то можно пособить измѣненію его благоразумными мѣрами.

Къ этому большею частію присоединялось и то, что первые народы не имѣли плодородной земли: это еще болѣе заставляло ихъ преимущественно обращать дѣятельность на торговлю; они же и скорѣе успѣвали въ заведеніи и распространеніи фабрикъ.

Они замѣчали въ разныхъ государствахъ лучшіе способы обработыванія издѣлій, такъ же, покупая дешевою цѣною грубыя произведенія въ мѣстахъ, изобилующихъ ими, они находили для себя болѣе выгоднымъ заниматься ихъ обработываніемъ, нежели непосредственнымъ произведеніемъ ихъ на своей малоплодородной землѣ.

Государства же обширныя, простиравшіяся на нѣсколько тысячъ верстъ, были болѣе земледѣльческими.

Такія государства почти всегда имѣли между неплодородными землями самыя плодородныя. По этому, что могло бы склонить ихъ въ первыя времена

къ тому, что бы, оставивши обработываніе земель, доставляющее вѣрныя выгоды, заниматься торговлею, которой выгоды не всегда надежны, и которая требуетъ болѣе дѣятельности и опасности?

Впрочемъ, хотя народы, занимающіеся фабриками и торговлею, владѣютъ лучшими средствами къ своему обогащенію, за то они имѣютъ свои невыгоды: они подвергаются болѣе риску, болѣе опасности непостоянства своей промышленности, и это потому, что фабрики и торговля подлежатъ безпрерывному измѣненію и усовершенствованію. Вотъ почему нѣкоторые писатели даже отдаютъ преимущество земледѣльческой промышленности предъ другими. Они утверждаютъ, что богатство послѣднихъ не надежно, между тѣмъ какъ земледѣліе доставляетъ вѣрное богатство. По моему мнѣнію, нельзя согласиться съ ними безъ всякаго ограниченія.

Во первыхъ, я желалъ бы знать какимъ образомъ Тиръ, Сидонъ, Карѳагенъ и другіе города республики, занимая мало обширныя пространства, могли бы достигнуть блистательнаго, цвѣтущаго состоянія, не предавшись преимущественно торговлѣ? Нѣкоторые изъ этихъ городовъ республикъ и еще нынѣ процвѣтаютъ по торговлѣ и фабрикамъ, а если нѣкоторые совсѣмъ пали, какъ то, Сидонъ, Тиръ, Карѳагенъ, то не испытывали ли равно и государства, обогащавшіяся земледѣліемъ, страшныхъ переворотовъ? Гдѣ нынѣ могущественныя древнія царства, процвѣтавшія въ Азіи, Африкѣ? Сколько разъ наводняемы, опустошаемы были разными народами Индія, Египетъ? И что значитъ нынѣшнее состояніе Персіи или Египта съ прежнимъ ихъ богатствомъ, могуществомъ?

По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, народы, обо-

гащающіеся фабриками и торговлею, находятся въ зависимости отъ народовъ земледѣльческихъ; первые вынуждаются необходимостію покупать у послѣднихъ произведенія земли. Но не равно ли, спрашиваю, и земледѣльческіе народы должны покупать у другихъ или произведенія земли, чуждыя ихъ климату, или издѣлія, не обработываемыя на ихъ фабрикахъ? Бояться того, что они могутъ отказаться отъ этой покупки, довольствуясь одними собственными произведеніями и издѣліями — странно: сама природа побуждаетъ каждаго человѣка и каждый народъ къ улучшенію своего состоянія. По этому, еслибы какой народъ и рѣшился на такой поступокъ, то желаніе своихъ выгодъ скоро заставило бы его перемѣнить образъ своего поведенія въ отношеніи къ другимъ народамъ.

Вообще, какъ частные люди, такъ и народы, разсѣянные по земному шару, всѣ находятся одни отъ другихъ въ зависимости. Человѣчество составляетъ одинъ и тотъ же организмъ. Не смѣшно ли было бы страшиться ученымъ быть оставленными безъ всякаго средства къ содержанію себя по тому только, что можетъ быть никто не захочетъ пользоваться ихъ познаніями? Какъ скоро эти познанія признаны полезными, то, по естественному побужденію, всякой, земледѣлецъ ли, фабрикантъ ли, купецъ ли, будетъ стремиться къ ихъ пріобрѣтенію. Тоже можно сказать и о народахъ.

Различіе состоитъ только въ томъ, что не всегда пріобрѣтенія высшихъ отраслей дѣятельности получаютъ скоро надлежащую оцѣнку. Но относительно фабрикъ и торговли, вѣкъ этой болѣзни уже прошелъ невозвратно. Наконецъ, если мы подвергнемъ строгому сужденію достоинство и вліяніе каждаго

труда на общественную пользу, то скорѣе занимающіеся низшими отраслями дѣятельности зависятъ отъ другихъ, которыхъ вся дѣятельность обращена на важнѣйшіе предметы нашихъ потребностей: по этой-то, безъ сомнѣнія, причинѣ и трудъ послѣднихъ имѣетъ большую цѣнность, нежели трудъ первыхъ,—и это естественно. Приваровимъ это къ земному шару. Ясно, что жизнь высшаго существа человѣка зависитъ отъ жизни низшихъ твореній; тѣмъ не менѣе: 1-е, человѣкъ остается существомъ высшимъ, 2-е, нельзя не допустить того, что жизнь низшихъ твореній находится въ зависимости отъ жизни человѣка, потому что одна и таже сила постепенно раскрываясь, образовала всѣ существа, и я полагаю, что если бы всѣ люди, населяющіе земной шаръ, по какому бы то ни было случаю, погибли; то вмѣстѣ съ ними подвергся бы неизбѣжной гибели весь земной шаръ, или уже снова явился бы человѣкъ. Подобнымъ образомъ безпрестанно растетъ, совершенствуется въ своихъ силахъ общество, и если бы это раскрытіе, по какому либо случаю равно было прервано, человѣчество не могло бы болѣе продолжать своего существованія. Скажутъ мнѣ, что есть однако многіе народы, ни мало не подвигающіеся впередъ въ развитіи общественныхъ силъ; отвѣчаю на это, что эти народы, не составляютъ еще всего человѣчества; за то другіе народы безпрерывно улучшаются, развиваются въ силахъ общественнаго организма. Притомъ, не видимъ ли мы, въ какомъ жалкомъ и даже ужасномъ положеніи находятся эти народы, остановившіеся въ своемъ бытіи? Жизнь ихъ поддерживается во всеобщей цѣпи человѣчества только жизнію другихъ народовъ, и при всемъ томъ, они рано или поздно должны ожидать рѣшительныхъ

перемѣнъ, чтобы итти по назначенію, указанному природою для всѣхъ народовъ.

—

ГЛАВА XI.

О непроизводительномъ классѣ.

Непроизводительный классъ, если можно назвать его классомъ, состоитъ изъ людей, неприносящихъ рудомъ своимъ обществу никакой пользы, и живущихъ на счетъ труда другихъ. Въ этомъ числѣ я полагаю бѣдныхъ, праздныхъ и разныхъ преступниковъ.

Подъ именемъ бѣдныхъ разумѣются не тѣ, которые, въ сравненіи съ другими, не имѣютъ разныхъ удобностей для жизни и не участвуютъ въ ея наслажденіяхъ; но тѣ, которые сами по себѣ лишены всякаго пропитанія и прибѣгаютъ къ испрашиванію помощи другихъ.

Понимая бѣдныхъ въ этомъ отношеніи, мы должны называть ихъ непроизводительными. Спрашивается: относятся ли къ этому же классу люди, частію промышляющіе своимъ трудомъ, частію пользующіеся общественными благодѣяніями? По моему мнѣнію, они, какъ люди трудящіеся, относятся къ классу производительному; въ разсужденіи же вспомоществованія, получаемаго ими отъ другихъ, они дѣйствительно не суть производительны, потому что ничего не даютъ въ замѣнъ сего послѣдняго.—Собственно бѣдные могутъ быть раздѣлены на два особенные рода: одни изъ нихъ тѣ, которые, по причинѣ неизлечимыхъ болѣзней или уродства, не въ силахъ доставать себѣ пропитаніе; другіе тѣ, кото-

рые, лишившись по какимъ либо несчастнымъ обстоятельствамъ своего состоянія, вдругъ принуждены бываютъ искать пособія у другихъ. Что первые заслуживаютъ въ полной мѣрѣ общественное призрѣніе, съ этимъ нельзя не согласиться. Граждане всѣ составляютъ одно общество; всякой находится въ тѣсной зависимости одинъ отъ другаго, такъ что дѣятельность каждаго въ отдѣльности составляетъ одну только часть всеобщей дѣятельности; а посему всякой обязанъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ обладаетъ, не одному себѣ но цѣлому обществу: безъ содѣйствія послѣдняго онъ никогда не могъ бы удовлетворить вполнѣ своимъ настоящимъ нуждамъ. Общая дѣятельность приводитъ въ движеніе и его физико-нравственныя силы, и онъ мало по малу становится достаточнымъ, богатымъ. Слѣдственно, если въ обществѣ является кто либо, не имѣющій никакихъ способовъ къ содержанію себя, то не обязанъ ли другой, не говорю по человѣколюбію, но по законамъ общежитія, по собственному самолюбію, дѣлать ему вспоможеніе? — Но въ какой степени оно должно быть, это зависитъ отъ сравненія отношеній бѣднаго. Для одного необходимо пособіе большее, для другаго меньшее; равно какъ одинъ обязывается къ вспомоществованію другимъ въ большей степени, другой въ меньшей. Чтобы соблюсти въ этомъ надлежащую точность, надо, чтобы само общество, составляемое пожертвованіями гражданъ, распредѣляло назначеніемъ пособій.

Нѣкоторые писатели, страшась излишества народонаселенія, съ жаромъ вооружались противу вспомоществованій, оказываемыхъ бѣднымъ; но надо знать какимъ собственно должно давать пособіе, и какое? Все должно заключаться въ извѣстныхъ предѣлахъ

осторожности и благоразумія. Человѣкъ, лишенный зрѣнія, рукъ, ногъ, или подвергшійся долговременной болѣзни, ужели долженъ быть оставленъ на произволъ бѣдственной своей судьбы? Ужели общество можетъ отказать ему въ необходимомъ пропитаніи и призрѣніи? Мы до сего времени еще незнаемъ совершенно, отъ чего происходятъ такія ужасныя явленія въ физико-нравственномъ мірѣ: знаемъ ли мы, что эти уроды, безпрерывно представляющіеся предъ нашими глазами, можетъ быть, имѣютъ полное право обвинять другихъ, и, быть можетъ, обвинять насъ самихъ въ слабостяхъ, порокахъ, обнаруживающихся ужасными слѣдствіями, по видимому, въ отдаленныхъ отъ насъ лицахъ? По сему не въ правѣ ли они, не говорю требовать нашего пособія, но и негодовать, роптать на насъ за то, что они доведены до унизительнаго состоянія, вынуждающаго ихъ просить у насъ подаянія? — Никто, самъ по себѣ, не имѣетъ исключительнаго права на лучшее достояніе: мы всѣ безусловно равны; слѣдственно всѣ мы, какъ достоинства свои, такъ и самые недостатки, должны почитать въ нѣкоторомъ смыслѣ общими. Удивляюсь, какъ до этого времени царствуетъ въ обществѣ ужасный и столькоже несправедливый эгоизмъ! Впрочемъ, чтобы никакой трудъ не могъ быть потерянъ безъ всякой для другихъ пользы, для этого обществу вспоможенія надлежитъ обращать вниманіе на то, не можетъ ли несчастный, ищущій призрѣнія, чѣмъ либо быть полезнымъ для другихъ; если такъ, то надобно умѣть воспользоваться этою выгодою и найти для несчастнаго свойственный, приличный ему образъ дѣятельности. Нельзя безъ особеннаго умиленія читать, какія благодѣтельныя учрежденія въ этомъ

отношеніи введены въ разныхъ образованныхъ государствахъ Европы и въ Сѣверной Америкѣ.

Въ Англіи находится весьма остроумно устроенная башмачная фабрика для лишенныхъ отъ рожденія, или по несчастному случаю, нѣкоторыхъ тѣлесныхъ членовъ. Посѣщающіе эту фабрику замѣчаютъ множество операцій, совершаемыхъ удачно работниками такъ, что потеря руки и ноги нимало не препятствуетъ ихъ труду. Въ Ливерпулѣ подобное заведеніе существуетъ для слѣпыхъ; они удобно приводятъ въ движеніе машину для производства работъ. Эта машина изобрѣтена самимъ слѣпцемъ. Есть много другихъ подобныхъ заведеній. — При этомъ я не могу умолчать о достоинствѣ означенной книги въ отношеніи къ мануфактурной промышленности: въ ней содержатся съ одной стороны превосходныя правила для ея производства, съ другой многочисленные примѣры устройства машинъ по разнымъ отраслямъ мануфактуръ.

При семъ я не могу умолчать и о томъ, какой вредъ подаетъ на общество отъ того, когда оставляютъ безъ всякаго вспомоществованія несчастныхъ; ибо 1-е, если они подвержены опаснымъ не излечимымъ болѣзнямъ, то могутъ собою заразить и другихъ; 2-е они уже неизбѣжно должны быть кому нибудь въ тягость: слѣдственно не лучше ли обществу самому оказывать пособіе, нежели заставить другихъ, часто самихъ борющихся съ нуждами, но движимыхъ чувствами или родства или сострадательности, заботиться о несчастныхъ? 3-е, уроды, разсѣянные по всѣмъ частямъ общества, не приводятъ ли въ нѣкоторый ужасъ людей, на нихъ взирающихъ, и чрезъ то самое не возбуждаютъ ли ихъ къ негодованію противъ человѣчества, или не притупляютъ ли въ нихъ

чувство сострадания? Замѣчательно, что въ томъ народѣ, въ которомъ разсѣяно много уродовъ безъ всякаго призрѣнія, чувства благородныя почти всегда остаются заглушенными. Чего же можно ожидать отъ такого народа? Къ чему великому, благородному онъ можетъ содѣлаться способнымъ?

До сего времени мы говорили о бѣдныхъ, несчастныхъ физически; какъ же будемъ судить о тѣхъ, которые подвергаются бѣдности, невозможности содержать себя, по причинѣ нечаянныхъ, жалкихъ обстоятельствъ? Общество равно обязано дѣлать и таковымъ благоразумныя пособія. Кто можетъ быть увѣренъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ самъ не подвергнется такой же бѣдственной участи? Кто можетъ ручаться за всегдашнее, постоянное свое счастіе? И такъ; не ужасно ли воображать, что, если по какому либо случаю, достанется кому впасть въ бѣдность, лишиться всѣхъ способовъ къ содержанію себя, онъ долженъ остаться на жертву голоду и постепенному издыханію? Это ли черта просвѣщеннаго вѣка? Притомъ, не показываетъ ли опытъ, что, оказавъ пособіе несчастливцу, мы иногда чрезъ это приводимъ его въ такое положеніе, что онъ не только вознаграждаетъ трудомъ, дѣятельностію своею все, употребленное на него, но еще приноситъ чрезвычайныя пользы себѣ и другимъ? При всей осторожности, благоразуміи, человѣкъ можетъ ошибиться въ своихъ расчетахъ, можетъ вдругъ потерять все, пріобрѣтенное долговременными трудами. — Мнѣ кажется, что для таковыхъ случаевъ каждое сословіе должно имѣть особенную сумму и употреблять ее на вспомоществованіе. Что можетъ быть безразсуднѣе, какъ думать, будто всякое званіе дѣлается тѣмъ болѣе исключительнымъ для своихъ выгодъ, чѣмъ

болѣе уменьшается съ нимъ число дѣятельныхъ гражданъ? — Никакъ, особенныя выгоды всегда заставятъ перейти промышленниковъ изъ одного званія въ другое, а напротивъ, поддерживая одинъ другаго, тѣмъ болѣе всякой можетъ быть обезпеченъ насчетъ будущаго въ своей дѣятельности. Истина уже доказана знаменитыми писателями Политической Экономіи, что для всѣхъ открыто неизмѣримое поле дѣятельности и выгодъ, лишь бы всѣ званія и всякой родъ дѣятельности были распредѣлены правильнымъ образомъ, а этого то не иначе можно достигнуть, какъ если всѣ состоянія будутъ готовы вознаграждать между собою неудачу всякой случайности. Потери капиталовъ, посредственно или непосредственно, производятъ вліяніе на всѣхъ гражданъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, надобно со всѣмъ вниманіемъ наблюдать ходъ жизни политическаго организма, а не судить только по тому, что представляется нашимъ глазамъ. Такая близость иногда обманываетъ даже государственные умы, управляющіе экономическо-финансовою частію государства.

Что же касается до степени вспомоществованія, потребнаго для несчастливцевъ втораго рода, для этого нужно знать, отъ чего и какъ кто либо подвергся бѣдности; совершенно ли онъ невиненъ въ этомъ или виноватъ по своей неосторожности: по мѣрѣ того должно оказывать ему и пособіе. Иногда лучше сдѣлать вспомоществованіе семейству, нежели предоставить кому либо средства для независимой, безотчетной дѣятельности, это лицо, по разнымъ отношеніямъ, бываетъ совершенно ни къ чему неспособно.

Второй родъ непроизводительнаго класса составля-

ютъ праздные. Есть много въ обществѣ такихъ, которые, или не получивъ приличнаго своему званію воспитанія, или расточивъ все, полученное ими по наслѣдству и пріобрѣтенное своими трудами, такъ же по другимъ причинамъ, не занимая никакой должности, предаются бездѣятельности, праздности. Они живутъ также или подаяніемъ, или изобрѣтеніемъ какихъ либо, не рѣдко постыдныхъ, родовъ дѣятельности. Правительству надлежитъ обращать строгое вниманіе на этотъ классъ людей; они должны быть отличаемы отъ истинно бѣдныхъ, немѣющихъ средствъ къ своему пропитанію; они иногда могутъ быть принуждаемы къ какому либо полезному труду. Нельзя представить, сколько вездѣ такихъ праздношатающихся, и не можно представить, сколько они приносятъ вреда обществу тѣмъ болѣе, что они, не нося названія преступниковъ, легко терпимы въ обществѣ, и зло причиняютъ гораздо бо́льшее, нежели какое дѣлаютъ преступники. Напр., заводя азартныя игры, основанныя на одномъ низкомъ обманѣ, на мошенничествѣ, они вовлекаютъ въ свой кругъ неопытную молодость, мало по малу ознакомливаютъ ее съ мимо-пріятнымъ препровожденіемъ времени, а потомъ, поселивъ въ ней пристрастіе къ игрѣ, губятъ и разстроиваютъ ее, — и разными другими образами успѣваютъ развращать, совлекать съ истинной дороги нерѣдко съ лучшими способностями и пылкими чувствованіями, юношей, и дѣлаютъ ихъ наконецъ, подобно себѣ, неспособными ни къ какой полезной службѣ. Конечно, совершенной свободы, какъ вести себя, лишать ни кого не должно; общество, поступая такимъ образомъ, нарушило бы главныя права человѣка-гражданина; однако можно, разными средствами, людей,

неимѣющихъ никакого постояннаго благороднаго занятія, обуздывать, удерживать отъ низкихъ средствъ къ содержанію себя. При семъ надо со всѣмъ тонкимъ благоразуміемъ вникать, отъ него увеличивается въ обществѣ число праздныхъ людей? Если есть какія либо тому причины, то надо скорѣе стараться ихъ удалять. Не должно думать, что люди, находящіеся безъ занятій, безъ должности, ни мало не опасны для общества: до тѣхъ поръ, пока они живутъ въ немъ, они имѣютъ на него вліяніе; и человѣкъ, исправляющій посредственнымъ образомъ свои обязанности, менѣе бываетъ вреденъ для общества, нежели совершенно-праздношатающійся, ко всѣмъ и ни къ какому непринадлежащій званію. Къ сожалѣнію, мы часто встрѣчаемъ въ обществѣ такихъ, которые могли бы съ честію служить въ ономъ, но праздны потому только, что не находятъ приличной себѣ службы. Правительство уже доставляетъ такимъ мѣста, сообразныя ихъ способностямъ и наклонностямъ. Но это болѣе относится до чиновниковъ. Что же касается до гражданъ прочихъ сословій, то самыя сословія должны заботиться о томъ, чтобы не было праздныхъ людей, давая имъ пособія, нужныя для полезной дѣятельности, или употребляя иногда понудительныя средства къ тому, чтобы они трудились. Никто не имѣетъ права быть худымъ гражданиномъ. Судя по тому, что всякой человѣкъ отъ природы сохраняетъ благородное самолюбіе по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не испорченъ, и что всякой чувствуетъ наклонность, даже необходимость въ трудѣ, я смѣло заключаю, что большая часть праздношатающихся потому только таковы, что не имѣютъ средствъ къ дѣятельности, сообразной всѣмъ ихъ отношеніямъ

Бѣдный чиновникъ—ужели для своего пропитанія долженъ сдѣлаться поденщикомъ, слугой? Равно, разорившійся фабрикантъ или купецъ ужели долженъ приняться за ремесло сапожника или за сохy? — А если такъ, то надо прежде облагородить всѣ званія въ обществѣ, надо расположить общее мнѣніе къ тому, чтобы никакой гражданинъ не смѣлъ пренебрегать никакимъ званіемъ. Впрочемъ, весьма странно слышать, что въ государствахъ, мало населенныхъ, но имѣющихъ много земли и много другихъ источниковъ для народной дѣятельности, находятъ великое число праздныхъ людей. Нѣкоторые говорятъ, что малость работы происходитъ отъ недостатка капиталовъ; не спрашиваю: какимъ образомъ пріобрѣтаются самые капиталы, если не посредствомъ дѣятельности, труда? Пусть увеличится еще больше число праздношатающихся, тогда еще менѣе будетъ капиталовъ, а зло распространится сильнѣе; ибо праздношатающіеся должны же жить на счетъ труда другихъ. Напротивъ, пусть все займетъ въ обществѣ свое мѣсто; пусть дарованія, заслуги получатъ настоящій свой вѣсъ; пусть всѣ сословія, равно необходимыя для общаго благосостоянія, воспользуются приличнымъ уваженіемъ, соотвѣтствующими имъ привольями; тогда дѣятельность сама по себѣ развернется быстро, и явятся капиталы. Но чтобъ въ обществѣ не было когда либо предметовъ для дѣятельности, на это скорѣе можетъ жаловаться такое государство, какъ Англія; но тогда уже предлежитъ другой вопросъ, вопросъ, заключающій въ себѣ мысль извѣстнаго политико-экономa Мальтуса. Этотъ вопросъ уже рѣшается совсѣмъ инымъ образомъ. Не распространяясь много объ этомъ предметѣ, я сдѣлаю только общее заклю-

ченіе. Земной шаръ обширенъ; человѣчество живетъ на счетъ его всего, и такъ, въ отношеніи ко всему земному шару дѣятельность всѣхъ государствъ еще слишкомъ малозначительна; она можетъ быть чрезвычайно сосредоточена, а потому и можетъ терпѣть стѣсненіе; но распространившись, она должна утонуть, какъ капля въ морѣ. Я не могу вѣрить, чтобы не были всеобщіе законы для нашей планеты насчетъ народонаселенія въ отношеніи ко всему земному шару, и потому не могу думать, чтобы было въ чемъ либо явное неравновѣсіе или несоотвѣтсвіе; не могу думать, чтобы сила производительности человѣчества была не въ соразмѣрности съ силою производительности земли,—потому что первая есть явленіе происхожденія, развитія второй

Третій родъ непроизводительнаго класса состоитъ изъ преступниковъ, какъ-то: грабителей, воровъ и подобныхъ имъ, которые лишаютъ другихъ пріобрѣтеннаго трудомъ. Не мѣсто здѣсь разсуждать, какъ надо понимать этотъ презрительный и вмѣстѣ жалкій классъ человѣчества; знаемъ только, что есть грабители, воры, и что они дѣлаютъ зло обществу. Скажутъ, что они, какъ похитители, не дѣлаютъ зла въ отношеніи къ политической экономіи, ибо потребляютъ произведенія вмѣсто самыхъ владѣтелей; но это несправедливо. Надобно знать, къ чему собственно принадлежитъ похищаемое ими у владѣтелей: если къ капиталу, то они чрезъ это уменьшаютъ одинъ изъ главныхъ источниковъ богатства; если же къ доходу, то они останавливаютъ раскрытіе высшихъ отраслей дѣятельности, которыя владѣльцы могли бы поддерживать употребленіемъ своего дохода. Притомъ доходъ, пріобрѣтаемый ворами, никогда не можетъ быть вѣренъ, а потому, рано или

поздно онъ нарушаетъ равновѣсіе въ приготовленіи произведеній для нихъ капиталистами. Слѣдственно, похитители во всякомъ случаѣ подлежатъ строгой взыскательности правительства. Нельзя и здѣсь умолчать о благоразумныхъ и благодѣтельныхъ мѣрахъ нѣкоторыхъ государствъ въ отношеніи къ преступникамъ. Они самое наказаніе ихъ стараются сдѣлать полезнымъ для общества; тюрьмы ихъ составляютъ нѣкоторый родъ фабрикъ или заведеній, гдѣ преступники принуждены трудиться, отъ чего характеръ даже грубыхъ злодѣевъ мало по малу смягчается, а лѣнивые привыкаютъ къ дѣятельности; между тѣмъ, въ другихъ государствахъ преступники нерѣдко изъ тюремъ выходятъ гораздо большими злодѣями, нежели какими они туда вступаютъ, особенно тамъ, гдѣ преступники большіе и малые, и даже виновные и мало виновные, смѣшиваются въ одномъ мѣстѣ, и остаются безъ всякаго насчетъ своихъ нуждъ призрѣнія. Все зависитъ отъ степени народнаго просвѣщенія и политическаго устройства *).

И такъ три рода людей, нами исчисленные, составляютъ непроизводительный классъ въ Политической Экономіи. — Теперь войдемъ въ разсмотрѣніе производительныхъ классовъ.

Хотя мы выше сказали, что всѣ классы физическіе и нравственные, сами по себѣ, производительны;

---

*) Можетъ быть, онять мнѣ на это скажутъ, что на все нужны капиталы; но я повторяю, что капиталы суть плодъ труда и нравственнаго усовершенствованія. Смѣло употребивъ доходы на лучшія заведенія, разумѣется, съ осторожностію и благоразуміемъ. Одно должно быть учреждено прежде, другое послѣ, одно такъ, другое иначе. Къ несчастію, по большей части жалуются на невозможность что либо сдѣлать тѣ, которые и не умѣютъ сдѣлать.

но по степени и образу своей дѣятельности, они не всегда бываютъ таковыми. Дѣятельность можетъ быть или малая, по причинѣ лѣности, или неусѣшная, по причинѣ невѣрнаго направленія ея, или худая, по причинѣ злоупотребленія въ исполненіи ея. Объяснимъ все это порознь. Земледѣлецъ, обработывающій свою землю лѣниво, бываетъ въ половину и даже менѣе производителенъ. Я не беру во вниманіе того, что онъ уже по свойству самыхъ работъ теряетъ время перехода отъ одного занятія къ другому, — но, пользуясь этимъ случаемъ, часто предается отдохновенію слишкомъ долгому: всякое дѣло въ его рукахъ какъ-бы тянется въ работѣ, нѣтъ скорости, проворства. Но сколько времени онъ еще остается безъ труда, по окончаніи земледѣльческихъ работъ? Сколько дней и недѣль онъ проводитъ праздно въ продолженіе осени и зимы? Конечно, трудолюбивый земледѣлецъ самъ отыщетъ себѣ работу, особенно когда онъ вынуждается къ труду необходимостію содержанія и платежа большихъ податей; другой же безпечно губитъ время въ праздности, или, того хуже, предается гибельному пороку излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ, а отсюда сколько проистекаетъ золъ, преступленій! Такъ какъ классъ земледѣльческій въ нѣкоторыхъ государствахъ составляетъ классъ чрезвычайно обширный; то правительства не могутъ не обращать строгаго вниманія на это несчастное его положеніе. Заведеніе фабрикъ, на коихъ земледѣльцы въ свободное время, особенно въ продолженіе осени и зимы, могли бы трудиться и заработывать себѣ плату, едвали не одна изъ лучшихъ мѣръ сдѣлать ихъ производительными. Одно руководство, наставленія, и другія мѣры, не много принесутъ пользы на самомъ дѣлѣ, хотя, разу-

мѣется, нельзя обойтись иногда и безъ нихъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, лучше было бы принуждать земледѣльцевъ къ труду; но едва ли они понимаютъ, что принуждать можно только частныхъ людей, отстающихъ въ ходѣ своемъ отъ другихъ; цѣлый же классъ народа принудить нельзя, а можно только сдѣлать въ немъ преобразованіе посредствомъ распространенія просвѣщенія, распространенія способовъ къ труду, и особенно ознакомленія земледѣльцевъ съ удобностями и наслажденіями жизни. Вообще, доколѣ народъ грубъ, ограничиваетъ свои желанія удовлетвореніемъ однѣхъ необходимыхъ потребностей, до тѣхъ поръ трудно ожидать отъ него большихъ усилій къ развитію труда. Примѣръ этому мы видимъ на дикихъ народахъ, соглашающихся скорѣе испытывать всѣ опасности относительно своего пропитанія, нежели предпринимать постоянные труды.

При семъ нельзя не упомянуть о распредѣленіи налоговъ, которые всегда должны быть сообразны съ настоящимъ положеніемъ народа. Не въ томъ состоитъ дѣло, чтобы народъ платилъ мало, а въ томъ, чтобы онъ несъ подати соразмѣрно своему состоянію, способамъ платежа. Тогда представляется возможность получать много, а налогъ не будетъ обременительнымъ. Несообразность податей съ средствами платить ихъ имѣетъ чрезвычайное вліяніе на земледѣліе и, могу сказать, умерщвленіе дѣятельности.

Мы замѣтили о малой производительности земледѣльческаго класса; тѣ же замѣчанія равно относятся и къ другимъ классамъ, къ классу мануфактурному, торговому и даже къ классамъ нравственнымъ. То, что одинъ сдѣлалъ бы въ полчаса, дру-

гой дѣлаетъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Какая чрезъ это происходитъ потеря драгоцѣннаго времени и пользы! Въ частности она еще мало замѣтна, но въ цѣлой массѣ государства она составляетъ значительный ущербъ въ пріобрѣтеніи богатства. Пусть всѣ производители надлежащимъ образомъ воспользуются хотя однимъ часомъ, теряемымъ въ продолженіи дня, то вся производимость увеличилась бы огромными капиталами. Лѣность, праздность много зависятъ отъ неумѣнія производителей ввести точный порядокъ въ своихъ занятіяхъ. Когда каждый расчиталъ свое время, когда онъ не отлагаетъ одного дѣла до другаго времени; тогда онъ по необходимости становится прилежнымъ, внимательнымъ къ своей работѣ; тогда онъ не согласится пожертвовать распродѣленными часами ни для своихъ пустыхъ прихотей, ни для прихотей другихъ людей беззаботныхъ, праздныхъ; даже эти послѣдніе принуждены будутъ взяться за дѣло, не находя болѣе раздѣлителей своей праздности. Вообще народы, промышляющіе фабриками и торговлею, способнѣе къ дѣятельности, нежели народы земледѣльческіе. Фабриканты не имѣютъ случаевъ терять времени переходомъ отъ одного занятія къ другому; труды у нихъ болѣе или менѣе сосредоточены, равно и сбытъ ихъ произведеній болѣе опредѣлителенъ, извѣстенъ, между тѣмъ какъ земледѣльцы не рѣдко для сбыта произведеній на 3 рубля, тратятъ времени на 10 рублей. Купцы-негоціанты еще болѣе имѣютъ точности въ сбытѣ своихъ товаровъ. Впрочемъ у народовъ, мало образованныхъ, мало богатыхъ, классъ купеческій совсѣмъ не понимаетъ цѣны времени: вмѣсто того, чтобы часы и дни, остающіеся внѣ торговли, употреблять на какое либо полезное

дѣло, они убиваютъ ихъ или въ пустыхъ занятіяхъ, или просто въ праздности, — да и въ самой торговлѣ нерѣдко занимаются тѣмъ, исправленіе чего можно было бы поручить или малолѣтному или женскому полу. Совсѣмъ не такъ поступаютъ въ государствахъ образованныхъ, дѣятельныхъ, понимающихъ цѣну времени и труда. — Что же сказать о малой производительности нравственныхъ классовъ въ государствахъ непросвѣщенныхъ? Тамъ въ каждомъ родѣ занятія, на каждомъ шагу, можно встрѣчать людей полудѣльныхъ, исправляющихъ свои должности какъ нибудь, и между тѣмъ вездѣ слышишь жалобы, возгласы на безмѣрность занятій, на невозможность исправлять ихъ съ надлежащимъ успѣхомъ. Иногда ихъ жалобы имѣютъ основаніе, — но большею частію это происходитъ отъ нерасчетливости въ употребленіи времени и въ назначеніи порядка занятіямъ. — Какъ странно слышать обвиненія высшихъ, дѣлаемыя низшимъ, тогда, когда первоначальный источникъ малой производимости, безпорядка заключаются въ нихъ самихъ! Въ столицахъ вообще находимъ болѣе дѣятельности во всѣхъ классахъ, — этому причины: бо́льшая степень образованности, бо́льшій объемъ нуждъ и предметовъ для ихъ удовлетворенія, бо́льшее число совмѣстниковъ, ищущихъ средствъ къ жизни.

Изъ этого видно, что человѣкъ понуждается къ труду самыми обстоятельствами жизни; но и самыя обстоятельства зависятъ равномѣрно отъ образа и направленія жизни человѣка. Пусть сначала одинъ станетъ болѣе трудиться; подражая ему, или понуждаемый имъ, станетъ болѣе заниматься и другой: такъ-мало по малу завяжется обширная дѣятельность;

изобиліе произведеній съ одной стороны возбудитъ такое же изобиліе съ другой, и богатство, образованность постепенно пойдутъ къ совершенству. Разумѣется, что это дѣлается не вдругъ, но при взятіи мѣръ осторожности и благоразумія какъ производителями, такъ и начальствомъ, принимающимъ въ этомъ участіе.

Послѣ малой дѣятельности слѣдуетъ неуспѣшная. Она состоитъ въ томъ, что все дѣлается, производится не такъ, какъ бы надлежало для достиженія цѣли труда. Земледѣльцы, фабриканты, купцы и прочія сословія имѣютъ свои особенные навыки и предразсудки, отъ коихъ не хотятъ отказаться или отказываются съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ. Эти навыки и предразсудки находимъ и въ физической и въ нравственной жизни. Вначалѣ каждый народъ получаетъ свою осѣдлость, развиваетъ изъ себя силы общественныя почти безъ всякаго посторонняго вліянія; физическія и нравственныя обстоятельства даютъ ему тотъ или другой толчокъ къ труду; климатъ, мѣстность, знакомство съ окружающею природою, порождаютъ наклонности, привычки, образуютъ понятія, чувства, воспитываютъ дѣятельность по всѣмъ отраслямъ общественной жизни. Если бы наблюдатель, сдѣлавъ обширный запасъ просвѣщенія и познаній, пробѣжалъ государства, разсѣянныя по земному шару, онъ замѣтилъ бы вездѣ милліоны вещей хорошихъ и худыхъ: среди грубаго невѣжества, онъ встрѣтилъ бы введенія, работы удивительныя, достойныя вниманія другихъ народовъ, но болѣе попалось бы ему въ глаза смѣшнаго, страннаго, жалкаго. Вездѣ по своему и производится и потребляется. Въ одномъ мѣстѣ способы дѣятельности удобные, выгодные, въ другомъ тяже-

лые, мало производительные, иногда вредные, — въ одномъ мѣстѣ производятъ вещь часами и притомъ наилучшимъ образомъ, въ другомъ для ея производства требуются дни; у одного народа обработываетъ издѣлія человѣкъ, у другаго животное, у третьяго машина. Оставимъ безъ вниманія, хотя безъ сожалѣнія, тѣхъ народовъ, которые почти никакого не имѣютъ сообщенія съ другими; они сами себя исключаютъ изъ общества, составляемаго всѣми людьми, изъ круга человѣчества, — и сами себя лишаютъ выгодъ этого союза; но народы образованные должны помогать одни другимъ въ развитіи и совершенствованіи своихъ силъ. Конечно, нельзя вводить у себя всего, употребляемаго другими народами; что полезно и возможно для одного, то часто оказывается вреднымъ и невозможнымъ для другаго. Каждый народъ отличается своими особенностями и физическими и нравственными, но многое происходитъ отъ невѣжества. Не разсудивъ, точно ли безполезно у насъ то, что приноситъ выгоды другимъ, иногда прямо, на отрѣзъ рѣшаютъ, что это для насъ не годится, къ намъ это нейдетъ; и такіе отвѣты такъ мало по малу дѣлаются общими, что никто не заботится занять свою голову, чтобы обсудить отчетливо извѣстный предметъ; а всякой напротивъ старается, какъ скоро видитъ возможность, свалить съ своихъ плечъ тяжелое бремя. Послѣднее обстоятельство я отношу болѣе къ нравственнымъ дѣйствователямъ, завѣдывающимъ общественнымъ благомъ. Не рѣдко не вѣрятъ самому опыту, говоря, что это такъ вышло, такъ случилось. Если физическій дѣйствователь отказывается отъ лучшаго способа производимости, то онъ лишаетъ самъ себя пользы, разумѣется, вмѣстѣ лишая выгодъ и самое

общество; но если нравственный дѣйствователь исправляетъ свою должность по заведенной, странной формѣ, не желая замѣнить ее лучшею,—то онъ лишаетъ собственно общество большихъ выгодъ, хотя не освобождаетъ чрезъ то и себя отъ большаго труда.

Къ роду неумѣстной дѣятельности относится и то, когда производители стѣсняются въ своемъ трудѣ разными ограниченіями для однихъ, привилегіями для другихъ. Каждая отрасль промышлености почти вездѣ страдаетъ недостатками этого рода; отъ того рѣдко кто занимается тѣмъ, чѣмъ бы могъ заниматься, и такъ, какъ бы могъ; рѣдко кто располагаетъ себя къ труду, смотря по своимъ способностямъ и способамъ; все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ стеченія безчисленныхъ отношеній. Конечно, нѣкоторыя ограниченія необходимы не столько въ ожиданіи важнѣйшихъ выгодъ, сколько въ слѣдствіе опасности зла, могущаго безъ нихъ произойти; но этихъ ограниченій не много. Преимущества, даваемыя одному классу предъ другимъ, несообразно пользѣ, приносимой каждымъ, такъ же нарушаютъ порядокъ въ дѣятельности, отвлекаютъ гражданъ отъ настоящаго ихъ назначенія, и даютъ имъ направленіе, ходъ, совсѣмъ неестественный.

Наконецъ, третій родъ малой производительности составляютъ тѣ, которые дѣлаютъ злоупотребленія въ своей дѣятельности. Страшусь представлять, какъ обширенъ этотъ кругъ людей, и сколь вредное онъ оказываетъ вліяніе на общество! Во всякомъ званіи, во всѣхъ родахъ промышлености и дѣятельности владычествуютъ свои злоупотребленія: такъ напр. купецъ обманываетъ въ продажѣ товаровъ, выдавая худой за хорошій, дешевый за дорогой; фа-

бриканть изобрѣтаетъ разныя средства оттѣнять свои дурныя издѣлія, давая имъ видъ прочныхъ, лучшихъ; даже земледѣлецъ употребляетъ различныя хитрости поддѣлыванія. Если бы можно было подвергнуть строгой отчетливости всѣ сбываемыя произведенія, то едвали бы половина ихъ могла поддержать свою цѣну, и, быть можетъ, третья часть ихъ такова, что производители подвергнулись бы суду правосудія,—и не смотря на это, всѣ эти произведенія получаютъ свой сбытъ, идутъ для потребленія;—и никто не заботится ни о потерѣ издержекъ, ни о потерѣ здоровья потребителей. Разумѣется, что вся нечистота этихъ злоупотребленій стекаетъ на самый низшій классъ народа, глотающаго ее въ видѣ произведеній. Это, мы замѣтили о классахъ физическихъ, но менѣе ли въ этомъ виновны классы нравственные? Думаю, еще болѣе. Сколько тяжебъ, зачатыхъ и развитыхъ злоупотребленіями чиновниковъ, въ нашихъ глазахъ разстроиваютъ имѣнія? Сколько ими замедляется свободное, полезное дѣйствіе капиталовъ? Сколько терпятъ отъ нихъ промышленники въ производствѣ своей промышленности? Гдѣ и когда не слышны ужасные ропоты, жалобы? И гдѣ одно злоупотребленіе не подавляется другимъ? Мало ли такихъ, которые требуютъ исполненія правосудія для того только, чтобы имѣть выгоды самимъ быть неправосудными? Я не разыскиваю здѣсь причинъ, побуждающихъ ко многимъ злоупотребленіямъ, которыми стараются оправдать себя, я говорю объ одномъ вредѣ, происходящемъ отъ злоупотребленій. — То же можно отнести къ классу ученыхъ, и т. д.

Разсмотрѣвъ всѣ роды непроизводительности и малой производительности классовъ, мы не можемъ уди-

почему богатство вездѣ такъ медленно, такъ неправильно распространяется, и почему, чѣмъ болѣе въ какомъ государствѣ находится этихъ политическихъ недостатковъ, тѣмъ менѣе оно и подвигается къ усовершенствованію своихъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Въ природѣ положены законы для совершеннаго счастія твореній. По этому виновенъ во всемъ человѣкъ, а не она, хотя онъ, не постигая законовъ ея, не замѣчая своего отъ нихъ уклоненія, все худое приписываетъ ея распоряженію. — Вотъ почему уже геніи, представители природы, становятся ревностными ея защитниками, почему они безпрерывно вооружаются противу ошибочныхъ, неправильныхъ поступковъ человѣка, обвиняя его, то въ заблужденіи, то въ порокахъ и слабостяхъ, и постигая умомъ своимъ весь организмъ политическихъ обществъ, явно обнаруживаютъ, въ чемъ состоитъ зло, и какіе способы излечить его. Къ сожалѣнію, голосъ ихъ не всегда уважается; напротивъ не рѣдко народы, по невѣжеству, почитаютъ ихъ своими врагами, и не только не пользуются ихъ благодѣтельными уроками, не слѣдуютъ налагаемымъ ими правиламъ, но иногда подвергаютъ ихъ осмѣянію, презрѣнію и даже гоненію.

ГЛАВА XII.

О раздѣленіи труда.

Раздѣленіе труда — одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ Политической Экономіи. Адамъ Смитъ такъ былъ пораженъ чрезвычайнымъ благодѣтельнымъ вліяніемъ

его, что началъ безсмертное свое твореніе изслѣдованіемъ этого предмета. Онъ частію касается того, отъ чего происходитъ раздѣленіе труда, частію показываетъ, какія проистекаютъ важныя, полезныя отъ него слѣдствія, между тѣмъ представляетъ нѣкоторые разительные примѣры, до какой невѣроятной степени низошло это раздѣленіе, но разсматриваетъ все это болѣе по отношенію къ мануфактурной промышленности. Сей и другіе знаменитые писатели почти во всѣхъ пунктахъ заимствовали эту статью изъ творенія Смита, добавляя ее, то своими разсужденіями, то новыми, представляемыми мануфактурнымъ міромъ достопримѣчательными примѣрами.

По мнѣнію Смита три причины раздѣленія труда: 1) увеличеніе проворства въ работникѣ, служащее къ умноженію произведеній. Кузнецъ, привыкшій дѣлать молотки и не занимавшійся дѣланіемъ гвоздей, съ трудомъ сдѣлаетъ сихъ послѣднихъ въ день до 200 и 300, и притомъ гвозди будутъ худо сдѣланы. Равно кузнецъ, умѣющій дѣлать гвозди, но не одною этою работою занимающійся, съ трудомъ сдѣлаетъ ихъ до 1000; но я видѣлъ, продолжаетъ Смитъ, молодыхъ людей, занимавшихся дѣланіемъ однихъ гвоздей, которые могли приготовить ихъ въ день болѣе 2000. 2-е Раздѣленіемъ труда выигрывается время, обыкновенно теряемое работниками, при переходѣ отъ одного занятія къ другому. 3-е Работники, занимаясь однимъ дѣломъ, скорѣе изобрѣтаютъ простые, легкіе способы къ совершенію труда. — Примѣръ, относительно булавокъ, приводимый Смитомъ, особенно разителенъ. Сей приводитъ примѣръ раздѣленія труда въ выдѣлкѣ игорныхъ картъ. Одни изъ работниковъ на карточной

фабрикѣ приготовляютъ бумагу, другіе изображаютъ на ней краски и т. д. такъ что, прежде нежели карты идутъ въ продажу, онѣ подвергаются многоразличнымъ операціямъ, и если не всѣ еще операціи совершаются разными работниками, то это происходитъ отъ несовершенства раздѣленія работы. Я видѣлъ, продолжаетъ Сей, какъ на карточной фабрикѣ 30 работниковъ выдѣлываютъ ежедневно до 15,500 картъ, на каждаго работника приходится болѣе нежели по 500 картъ. Но если бы всѣ операціи были произведены однимъ работникомъ; то онъ не сдѣлалъ бы въ день болѣе двухъ картъ; слѣдственно 30 работниковъ приготовили бы только 60 картъ.

Смитъ между прочимъ пишетъ, что мѣна—главный источникъ раздѣленія труда; что наклонность къ мѣнѣ происходитъ отъ способности мышленія и рѣчи,—по этой причинѣ прочія животныя не имѣютъ мѣны; что различіе, замѣчаемое нами въ способностяхъ людей, не столько служитъ причиною, сколько дѣйствіемъ раздѣленія труда, напр. различіе между философомъ и тѣмъ, который носитъ на себѣ какія либо тяжести, не столько является отъ природы, сколько отъ навыка и воспитанія. Различіе, замѣчаемое отъ природы, гораздо болѣе замѣтно въ прочихъ животныхъ. Всѣ эти мысли основателя Политической Экономіи весьма важны и заслуживаютъ наше вниманіе.

Что мѣна главный источникъ раздѣленія труда, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: безъ мѣны естественно никто не захотѣлъ бы заниматься исключительною какою либо работою; всякой долженъ былъ бы совокупить въ себѣ всѣ роды труда для удовлетворенія своихъ разнообразныхъ нуждъ.

Что мѣна—слѣдствіе способности и рѣчи, это такъ же не подлежитъ сомнѣнію: каким образомъ одинъ могъ бы давать другому свою вещь въ замѣнъ другой, безъ предварительнаго обсужденія ихъ, какъ своихъ произведеній, и взаимнаго соглашенія въ ихъ оцѣненіи? Но точно ли различіе въ способностяхъ людей происходитъ болѣе отъ навыка, нежели отъ природы, это дѣло другое. Во-первыхъ спрашиваю: по чему Смитъ приписываетъ происхожденіе безконечнаго различія въ прочихъ животныхъ дѣйствію природы, но не допускаетъ этого въ людяхъ? Это мнѣніе не выведено имъ ни изъ какого начала, а опытъ показываетъ намъ противное. Не ясно ли мы видимъ, какъ нѣкоторыя дѣти оказываютъ болѣе способности и наклонности къ одной извѣстной отрасли дѣятельности, нежели къ другой? Все равно, какъ подобное различіе замѣчается нами въ свойствахъ: одно дитя упрямо, сердито, жестоко, другое послушно, чувствительно; одно отъ самыхъ пеленъ умѣетъ ласкаться къ другимъ, а иное не по своимъ лѣтамъ становится взыскательно, требовательно. Если бы отъ одного навыка зависѣло направлять дѣтей къ занятіямъ, то стоило ли бы труда родителямъ мучиться съ своими дѣтьми въ томъ, чтобы заставить ихъ любить какую либо работу? Отъ чего привиллегированныя нѣкоторыя сословія общества заключаютъ въ своей сферѣ часто дѣйствователей самыхъ жалкихъ, презрѣнныхъ? Иной отецъ провелъ все время жизни на полѣ сраженій: по чемуже, вопреки всѣмъ превосходнымъ планамъ, чертимымъ для воспитанія сыновей, сіи послѣдніе нерѣдко оказываются мало способными къ военной службѣ такъ, что уже перескакиваютъ съ одной ступени почестей на другую, поддерживаемые зна-

Что мѣна—слѣдствіе способности и рѣчи, это такъ же не подлежитъ сомнѣнію: каким образомъ одинъ могъ бы давать другому свою вещь въ замѣнъ другой, безъ предварительнаго обсужденія ихъ, какъ своихъ произведеній, и взаимнаго соглашенія въ ихъ оцѣненіи? Но точно ли различіе въ способностяхъ людей происходитъ болѣе отъ навыка, нежели отъ природы, это дѣло другое. Во-первыхъ спрашиваю: по чему Смитъ приписываетъ происхожденіе безконечнаго различія въ прочихъ животныхъ дѣйствію природы, но не допускаетъ этого въ людяхъ? Это мнѣніе не выведено имъ ни изъ какого начала, а опытъ показываетъ намъ противное. Не ясно ли мы видимъ, какъ нѣкоторыя дѣти оказываютъ болѣе способности и наклонности къ одной извѣстной отрасли дѣятельности, нежели къ другой? Все равно, какъ подобное различіе замѣчается нами въ свойствахъ: одно дитя упрямо, сердито, жестоко, другое послушно, чувствительно; одно отъ самыхъ пеленъ умѣетъ ласкаться къ другимъ, а иное не по своимъ лѣтамъ становится взыскательно, требовательно. Если бы отъ одного навыка зависѣло направлять дѣтей къ занятіямъ, то стоило ли бы труда родителямъ мучиться съ своими дѣтьми въ томъ, чтобы заставить ихъ любить какую либо работу? Отъ чего привиллегированныя нѣкоторыя сословія общества заключаютъ въ своей сферѣ часто дѣйствователей самыхъ жалкихъ, презрѣнныхъ? Иной отецъ провелъ все время жизни на полѣ сраженій: по чемуже, вопреки всѣмъ превосходнымъ планамъ, чертимымъ для воспитанія сыновей, сіи послѣдніе нерѣдко оказываются мало способными къ военной службѣ такъ, что уже перескакиваютъ съ одной ступени почестей на другую, поддерживаемые зна-

комствами и связями? Не замѣтно ли, какъ природа иногда очевидно присуждаетъ такихъ блистательныхъ воспитанниковъ на простыя механическія работы? Какихъ не истощаютъ трудовъ на воспитаніе дѣтей знатныхъ, богатыхъ лордовъ? Чего не дѣлаютъ для того, чтобы содѣлать изъ нихъ знаменитыхъ членовъ парламента? Отъ чего при этихъ усиліяхъ, дѣти все таки часто остаются совершенными невѣждами, скрывающими свой стыдъ въ украшеніяхъ знатности? Вотъ по чему богатѣйшія фамиліи упадаютъ и въ послѣдствіи дѣлаются жертвами бѣдности; знаменитыя блистательныя породы нисходятъ на степень униженія, презрѣнія. Не играетъ ли въ самомъ дѣлѣ природа людьми, ткущими съ чрезвычайными замыслами нить своихъ будущихъ распоряженій? Не дѣлаетъ ли она часто на перекоръ ихъ страстей и заблужденій? Или не слѣдуетъ ли она лучше своимъ вѣчнымъ, святымъ уставамъ, по коимъ она раздѣляетъ людямъ способности, не смотря на то, къ какимъ они классамъ или занятіямъ принадлежатъ въ такъ называемыхъ политическихъ обществахъ? На этомъ-то основаніи или явномъ указаніи природы уже во всѣхъ образованныхъ государствахъ разобщились съ нелѣпою мыслію предоставлять непремѣнно важныя должности только извѣстнымъ классамъ народа. Вездѣ нынѣ сынъ простаго земледѣльца достигаетъ высшихъ мѣстъ, почестей, отличій; и если еще соблюдаются нѣкоторыя границы относительно перехожденія гражданъ изъ одного званія въ другое, то это дѣлается болѣе изъ уваженія къ порядку въ отрасляхъ дѣятельности и къ особеннымъ важнѣйшимъ политическимъ расчетамъ, нежели изъ предположенія, будто сынъ купца способенъ только быть куп-

цемъ, а сынъ знатнаго аристократа съ несомнѣннымъ успѣхомъ можетъ занимать высшія государственныя должности. И такъ, для разгаданія представленнаго нами предмета, надо гораздо глубже проникнуть въ природу человѣка и окружающій его міръ.

Человѣкъ, въ первоначальное время своей жизни, заключаетъ въ себѣ зародышъ всѣхъ способностей. Дикіе люди мало разничаются между собою. Потомъ, когда въ общественномъ быту физическія и нравственныя силы ихъ получаютъ то или другое направленіе, — тѣ или другія способности болѣе выигрываютъ въ своемъ образованіи, усовершенствованіи. Это образованіе переходитъ таинственнымъ путемъ въ природу потомковъ, такъ, что они являются въ свѣтъ съ исключительнымъ направленіемъ способностей. Но, безъ сомнѣнія, на это направленіе опять оказываютъ вліяніе тысячи обстоятельствъ, соединенныхъ съ воспитаніемъ. Коренная же, окончательная причина этихъ явленій, заключается въ жизни человѣчества и, могу сказать, въ жизни земнаго шара, которой, посредствомъ способностей человѣка, какъ-бы посредствомъ главныхъ пунктовъ своего раскрытія, обнаруживаетъ свою дѣятельность. Эта только причина объясняетъ то, почему иногда люди являются съ способностями, на которыя, по видимому, никакое ближайшее обстоятельство не могло имѣть вліянія; они служатъ загадкою для обыкновенныхъ наблюдателей жизни человѣчества. Изъ этихъ неразгадываемыхъ людей, одни принадлежатъ обществу, другіе государству, третьи всему человѣчеству. Конечно, если бы люди не имѣли сообщенія, тогда бы все это различіе, замѣчаемое нами, никогда не осуществлялось, люди навсегда остава-

лись бы въ дикомъ состояніи. Но, сообщаясь между собою, они по необходимости, еще въ семействѣ, дѣлились своими пріобрѣтеніями, а въ обществѣ мѣняли ихъ одинъ на другія. — Поэтому, въ строгомъ смыслѣ, раздѣленіе труда было первоначальною причиною мѣны. Могли-ли люди въ дикомъ состояніи сказать одинъ другому: ты занимайся однимъ промысломъ, а я буду заниматься другимъ. Это предположительно только тогда, когда они уже почувствовали пользу раздѣленія труда посредствомъ мѣны, а потомъ и самая мѣна сдѣлалась причиною раздѣленія труда. Чѣмъ болѣе увеличивалось въ обществѣ народонаселеніе, чѣмъ болѣе люди знакомились съ предметами, ихъ окружающими, тѣмъ болѣе развертывалась сфера безчисленныхъ нуждъ, тѣмъ бо́льшее открывалось поле для мѣны произведеній. Жители находили для себя выгоднымъ заниматься одною отраслію промышлености или дѣятельности, нежели многими. Такъ составились главные физическіе классы, земледѣльческій, мануфактурный, торговый, и классы нравственные, духовный ученый, гражданскій и военный. Это раздѣленіе труда главное, основное въ обществѣ. За нимъ слѣдуетъ раздѣленіе частное, происходившее уже въ означенныхъ классахъ, — напр. въ земледѣльческомъ классѣ одни занялись обработываніемъ земли, другіе разведеніемъ садовъ, третьи скотоводствомъ. Равно въ классѣ мануфактурномъ одни имѣютъ предметомъ своего труда выдѣлываніе произведеній изъ царства животнаго, другіе обработываютъ ихъ изъ царства растительнаго или минеральнаго. Классъ торговый такъ же имѣетъ свои особыя подраздѣленія, обращая свой трудъ или на торговлю внѣшнюю, или на торговлю внутреннюю и притомъ на

сбытъ тѣхъ или другихъ товаровъ. Подобныя замѣчанія относятся и къ классамъ нравственнымъ.

Мы выше сказали, что Смитъ, Сей и другіе писатели, въ статьѣ о раздѣленіи труда, изслѣдывали болѣе область мануфактурной промышленности и мало касались другихъ родовъ дѣятельности. По моему мнѣнію, это важное улучшеніе. Они не обозначили систематическимъ образомъ, какъ вообще трудъ человѣка болѣе и болѣе раздробляется, и что такое раздробленіе его распространяется въ одинакой мѣрѣ на всѣ части общественной жизни. Они смѣшали собственно такъ называемое раздѣленіе труда съ его раздробленіемъ. Первымъ называю я то, когда отрасли дѣятельности разъединяются на отдѣльныя свои части, а вторымъ то, когда одна какая либо часть разбирается, по своимъ составамъ, напр. если въ мануфактурной промышленности одинъ занимается выдѣлываніемъ суконъ, другой обработываетъ разныя вещи изъ хлопчатой бумаги: эти работы принадлежатъ къ раздѣленію труда; но если многіе занимаются обработываніемъ одной и той же вещи, приготовляя ее по разнымъ частямъ, какъ то происходитъ въ дѣланіи булавокъ, – это уже образуетъ область раздробленія труда. Первое дѣйствіе, т. е. раздѣленіе труда, всегда предшествуетъ второму, т. е. раздробленію его. По этой причинѣ Смитъ кажется слишкомъ неосновательнымъ, начавъ свое твореніе представленіемъ примѣровъ раздробленія труда, сдѣлавъ оконченъ своимъ взоромъ раздѣленіе его. Читатель, не имѣющій систематическаго направленія ума, легко потеряется въ постиженіи связи многоразличныхъ дѣйствій общественной жизни. Но самъ великій писатель былъ пораженъ необыкновенными способами производительности въ ману-

фактурной промышленности Англіи. Равно и Сей не совсѣмъ точно смотритъ на этотъ предметъ. Говоря, что торговля раздѣляется на внѣшнюю и внутреннюю и т. д., въ то же время приводитъ по мануфактурной промышленности въ примѣръ раздѣленія труда выдѣлку игорныхъ картъ. Послѣдній примѣръ очевидно обозначаетъ раздробленіе, а не раздѣленіе труда. Такое же невѣрное сравненіе онъ примѣняетъ къ нравственнымъ классамъ, говоря, что въ ученомъ классѣ одни занимаются химіею, другіе физикою, иные ботаникою. Я думаю объ этомъ такъ. Какъ всѣ классы физическіе и нравственные подлежатъ раздѣленію труда, поэтому они имѣютъ и свои раздробленія. Въ классѣ торговомъ раздробленіе состоитъ въ продажѣ товаровъ порознь, помелочамъ, такъ многіе купцы продаютъ сахаръ, чай и другіе многоразличные предметы по фунту, по полфунту и менѣе. Въ классѣ ученомъ раздробленіе состоитъ въ занятіи разными частями одной и той же науки, напр. по части исторіи, одни писатели занимаются изложеніемъ древней, другіе средней, а иные новой исторіи; или, еще болѣе, одни обработываютъ исторію Рима, другіе исторію Греціи, или исторію крестовыхъ походовъ и т. д. Всѣ науки имѣютъ подобныя свои подраздѣленія или раздробленія. Равно и другіе нравственные классы допускаютъ то же самое; напр. занятіе дѣлами гражданскими по столамъ составляетъ раздробленіе труда, особенно когда одинъ занимается первоначальнымъ изложеніемъ бумагъ, другой исправляетъ, а третій переписываетъ ихъ. Упущеніе это, какъ мною замѣчено о Смитѣ, произошло отъ чудесной производимости, представляемой мануфактурнымъ міромъ, между тѣмъ какъ другія отрасли дѣятельности не пред-

ставляютъ намъ этого блистательнаго феномена. Одна земледѣльческая промышленость, допуская, подобно другимъ промышленостямъ, раздѣленіе труда, мало однако терпитъ раздробленія: это зависитъ отъ свойства работъ. Кажется, что раздробленіе труда въ мануфактурахъ уже достигло въ нынѣшній вѣкъ своего предѣла. Дальнѣйшее совершенствованіе этой промышлености ознаменовывается безпрерывнымъ изобрѣтеніемъ разныхъ, болѣе удобныхъ къ дѣйствію машинъ. Напротивъ, торговая промышленость, особенно нравственная дѣятельность, нуждаются въ чрезвычайномъ раздробленіи. Впрочемъ, въ богатѣйшихъ городахъ, мы не можемъ даже теперь не удивляться раздробленію труда въ торговлѣ. Чего не можно въ нихъ купить, и притомъ по самымъ малымъ частямъ и, такъ сказать, предъ своими глазами? И между тѣмъ каждый продавецъ получаетъ отъ такой продажи свои выгоды, съ избыткомъ вознаграждаетъ свой трудъ и издержки капитала. Даже въ малыхъ городахъ безпрестанно увеличивается число продающихъ въ раздробь разные товары. Если же это явленіе торговли слишкомъ мало поражаетъ наблюдателя, это происходитъ отъ малаго сосредоточенія оборотовъ ея, между тѣмъ какъ на фабрикѣ всѣ многочисленныя операціи представляются однимъ разомъ нашему взору. Что же касается до классовъ нравственныхъ, то они еще весьма ограничены въ своемъ раскрытіи. Но для этого нужно напередъ раскрытіе и усовершенствованіе всѣхъ классовъ физическихъ, такъ, чтобы богатство, или изобиліе въ безчисленныхъ вещахъ, удовлетворяющихъ наши нужды, наполняли всѣ сословія, всѣ состоянія каждаго государства.

Смитъ и Сей превосходно изложили въ своихъ

твореніяхъ, что раздѣленіе труда ограничивается пространствомъ торга или сбыта произведеній. Такимъ образомъ означенное выше раздѣленіе работы на карточной фабрикѣ полезно только въ томъ мѣстѣ, гдѣ несомнѣнна продажа производимаго количества картъ. Слѣдственно раздробленіе труда имѣетъ обширнѣйшую сферу въ городахъ большихъ, нежели малыхъ, въ государствахъ богатыхъ, населенныхъ, нежели бѣдныхъ, малолюдныхъ. Такъ равно, по замѣчанію Сея, въ малыхъ городахъ медикъ по необходимости бываетъ вмѣстѣ и хирургомъ и антекаремъ. — Эти-то замѣчанія ясно показываютъ намъ причину, по которой въ Англіи дошло до высочайшей степени раздробленіе труда въ мануфактурной промышленности. Англія составляетъ государство богатое, населенное. Безчисленное множество издѣлій, обработываемыхъ на ея фабрикахъ, потребляется частію внутри государства, частію у другихъ народовъ. Въ прочихъ государствахъ, смотря по степени сбыта, разные роды труда сосредоточиваются въ рукахъ немногихъ производителей. Въ селеніяхъ земледѣльцы обыкновенно становятся сами мануфактуристами.

Тотъ, кто рѣшился бы въ селеніи заняться какимъ либо издѣліемъ исключительно, не нашелъ-бы для себя всегдашней постоянной работы,—есть много жилыхъ мѣстечекъ, гдѣ мы не найдемъ ни столяровъ, ни плотниковъ, ни кузнецовъ. Проѣзжающій чрезъ эти мѣста часто высказываетъ свое негодованіе на ихъ жителей, обвиняетъ селеніе, а иногда и мало значительный городъ въ невозможности удовлетворить своей нуждѣ. Но справедливы ли эти обвиненія? Виноваты ли сами по себѣ жители? Мы можемъ примѣнить это ко всѣмъ родамъ произведеній. Иныхъ мы совсѣмъ не встрѣтимъ въ селеніяхъ и ма-

лыхъ городахъ, и иныя въ маломъ количествѣ и худой доброты продаются дорогою цѣною, напр., вино. Что этому причиною? Сбытъ. Также, отъ чего не рѣдко случается что произведеніе, свойственное какому либо мѣсту, дешевле и лучше продается въ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ? Отъ того, что нѣтъ никакой выгоды продавать такимъ образомъ его въ своемъ мѣстѣ по причинѣ малаго сбыта, и оно немедленно перевозится въ тѣ города, гдѣ оно имѣетъ выгодный, обширный сбытъ, и гдѣ покупщики, платя за него дорогую цѣну, въ раздробь продаютъ его весьма дешево, въ соразмѣрности какъ оно продается въ своемъ мѣстѣ. Продавцы расчитываютъ въ выигрышѣ не одну сумму, употребленную на покупку товаровъ, но и скорость оборотовъ капитала. Можно продавать товаръ дешевле и получить болѣе выгодъ, смотря по количеству его сбыта. Вотъ секретъ многихъ купцовъ, обогащающихся въ короткое время! Къ нему конечно присоединяются и многіе другіе секреты. Не смѣтонъ ли былъ бы купецъ, открывшій магазинъ съ дорогими вещами въ малозначительномъ городѣ? По той-же причинѣ и открывающій магазинъ въ сколько-нибудь значительномъ городѣ принужденъ бываетъ продавать вещи по дорогой цѣнѣ. Его обвиняютъ со всѣхъ сторонъ, указываютъ ему на цѣны, по которымъ вещи продаются въ столицахъ или большихъ городахъ, расчитываютъ провозъ или доставку вещей, и при всемъ томъ остаются неправыми, потому что эти обвинители покупщики не берутъ въ соображеніе самыхъ важныхъ условій, а именно того, сколько находится въ магазинѣ другихъ подобныхъ товаровъ, или вышедшихъ изъ употребленія, или нейдущихъ въ продажу по причинѣ малаго числа покупателей - потребите-

лей. Спрашивается теперь, чѣмъ негоціантъ или купецъ долженъ вознаградить потерю капитала или потерю процентовъ съ него, если не чрезмѣрно дорогою цѣною тѣхъ уже товаровъ, которые идутъ въ сбытъ? Если купецъ сколько нибудь ошибется въ этомъ расчетѣ, банкротство его неизбѣжно, и этому мы видимъ безпрерывные примѣры. Обо всемъ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе въ статьѣ «о цѣнѣ произведеній.«

Купецъ равно не можетъ безъ явнаго понесенія убытковъ раздробить продажу своихъ товаровъ по мелочамъ. Подобную участь испытываютъ нравственные классы въ бѣдныхъ государствахъ. Во Франціи для каждой науки находятся особые преподаватели, даже многія части наукъ имѣютъ своихъ авторовъ, и это потому, что тамъ ученые находятъ для своихъ произведеній удобный, выгодный сбытъ, сочиненія ихъ читаются, раскупаются великимъ числомъ образованныхъ людей. Напротивъ въ государствахъ, далеко запоздалыхъ въ области просвѣщенія, часто двѣ и три отдѣльныя науки имѣютъ одного преподавателя, и рѣдко писатель посвящаетъ себя долговременному, опредѣленному ученому занятію: онъ боится не быть вознагражденымъ за свой трудъ иногда платою обыкновеннаго работника. Одне только необыкновенныя способности сильны заставить геніальныхъ людей жертвовать и выгодами своими и опасностію потерять здоровье для пользы просвѣщенія. Вотъ почему въ этихъ государствахъ сами правительства принимаютъ на себя заботливость отличать, поощрять людей съ особенными дарованіями и познаніями. Къ нимъ присоединяются иногда богатые граждане, руководимые любовію къ пользѣ общественной. Въ томъ и другомъ отношеніи изъ

всѣхъ государствъ Европы, Англія, кажется, наиболѣе заслуживаетъ вниманія и уваженія, хотя промышлености въ ней несравненно болѣе были поощряемы, нежели дѣятельность нравственная: отъ того, сколько она ни славится просвѣщеніемъ, но богатство далеко опередило его.

Изъ всего сказаннаго нами очевидно, что какъ раздѣленіе, такъ и раздробленіе труда, необходимыя слѣдствія постепеннаго улучшенія обществъ и вообще человѣчества, и сопротивляться раскрытію того и другаго, значитъ не желать совершенствованія. По чему же, спросятъ насъ, нѣкоторые знаменитѣйшіе писатели, какъ то Сисмонди, Мальтусъ, возстаютъ со всемъ жаромъ противу раздѣленія труда? Первый между прочимъ возлагаетъ: какъ жалко смотрѣть на многочисленный классъ работниковъ, убивающихъ свои способности и время на занятіе одною механическою работою, и кромѣ ея, они ни къ чему не бываютъ способны - Безъ сомнѣнія, онъ, какъ благороднѣйшій мыслитель, наблюдатель, былъ тронутъ бѣдственнымъ положеніемъ работниковъ на мануфактурахъ Англіи; но мысль его въ самой сущности несправедлива. Потому что 1-е какъ мы замѣтили выше, не одна мануфактурная промышленость, но и другія отрасли промышлености, дѣятельности имѣютъ одинако свои раздѣленія и раздробленія. Слѣдственно, если надо допустить ограниченіе раздробленія труда на мануфактурахъ, то должны допустить его и въ прочихъ отрасляхъ труда. Но 2-е, можно ли обозначить со всею благоразумною точностію предѣлы, за которые не должно выходить раздробленіе труда. Если человѣкъ, пользуясь свободою, добровольно рѣшается на трудъ, хотя жалкій, ограниченный, въ правѣ

ли другіе отказать ему въ пользованіи этою свободою, и не можетъ ли безъ предоставленія этой работы, классъ работниковъ подвергнуться еще худшей участи, по неимѣнію средствъ къ своему пропитанію. Впрочемъ раздробленіе труда дошло до самой низшей степени въ одной Англіи, и это произошло отъ стеченія разныхъ обстоятельствъ, а именно, отъ того, что мануфактурная промышленость раскрылась въ ней слишкомъ быстро въ сравненіи съ другими государствами. Этотъ феноменъ, вѣроятно, никогда не будетъ болѣе существовать на земномъ шарѣ. Машины начинаютъ замѣщать число рукъ, дѣйствующихъ по одному механизму, и это распространяется на всѣ отрасли дѣятельности. Какъ народонаселеніе такъ и богатство по законамъ природы, безпрерывно вездѣ увеличиваются, и не въ волѣ человѣка остановить приливъ того и другаго. Обязанность правительствъ состоитъ только въ томъ, чтобы во всѣхъ направленіяхъ общественной дѣятельности соблюдать мѣры осторожности, постепенности, соразмѣрности. Если же по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ принятыя мѣры въ какомъ либо государствѣ оказываются недѣйствительными, въ этомъ случаѣ люди и народы сами должны исполнять требованія состраданія и человѣколюбія. Къ крайнему прискорбію, это мало оправдывается опытомъ, отъ чего и зло, которое легко можно было бы задушить въ началѣ, становится ужаснымъ въ послѣдствіи. Въ такія смутныя времена умы обыкновенные ссылаются на непроницаемыя дѣйствія Провидѣнія; они говорятъ: такъ угодно волѣ Бога; но можетъ ли быть угоднымъ Провидѣнію то, что бы какія либо изъ его твореній испытывали бѣдствія, когда это чувство недоступно даже душѣ бла-

городнаго человѣка. Кажется, что эгоисты, для прикрытія своей безграничной жадности къ богатству и вмѣстѣ для оправданія своей холодности къ бѣдствіямъ подобныхъ себѣ существъ, изобрѣли этотъ образъ ссылки, ни кѣмъ не разгадываемой. Они чрезъ то нѣкоторымъ образомъ освобождаютъ себя отъ всякаго участія въ судьбѣ другихъ, связанныхъ съ ними одною цѣпію общей жизни, и можетъ быть несущихъ на себѣ безвинно бремя преступленій, пороковъ, заблужденій чуждыхъ. Напрасно человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ, умомъ и характеромъ рѣшился бы возбудить такихъ рабовъ эгоизма къ состраданію; онъ былъ бы осмѣянъ въ своихъ, по ихъ мнѣнію, мечтаніяхъ; окружающіе его сочеловѣки, сограждане, едва прислушиваясь къ возгласамъ просвѣщенія, остаются почти всегда, какъ золотые истуканы, нѣмы, глухи. Они не хотятъ понимать, что ужасными своими поступками приготовляютъ если не себѣ, то своимъ потомкамъ неминуемую гибель, неизбѣжно осуждаютъ ихъ на бѣдность, униженіе, слѣдствія своего ненасытнаго эгоизма Этотъ эгоизмъ—то чудовище, которое противится существованію блаженства на земномъ шарѣ: задушите, умертвите это чудовище, и я увѣренъ, что вмѣстѣ съ нимъ исчезнутъ и самые слѣды бѣдствій, терзающихъ жалкое человѣчество.

Вы, быть можетъ, удивляетесь тому, отъ чего я, отступивъ отъ политико-экономическихъ изслѣдованій, увлекся такъ сильно чувствами нравственнаго сострадація? Къ этому я вызванъ, М. Г. жалкимъ, несчастнымъ положеніемъ многочисленнаго класса такъ называемыхъ работниковъ. Окиньте взоромъ своимъ весь земной шаръ, пробѣжите мыс-

ленно государства, его населяющія, и вы увидите чрезвычайную толпу, разсѣянную внутри ихъ, толпу людей, обреченную на одни труды и лишенія. Конечно всему есть свои степени. По необходимому закону постепеннаго совершенствованія, нѣкоторые изъ производителей должны были выйти изъ круга обыкновенныхъ людей-гражданъ; одаренные высшими способностями, они нечувствительно выдвинулись на степень богачей-капиталистовъ, и повлекли за собою на пути труда многочисленный классъ бѣдныхъ работниковъ; но скоро они разошлись съ ними въ прямомъ направленіи, скоро потеряна была постепенность, соразмѣрность въ ихъ общественномъ значеніи. Мы видимъ нынѣ бо́льшую часть людей, въ разныхъ странахъ Европы, замкнутыхъ въ кругу работниковъ, изможденными соревнованіемъ, и оставленными безъ призрѣнія на жертву всегдашней нищеты и страданія. Классъ богачей-капиталистовъ, подвигаясь далѣе и далѣе впередъ, мало или совсѣмъ не оглядывался на своихъ согражданъ, собратіевъ, сочеловѣковъ, далеко отъ нихъ отставшихъ въ ходѣ къ достиженію своей цѣли, къ пріобрѣтенію лучшаго жребія. Но люди всегда люди, граждане всегда граждане, общество всегда общество, живущее жизнію всѣхъ, — эта истина не должна быть забыта капиталистами. Вѣрьте М. Г., что въ природѣ должны существовать законы для постепеннаго совершенствованія человѣчества: есть законы для работниковъ, есть законы равно для капиталистовъ. Я здѣсь не разумѣю только работниковъ, находящихся на фабрикахъ, но и тѣхъ, которые заключаются въ классѣ земледѣльческомъ и составляютъ классъ самый многочисленный. Въ Англіи классъ фабричныхъ работниковъ

наиболѣе заслуживаетъ сострадания. Мудрое правительство, замѣтивъ это, придумывало разные способы къ облегченію ихъ участи. Такъ, оно было вынуждено назначать возрастъ, въ которомъ дѣти могутъ поступать въ классъ работниковъ и вмѣстѣ время для ихъ занятій въ той цѣли, чтобы силы ихъ были сбережены. По моему мнѣнію, для этого нужно еще другое важнѣйшее условіе, а именно, надо, сообразно требованіямъ вѣка, доставлять людямъ всякаго состоянія приличное образованіе, совершенствовать ихъ способности по извѣстнымъ отраслямъ дѣятельности. Сельское домоводство, Технологія, Коммерція, — вотъ какія науки, во всей подробности излагаемыя, для нихъ необходимы. Тогда всякій при несчастномъ расположеніи общественныхъ обстоятельствъ, съ бо́льшею удобностію, съ меньшимъ рискомъ перейдетъ отъ одного занятія къ другому. Въ самомъ дѣлѣ, ужасно обрекать кого бы то ни было на одинъ механическій трудъ! Но если уже угрожаетъ какому либо классу гражданъ неожиданное бѣдствіе, въ этомъ случаѣ прочіе граждане, часто выигрывающіе на счетъ бѣдствія первыхъ, обязаны немедленно оказывать имъ вспомоществованіе, такое однако, чтобы подъ видомъ бѣдности не укрывалась праздность, лѣность, такъ какъ подъ видомъ богатства, почестей, не рѣдко скрываются ничтожныя достоинства. Не забывайте, что когда я выше сказалъ о законахъ политико-экономическихъ, то я не исключаю отсюда нравственность, имѣющую значеніе чисто политическое. Безъ ней общество не имѣетъ жизни, души: она одна скрѣпляетъ души гражданъ, она одна исправляетъ политическія ошибки, уклоненія, и предупреждаетъ страшныя слѣдствія, происходящія отъ заблужде-

нія. Въ статьѣ о народонаселеніи во 2-й части Политической Экономіи я изложу подробнѣе эти мысли мои.

—

ГЛАВА XIII.

О машинахъ.

Сей. — Cours complet d'Econ. pol. tom 1. pag. 382.

«Хотя древніе народы имѣли нѣкоторыя машины, но онѣ были чрезвычайно грубы. Люди иногда замѣняемы были животными; но вообще въ древнія времена не знали употребленія ни воды ни воздуха для молотія хлѣба; корабли у древнихъ были тяжелые. По мнѣнію Сисмонди, говоритъ Сей, какъ скоро требованіе потребленія превосходитъ способы произведенія, тогда всякое новое открытіе въ искусствахъ составляетъ благодѣяніе для общества. Если же количество произведеній достаточно для потребленія, то новое открытіе уже причиняетъ бѣдствія, потому что хотя оно и доставляетъ потребителямъ наслажденія дешевле, за то оно стѣсняетъ производителей уменьшеніемъ ихъ выгодъ. Изъ этого видно, продолжаетъ Сей, что авторъ почитаетъ нужды за-нѣчто извѣстное, постоянное, чего совсѣмъ не показываетъ намъ опытъ. 400 лѣтъ тому назадъ, предки наши не имѣли много такихъ вещей, которыя нынѣ у насъ почитаются обыкновенными и необходимыми, напр. тогда не носили ни рубашекъ, ни чулокъ,—не болѣе ста лѣтъ, какъ жители деревень не имѣли понятія о вилкахъ при употребленіи пищи, и почитали за роскошъ имѣть деревянныя ложки.»

Да, когда требованіе не превышаетъ произведенія вообще? Если высшій классъ пользуется какими

либо вещами, зато нуждаются въ нихъ средній и низшій классы, которые не въ состояніи потреблять ихъ, по причинѣ дорогой цѣнности; при новомъ же открытіи, уменьшающемъ издержки произведенія, мѣновая цѣнность вещей упадаетъ, и тогда уже является для нихъ большое число требователей-потребителей. Мы не можемъ примѣнить этого въ одинакой степени только къ произведеніямъ необходимымъ для жизни, почти всегда потребляемымъ въ извѣстномъ количествѣ, напр. къ хлѣбу; но если бы при новомъ изобрѣтеніи цѣна на хлѣбъ слишкомъ упала, тогда производители принуждены были бы обратить земли и капиталы на другія произведенія, болѣе требуемыя.

«Конечно, говоритъ Сей, нѣкоторыя нужды имѣютъ свои границы, напр. не требуется болѣе шляпъ, нежели сколько находится головъ; но изобиліе другихъ произведеній умножаетъ самое народонаселеніе. Нынѣ промышленности доставляютъ способы къ существованію гораздо большему числу жителей, нежели какъ это было при Людовикѣ XIV.»

Примѣръ шляпъ не совсѣмъ удовлетворителенъ. Всегда ли носятъ шляпы всѣ тѣ, которые желаютъ ихъ носить. При томъ шляпы могутъ быть худшія и лучшія. Но если при всемъ томъ число шляпъ подлежитъ ограниченію по числу головъ, то мы должны сказать тоже и о всѣхъ безчисленныхъ произведеніяхъ, потребляемыхъ въ обществахъ.

«Даже относительно произведеній, способствующихъ увеличенію народонаселенія, почитаю нужнымъ замѣтить, что это народонаселеніе никогда не возрастаетъ въ уровень увеличенія самыхъ произведеній, напр. хлѣбъ, при улучшеніи обработыванія земли, или при изобрѣтеніи новыхъ орудій къ обра-

ботыванію ея, можетъ увеличиться въ количествѣ въ два раза больше, но народонаселеніе никогда такъ быстро не увеличивается; даже если бы народонаселеніе и не увеличилось, при всемъ томъ можно болѣе потреблять.»

Не все, и въ извѣстныхъ границахъ.

«За продукты, пріобрѣтенные дешевле посредствомъ машинъ, можно получать другіе продукты. Сисмонди не замѣчаетъ, что дешевизна произведеній означаетъ ихъ изобиліе. Допустивъ его мнѣніе, значило бы жаловаться на то, что общество съ тѣмъ же числомъ рукъ, съ тѣмъ же доходомъ пріобрѣтаетъ болѣе произведеній.»

Такъ, но Сисмонди замѣчаетъ, что въ это время производители, по необходимости, ограничатся меньшими выгодами, напр. представимъ, что вдругъ, по какому либо чрезвычайному случаю, земли получили бы необыкновенное плодородіе, такъ что произведенія, по причинѣ изобилія, продавались бы по низкой цѣнѣ, тогда дѣйствительно общества выиграли бы много, но производители или владѣльцы земель могли бы въ той же степени потерять. Только само собою разумѣется, что такой случай невозможенъ. Изобиліе произведеній земли бываетъ временное, невсегдашнее, машины также совершенствуются постепенно.

«По мнѣнію Сисмонди общество лучше должно состоять изъ гражданъ, нежели изъ машинъ; но машины, продолжаетъ Сей, не уменьшая количества произведеній, не уменьшаютъ и числа гражданъ, а только онѣ заставляютъ сихъ послѣднихъ пріобрѣтать посредствомъ разныхъ родовъ промышленности вещи, потребляемыя другими собственно образованными государствами. Конечно, какъ

скоро количество извѣстныхъ произведеній превышаетъ самое ихъ требованіе, тогда производители, по необходимости, обращаются къ другимъ родамъ промышленности, и, безъ сомнѣнія, эта перемѣна имѣетъ свои неудобства. Вкусъ раждается не вдругъ, но постепенно. Но должно ли, по причинѣ временныхъ неудобствъ, останавливать успѣхи обществъ, успѣхи, посредствомъ коихъ они стремятся къ достиженію высшей степени образованности и богатства? И не можно ли даже этимъ замедленіемъ подвергнуть ихъ болѣе тяжкимъ невыгодамъ?»

Мысли Сея превосходны. Точно, если, при изобрѣтеніи какой либо машины, прежніе капиталисты, производившіе вещи съ большими издержками, лишаются при сбытѣ ихъ многихъ выгодъ, то не странно ли, по причинѣ этихъ потерь, не признавать пользы самой машины тогда, когда она вообще способствуетъ или бо́льшему или болѣе выгодному производству. За тѣмъ, если бы даже капиталисты съ однимъ и тѣмъ же капиталомъ получали несравненно бо́льшее количество произведеній, нежели сколько нужно ихъ для потребленія, то можно ли и въ этомъ случаѣ почитать изобрѣтеніе машины вреднымъ? Развѣ нельзя тогда обратить часть капитала на другую промышленость, какъ замѣтилъ Сей? Производители все-таки останутся въ выигрышѣ, потому что и съ одною, оставшеюся частію капитала, они получатъ большія прибыли. Обыкновенно произведенія никогда разомъ не упадаютъ въ цѣнѣ своей въ уровень уменьшенія издержекъ, происходящаго отъ употребленія новой машины; а потому, по моему мнѣнію, потеря, причиняемая переводомъ капитала изъ одной отрасли промышленности въ другую, не можетъ быть ощутительною

для капиталистовъ. Впрочемъ, сколько можно видѣть изъ опытовъ, машины, способствуя бо́льшему потребленію произведеній, не только не исключаютъ прежнихъ капиталовъ изъ круга промышленности, но еще привлекаютъ къ ней новые. Что́ замѣтили мы о производителяхъ-капиталистахъ, то равно относится и къ производителямъ-работникамъ, замѣняемымъ машинами. Они, или находятъ для себя работу на новыхъ фабрикахъ того же рода, или уже поступаютъ на другія фабрики: въ послѣднемъ случаѣ часто имъ предстоитъ много неудобствъ, потому что они не всегда имѣютъ возможность скоро найти для себя работу; но все таки эти невыгоды станутъ ли наровнѣ съ пользою машинъ? Какъ скоро посредствомъ ихъ обогащается цѣлое общество, обогащаются производители-капиталисты, то обогащеніе это тѣмъ или другимъ путемъ падаетъ и на работниковъ, по крайней мѣрѣ вообще. Частные же неблагопріятные случаи, которыхъ никогда избѣжать нельзя, остаются уже на попеченіи правительства и капиталистовъ, обогащающихся посредствомъ изобрѣтеній. Тотъ не гражданинъ общества, кто, обязанный ему всѣмъ своимъ богатствомъ, не хочетъ ему служить частію своихъ изобрѣтеній. — Не видимъ ли мы тѣхъ же опытовъ и въ области нравственной дѣятельности? Не показываетъ ли она, какъ люди съ высшими способностями, съ лучшимъ образованіемъ, съ болѣе обширными познаніями, постепенно берутъ перевѣсъ въ обществѣ надъ людьми, уступающими имъ въ этихъ преимуществахъ, такъ что сіи послѣдніе иногда совсѣмъ теряютъ прежнюю свою важность, лишаются прежняго своего вліянія и могущества? Спрашиваю: должно ли изъ одного снисхожденія къ этимъ людямъ, останавли-

вать ходъ, возвышеніе первыхъ, отнимать у нихъ способы вести общества и народы къ высшему благосостоянію? Равно случается и то, что, по причинѣ изобрѣтенія лучшихъ способовъ исполненія нравственной дѣятельности, нѣкоторые изъ прежнихъ производителей становятся излишними, ненужными. Слѣдуетъ ли однако, смотря на ихъ невыгодное положеніе, отвергать пользу изобрѣтенія? — Ни мало.

«Если бы положимъ, говоритъ Сей, Французы не ввели въ употребленіе машинъ для пряденія хлопчатой бумаги, то стали бы ими пользоваться иностранцы: отъ этого издѣлія ихъ сдѣлались бы дешевле и лучше, и фабрики французскія не избѣжно пришли бы въ упадокъ; тогда работники сихъ послѣднихъ не подвергнулись ли бы еще большимъ бѣдствіямъ, нежели какія они могли бы испытать, при употребленіи машинъ?»

Но, быть можетъ, Сисмонди пожелалъ бы, чтобы машины оставлены были безъ употребленія у всѣхъ народовъ,—тогда спрашиваю, выиграло ли бы все человѣчество? Отвѣчаю рѣшительно: нѣтъ. 1-е Этого нельзя и сдѣлать;—2-е, такъ какъ народонаселеніе съ каждымъ годомъ безпрерывно возрастаетъ, то произведенія, добываемыя съ одинакими издержками, становились бы дороже, а потому бо́льшая часть людей рано или поздно осталась бы безъ способовъ къ содержанію, безъ работы.

«Впрочемъ изобрѣтеніе машинъ становится болѣе и болѣе затруднительнымъ.»

Это несправедливо. Я думаю напротивъ, что съ лучшимъ познаніемъ вещей, законовъ ихъ, люди современемъ изобрѣтутъ еще лучшія, болѣе совершенныя машины.

«Вообще общество было бы самымъ промышленнымъ то, въ которомъ люди занимались бы только работами, требующими мышленія, а механическія работы были бы замѣнены или животными или машинами.»

Превосходная мысль!

«Жалуются, что въ мануфактурныхъ городахъ работники часто остаются безъ работы, или живутъ весьма бѣдно; но это происходитъ совсѣмъ не отъ машинъ. Что за машины были въ царствованіе Елисаветы, Англійской королевы?—и между тѣмъ при ней собственно въ первый разъ былъ установленъ законъ для вспомоществованія бѣднымъ. Въ наше время работники наиболѣе страдаютъ тамъ, гдѣ нѣтъ совсѣмъ машинъ, на прим. въ Китаѣ. Тамъ почти все дѣлается руками, и работники умираютъ съ голоду. Бѣдность происходитъ единственно отъ недостатка промышленности, капиталовъ, хорошаго управленія и т. п.»

Вполнѣ справедливо, прибавлю еще, что работники часто остаются безъ работы отъ паденія фабрикъ; но это паденіе бываетъ слѣдствіемъ многочисленныхъ обстоятельствъ, нимало не зависящихъ отъ машинъ; если же это происходитъ отъ введенія машинъ, въ такомъ случаѣ это зло необходимое, и оно свойственно всѣмъ отраслямъ дѣятельности, достигающимъ постепеннаго совершенствованія. Торговля также имѣетъ свои перевороты, въ слѣдствіе которыхъ одни производители падаютъ, другіе возвышаются. Самая земледѣльческая промышленость не изъята ихъ. Представимъ только, что если бы вдругъ какое либо обыкновенное произведеніе земли замѣнено было другимъ новымъ, болѣе полезнымъ, тогда, естественно, прежніе произво-

дители понесли бы убытки, растрату капиталовъ. И ужели, для избѣжанія этихъ убытковъ, этой растраты, міръ человѣчества долженъ былъ бы отказаться отъ лучшаго произведенія?

Мальтусъ. — Princ. d'Econ. pol. tome II pag. 102.

«Потребленіе хлопчатобумажныхъ издѣлій, послѣ изобрѣтенія машинъ, возросло до такой степени въ Англіи и въ другихъ государствахъ, что въ сложности нынѣшняя цѣнность ихъ несравненно превосходитъ прежнюю цѣнность, что ясно доказывается быстрымъ увеличеніемъ народонаселенія городовъ Глазгова, Манчестера и другихъ.—Далѣе: хотя бы потребленіе какого либо произведенія, не смотря на его дешевизну, и неувеличилось, при всемъ томъ употребленіе машинъ можетъ принести пользу; напр. положимъ, что для обработыванія какихъ либо издѣлій употребляемо было до 20.000 фун. стерлинг. капитала, а по изобрѣтеніи машинъ достаточно было бы для фабрикъ только 10.000, то хотя бы въ этомъ случаѣ нѣкоторые работники остались безъ дѣла на прежней фабрикѣ, за то выиграли бы капиталисты нѣсколько тысячъ, которые уже могутъ быть употреблены на другой предметъ, и такимъ образомъ работники опять могутъ получить занятіе. Только при этихъ случаяхъ почти всегда теряется часть капитала, а слѣдственно и не всѣ работники могутъ быть употреблены въ дѣло.»

Мальтусъ не совсѣмъ точенъ. Если-бы капиталистъ, при изобрѣтеніи машины, и употребилъ на какое либо произведеніе только 10.000, то не надо забывать, что онъ отъ нихъ получитъ прибыль большую, нежели какую онъ получалъ прежде, по-

тому что, какъ уже нами замѣчено, цѣна на произведеніе не вдругъ упадаетъ въ соразмѣрность уменьшенія издержекъ, такъ что вмѣсто 20.000 капитала, капиталистъ, вѣроятно, будетъ имѣть всего 25.000, а потому если-бы онъ и принужденъ былъ перевести часть своего капитала на другую отрасль промышленности, то потеря, какую онъ могъ бы понести при этомъ переводѣ, никакъ не должна превзойти его выигрыша. Положимъ, что эта потеря будетъ простираться на 2000, тогда онъ будетъ имѣть въ остаткѣ 13.000: слѣдственно работники, оставшіеся безъ дѣла на прежней фабрикѣ, получатъ еще болѣе занятій въ новой отрасли промышленности. Но при этомъ рождается вопросъ: кто будетъ потребителемъ новыхъ произведеній, на которыя будутъ употреблены 13.000, такъ какъ потребители выиграютъ отъ покупки прежнихъ произведеній менѣе этой суммы? Отвѣчаю на это.

Обыкновенно въ этихъ случаяхъ, для полученія произведеній, сдѣлавшихся дешевыми, усиливается трудъ другихъ производителей, или изобрѣтается съ ихъ стороны какая либо машина, доставляющая болѣе дохода, болѣе способовъ для покупки тѣхъ произведеній. Безъ этого предположенія, неизбѣжно должно произойти накопленіе произведеній въ той отрасли промышленности, на которую производители изобрѣтатели машинъ обратятъ свои излишніе капиталы,—накопленіе же произведеній должно уже повлечь за собою потерю 13.000. Такое явленіе намъ часто представляется политико-экономическимъ міромъ. Впрочемъ, эта потеря не всегда бываетъ ощутительна: не всѣ роды промышленности доставляютъ одинакія выгоды, напротивъ одни даютъ ихъ болѣе, другіе менѣе. Уменьшеніе прибыли не озна-

чаетъ еще совершенной потери. Слѣдственно капиталистъ можетъ довольствоваться и меньшею прибылью съ капитала 13.000, нежели какая получалась прежде другими производителями той же промышленности.

«Вообще, если при увеличеніи произведеній, происходящемъ въ слѣдствіе изобрѣтенія машинъ, распространяется внѣшняя торговля, то сбытъ ихъ можетъ доставлять выгоды; въ противномъ случаѣ вредъ для государства неизбѣженъ.»

Это несправедливо; напротивъ, если изобрѣтеніе машинъ можетъ быть вреднымъ для одного государства, то оно можетъ быть такимъ и для всѣхъ, потому что машины могутъ быть введены вездѣ. Иностранная торговля такъ же имѣетъ свои границы относительно сбыта произведеній, хотя, разумѣется, сбытъ этотъ заключается въ сферѣ гораздо обширнѣйшей.

«Можно-ли думать, что если бы продажа издѣлій за границею почему либо пріостановилась, т. е. или въ слѣдствіе запрещенія ихъ ввоза въ другія земли, или въ слѣдствіе распространенія одинакихъ промышленостей въ этихъ земляхъ, то это ни мало не помѣшало бы потреблять болѣе, нежели сколько требуютъ того нужды,—иначе можно было бы обойтись и безъ внѣшней торговли.»

Странно! Безъ сомнѣнія, никто не захотѣлъ бы потреблять болѣе произведеній, нежели сколько требуютъ того нужды. Но съ другой стороны, никакой производитель не захотѣлъ бы добывать тѣхъ произведеній, которыя требуются только за границей, но которыхъ не можно было бы тамъ сбывать; равно какъ ни кто не захочетъ производить болѣе, нежели сколь-

ко потребляется и въ другихъ государствахъ. Но 1-е можно ли думать, что-бы вдругъ учреждены были запрещенія на ввозъ иностранныхъ издѣлій или произведеній во всѣхъ государствахъ, когда напротивъ опытъ показываетъ намъ противное; эти запрещенія вездѣ облегчаются и даже совсѣмъ уничтожаются; 2-е не можно также предполагать и того, чтобы вдругъ во всѣхъ государствахъ фабрики распространились или улучшились въ одинакой степени. Впрочемъ, по мѣрѣ учрежденія означенныхъ запрещеній и улучшеній фабрикъ, дѣйствительно происходятъ разные перевороты въ политико-экономическомъ быту народовъ.

При этомъ нельзя забывать и того, что съ распространеніемъ всѣхъ отраслей промышленостей, въ тоже время безпрерывно вездѣ увеличивается народонаселеніе, а съ нимъ увеличивается и число потребителей, которые съ своей стороны становятся производителями. Все идетъ постепенно; раскрытіе народонаселенія и богатства имѣетъ свои законы. Представимъ, что бы было съ человѣчествомъ, если-бы вдругъ были изобрѣтены возможно совершенныя машины, посредствомъ коихъ произведенія были бы добываемы самымъ легкимъ, дешевымъ способомъ, и такъ, что ничего болѣе не оставалось бы желать человѣку? Новое поколеніе, новое народонаселеніе, не осталось ли бы тогда на жертву голоду, среди самаго безпредѣльнаго богатства? Такъ точно. Но и въ это время новое народонаселеніе могло бы занять новыя земли, еще необработанныя, разсѣянныя въ чрезвычайномъ количествѣ по земному шару, или могло бы оно приняться за обработываніе издѣлій, достающееся легкимъ образомъ. Къ счастію, означенное предположеніе несбыточно; всегда находятся

многочисленные предметы для труда. Хотя въ Англіи капиталисты и работники весьма часто подвергаются стѣсненному состоянію, — но 1-е) этого не можно сказать о другихъ государствамъ, 2) предпринятіемъ благоразумныхъ мѣръ, правительство Англіи избѣгаетъ рѣшительныхъ бѣдствій, 3-е) все таки состояніе этого государства далеко отстоитъ отъ означеннаго нами предположенія.

Можно сдѣлать противоположный вопросъ въ отношеніи къ народонаселенію: что-бы было тогда, когда бы народонаселеніе вдругъ увеличилось въ такой степени, что каждый человѣкъ старался бы, такъ сказать, оспоривать мѣсто одинъ у другаго? Не ужасно ли было бы такое состояніе человѣчества? Но возможно ли и это предположеніе?

Сисмонди. — Nouveaux Principes d'Econ. Pol. tom. 1. pag. 346.

«Прежде изобрѣтенія чулочной машины англійскіе фабриканты имѣли потребителями своихъ издѣлій только жителей своего государства; по изобрѣтеніи же ея, весь міръ сдѣлался ихъ потребителемъ; за то производители чулочныхъ матерій въ другихъ государствахъ терпѣли величайшіе убытки.»

Этого нельзя избѣжать.

«И такъ, если совершенствованіе въ способахъ производимости не есть слѣдствіе новаго требованія, и потому не сопровождается обширнѣйшимъ потребленіемъ, оно всегда убиваетъ прежнихъ производителей, новые же производители, не зная своихъ жертвъ, почитаютъ свои изобрѣтенія благодѣяніемъ человѣчества.»

Производимость почти всегда идетъ къ совершенствованію вслѣдствіе большаго требованія, покрайней мѣрѣ оно само по себѣ вызываетъ его. И вообще человѣчество всегда выигрываетъ отъ новыхъ, лучшихъ изобрѣтеній, хотя и случаются при этомъ частныя пожертвованія, какъ мы замѣтили выше.

«Въ настоящій вѣкъ, когда сообщенія между государствами удобны, и когда всѣ науки приспособлены ко всѣмъ искусствамъ, открытія, сдѣланныя въ одномъ государствѣ, скоро разгадываются въ другомъ, такъ что нельзя долгое время держать ихъ въ секретѣ, а потому нынѣ было бы безразсудно поощрять изобрѣтенія посредствомъ исключительныхъ привиллегій.»

Мысль превосходная! Дѣйствительно лучше предоставить изобрѣтателю какія либо особыя выгоды, лучше даже назначить ему какую либо чрезвычайную награду, нежели давать ему привиллегію пользоваться какимъ либо изобрѣтеніемъ исключительно, особенно въ продолженіе многихъ лѣтъ.

«Но не должно думать, чтобы всякое новое открытіе было пагубнымъ; иначе общество не могло бы дѣлать и успѣховъ. Всякое изобрѣтеніе отъ плуга до паровой машины имѣетъ свою пользу; только эта польза достигается по мѣрѣ умноженія самаго требованія; иначе изобрѣтеніе, замѣняя людей, производитъ ужасное бѣдствіе.»

Объ этомъ сказано нами выше.

«Въ Америкѣ паровыя машины составляютъ благодѣяніе, потому что тамъ мало находится работниковъ; но въ Англіи онѣ причиняютъ бѣдность однихъ на счетъ богатства другихъ.»

Но самъ же выше сказалъ Сисмонди, что изобрѣтеніе не можетъ долго скрываться въ секретѣ;

народъ же, пользующійся имъ, можетъ выиграть гораздо болѣе въ сравненіи съ другими народами, и даже въ подрывъ ихъ производителей. — Наконецъ, развѣ Америка навсегда останется съ одинакимъ числомъ жителей? Слѣдственно не должно ли рано или поздо произойти и съ нею то же самое, что нынѣ происходитъ, по мнѣнію Сисмонди, съ Европою?

Гаспль. — Syst. d'Econ. Polit. tom. 1. pag. 21.

«Сисмонди не обратилъ должнаго вниманія на дѣйствія машинъ. Онѣ служатъ къ умноженію не однихъ произведеній, но и самаго потребленія ихъ. Можетъ ли быть, чтобы машины, умножая количество произведеній въ 4 раза, самое потребленіе умножали только въ 2 раза? — Сисмонди этого не доказалъ.

Какъ скоро раздѣленіе труда еще не утвердилось во всѣхъ своихъ отрасляхъ, и классы промышленые не достигли своего раскрытія, то изобрѣтеніе машинъ заставляетъ капиталистовъ и работниковъ переходить отъ одного рода дѣятельности къ другому. Но если бы всѣ отрасли промышлености были наполнены и капиталистами и работниками, то безъ сомнѣнія, всякое дальнѣйшее совершенствованіе, всякая новая машина имѣла бы вліяніе на уменьшеніе числа трудящихся. Но такъ какъ это уменьшеніе ни мало не уменьшало бы количества произведеній, то часть увеличившагося дохода относилась бы или къ прибыли отъ капитала, или къ доходу отъ земли, и слѣдственно дѣйствіе машинъ только уменьшало бы число производителей, живущихъ валовымъ доходомъ. — Но кто не видитъ, что это-то самое и составляетъ причину народнаго благосостоянія. Чѣмъ болѣе низшіе классы уменьша-

ются, тѣмъ менѣе они подвергаются опасности, угрожающей со стороны нуждъ, суевѣрія, невѣжества тѣмъ болѣе возрастаютъ высшіе классы, тѣмъ болѣе государства вообще дѣлаются сильными, образованными.»

Остановившись на этомъ, Ганиль не входитъ уже въ дальнѣйшія изслѣдованія. Дѣйствительно, производители безпрерывно поступаютъ изъ классовъ физическихъ въ классы нравственные постепенно умножающееся количество произведеній, богатство, обезпечиваетъ нужды тѣхъ и другихъ: отъ того-то въ государствахъ богатыхъ нравственные классы находятся на высшей степени раскрытія; они наслаждаютъ общественную славу, спокойствіе, добродѣтели и образованіе. Но такъ какъ не можно обозначить предѣла и возрастанію нуждъ физическихъ, вызываемыхъ образованіемъ, — по сему классы физическіе всегда будутъ требовать новыхъ капиталовъ, новыхъ производителей и новыхъ изобрѣтеній, такъ что постепенно возрастающее народонаселеніе должно поступать частію въ число дѣйствователей физическихъ, частію въ число дѣйствователей нравственныхъ. Безъ пособія новыхъ изобрѣтеній или машинъ, все это народонаселеніе поглащалось бы однимъ удовлетвореніемъ нуждъ физическихъ; собственно машины даютъ возможность человѣчеству совершенствоваться нравственно. И въ этомъ-то, конечно, состоитъ важнѣйшая цѣль природы, та цѣль, чтобы человѣкъ могъ съ самымъ меньшимъ трудомъ удовлетворять свои нужды физическія, и заботился особенно о нуждахъ нравственныхъ. Разсматривая настоящее состояніе государствъ, мы легко замѣчаемъ, на какой еще низшей степени развитія находится человѣчество. — Что за

великое число дѣйствователей нравственныхъ даже въ образованныхъ государствахъ? Вся общественная дѣятельность, всѣ усилія и заботы общественныя нынѣ направлены болѣе къ пріобрѣтенію богатства, оно какъ будто составляетъ все назначеніе людей и народовъ, какъ будто человѣчество собственно для богатства сотворено, живетъ, дѣйствуетъ. Послѣ этого, что за изобрѣтенія, существующія въ настоящее время, что за машины? — Какъ онѣ недостаточны, какъ немногочисленны, слабы, бѣдны!

Но скажутъ, уже ли нравственнымъ классамъ предоставлено совершенствованіе въ безконечность? Уже-ли число ихъ дѣйствователей не опредѣлено числомъ нуждъ нравственныхъ? — Это рѣшить не легко; напротивъ это вызываетъ новые вопросы, а именно, положены ли природою границы совершенствованію человѣчества и физическому и нравственному, т. е. пріобрѣтенію богатства и въ обширномъ смыслѣ понимаемой образованности; равно есть ли границы безпрерывно распространяющемуся по лицу земнаго шара народонаселенію? Наконецъ, отъ чего зависитъ то и другое раскрытіе, т. е., раскрытіе народонаселенія и раскрытіе богатства и образованности? Не заключается ли это въ предѣлахъ жизни земнаго шара? Какая это жизнь? На всѣ эти вопросы мы будемъ отвѣчать въ статьяхъ о потребленіи вообще и о народонаселеніи; а теперь заключимъ только тѣмъ, что, судя по нынѣшнему состоянію государствъ или состоянію всего человѣчества, высшая степень раскрытія, какъ физическаго, такъ и нравственнаго, еще чрезвычайно отдалена.

—

Альбанъ де Вильневъ Баржемонтъ. — L'Econom. politique Chretienne, tom. 1.

Я выше мало приводилъ мнѣній этого писателя. Совокуплю теперь болѣе значительныя въ одномъ мѣстѣ.

Вооружаясь безпрерывно противу школы Адама Смита и его послѣдователей, онъ находитъ главный недостатокъ въ ихъ теоріи тотъ, что они заботились единственно о безграничномъ произведеніи богатства, не обращая вниманія на послѣдствія. Нищенство — вотъ это ужасное послѣдствіе!

pag. 81.

«Должно сознаться, что знаніе политико-экономическое писателей не составляетъ теоріи счастія народовъ. — Счастіе и спокойствіе націй упадаютъ по мѣрѣ усиленнаго распространенія промышленности и чрезвычайнаго раскрытія матеріальной образованности. Цѣль общества не состоитъ только въ произведеніи богатства, но въ возможно-величайшемъ распространеніи удобства, благоденствія и нравственности между людьми. Теоріи Англійской школы не могутъ достигнуть этого: онѣ должны уступить мѣсто ученію болѣе здравому, вѣрному.—Новая школа Политической Экономіи, школа нравственная та, которая имѣетъ предметомъ болѣе удобство частныхъ людей, нежели богатство націй, болѣе благосостояніе всѣхъ, нежели собственность нѣкоторыхъ классовъ, которая наконецъ старается доставить каждому человѣку достоинство, свободу и часть благоденствія, ему принадлежащаго. Посему надо связать неразрывными узами науку богатствъ матеріальныхъ съ

наукою богатствъ нравственныхъ, словомъ, взять за основаніе христіанство.»—Далѣе писатель исчисляетъ благодѣтельное вліяніе христіанства на жребій человѣчества.

Мы вполнѣ согласны съ мнѣніями писателя. Мы сами выше замѣтили, что для благоденствія людей и народовъ одни пріобрѣтенія богатства недостаточны, требуются еще пріобрѣтенія нравственныя. Дѣло состоитъ только въ томъ, что 1-е писатель смѣшалъ политику съ Политическою Экономіею, какъ будто нравственность заключается въ одномъ распространеніи человѣколюбія, умѣренности. Писатель забылъ важное условіе, именно, распространеніе просвѣщенія, искусствъ. Я не могу изобразить, до какой степени можетъ въ послѣдствіи распространиться классъ, занимающійся этими предметами? Сколько онъ потребуетъ дѣйствователей въ каждомъ государствѣ? Классъ бѣдный, неимѣющій нынѣ способовъ къ труду и пропитанію, легко могъ бы поступить въ этотъ классъ, и плодами своихъ пріобрѣтеній покупать пріобрѣтенія физическія богачей-капиталистовъ. Къ сожалѣнію, просвѣщеніе и искусства еще слабо поддерживаются мѣрами правительствъ и частныхъ людей. 2-е Несправедливо онъ нападаетъ на писателей, знаменитыхъ политико-экономовъ, которые, проникнувъ въ законы пріобрѣтенія богатствъ, изложили ихъ со всею точностію, отчетливостію. Они дѣйствительно заботились только о томъ, чтобы показать людямъ и народамъ, какимъ образомъ, по законамъ природы, съ малымъ трудомъ можно достигнуть необыкновенныхъ успѣховъ въ раскрытіи богатства. Если же при этомъ раскрытіи въ послѣдствіи оказалось зло подъ именемъ нищенства, то причиною этому не правила писателей, не богатство, но зло,

котораго люди и народы не старались истреблять, ослаблять посредствомъ самаго богатства.

pag. 341.

Въ статьѣ «о машинахъ» писатель приводитъ мнѣнія различныхъ политико-экономовъ, писавшихъ болѣе или менѣе безусловно въ пользу машинъ, и раскрываетъ, какъ бѣдность постепенно увеличивалась съ распространеніемъ, усиленіемъ мануфактурной промышленности, какъ машины, безпрерывно совершенствуясь, доставляли чрезвычайныя выгоды производителямъ, и въ то же время, отнимая у работниковъ способы трудиться, повергали ихъ въ ужасную нищету, — такъ, что, нищета, а съ нею преступленія, особенно противу собственности, возрастали по мѣрѣ возрастанія богатства мануфактуристовъ. *) Наконецъ заключаетъ статью такъ: «Спросятъ, какой способъ согласитъ трудъ, промышленость мануфактурную, произведеніе богатствъ, успѣхи образованности, съ благосостояніемъ многочисленныхъ классовъ общества? Этотъ способъ существуетъ и притомъ безопасный, но онъ требуетъ совершенной перемѣны въ общественныхъ наукахъ. Вмѣсто того, чтобы имѣть цѣлію богатства физическія наслажденія, надо видѣть во всѣхъ людяхъ братьевъ, призванныхъ къ раздѣлу одного и того же наслѣдства, оказывать во всѣхъ предпріятіяхъ умѣренность, справедливость и сострадніе, должно любить и искать успѣховъ

*) Въ 1811 году преступленій было въ Англіи 5,337; а въ 1821 году 13,115. Ужасный приливъ въ такое короткое время! Земледѣльческихъ семействъ отъ 1811 г. до 1821 г. увеличилось только 70,755, а семействъ мануфактуристовъ и купцовъ увеличилось 219,316. — Econ. pol. chrét. om. 1, pag. 374 и 375.

во всѣхъ вещахъ, но съ благоразумiемъ, безъ эгоизма, безъ жадности, не пренебрегать пріобрѣтенiемъ удобствъ жизни, но не пріобрѣтать ихъ съ трудомъ другихъ, должно направлять нужды, желанiя, прибыли такъ, чтобы трудъ, плата за трудъ и улучшенiе нравственное и физическое низшихъ классовъ шли согласно съ умноженiемъ богатствъ. Такъ, покровительствовать преимущественно земледѣльческую промышленность, ведущую болѣе вѣрнымъ путемъ къ этой цѣли, ободрять машины, полезныя для всѣхъ, но запрещать строгими мѣрами тѣ изъ нихъ, которыя иностранцами или соотечественниками введены были бы ко вреду класса работниковъ — вотъ въ чемъ состоитъ рѣшенiе проблемы!»

Какъ ни кажутся мысли писателя филантропическими, но безотчетно согласиться съ ними никакъ нельзя. Конечно, всякій производитель долженъ украшаться всѣми добродѣтелями человѣка-гражданина. Но въ чемъ заключаются его мудрость, умѣренность? По моему мнѣнiю, мудрость его заключается въ умѣнiи производить такъ, чтобы съ меньшими издержками получать болѣе дохода. Умѣренность равно состоитъ въ томъ, чтобы не вдаваться опрометчиво въ необдуманныя предпрiятiя, чтобы не рисковать безразсудно въ производительности, чтобы потреблять вещи не свыше дохода, а еще болѣе, чтобы большую часть его употреблять опять на воспроизведенiе. Но эти добродѣтели не только не отклоняютъ употребленiя машинъ и чрезвычайнаго произведенiя богатствъ, напротивъ вызываютъ, усиливаютъ то и другое. Что же касается до того, чтобы во всѣхъ людяхъ видѣть своихъ братьевъ, оказывать имъ состраданiе, — это дѣло другое. Дѣйст-

вительно, какъ скоро обширный классъ народа, классъ работниковъ, безпрерывно замѣщаемый машинами, остается безъ труда, безъ средствъ къ своему пропитанію, то производители-капиталисты не могутъ и жертвовать частію своихъ выгодъ для вспомоществованія. Изъ сказаннаго нами выше видно, что не всѣ работники, замѣщаемые въ извѣстномъ родѣ промышленности машинами, должны оставаться безъ работы; напротивъ часть ихъ найдетъ способы труда и своего пропитанія или въ той же промышленности, обширнѣе развиваемой, или въ какой либо другой новой; для другой же части, оставшейся безъ работы, ни мало не будетъ тягостно капиталистамъ, обогащающимся посредствомъ машинъ, оказывать приличное вспомоществованіе, и я согласенъ на то, что это вспомоществованіе, по всѣмъ расчетамъ благоразумія, можетъ пасть на распространеніе земледѣлія; т. е. капиталисты могутъ посредствомъ части своихъ капиталовъ или прибыли доставить работникамъ способы къ обработыванію земель, еще необработанныхъ, незаселенныхъ, и чрезъ то доставить имъ способы къ пропитанію. Допустивъ же это, мы никакъ не должны желать, требовать ограниченія въ произведеніи богатствъ; напротивъ умноженіе ихъ съ одной стороны способствуетъ умноженію выгоды капиталистовъ, съ другой даетъ средства отклонить лишенія, страданія работниковъ. Осмѣливаюсь даже предполагать, что развитіе промышленостей безпрерывнымъ изобрѣтеніемъ, улучшеніемъ машинъ, есть самое назначеніе природы. Быть можетъ, человѣчество нѣкогда безъ всякаго труда будетъ добывать безчисленныя богатства, и это одно можетъ и должно способствовать полному развитію нравственныхъ пріобрѣте-

ній, составляющихъ послѣднюю степень совершенства людей и народовъ. Но если капиталисты откажутся отъ вспомоществованій, необходимыхъ для класса бѣдныхъ, то удобства, наслажденія ихъ физическія, возрастутъ въ прогрессіи геометрической, если могу такъ выразиться, за то въ той же прогрессіи увеличится и классъ бѣдныхъ. Въ это время неизбѣжно произойдетъ чрезвычайная противоположность между богатствомъ однихъ и бѣдностію другихъ. Возгласы, ропотъ, явное ожесточеніе вызовутъ вспомоществованіе, но оно будетъ безсильно отвратить постепенное возрастаніе зла, и государство нечувствительно будетъ приходить въ состояніе угрожающей опасности; что, что можно было бы сдѣлать заранѣе со всею удобностію, въ послѣдствіи потребуетъ особенныхъ рѣшительныхъ мѣръ, болѣе или менѣе тяжкихъ для государства. Въ такомъ отношеніи находится Англія, гдѣ мѣры вспомоществованія бѣдныхъ были приняты не совсѣмъ по правиламъ Политической Экономіи. — Нельзя оставить безъ вниманія важнѣйшихъ исчисленій Вильнева-Баржемонта.

ВОТЪ ЕГО ТА

	Число жителей.	Поверхность въ двойныхъ миляхъ.	Народонаселеніе.	Народона земледѣльч.	селені промы
Англія. .	23.400.000	11.319	2.071	9.360.	000
Германія.	13.600.000	12.625	1.109	10.200.	000
Австрія. .	32.000.000	23.230.	1.377	25.600.	000
Данія. . .	2.500.000	9.075	275	2.000.	000
Испанія .	13 900.000	16.053	865	11.583.	333
Франція.	32.000.000	26.853	1.212	25.600.	000
Италія. .	19.044.000	12.614	1.509	15.870.	000
Нидерлан.	6.143.000	2.700	2.274	2.451.	000
Португалія	3.530.000	3.680	957	2.941.	665
Пруссія .	12.778.000	9.577	1.334	10.640.	915
Россія Европ. и Поль.	52.500.000	343.175	123	48.850.	000
Швейцарія	1.714.000	1.660	1.028	1.142.	666
Швеція. .	3.866.000	3.700	1.045	3.092.	800
Турц. Евр.	9.500.000	25.923	331	8.312.	500
Итого. . .	226.445.000.	491.650.	460.28/49.	170.681.	716.

ТАБЛИЦА:

селеніе въ промыш.	Въ мануфактурной и торговой.	Отношеніе этого народонаселенія.	Число бѣдныхъ.	Отношеніе бѣдныхъ ко всему народонаселен.
000	14.040.000	2 : 3	3.900.000	1 : 6
000	3.400.000	3 : 1	680 000	1 : 20
000	6.400.000	4 : 1	1.280.000	1 : 25
000	500.000	4 : 1	100.000	1 : 25
333	2.316.667	5 : 1	450.000	1 : 30
000	6.400.000	4 : 1	1.600.000	1 : 25
000	3.174.000	5 : 1	750.000	1 : 25
000	3.693.000	2 : 3	877.000	1 : 7
665	588.335	5 : 1	141.000	1 : 25
915	2.129.085	5 : 1	425.933	1 : 30
000	3.750.000	14 : 1	525.000	1 : 100
666	571.334	2 : 1	171.000	1 : 10
800	773.200	4 : 1	154.600	1 : 25
500	1.187.500	7 : 1	142.500	1 : 40
716.	48.763.667.	3½—1.	10.897.333.	1—20 9/10.

Причины умноженія и уменьшенія бѣдныхъ.

Въ Англіи: Философія матеріальная, политическая экономія, основанная на возбужденіи нуждъ, измѣненіе начала благотворенія, равнодушіе духовенства къ бѣднымъ, такса бѣдныхъ, утѣсненіе Ирландіи, скопленіе народонаселенія въ мануфактурныхъ городахъ, сосредоточіе капиталовъ и поземельной собственности, употребленіе машинъ на мануфактурахъ, система обработыванія большихъ земель, безконечное распространеніе мануфактурной производительности, нужды, зависящія отъ климата.

Въ Германіи: Преимущество земледѣлія, промышленость мануфактурная изъ туземныхъ произведеній, вліяніе идеальной философіи.

Въ Австріи: вліяніе католицизма, религіознаго воспитанія, земледѣлія и туземной мануфактурной промышленности.

Въ Даніи: преимущество земледѣлія и туземной мануфактурной промышленности.

Въ Испаніи: вліяніе католицизма и начала благотворенія, религіозно соблюдаемаго, большія пособія, оказываемыя религіозными заведеніями, вліяніе земледѣльческой и мануфактурной туземной промышлености, вліяніе климата, требующаго не много нуждъ. Большая часть бѣдныхъ — нищіе.

Во Франціи: часть Франціи страдаетъ отъ бѣдности тамъ, гдѣ усилилось ученіе политико-экономическое Англіи. Провинціи южныя болѣе земледѣльческія, и гдѣ менѣе нуждъ, тамъ мало бѣдныхъ.

Въ Италіи: вліяніе католицизма, земледѣлія, туземной мануфактурной промышленности и климата.

Въ Нидерландахъ: Вліяніе мануфактурнаго наро-

донаселенія, — для облегченія его прибѣгаютъ къ земледѣлію.

Въ Португаліи: то же положеніе, какъ и въ Испаніи, но пропорціонально болѣе бѣдныхъ отъ недостатка.

Въ Пруссіи: вліяніе земледѣлія, сильно покровительствуемаго, и изобиліе туземныхъ произведеній и промышленость туземная.

Въ Россіи: вліяніе обширнаго пространства, народонаселенія, безпрерывно возрастающаго, и земледѣлія.

Въ Швеціи: вліяніе земледѣлія и туземной мануфактурной промышлености.

Въ Швейцаріи: вліяніе слишкомъ обширнаго распространенія мануфактурной промышлености и большаго народонаселенія.

Въ Турціи: вліяніе земледѣлія, національной мануфактурной промышлености, обширнаго пространства, мало населеннаго, религіи, возбуждающей къ благотворительности.

Таблица эта заслуживаетъ вниманія по многимъ отношеніямъ, только по моему мнѣнію, не льзя имѣть къ ней полнаго довѣрія. Я сомнѣваюсь, чтобы число бѣдныхъ показано было въ каждомъ государствѣ съ надлежащею отчетностію. Въ числѣ бѣдныхъ помѣщены не только лишенные средствъ доставать своимъ трудомъ себѣ пропитаніе, но и всѣ, пользующіеся публичнымъ или частнымъ вспомоществованіемъ. Но не ясно ли видно, что гдѣ находится болѣе человѣколюбивыхъ, благотворительныхъ заведеній, учрежденій, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, тамъ показывается и большее число бѣдныхъ; гдѣ же напротивъ бѣдные снискиваютъ себѣ пропитаніе одною милостынею, однимъ част-

нымъ подаяніемъ, тамъ показывается ихъ менѣе, хотя на самомъ дѣлѣ число ихъ можетъ быть чрезвычайно огромное.

Притомъ въ Англіи самые работники, достающіе себѣ трудомъ пропитаніе, только весьма скудное, для своего семейства, пользуются благодѣяніями такъ называемой таксы. Нынѣ уже измѣнено это законодательство. Но сколько такихъ жалкихъ семействъ встрѣтили бы въ другихъ государствахъ: эти семейства едва имѣютъ чѣмъ удовлетворять своимъ необходимымъ нуждамъ, и между тѣмъ не просятъ у другихъ милостини, не пользуются общественными благодѣяніями? Какъ же мы въ этомъ случаѣ будемъ сравнивать вѣрно показанія о числѣ бѣдныхъ? Не обвиняемъ ли мы въ этомъ случаѣ Англію за то, въ чемъ мы должны удивляться, завидовать ей? И не хвалимъ ли мы напротивъ другія государства за то, въ чемъ состоитъ важнѣйшій недостатокъ ихъ общественнаго устройства? Изъ таблицы писателя видно, что государства наиболѣе богатыя заключаютъ въ себѣ и большее число бѣдныхъ, такъ въ Англіи число бѣдныхъ къ числу всѣхъ жителей, какъ 1: 6, въ Нидерландахъ какъ 1: 7, за тѣмъ слѣдуютъ прочія государства. Также въ Англіи классъ мануфактуристовъ и купцовъ находится къ числу земледѣльцевъ какъ 2: 3, въ Нидерландахъ какъ 2: 3. Спрашиваю: что если въ Англіи и Голландіи бѣдность умножалась вмѣстѣ съ распространеніемъ фабрикъ и торговли, то какъ эти государства и могли бы иначе обогатиться? Могли ли бы онѣ достигнуть настоящаго блистательнаго состоянія съ преимущественнымъ распространеніемъ одного земледѣлія? Естественно—нѣтъ. Притомъ, быстрое распространеніе фабрикъ и торговли Англіи и

Голландіи не подвинуло ли самое земледѣліе другихъ государствъ къ улучшенію. Что представляетъ намъ Китай, гдѣ народъ ограничивается преимущественнымъ занятіемъ въ земледѣліи и гдѣ фабрики и торговля чрезвычайно слабо раскрыты? Что?—Скитающуюся толпу бѣдныхъ, ужасы преступленій, даже непочитаемыхъ такими. Въ особенномъ усиленіи фабрикъ и торговли заключаются безчисленные предметы труда, способы существованія. Но все таки мы не противорѣчимъ и тому, что безпрестанно выдвигающееся числобѣдныхъ изъ среды мануфактурно-торговой промышлености должно быть обращено къ промышлености земледѣльческой, заключающей средства къ ихъ пропитанію. Къ этому надо присоединить еще и колонизаціи, составляющія необходимое условіе заселенія многочисленныхъ земель, еще необработанныхъ, разсѣянныхъ на всемъ огромномъ пространствѣ земнаго шара. Послѣдній же результатъ всѣхъ политико-экономическихъ соображеній состоитъ въ чрезвычайномъ, назначенномъ природою, распространеніи нравственныхъ классовъ и въ достиженіи идеи, показанной нами выше. Но странно было бы при этомъ отвергать благодѣтельное вліяніе на общества добродѣтели и нравственныхъ качествъ, предписываемыхъ христіанствомъ, излагаемыхъ писателемъ въ его превосходномъ твореніи.

Скажу еще болѣе. Совершенства нравственныя не состоятъ въ одномъ непосредственномъ ихъ отношеніи къ богатству; сфера ихъ обширнѣе, назначеніе ихъ важнѣе. Возьмемъ со вниманіе одну только религію или воспитаніе. Чего можно ожидать отъ того общества, въ которомъ религія явно остается въ пренебреженіи, нѣтъ никакого уваженія къ ея обря-

дамъ, ея правилам, или въ которомъ воспитаніе имѣетъ худое направленіе? Одно ли богатство въ этомъ случаѣ терпитъ въ своемъ успѣшномъ производствѣ? Развѣ оно одно требуется для счастія человѣка, для общественнаго благосостоянія? Развѣ при изобиліи матеріальныхъ вещей, при удовлетвореніи безчисленныхъ физическихъ нуждъ, не можно быть несчастливымъ, не можно быть чуждымъ постояннаго спокойствія и благополучія? Развѣ развращеніе нравственное, невѣжество глубочайшее, не есть бѣдность человѣка и общества, и притомъ, ужаснѣйшая, нежели какою мы находимъ бѣдность физическую? Развѣ вся цѣль наша заключается въ области нуждъ нашего тѣла? Развѣ нужды нематеріальныя не болѣе сильны и могущественны для насъ? Если политико-экономы горько ошибаются, ограничивая дѣятельность человѣка одною земледѣльческою промышленостію, то не менѣе жалкая ошибка состоитъ и въ томъ, чтобы заключить всѣ его требованія, всѣ его желанія, намѣренія и дѣйствія въ одномъ кругу богатства. Но разумѣется, что всѣ промышленности не могли бы развиться безъ развитія земледѣлія,—не могъ бы равно человѣкъ совершенствоваться нравственно безъ богатства. Къ прискорбію міръ общественный еще матеріаленъ, еще онъ болѣе живетъ для своей физической природы, нежели для нравственной. Не многіе люди, одаренные высокими способностями, снабженные благороднѣйшими понятіями и чувствами, превозмогаютъ механическое влеченіе настоящаго вѣка. Народы еще не достигли этой высокой участи, хотя у образованныхъ нравственность становится постепенно болѣе требовательною, взыскательною.

Наука Политика скоро разовьется въ своихъ на-

чалахъ и выставитъ людямъ и народамъ всю важность, все значеніе нравственнаго достоинства.

Мы выше видѣли, что Дюпень, по своимъ розысканіямъ, находитъ сѣверныя провинціи Франціи болѣе богатыми, нежели южныя, и причину этого различія полагаетъ въ усиленномъ распространеніи мануфактуръ, торговли и самаго просвѣщенія въ первыхъ провинціяхъ; но Вильневъ Баржемонтъ напротивъ считаетъ болѣе бѣдныхъ въ сѣверныхъ, нежели въ южныхъ провинціяхъ. Онъ оспориваетъ мнѣніе Дюпеня тѣмъ, что хотя дѣйствительно на сѣверѣ Франціи выходитъ круглымъ числомъ болѣе дохода на каждаго производителя, но этотъ доходъ не доставляетъ въ сущности тамошнимъ жителямъ болѣе удобствъ, потому что произведенія земли на югѣ гораздо дешевле. Притомъ самъ Дюпень охуждаетъ сосредоточеніе огромныхъ земель въ собственность не многихъ владѣльцевъ, — а это сосредоточеніе замѣчается и на сѣверѣ Франціи. Наконецъ дюпень полагаетъ, что, при лучшемъ ходѣ промышленности, часть земледѣльцевъ могла бы удобно перейти въ классъ мануфактуристовъ и купцовъ, съ тѣмъ однако, чтобы оставшееся число меньшее земледѣльцевъ доставляло одинакое количество произведеній земли. Но какъ, возражаетъ Вильневъ, это могло бы случиться, если бы земли, раздробившись на меньшіе удѣлы, достались большему числу владѣльцевъ? Ккъ могли бы въ это время число земледѣльцевъ не увеличиться, а уменьшиться? Возраженія Вильнева вполнѣ основательны. Я полагаю, что во всякомъ случаѣ, какъ число земледѣльцевъ, такъ и число фабрикантовъ и купцовъ должно умножаться; но число послѣднихъ, по причинѣ еще несовершеннаго раскрытія мануфактурной

и торговой промышленности, сравнительно, покрайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ и собственно земледѣльческихъ государствахъ, должно увеличиваться въ большей пропорціи. Въ тѣхъ же государствахъ, въ которыхъ мануфактуры и торговля достигли высшей степени раскрытія, уже земледѣліе должно наиболѣе усиливаться. Мы обо всемъ этомъ говорили выше. На счетъ же мнѣнія Дюпеня и Вильнева о бѣдности, мы не можемъ согласиться съ послѣднимъ писателемъ. Произведенія земли дешевы въ южныхъ провинціяхъ Франціи, по причинѣ плодородія земель, на это не означаетъ еще богатства. Можно не просить пособія благотворительности и жить между тѣмъ весьма бѣдно, довольствуясь удовлетвореніемъ однѣхъ необходимыхъ нуждъ. Не естественно ли, что съ большимъ распространеніемъ мануфактуръ, торговли и просвѣщенія, жители южныхъ провинцій достигли бы высшаго благосостоянія? Равно естественно, что жители сѣверныхъ провинцій, по причинѣ малаго продородія земель, навсегда остались бы въ жалкомъ положеніи, если бы не занимались преимущественно мануфактурами и торговлею, — за то, по свойству этихъ двухъ промышленостей, можетъ въ нихъ проявляться большее число бѣдныхъ, которымъ уже богатые капиталисты обязываются оказывать вспомоществованіе; но разумѣется, что это вспомоществованіе, сообразно выше сдѣланнымъ нами замѣчаніямъ, должно основываться на распространеніи земледѣлія и вообще труда. Что касается до вліянія на бѣдность, приписываемаго писателемъ большему или меньшему количеству нуждъ, то онъ этимъ нѣкоторымъ образомъ оправдываетъ бѣдность въ земляхъ сѣверныхъ и мало плодородныхъ. Въ этомъ случаѣ онъ говоритъ не

столько въ пользу своихъ мнѣній, сколько противу нихъ.

Другія причины большей или меньшей бѣдности въ государствахъ также не много уважительны въ строгомъ политико-экономическомъ смыслѣ. Мнѣ кажется, что писатель упустилъ много изъ виду особенныхъ причинъ, имѣющихъ вліяніе на бѣдность. Для разгаданія ихъ необходимо знать каждое государство въ надлежащей подробности.

Наконецъ слѣдуетъ еще сказать о нравственномъ состояніи мануфактурныхъ государствъ и городовъ. По мнѣнію Вильнева, преступленія въ нихъ совершаются многочисленнѣе, нежели въ государствахъ земледѣльческихъ, и вообще невѣжество, беззаботность, безнравственность преимущественно господствуютъ въ первыхъ. На стран. 300 tom. I Вильневъ прибавляетъ: всѣ государственные люди, какъ и всѣ моралисты, согласны, что земледѣліе раждаетъ любовь къ собственности, смягчаетъ нравы, даетъ человѣку болѣе достоинства, раскрываетъ болѣе его силы физическія и нравственныя, тѣсно привязываетъ къ землѣ отечества, и такимъ образомъ составляетъ могущественную основу общественнаго порядка. По моему мнѣнію, эти мысли писателя преувеличены.

Относительно состоянія физическаго или здоровья, мы сдѣлали еще наше замѣчаніе въ началѣ обозрѣнія Исторіи Политической Экономіи, когда разбирали понятія древнихъ объ этой наукѣ. Прибавлю здѣсь еще то, что если смотрѣть на занятія человека съ этой точки, то занятія нравственныхъ дѣйствователей, и особенно ученыхъ, будутъ самыми невыгодными. Ужели чрезъ это они теряютъ свое значеніе въ области труда? Всегда выигрышъ силъ нравственныхъ служитъ къ ущербу

силъ физическихъ. Впрочемъ, если соблюдать благоразумныя мѣры въ способѣ и времени занятій, то всегда можно отдалять вредныя послѣдствія трудовъ, необходимо требующихъ сидячей жизни. Въ Англіи въ настоящее время правительство обратило строгое вниманіе на этотъ предметъ относительно мануфактуръ.

Въ разсужденіи нравовъ рѣшительно нельзя согласиться съ писателемъ. Дѣло не естественное, чтобы нравы земледѣльцевъ были болѣе утончены, нежели нравы мануфактуристовъ; одно то, что мануфактуристы ведутъ жизнь въ городахъ, имѣютъ болѣе близости къ прочимъ сословіямъ гражданъ, уже болѣе говоритъ въ ихъ пользу. Вообще земледѣльческія работы болѣе матеріальны, болѣе разобщены между собою, и опытъ показываетъ, что чѣмъ селенія находятся далѣе отъ городовъ, тѣмъ жители ихъ грубѣе, заражены большими предразсудками и заблужденіями. Но что классъ работниковъ на мануфактурахъ иногда обнаруживаетъ вольность, дерзость и буйство,—этому другія причины, нами уже выше обозначенныя. Конечно, нельзя не допустить того, что въ городахъ, наполненныхъ многочисленными фабриками, рабочій народъ бываетъ погруженъ въ чрезвычайное невѣжество; но это исключеніе,—и это-то исключеніе и, можно сказать, излишество, крайность мануфактурнаго развитія, сильно бросается въ глаза политико-экономовъ и порождаетъ въ нихъ состраданіе, ропотъ, возгласы противу жалкаго состоянія рабочаго класса людей. Одно только дальнѣйшее усовершенствованіе машинъ, постепенно устраняющее многочисленность работниковъ на мануфактурахъ, можетъ произвести благодѣтельную въ этомъ перемѣну. Къ

удивленію, политико-экономы въ машинахъ видятъ новое бѣдствіе для работниковъ.

Что же касается до безнравственности и преступленій, замѣчаемыхъ писателями въ мануфактурныхъ государствахъ, я объ этомъ такого мнѣнія: 1-е Такъ какъ мы выше допустили то, что мануфактуры по свойству своему подлежатъ болѣе шаткости и непостоянству, то неудивительно, что работники, оставаясь иногда безъ способовъ къ своему содержанію, покушаются на преступленія противу собственности; но это зло, которое правительству можно отдалять разными благоразумными мѣрами. Однако я не считаю еще этого рѣшительною порчею нравственности. 2-е Гдѣ находится болѣе сосредоточенія людей, тамъ естественно ожидать болѣе разныхъ междоусобныхъ непріятностей и нравственнаго зла, какъ то видимъ на мануфактурахъ. Впрочемъ, классъ нравственныхъ дѣйствователей едвали не болѣе другихъ классовъ выказываетъ себя разными противунравственными поступками однихъ противу другихъ. Дѣло состоитъ только въ томъ, что ихъ поступки прикрываются личною справедливостію, — покрайней мѣрѣ, они не нарушаютъ прямо формы законовъ, а потому и не включаются въ число преступленій. Истинное просвѣщеніе — одно средство облагородить нравственно всѣ сословія, всѣхъ дѣйствователей. 3-е Осмѣливаюсь полагать, что многочисленныя преступленія, даже злодѣянія, совершаемыя между земледѣльцами, часто ускользаютъ отъ надзора и преслѣдованія правительства. Каждый противузаконный поступокъ скорѣе дѣлается гласнымъ, имѣетъ болѣе важности въ городахъ, нежели въ селеніяхъ. И потому-то итоги преступленій, показываемыхъ оффиціально въ каждомъ клас-

съ обществъ, сдвали внушаютъ къ себѣ довѣріе. Наконецъ 4-е, согласно ли съ справедливостію дѣлать заключеніе о нравственномъ состояніи классовъ мануфактурнаго и земледѣльческаго по числу преступленій, совершаемыхъ единственно въ Англіи, гдѣ мануфактурная промышленость развита до высочайшей степени? Было ли бы его заключеніе одинаково вѣрно, если бы писатель разсмотрѣлъ съ равнымъ вниманіемъ состояніе государствъ, въ коихъ наиболѣе процвѣтаетъ земледѣліе? Едва ли.

Обращая свой взоръ на всю вообще Европу, я вижу въ ней необыкновенное развитіе, такъ сказать, жизненности: физическія и нравственныя силы ея кипятъ стремленіемъ къ дѣятельности; все въ ней воодушевлено, восторженно, — кажется, что человѣчество земнаго шара сосредоточиваетъ въ ней все свое могущество, свое величіе. Мануфактурно-торговая промышленость была проводникомъ къ этому блистательному состоянію Европы. Для убѣжденія въ этомъ, посмотрите только на прочія части свѣта, Азію, Африку. Земледѣліе собственно преобладаетъ въ нихъ, мануфактуры и торговля далеко въ нихъ отстали отъ своего улучшенія и совершенствованія, — и что же? Въ какомъ жалкомъ, бѣдномъ, постыдномъ состояніи находятся нужды этихъ частей свѣта!

Вильневъ Баржемонтъ слишкомъ увлекся физіократствомъ: перомъ его дѣйствительно руководило одно чувство добра, одно состраданіе къ бѣдствіямъ человѣчества, одно желаніе поставить его въ положеніе счастливое, мирное и притомъ постоянное? Но, выступая въ крайность, онъ не разгадалъ надлежащимъ образомъ на значенія человѣчества къ совершенству по всѣмъ отраслямъ его дѣятельно-

сти; онъ не видѣлъ, что развитіе высшихъ отраслей соединено всегда съ большими усиліями жизни, отъ того и съ большими волненіями, бурями и бѣдствіями. Что представляетъ намъ жизнь нравственныхъ дѣйствователей въ средніе и даже новые вѣка? — Если посмотрите на одно зло, то сердце охладѣетъ отъ ужаса: вы увидите милліоны кровавыхъ сцѣнъ, смѣняемыхъ одна другою на этомъ театрѣ дѣятельности, жизни. Но довольно, — оставимъ этотъ предметъ для политики.—Замѣчу вообще, что Европа должна жить, и кто знаетъ, сколько еще тысячелѣтій назначено Провидѣніемъ для ея жизни и жизни всего человѣчества? Въ чемъ же должна состоять жизнь ея? Развѣ можетъ возвратиться она назадъ? Развѣ можетъ она погрузиться въ мирный покой одного земледѣлія? Совсѣмъ нѣтъ,—она только должна лучше утвердить въ немъ свои корни, чтобы удачнѣе, безопаснѣе, сильнѣе итти, развиваться впередъ. Такъ народы безпрерывно должны оглядываться на прошедшее, на бывшее, чтобы вѣрнѣе угадывать свою будущность, на низшія ступени своей жизни, чтобы безошибочнѣе вступать на высшія. Горе тому, кто слишкомъ далеко отстоитъ назади, горе и тому, кто безразсудно подвигается впередъ. Но что наконецъ послѣ тысячелѣтнихъ подвиговъ ожидаетъ человѣчество? Чтобы угадать это, надо разгадать прежде, въ чемъ состоитъ жизнь нашей планеты, нашего общаго жилища земнаго шара, что ожидаетъ его самаго? Философія еще не разрѣшила этой загадки Вселенной.

Морогъ. — Du Paupérisme, de la mendicité.

Этотъ писатель, подобно Вильневу Баржемонту, сильно вооружается противу развитія мануфактурной

промышленности, уклоненія отъ земледѣлія, чему приписываетъ бѣдность рабочаго класса людей.

Вотъ болѣе замѣчательныя мѣста въ его сочиненіи! стр. 93.

Таблица, составленная Бальби въ 1830 году. Богатство Франціи.

Классы	число неразд.	Валовой доходъ	на каждаго ежегодно приходится.
1	152.000	608.000.000	4.000 франковъ
2	150.000	375.000.000	2.500
3	150.000	150.000.000	1.000
4	400.000	240.000.000	600
5	400.000	160.000.000	400
6	1.000.000	350.000.000	350
7	2.000.000	600.500.000	300
8	2.000.000	500.000.000	250
9	7.500.000	700.000.000	200
10	7.500.000	1.125.000.000	150
11	7.500.000	900.000.000	120
12	7.500.000	688.789.000	91 ф. 84 су.
Итого	32.250.000	6.396.789.000	198 ф. 03 с.

Таблица Великобританіи.

1	165	82.500.000	500.000
2	250	93.750.000	375.000
3	500	125.000.000	250.000
4	1.000	150.000.000	150.000
5	2.500	300.000.000	120.000
6	5.000	375.000.000	75.000
7	10.000	375.000.000	37.500
8	15.000	375.000.000	25.000
9	25.000	500.000.000	20.000
10	28.550	500.000.000	17.500

11——	33.330——	500.000.000——	15.000
12——	40.000——	500.000.000——	12.500
13——	50.000——	500.000.000——	10.000
14——	66.665——	500.000.000——	7.500
15——	100.000——	500.000.000——	5.000
16——	111.110——	500.000.000——	4.500
17——	125.000——	500.000.600 ——	4.000
18——	142.850——	500.000.000——	3.500
19——	166.665——	500.000.000——	3.000
20——	200.000——	500.000.000 ——	2.500
21——	250.000——	500.000.000——	2.000
22——	333.330——	500.000.000——	1.500
23——	500 000——	500.000.000——	1.000
24——1	.000.000——	500.000.000——	500
25——1	.500.000——	500.000.000——	330
26——2	.000.000——	500.000.000——	250
27——3	.000.000——	500 000.000——	165
28——5	.000.000——	625.000.000——	125
Всего. .	14.706.915—	12.001.250.000——	822. 08

Изъ этой таблицы слѣдуетъ, что во Франціи почти $^3/_4$ жителей не могутъ дѣлать выведенной среднимъ числомъ издержки, а въ Англіи почти $^4/_5$.

Замѣч. Во Франціи 10,11,12 классы, издерживающіе менѣе 198. 03 составляютъ 22.500.000 жителей изъ числа 32.250.000; въ Англіи 24,25,26,27,28, классы, издерживающіе менѣе 822.08 составляютъ 12,500,000 жителей изъ числа 14,706,915.

«Ясно, что желанія, производящія нужды, находятся въ соотношеніи съ издержками, представляющимися для ихъ удовлетворенія, и что стремленіе къ этимъ издержкамъ возврастаетъ по мѣрѣ общаго богатства, бросающагося въ глаза; отъ того нужды низшихъ классовъ Англіи находятся въ бо́льшемъ

объемъ и желанія богатства гораздо живѣе, нежели въ какой мѣрѣ это замѣчается въ низшихъ классахъ Франціи. Нужды народа увеличиваются по мѣрѣ наслажденій средняго класса, близкаго къ нему: чѣмъ болѣе этотъ классъ многочисленъ и доступенъ къ поступленію народа въ его сферу, тѣмъ болѣе низшій классъ обезпеченъ. Въ Англіи средній классъ, состоящій изъ классовъ таблицы 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, не заключаетъ и седьмой части всего народонаселенія; во Франціи средній классъ, состоящій изъ классовъ 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 составляетъ болѣе 4-й части. И такъ, въ Англіи всего средняго класса 1.928.955 изъ 14.706.915, во Франціи напротивъ 9.450.000 изъ 32.252.000. Нельзя сказать, что въ Англіи вообще бѣдный классъ народа менѣе бѣденъ, нежели во Франціи, потому только, что на каждаго частнаго человѣка приходится въ первой болѣе дохода или издержекъ: это была бы ошибка, ибо съ одной стороны необходимыя для жизни произведенія имѣютъ большую цѣнность въ Англіи, нежели во Франціи, съ другой народъ имѣетъ гораздо болѣе желаній и нуждъ въ первой, нежели во второй; это доказывается большимъ числомъ преступленій противу собственности, совершаемыхъ въ Англіи, равно и большимъ числомъ бѣдныхъ, въ ней находящихся.»

Эти мысли писателя весьма важны. 1-е дѣйствительно Англія вообще несравненно превосходитъ Францію богатствомъ, но раздѣленіе сего послѣдняго выгоднѣе во Франціи, нежели въ Англіи. Это чрезвычайно важное условіе для благосостоянія государства. — Невыгодное раздѣленіе богатства въ Англіи произошло съ одной стороны отъ необыкновенно усиленнаго распространенія фабрикъ и тор-

говли, выдвинувшаго капиталистовъ на степень богачей, съ другой отъ сосредоточенія поземельной собственности въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ. Но я осмѣливаюсь замѣтить въ защиту Англіи, — лучше ли было-бы ея состояніе, если бы фабрики и торговля не получили настоящаго быстраго развитія? И какимъ образомъ она могла-бы остановить безпрерывное совершенствованіе машинъ, раздвинувшихъ мануфактуры? Я держусь въ томъ и другомъ отношеніи мнѣнія рѣшительно отрицательнаго. Что же касается до поземельной собственности, то мы уже замѣтили объ этомъ выше, когда говорили о законахъ наслѣдства Англіи и Франціи. Самый ходъ вещей, судьба обстоятельствъ того и другаго государства, предназначили имъ различное состояніе. Если бы Англія слѣдовала системѣ управленія Франціи, то бы она составляла одно изъ бѣдныхъ, почти ничтожныхъ государствъ. Франція не могла быть Англіею, Англія Франціею. Это однако не ведетъ къ тому, чтобы Англія не должна была постепенно приступать къ измѣненіямъ своего управленія частію по отношенію къ поземельной собственности, частію по отношенію къ рабочему классу мануфактуристовъ.

2. Если низшій народъ имѣетъ болѣе желаній и нуждъ въ Англіи, нежели во Франціи, — надо ли посему желать уменьшенія общаго богатства въ первомъ государствѣ? Не слѣдуетъ ли только желать улучшенія участи самаго народа? Разумѣется, что одна такса вспомоществованій для этого недостаточна, а требуются другія мѣры, какъ замѣтили выше, мѣры, заключающіяся въ распространеніи земледѣлія, могущаго занять работниковъ; потому что тогда оставшееся меньшее ихъ число на мануфактурахъ, по причинѣ малаго совмѣстничества, могло бы

получать бо́льшую плату, а занявшіеся земледѣліемъ могли бы найти въ немъ способы къ своему безбѣдному пропитанію. При этомъ мы согласны и съ тѣмъ мнѣніемъ писателя, что, при распространеніи земледѣлія, произведенія, необходимыя для жизни, получаемыя въ большемъ количествѣ, содѣлаются дешевле, слѣдственно, будутъ доставлять болѣе выгодъ и наслажденій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ это время можно ожидать и лучшихъ способовъ обработыванія земли, равно улучшенія всѣхъ родовъ ея производимости.

стр. 118.

«Китай не могъ бы снести своего огромнаго народонаселенія, если-бы границы его были открыты, подобно нашимъ (Франціи), и если бы внѣшняя его торговля вмѣсто того, чтобы вывозить заграницу чай, произведеніе земледѣльческое, обращена была болѣе на издѣлія. Китайцы поняли, что населенное государство должно быть существенно земледѣльческимъ.»

Положеніе Китая и Англіи, даже Франціи, совсѣмъ различно. — Не смотря на это, по моему мнѣнію, Китай долженъ былъ бы позаботиться о распространеніи фабрикъ и торговли; это навѣрное отдалило-бы слѣдствія, испытываемыя тамъ нынѣ простымъ народомъ; мы замѣтили объ этомъ выше. Фабрики и торговля дали бы большее раскрытіе въ Китаѣ самой земледѣльческой промышлености, и несчастный работникъ, нынѣ прводящій свою жизнь на водѣ, и питающійся гнилою рыбою, или пользующійся всякою падалью въ селеніяхъ и городахъ,

для своего прокормленія, нашелъ бы лучшіе, вѣрнѣйшіе способы къ своему содержанію.

pag. 126.

«Нидерланды находятся въ состояніи болѣе невыгодномъ, нежели Франція: народонаселеніе ихъ большею частію торговое, сильно пострадало отъ измѣненій моды и отъ бѣдствій, понесенныхъ во время войнъ. Шестая часть этого народонаселенія терпитъ бѣдность. Уже многіе изъ этихъ бѣдныхъ употреблены нынѣ правительствомъ на земледѣльческія колоніи. Совсѣмъ иное происходитъ въ Сѣверной Америкѣ: бѣдность въ ней никакъ не можетъ далеко распространиться, по причинѣ неизмѣримаго плодороднаго пространства земли. Умѣренность народовъ-пастуховъ отдаляетъ все, что мы называемъ богатствомъ. Народы провинцій бѣдныхъ и мало промышленыхъ довольствуются немногимъ; они не знаютъ нуждъ, порожденныхъ образованностію. Напротивъ жители нашихъ большихъ городовъ безпрерывно видятъ предъ своими глазами роскошь богачей. Такъ, жители большихъ городовъ Англіи и Нидерландовъ не могутъ обойтись безъ пива, водки, табаку, сахару, кофе, чаю и т. д.»

Что хочетъ сказать чрезъ это писатель? Ужели изъ его мнѣній слѣдуетъ, что состояніе народовъ и городовъ вообще бѣдныхъ, лучше нежели состояніе народовъ богатыхъ и городовъ большихъ? Это странно!

Изложимъ нѣкоторыя мѣста изъ сочиненія Гумбольдта: Essaie politique sur la Nouvelle-Espagne. Вотъ что онъ пишетъ: «Я сомнѣваюсь, чтобы на земномъ шарѣ существовало какое либо растеніе, ко-

торое на маломъ пространствѣ земли доставляло бы столько пищи для человѣка, какъ бананъ. На землѣ плодородной одинъ арпанъ можетъ пропитать 50 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ Европѣ тотъ же арпанъ не доставляетъ количества хлѣба, необходимаго для пропитанія и 2-хъ человѣкъ. При подошвѣ Кордильерскихъ горъ, во влажныхъ мѣстахъ, одинъ человѣкъ, употребляющій только два дни въ недѣлю на трудъ, нимало не тяжелый, въ состояніи пропитать цѣлое семейство,—и не смотря на это, въ этой теплой странѣ, гдѣ разлито все изобиліе, безпечный человѣкъ испытываетъ періодически такой недостатокъ въ пищѣ, какого не ощущаютъ промышленные, образованные народы въ самыхъ неплодородныхъ странахъ Сѣвера.

Далѣе, плодородіе Мексиканскаго маиса превосходитъ все, что только можно вообразить въ Европѣ. Въ окружности Валладолида почитаютъ жатву самою худою, которая не даетъ 130 и 150 семянъ на одно ввѣренное землѣ семя. Тамъ, гдѣ земля наименѣе плодородна, получается 60 и 80 семянъ на одно. Между тѣмъ Индѣйцы Мексиканскіе представляютъ картину величайшей бѣдности: они живутъ день задень. Американскіе Индѣйцы, подобно жителямъ Восточной Индіи, привыкли довольствоваться малымъ количествомъ пищи для поддержанія жизни: увеличиваясь въ народонаселеніи, они нимало не заботятся объ увеличеніи количества пищи въ той же пропорціи. Лѣнивые по характеру и по вліянію на нихъ жаркаго климата, въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ они не обработываютъ земли подъ маисъ, картофель и хлѣбъ болѣе, нежели сколько нужно для ихъ прокормленія и вообще для потребленія жителей городовъ: отъ того, какъ скоро засуха

или другая какая мѣстная причина не даетъ хорошей жатвы, опустошительный голодъ представляетъ страшное между ними зрѣлище! »

Изъ этого обозрѣнія народовъ, собственно земледѣльческихъ, или народовъ грубыхъ, необразованныхъ, ясно видно, что одно земледѣліе нимало не улучшаетъ ихъ состоянія, нимало не развиваетъ ихъ общественнаго быта. Между ними, точно нѣтъ бѣдныхъ; но они всѣ бѣдны, у нихъ немного находится нуждъ, и это потому, что они не имѣютъ никакого понятія о другихъ, даже и тѣхъ нуждахъ, которыя у нихъ находятся, они не умѣютъ вполнѣ удовлетворять, обезпечивать. И такъ, что требуется для того, чтобы они вышли изъ своего варварскаго, дикаго, жалкаго состоянія? Требуется большее знакомство съ разными нуждами, знакомства съ мануфактурными издѣліями и произведеніями другихъ климатовъ, доставляемыми торговлею. Въ этомъ случаѣ они вынуждены будутъ стараться о полученіи большаго количества произведеній съ своихъ земель, будутъ составлять изъ нихъ запасы, будутъ дорожить ими, видя въ нихъ средства къ удовлетворенію своихъ новыхъ нуждъ. По этому они содѣлаются богатыми не по отношенію только къ мануфактурной и торговой промышленности, но по отношенію къ самому земледѣлію, — голодъ тогда не произведетъ между ними опустошеній. Нельзя надѣяться, чтобы эти безпечные народы могли сами по себѣ обратить свой трудъ на мануфактуры и торговлю: надо, чтобы другіе образованные народы открыли съ ними сообщеніе и навязали, такъ сказать, имъ насильно свои нужды, или чтобы, по-крайней мѣрѣ, заведена была среди ихъ колонія изъ жителей образованныхъ государствъ. Конечно

бывали случаи, что великіе геніи давали грубымъ народамъ высшее промышленное направленіе безъ особой внѣшней помощи; но эти случаи были рѣдки, — при всемъ томъ улучшеніе общественнаго быта развивалось у этихъ народовъ слишкомъ медленно. Впрочемъ, самъ писатель не отвергаетъ пользы раскрытія промышленостей и богатства. — Сравнивая же Сѣверную Америку съ Англіею и Нидерландами, онъ только выставляетъ лучшее положеніе первой по причинѣ большаго пространства, ею занимаемаго; а этимъ онъ поясняетъ и причину, по которой два послѣднія государства не могли бы достигнуть богатства безъ усиленнаго распространенія фабрикъ и торговли, такъ какъ они занимаютъ малое пространство земли. — Но я теперь спрашиваю: что рано или поздно не должны ли были бы они, по причинѣ безпрерывно увеличивающагося народонаселенія, даже слѣдуя совѣтамъ писателя, подвергнуться бѣдности? Наконецъ, не достало бы у нихъ и земли для пропитанія всего народонаселенія. Ясно, что въ это время необходимы были бы колонизаціи для заселенія отдаленныхъ земель, разсѣянныхъ на всемъ материкѣ нашей планеты. Но какъ бы то ни было, мы все таки принуждены будемъ дойти до нашей основной мысли, изложенной выше, а именно, что народонаселеніе должно постепенно переходить въ нравственные классы, будучи обезпечено въ удовлетвореніи своихъ нуждъ достаточнымъ количествомъ произведеній физическихъ классовъ. Это-то важнѣйшее условіе упущено изъ виду нашимъ писателемъ. Онъ смотритъ единственно на настоящее положеніе государствъ, ни мало не подавался въ разгадываніе ихъ состоянія будущаго. Не поступали ли одинакимъ образомъ и

всѣ тѣ Европейскія государства, въ которыхъ наиболѣе расцвѣли мануфактуры и торговля? Они увлекались одними чрезвычайными выгодами, получаемыми отъ этихъ двухъ промышленностей, не обращая вниманія на то состояніе, которое постигло ихъ въ настоящее время, т. е., что вмѣстѣ съ умноженіемъ общаго народнаго богатства, мало по малу выдвигались на сцену ужасы бѣдности низшаго класса. Но если бы они предвидѣли это слѣдствіе, то, безъ сомнѣнія, не уклоняясь отъ принятаго ими выгоднаго направленія труда, они вмѣстѣ и лучше обдумывали бы средства къ уклоненію зла. Я никакъ однако не думаю, чтобы это зло было неизлечимо въ настоящее время даже въ Англіи, а потому не могу допустить и тѣхъ бѣдствій писателя, которыя онъ предсказываетъ относительно Англіи въ будущемъ: требуются только для этого мѣры рѣшительныя, сильныя, требуется для этого общее участіе, какъ правительства, такъ и самихъ богачей аристократовъ и капиталистовъ.

При этомъ я не могу умолчать объ отношеніи Англіи къ прочимъ Европейскимъ государствамъ. Конечно, не можно оправдать всѣхъ ея политико-дипломатическихъ поступковъ предъ глазами просвѣщенія: она часто употребляла къ достиженію своего величія и богатства мѣры, слишкомъ оскорбительныя и тяжкія для другихъ государствъ. Такъ, можно ли безъ чувства сожалѣнія и негодованія читать въ Исторіи, какъ эгоистически, недоброжелательно она дѣйствовала въ Нидерландской и Французской революціяхъ въ концѣ 18 столѣтія? Она какъ бы радовалась бурнымъ смятеніямъ народовъ, въ надеждѣ извлечь изъ того свою пользу, она даже старалась хитрыми, скрытными средствами воз-

жигать, растравлять внутреніе раздоры. Законъ природы священный, неизмѣнный,—что зло рано или поздно должно испить горькую чашу возмездія и наказанія, хотя бы вначалѣ оно вѣнчалось блистательнѣйшими успѣхами. Одно только правильное развитіе силъ физическихъ и нравственныхъ изъ собственнаго организма составляетъ надежное, безопасное величіе; напряженное же, заимствованное или похищенное, такъ сказать, изъ чуждыхъ силъ, непрочно, гибельно. Англія растянула свое мануфактурно-торговое могущество внутренними силами прочихъ государствъ. Обстоятельства могутъ перемѣняться,—это могущество можетъ быть ослаблено, внутреннія же силы самой Англіи не въ состояніи поддержать этого упадка, и паденіе ея въ этомъ случаѣ неизбѣжно. Но вопросъ другой: болѣе ли вреда или пользы Англія принесла своими дѣйствіями Европѣ? Я осмѣливаюсь принять сторону послѣднюю. Англія дала быстрое движеніе, высшее развитіе силамъ другимъ государствъ, она подвинула своимъ трудомъ, своею промышленостію далеко впередъ ихъ трудъ, ихъ промышленость.— Далѣе: Англія, вмѣшиваясь безпрерывно въ борьбу континентальныхъ государствъ, одна могла уравновѣшивать ихъ возрастаніе, возвышеніе, соперничество. Что бы была Европа, безъ ея вліянія? Та ли была бы она, то ли было бы ея настоящее положеніе? Жестоко было бы послѣ этого желать другимъ народамъ ея паденія, радоваться ея бѣдствіямъ. Изъ признательности, въ отношеніи политико-экономическомъ, политическомъ и дипломатическомъ, Европа должна щадить ея жребій, быть къ ней доброжелательною, должна быть совершенно чуждою зависти къ ея величію. Притомъ во всякомъ случаѣ

упадокъ Англіи не можетъ не причинить ужаснаго смятенія, разстройства въ дѣлахъ Европы, съ которою она связана такъ тѣсно политико-экономическими сношеніями,—паденіе ея походило бы на землетрясеніе, которато удары были бы чувствительны для всѣхъ народовъ. Не смотря на все это, отъ самой Англіи, безъ сомнѣнія, зависятъ мудрыя, благодѣтельныя мѣры къ удаленію зла, ей угрожающаго. Уменьшеніе страшнаго долга, отклоненіе таксы вспомоществованія, раздвиженіе поземельной собственности, уравновѣшиваніе національнаго дохода во всѣхъ классахъ народа, вотъ важнѣйшіе пункты, обращающіе заботливость Англіи. Я не говорю здѣсь о другихъ предметахъ, касающихся собственно политики: это другой вопросъ. Впрочемъ, если мы обратимъ строгое наше вниманіе на всѣ государства Европы, то мы найдемъ, что каждое изъ нихъ испытываетъ болѣе или менѣе зла во внутренней своей организаціи, въ общественномъ своемъ быту. Осмѣливаюсь думать, что Россія, наше любезнѣйшее отечество, въ этомъ отношеніи менѣе прочихъ государствъ подлежитъ будущему опасенію. Она заключаетъ въ себѣ чрезвычайно обширныя пространства, мало еще заселенныя, мало еще развитыя въ состояніи промышлености. Попечительное Правительство старается благоразумными, постепенными мѣрами поправить всѣ недостатки народнаго богатства, развившіеся мало по малу въ продолженіе прошедшихъ столѣтій. Съ одной стороны оно покровительствуетъ быстрому умноженію мануфактурной и торговой промышлености, съ другой раздвигаетъ, улучшаетъ всѣ отрасли безпредѣльно-выгоднаго земледѣлія. Средній классъ народа уже весьма много успѣлъ сблизить, уравновѣсить

неравномѣрное раздѣленіе народнаго богатства; нѣсколько отсталъ въ этомъ дѣятельномъ подвигѣ низшій классъ народа,—но это не могло иначе и быть. За то Правительство нынѣ отечески заботится объ улучшеніи его состоянія,—и довольно, по моему мнѣнію, столѣтія, чтобы онъ сталъ въ близкомъ отношеніи къ среднему классу. Заселеніе большихъ необработанныхъ, даже нетронутыхъ рукою промышленника, пространствъ, особенно въ южномъ краѣ, умноженіе уже существующихъ малыхъ и большихъ селеній, заведеніе фабрикъ особенно для средняго и низшаго класса народа, чтобы порожденіемъ новыхъ нуждъ отклонить послѣдній классъ отъ чрезмѣрнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, поглощающихъ нынѣ весь скудный его доходъ, и такимъ образомъ замѣнить фабриками неимовѣрное число винокуренныхъ заводовъ, — умноженіе промышленныхъ городовъ, еще такъ мало значительныхъ, сближеніе селеній и городовъ посредствомъ прямыхъ большихъ дорогъ, удачно исправленныхъ, посредствомъ каналовъ, проведенныхъ между большими и малыми рѣками тамъ, гдѣ сбытъ представляетъ на видъ огромныя выгоды промышленикамъ; наконецъ образованіе класса владѣльцевъ, постепенно усиливающееся посредствомъ высшихъ учебныхъ заведеній, приготовляющихъ новыя поколенія: вотъ важнѣйшія условія, принятыя на видъ Правительствомъ для народнаго благосостоянія. Къ этому надо присоединить еще новыя благодѣтельныя мѣры, уже начатыя Правительствомъ къ улучшенію внутренняго крестьянскаго быта. Распредѣленіе налоговъ, болѣе сообразное съ состояніемъ крестьянъ и съ способами платить ихъ, дѣло самое трудное, требующее предварительныхъ вѣковыхъ соображеній,

потому болѣе, что земли нашего государства, разсѣянныя на обширнѣйшемъ пространствѣ, чрезвычайно разнообразны по своему плодородію, по своимъ выгодамъ въ промышленномъ отношеніи. Вообще мы не можемъ не восхищаться усиліями, употребляемыми со стороны правительства, для вѣрнѣйшаго и подробнѣйшаго распознанія статистическаго состоянія всего народа. Какъ бы ни были эти свѣдѣнія недостаточны въ настоящее время, при всемъ томъ они обѣщаютъ безчисленныя пользы для будущаго времени.

На счетъ заселенія земель скажутъ: а кѣмъ онѣ будутъ заселены? Отвѣчаю: бѣднымъ классомъ народа, неимѣющимъ нынѣ никакой земли, или имѣющимъ ее въ маломъ количествѣ. Правительство оказываетъ въ этомъ случаѣ переселяющимся благодѣтельныя пособія. Нельзя не почувствовать къ нему глубочайшей благодарности за колоніи, основанныя иностранцами-переселенцами въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества. Крымъ, богатый Крымъ, весьма мало заселенъ, но какія чрезвычайныя выгоды онъ обѣщаетъ государству при своемъ бо́льшемъ заселеніи? Можно ли произнести имя Воронцова безъ чувства особеннаго движенія къ его усиліямъ и мѣрамъ, принятымъ для возвышенія Крыма въ промышленномъ быту?

На счетъ умноженія малыхъ и бо́льшихъ селеній скажутъ: какъ сдѣлать это? Отвѣчаю: лучшимъ распредѣленіемъ ихъ, сообразно народонаселенію и пространству плодородныхъ земель, бо́льшему или меньшему отдаленію ихъ отъ городовъ, отъ мѣста сбыта произведеній. Есть селенія, превосходящія своимъ богатствомъ многіе города. Городъ по разнымъ отношеніямъ всегда сосредоточиваетъ въ себѣ

большее потребленіе. Округленіе селеній по отношенію къ землямъ, имъ занимаемымъ, важное условіе для успѣха труда!

Насчетъ заведенія фабрикъ, могущихъ замѣнить винокуренные заводы, скажутъ: а куда сбывать хлѣбъ, и гдѣ найти новые капиталы? — Отвѣчаю. Обработываніе земель подъ хлѣбъ можетъ быть замѣнено назначеніемъ ихъ для растеній, для усиленія скотоводства, или всего того, что требуется фабриками и большимъ потребленіемъ при увеличеніи народнаго богатства. Если мы сообразимъ выше нами замѣченное, какое количество земли назначается въ Англіи для скотоводства, и какое въ нашемъ государствѣ, мы не можемъ не удивляться рѣзкому различію. Что же касается до капиталовъ, потребныхъ для заведенія фабрикъ, — они могутъ быть взяты изъ суммы капиталовъ, назначаемыхъ ежегодно для винокуренныхъ заводовъ. Между тѣмъ, какъ бы утѣшительно было видѣть уменьшеніе потребленія крѣпкихъ напитковъ, влекущихъ за собою тысячи пороковъ въ состояніи и нравственности простаго народа, тысячи преступленій, загромождающихъ дѣла правосудія, причиняющихъ многочисленныя издержки Правительству! — Я никакъ не могу думать, чтобы владѣльцы-капиталисты въ самомъ дѣлѣ могли затрудняться замѣненіемъ винокуренныхъ заводовъ фабриками. Затрудненіе это болѣе мнимое и происходитъ съ одной стороны отъ закоренѣлой привычки итти по старой дорогѣ, куда бы она ни вела, съ другой отъ малаго знакомства съ процессами фабричной промышлености. И Мексиканскіе Индѣйцы, какъ мы замѣтили выше, могутъ спросить насъ, куда мы будемъ сбывать свой хлѣбъ, если мы будемъ болѣе производить его? —

Слѣдуетъ ли изъ этого, что они должны оставаться въ своемъ невѣжественномъ, жалкомъ положеніи?— Просвѣщеніе и любовь къ труду вотъ лучшіе учители, разрѣшающіе подобные вопросы. Развѣ опытъ не показываетъ, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ одинъ владѣлецъ богатѣетъ, другой напротивъ бѣднѣетъ; одинъ съ ничтожнымъ капиталомъ и малымъ количествомъ земли пріобрѣтаетъ постепенно милліоны, а другой выпускаетъ изъ рукъ своихъ и тѣ, которые имъ получены наслѣдственно. Что за причина этого факта? Безъ сомнѣнія, просвѣщеніе, трудъ.

Насчетъ умноженія промышленныхъ городовъ, скажутъ: и какъ сдѣлать ихъ такими? Отвѣчаю. Если будетъ болѣе богатыхъ селеній, заведено будетъ болѣе фабрикъ, города по необходимости содѣлаются болѣе промышленными. Какъ будто все народное богатство зависитъ отъ одной внѣшней торговли, какъ будто нельзя внутри государства и болѣе производить, и болѣе потреблять. Для увеличенія богатства низшаго класса народа не столько нужна внѣшняя, сколько внутренняя торговля.

Насчетъ же улучшенія дорогъ и каналовъ владѣльцы-капиталисты не могутъ ничего возразить. Само попечительное Правительство беретъ на себя совершеніе этихъ важныхъ улучшеній, хотя къ чести промышленыхъ народовъ надо сказать, что у нихъ эти улучшенія часто предпринимаются богатѣйшими частными людьми, истинно любящими свое отечество. Мы выше замѣтили, что изученіе практическимъ наукамъ введено правительствомъ съ благодѣтельною цѣлію ознакомленія владѣльцевъ и промышленниковъ съ лучшими мѣрами производства труда. Нельзя не пожелать того, чтобы они

умѣли воспользоваться этимъ благодѣяніемъ. Богатымъ и даже достаточнымъ владѣльцамъ легко можно посылать дѣтей своихъ крестьянъ для изученія тѣхъ наукъ. Образовавшись сколько нибудь и пришедъ въ совершенный возрастъ, они содѣлаются прикащиками и управителями въ имѣніяхъ своихъ владѣльцевъ. Полезно было бы также отправлять ихъ для достиженія практическаго изученія на лучшія фабрики, гдѣ, пробывъ нѣсколько лѣтъ, они заимствовали бы новое, хорошее производство. Дѣти казенныхъ крестьянъ съ такою же пользою могутъ быть отправляемы на казенныя лучшія фермы. Впрочемъ многіе владѣльцы обратили уже чрезвычайное вниманіе на улучшеніе земледѣлія. Это доказывается превосходными полезными замѣчаніями и опытами, представляемыми въ разныхъ земледѣльческихъ журналахъ. Мало по малу это соревнованіе содѣлается общимъ, и тогда можно будетъ ожидать блистательнѣйшихъ успѣховъ въ улучшеніи всѣхъ отраслей промышленности нашего отечества.

Недостатокъ соразмѣрности податей съ способами платить ихъ иногда вознаграждается владѣльцами такимъ образомъ: если работникъ, имѣющій большое семейство, состоящее изъ малолѣтнихъ дѣтей и стариковъ, находится не въ состояніи, при всемъ своемъ трудѣ, платить подати, то платежъ ихъ разлагается, согласно общему приговору и распоряженію владѣльца, на другія семейства не такъ многолюдныя, но болѣе богатыя. Богатство съ вѣроятностію можетъ быть обслѣдовано количествомъ обработываемой земли и получаемымъ съ ней количествомъ хлѣба, количествомъ рогатаго скота, овецъ и другихъ разныхъ угодій. Это разложе-

ніе дѣлается ежегодно, или по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. При этомъ берется во вниманіе производство разныхъ промысловъ, какъ то: покупка и сбытъ лѣса, предпринятіе разныхъ подрядовъ, извозъ какихъ либо произведеній. Само собою разумѣется, что если работникъ, по какимъ либо нечаяннымъ обстоятельствамъ, впалъ въ бѣдность, общество согласно можетъ дѣлать ему пособія или разложеніе его податей въ частности. Что же касается до того, чтобы кто либо не впалъ въ несостоятельность по лѣности и другимъ порокамъ, — общество можетъ предпринимать противу такого благоразумныя мѣры обузданія и наказанія.

Стр. 113

«Свобода внѣшней торговли наиболѣе была бы пагубною для Франціи, которая не можетъ производить хлѣбъ такъ дешево, какъ то приходится въ Сициліи, Варварійскихъ земляхъ и Крыму,—содержать экономически рогатый скотъ, подобно Германіи и Швейцаріи, добывать вина по низкой цѣнѣ, подобно Испаніи, Италіи и Португаліи, добывать шерсть не дорого, подобно Англіи, Крыму, Варварійскимъ землямъ, Южной Америки и Австраліи, добывать сахаръ съ малыми издержками, подобно Индіи и Антильскимъ островамъ, добывать желѣзо, подобно Швеціи и Англіи, обработывать хлопчатобумажныя матеріи и фаянсъ экономически и въ большомъ количествѣ, подобно Англіи.»

Писатель выводитъ изъ означенныхъ соображеній заключеніе, что Франція должна довольствоваться своими произведеніями, и сильно возстаетъ противу многихъ новѣйшихъ политико-экономовъ,

проповѣдывающихъ свободу торговли. Этотъ предметъ относится ко второй части политической экономіи, но не почитаю излишнимъ упомянуть о немъ, хотя кратко, и здѣсь.

Мысли писателя, по моему мнѣнію, не совсѣмъ основательны по слѣдующимъ причинамъ: 1-е, ограничить свободу торговли значитъ допустить производителей къ продажѣ своихъ произведеній и издѣлій дорогою цѣною и къ нерадѣнію объ ихъ улучшеніи. 2-е Значитъ заставить мануфактурно-торговыя государства преимущественно заняться промышленостію земледѣльческою, а земледѣльческія государства побудить къ занятію мануфактурно-торговою промышленостію. Гдѣ же первыя въ настоящее время будутъ сбывать свои издѣлія, а вторыя свои произведенія? Не должны ли будутъ какъ тѣ, такъ и другія придти въ самое ужасное положеніе отъ невозможности этого сбыта? Слѣдственно не увеличится ли еще въ большей степени число бѣдныхъ, объ уменьшеніи которыхъ такъ много заботится нашъ писатель? Странно думать, чтобы капиталы удобно могли быть обращены отъ одной промышлености на другую. Сколько для этого встрѣчается препятствій, невыгодъ и самыхъ разрушеній капитальныхъ массъ! Что за цѣль такого народнаго разобщенія, недоброжелательства тогда, когда Европейскія государства такъ различаются между собою и по климату, и по свойству земель, по способностямъ, свойствамъ народовъ?

Скажетъ писатель, что, допустивъ заселеніе земель, еще необработанныхъ, нельзя не допустить и ограниченія свободы торговли, чтобы обработываніе земель производилось съ большею удобностію и выгодою. На это могу отвѣчать, что по предположенію нашему эти земли должны обработывать-

ся людьми, неимѣющими предметовъ труда, лишенными способовъ къ своему содержанію. Слѣдственно, они должны производить не для продажи, не для внутренней и внѣшней торговли, а собственно для удовлетворенія своихъ нуждъ, а иначе если они могутъ инымъ образомъ доставать себѣ плату, то имъ не нужно и приступать къ обработыванію земель. Но скажутъ, что, кромѣ произведеній земли, для нихъ необходимы разныя издѣлія, какъ же они могутъ добывать ихъ безъ сбыта своихъ произведеній? Я полагаю, что эти издѣлія, какъ самыя обыкновенныя, дешевыя, легко могутъ быть обработываемы на фабрикахъ, ими же самими устроенныхъ. Я даже думаю, что при свободѣ торговли и дешевизнѣ произведеній, колонисты будутъ употреблять болѣе труда на обработываніе земель, чтобы рано или поздно получить возможность сбывать собственно свои произведенія. Наконецъ скажутъ, что, при такомъ ходѣ промышлености, земледѣліе, положимъ, во Франціи, не можетъ сильно раздвинуться, напротивъ бо́льшая часть народа обратится къ мануфактурамъ; — отвѣчаю, тѣмъ лучше, если онѣ представятъ болѣе выгодъ, нежели земледѣліе,—за то земледѣльческія государства займутся болѣе послѣднимъ, нежели первымъ, и чрезъ это, вообще промышлености вездѣ скорѣе, свободнѣе будутъ достигать своего развитія и вездѣ будетъ болѣе богатства. — Самъ же писатель безпрерывно твердитъ, что система Мальтуса и его послѣдователей ужасна, что не должно останавливать постепеннаго увеличенія народонаселенія, положеннаго природою. Какъ же онъ хочетъ замедлить, остановить увеличеніе богатства, необходимаго для поддержанія народонаселенія? Изъ сказаннаго однако

мною не слѣдуетъ, чтобы вдругъ ввести свободу торговли. Когда уже находятся извѣстныя ограниченія по отношенію къ произведеніямъ и издѣліямъ во всѣхъ государствахъ, они не могутъ разомъ быть уничтожены безъ нанесенія чрезвычайнаго вреда производителямъ. Дальнѣйшее и болѣе подробное разсмотрѣніе этого важнаго предмета я оставляю для другой статьи.

Вильневъ-Баржемонтъ предлагаетъ, что должно бы устроить комитетъ надзора и попеченія относительно бѣдныхъ. Мысль превосходная! Дѣйствительно правительства имѣютъ въ непосредствомъ своемъ завѣдываніи и управленіи всѣ отрасли государственныхъ пользъ. Въ министерствахъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ находятся многочисленныя отдѣленія и комитеты. Какъ же можно оставить внѣ всякаго правительственнаго попеченія жребій бѣдныхъ? Какъ можно классъ работниковъ, безпрерывно выдвигающійся изъ сферы труда и промышленности, предать на волю случая и обстоятельствъ? Какъ не видѣть, что они, по необходимости, составляютъ бремя для производителей и, смотря по своему направленію, причиняютъ большій или меньшій вредъ всему государству? Естественно, что если вспомоществованія частныхъ людей многочисленны и обширны, то классъ бѣдныхъ долженъ мало по малу возрастать, а съ нимъ вмѣстѣ должны умножаться лѣность, праздность и тысяча другихъ пороковъ; въ той же мѣрѣ богатство народное не можетъ не терпѣть. Если же напротивъ пособія бываютъ слабы, неудовлетворительны, то неизбѣжно угрожаютъ государству безпорядки, смятенія и самыя преступленія. — Вотъ что пишетъ по этому предмету Морогъ.

Стр. 168.

«Во Франціи классъ нищихъ самый испорченный и самый безнравственный: онъ-то совершаетъ наиболѣе преступленій и злодѣяній всякаго рода, онъ-то дѣлаетъ безпрестанныя покушенія на собственность другихъ. Можетъ быть въ Италіи и Испаніи нищіе составляютъ подпору вельможъ и духовенства, оказывающихъ имъ вспомоществованіе безъ всякаго презрѣнія. Со всѣмъ иное происходитъ въ Англіи, Голландіи и Франціи, гдѣ промышленость и просвѣщеніе заставляютъ презирать лѣность и низость. Въ послѣднемъ вѣкѣ въ Римѣ благословляли нищихъ. — Въ Лондонѣ находятся училища нищихъ, содержимыя старыми женщинами, показывающими свое искусство дѣтямъ, чтобы потомъ отдавать ихъ въ наемъ нищимъ по ремеслу; эти нищіе собираются въ клубахъ, тамъ съ избыткомъ ѣдятъ, пьютъ, разсуждаютъ о политикѣ и своихъ выгодахъ, читаютъ журналы; ежедневныя ихъ издержки стоютъ около 3 франковъ и 50 сант., но большая часть ихъ дѣлаютъ сбереженіе и накопляютъ огромныя суммы. Одинъ нищій негръ оставилъ Лондонъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чтобы поселиться на Антильскихъ островахъ, и имѣлъ капитала 3.750.000 руб., собраннаго имъ посредствомъ милостыни. — Въ Италіи нищенство не почитается безчестнымъ, и потому люди совсѣмъ не бѣдные предаются ему; самые духовные не имѣютъ стыда подъ своими мантіями скрывать отвратительное нищенство и развращеніе. Число нищихъ подъ названіемъ Лазарони, пользующіеся пособіями Неаполитанскихъ богачей, чрезвычайно велико, такъ что оно къ числу народонаселенія находится какъ 1: 7.»

Ужсно читать подобныя свѣдѣнія о нищихъ! — Я полагаю, что каждому правительству необходимо нужно составить особое отдѣленіе управленія по части нищенства, которое имѣло бы комитеты во всѣхъ городахъ. Не должно бояться огромныхъ издержекъ, потребныхъ для содержанія этихъ комитетовъ. Эти издержки никогда не будутъ на равнѣ со вредомъ, происходящимъ отъ нищенства. Надзоръ же полиціи за нищими оказывается ничтожнымъ, потому что она и безъ этого имѣетъ безчисленное множество предметовъ для своего надзора, — и нищенство, какъ предметъ побочный, всегда ускользаетъ отъ ея вниманія. Комитеты должны сначала дѣлать разборъ между всѣми бѣдными и нищими. Лишенные способности трудиться, по какимъ либо недостаткамъ, должны быть отдѣлены отъ тѣхъ, которые въ состояніи трудиться, но не имѣютъ способовъ къ труду. Для первыхъ нужно устроеніе благодѣтельныхъ заведеній, въ такомъ однако родѣ, чтобы всякій могъ, смотря по своимъ силамъ, приносить какую либо пользу своимъ трудомъ. Что же касается до втораго сорта людей, то они или должны быть принуждаемы къ труду въ особыхъ такъ называемыхъ смирительныхъ домахъ, или должны быть отправляемы въ извѣстномъ числѣ на какія либо земледѣльческія колоніи или фабричныя заведенія. При этомъ надо обращать строгое вниманіе на степень ихъ нравственности, и смотря на нее, давать имъ такое назначеніе. Я увѣренъ, что, при взятіи этихъ мѣръ, многіе нищіе въ короткое время поступили бы въ число работниковъ, за тѣмъ оставшіеся могли бы по назначенію сдѣлаться полезными гражданами. Вильневъ и Морогъ предлагаютъ разныя устроенія во Франціи, Нидерландахъ;

но, безъ сомнѣнія для каждаго государства такія учрежденія должны быть особенныя. Вотъ главныя мои понятія относительно нищенства! Я, можетъ быть, распространился объ этомъ предметѣ гораздо болѣе, нежели сколько слѣдовало бы въ систематическомъ сочиненіи политической экономіи.

Теперь изслѣдуемъ нашу теорію постепеннаго совершенствованія дѣятельности всѣхъ общественныхъ классовъ.

Раздѣленіе работы и машины составляютъ два важнѣйшіе предмета науки, политической экономіи. Смитъ, изложивъ хорошо первый предметъ, хотя не въ полномъ, систематическомъ видѣ, не разгадалъ однако важныхъ слѣдствій, происходящихъ отъ машинъ въ сферѣ народнаго богатства,—и потому то Сей безпрерывно въ своихъ сочиненіяхъ нападаетъ на него за это упущеніе. Въ строгомъ смыслѣ такая укоризна несправедлива, потому что, во время Смита, машины еще не выказывали тѣхъ необыкновенныхъ чудесъ въ производимости, которыя представляетъ намъ настоящее время. Мы видѣли, что не всѣ знаменитые писатели одинаковаго мнѣнія относительно пользы и благодѣтельнаго вліянія машинъ на народное богатство. Сей и Ганиль почти безгранично допускаютъ полезное употребленіе ихъ; но Сисмонди совсѣмъ возстаетъ противу мнѣнія этихъ писателей. Мальтусъ, по видимому, держитъ средину между ними. Прочіе писатели также раздѣляются между собою, хотя собственно никто изъ нихъ не отвергаетъ пользы машинъ.

Сначала я почитаю нужнымъ замѣтить, что писатели весьма неопредѣлительно занимались изслѣдованіемъ этого предмета Политической Экономіи. —

По моему мнѣнію, во всякой промышленности, во всякой отрасли дѣятельности, находятся своего рода машины, дѣйствіемъ которыхъ онѣ увеличиваютъ, усиливаютъ свою производительность, такъ, что машины вообще могутъ быть названы удобнѣйшими пріемами или способами къ раскрытію, совершенствованію труда. Такъ земледѣльческій классъ снабженъ своими орудіями, облегчающими его труды въ производимости, или улучшающими его произведенія. Паровыя машины, введенныя въ Англіи для обработыванія земли, въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особенное вниманіе. Но машины оказываютъ обширнѣйшее употребленіе въ области мануфактурной промышленности? Здѣсь-то въ блистательномъ видѣ человѣкъ владѣетъ искусствомъ пользоваться различными силами природы, для успѣшнѣйшаго направленія дѣятельности, являющейся въ безчисленныхъ видахъ.

Съ какими малыми издержками, съ какимъ небольшимъ трудомъ, нынѣ обработываются многоразличныя издѣлія на фабрикахъ! Тѣ изъ фабрикъ, для которыхъ, назадъ тому 70 лѣтъ, употребляли тысячи рукъ, нынѣ легко, свободно совершаютъ производство издѣлій съ небольшимъ числомъ людей, приводящихъ въ движеніе искуственную машину. Англія и Сѣверо-Американскіе Штаты безспорно беруть преимущество въ этомъ предъ всѣми просвѣщенными государствами земнаго шара. Какою необыкновенною дѣятельностію, какимъ чрезвычайнымъ искуствомъ изобрѣтательности отличаются ихъ художники! Съ каждымъ годомъ машины получаютъ новое совершенствованіе, и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ еще большаго достигнутъ улучшенія, по мѣрѣ того, чѣмъ болѣе люди будутъ знакомиться съ тайною дѣйствія силъ, заключающихся въ природѣ.

Замѣч. Не могу при этомъ снова не обратить вниманія на многочисленныя роды машинъ, описанныхъ въ сочиненіи, мною выше упомянутомъ Traité sur l'économie des machines et des manufactures par Barbage стр. 7. Пользы, говоритъ писатель, происходящія отъ машинъ и мануфактуръ, зависятъ отъ трехъ причинъ: 1-е отъ силы, присоединенной къ силѣ человѣка, 2-е отъ сбереженія времени у работниковъ, 3-е отъ преобразованія произведеній, по видимому, общихъ и неимѣющихъ никакой цѣнности, въ продукты, получающіе торговую цѣнность. Относительно первой пользы писатель представляетъ на видъ силы вѣтра, воды, паровъ. Построеніе храмовъ, палатъ, памятниковъ занимали вниманіе людей съ самаго начала обществъ. Чрезвычайныя каменныя массы, тянутыя въ древности отъ мѣстъ, въ коихъ онѣ были созданы природою, еще и нынѣ возбуждаютъ удивленіе потомства, хотя совсѣмъ забыты и цѣль памятниковъ, и имя ихъ производителей. Далѣе писатель представляетъ примѣръ различія силъ, употребляемыхъ при перенесеніи тяжестей, посредствомъ орудій.

Одно изъ важныхъ изобрѣтеній, сберегающихъ время, это изобрѣтеніе мѣдной трубы, посредствомъ которой переносится голосъ изъ одного отдѣленія зданія въ другое, такъ что въ одно время приказанія начальника дѣлаются извѣстными въ отдаленныхъ мѣстахъ. Этимъ изобрѣтеніемъ пользуются въ лавкахъ и на фабрикахъ въ Лондонѣ, и можно было бы употреблять его въ домахъ, особенно обширныхъ. Въ настоящее время еще не опредѣлили, до какой степени это изобрѣтеніе можетъ идти въ употребленіе. Допустивъ, что оно могло бы быть приспособлено на разстояніе, находящееся меж-

ду Лондономъ и Ливерпулемъ, то въ продолженіе 17 минутъ голосъ могъ бы сдѣлаться извѣстнымъ отъ одного конца до другаго.

Искуство рѣзать стекло посредствомъ алмаза испытало, спустя нѣсколько лѣтъ, чрезвычайныя улучшенія. Писатель подробно излагаетъ эти улучшенія. Дѣйствіе паровъ на фабрикахъ представлено имъ превосходно. Раздѣленіе между орудіемъ и машиною онъ дѣлаетъ такое: первое тоже самое что машина, только приводится въ движеніе рукою человѣка, а вторая имѣетъ двигателемъ или животное, или воду, или пары и проч.

Писатель отлично представляетъ способы увеличенія и уменьшенія скорости посредствомъ разныхъ машинъ. Такъ, телеграфы — машины, употребляемыя для скорѣйшаго перенесенія извѣстій отъ одного мѣста въ другое. Нынѣ пользуются ими во время войны; но возрастающія нужды человѣка, безъ сомнѣнія, заставятъ примѣнить ихъ и къ цѣлямъ мирнымъ. — Нѣсколько лѣтъ тому назадъ посредствомъ телеграфа передано изъ Марселя въ Парижъ извѣстіе объ открытіи кометы Гамбортомъ. Эта передача произошла почти въ ту же минуту. Въ Ливерпулѣ употребляютъ морскіе сигналы по торговлѣ, такъ что каждый негоціантъ сообщается съ своимъ кораблемъ прежде, нежели онъ входитъ въ пристань. Примѣры, относительно сбереженія времени въ физическихъ операціяхъ, занимательны въ бѣленіи холста, въ выпариваніи соленыхъ озеръ, въ употребленіи часовъ городскихъ и т. п. Нельзя безъ особеннаго удовольствія читать всѣ способы, употребляемые въ искуствѣ дѣлать копіи по данному образцу, какъ то, въ искуствѣ печатанія, гравированія различнымъ образомъ, въ искуствѣ изображать

копіи на деревѣ, на камнѣ, на меди и т. д., также дѣлать изображенія на полотнѣ, хлопчатобумажной матеріи, фаянсѣ и проч.; машина дѣлать снимки съ бюстовъ, или искуство составлять формы изъ воску, весьма любопытна.

Въ торговомъ классѣ вмѣсто машинъ, употребляемыхъ на фабрикахъ, служатъ другія средства, равно способствующія улучшенію, ускоренію торговыхъ оборотовъ. Осмѣливаюсь думать, что въ этомъ классѣ многочисленные способы труда стоятъ на высшей степени изобрѣтательности въ сравненіи съ орудіями мануфактурной промышлености, — напр. съ чѣмъ въ сферѣ этой послѣдней можно сравнить употребленіе компаса? Сомнѣваюсь, чтобы самыя паровыя машины, приносящія безчисленныя пользы на фабрикахъ, могли оспаривать его преимущество? Потому что, какимъ образомъ торговля и вообще сближеніе народовъ, разсѣянныхъ по земному шару, могли бы безъ компаса достигнуть настоящаго состоянія?

Скажутъ, что компасъ не есть собственно принадлежность торговли, но мореплаванія, и что торговля воспользовалась этимъ изобрѣтеніемъ только посредственно. — Такъ, но это изобрѣтеніе содѣлалось главнымъ руководствомъ, необходимымъ орудіемъ, въ сферѣ иностранной торговли.

Но оставляя компасъ, можемъ ли мы не замѣтить чрезвычайной пользы, доставляемой торговлѣ каналами? Не можно ли сравнить ихъ съ дѣйствительными машинами мануфактуръ? Жаль, что статистика до сего времени не познакомила насъ съ драгоцѣнными исчисленіями выгодъ, доставляемыхъ тѣми и другими.

Хорошія дороги также служатъ благодѣтельными средствами для удобнаго сбыта тысячи родовъ произведеній. Всѣ государства земнаго шара, особенно Англія, Франція, Голландія, Германія, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты истощаютъ ужасныя суммы денегъ на поправленіе, улучшеніе ихъ. Чугунныя дороги въ новѣйшія времена обратили на себя особенныя усилія народовъ. Конечно, онѣ еще не вездѣ могутъ быть введены съ удобностію; но безъ сомнѣнія, мало по малу онѣ распространятся по лицу всего земнаго шара, если безпредѣльный умъ человѣка не соткетъ ещѣ новаго изобрѣтенія по сему предмету, столько важному для народнаго благосостоянія. Дѣятельное просвѣщеніе безпрерывно силится то разбрашивать горы, сравнивать плоскости, то изсушать, истреблять болота, чтобы этими средствами открыть обширное поле сообщенію, сближенію, срастанію, такъ сказать, между собою многочисленныхъ отдаленныхъ народовъ.

Компаніи, собственно такъ называемыя, по части торговли, равно заключаются въ числѣ благодѣтельныхъ мѣръ къ успѣшнѣйшему произведенію этой отрасли промышлености. Что кажется ужаснымъ и даже невозможнымъ для исполненія одному богатому капиталисту, то легко совершается усиліями извѣстнаго числа акціонеровъ. И выгоды, и убытки равно дѣлятся между ними по частямъ, соразмѣрно количеству капитала, положеннаго каждымъ акціонеромъ въ общую массу торговли. И кому неизвѣстно, что компаніи, подобно тому, какъ и трудныя, многосложныя машины, наиболѣе употребляются въ однѣхъ богатѣйшихъ государствахъ, напр. въ Англіи, Голландіи? — Чтобы имѣть понятіе о неизмѣримой пользѣ, доставляемой каналами, устроенными дорога-

ми, компаніями, для этого слѣдуетъ только познакомиться съ безсмертными твореніями Дюпеня и подобныхъ ему писателей; или слѣдуетъ только примѣчательнѣе взглянуть на нынѣшній общественный и народный бытъ, быстро подвигаемый въ разныхъ частяхъ земнаго шара къ захвату всѣхъ пользъ сообщенія близкаго и отдаленнаго, къ усиленію разработки торговой промышленности.

Наконецъ, можемъ ли мы умолчать о блистательнѣйшемъ произведеніи тонкаго, расчетливаго ума человѣческаго? Я говорю о банкахъ и ассигнаціяхъ? Кто не составитъ себѣ идеи о чудесахъ, творимыхъ ими въ матеріальномъ быту людей и народовъ? Произведенія всѣхъ частей свѣта безпрестанно обращаются чрезъ руки негоціантовъ, идутъ отъ одного конца земли до другаго, безпрестанно смѣняютъ своихъ обладателей, — и все это дѣлается по однимъ знакамъ, по одному условному изъявленію согласія, безъ непосредственнаго оборота монеты. Люди рѣшаются даже на смѣлые риски, на ужасныя потери для того только, чтобы не потерять чрезвычайныхъ пользъ, доставляемыхъ гигантскими изобрѣтеніями. Я неговорю уже о томъ, что самая монета есть одна изъ важнѣйшихъ машинъ, движущихъ вѣчно дѣятельное колесо торговли. — И такъ, изобрѣтенія по части торговой промышленности стоятъ гораздо на высшей степени въ области народнаго богатства. Польза ихъ неизмѣрима, безчисленна. Это-то ясно обозначаетъ, что негоціантъ въ сравненіи съ владѣльцемъ земли, какъ владѣльцемъ, безъ отношенія его къ нравственной дѣятельности, находится несравненно его выше.

Теперь слѣдуютъ уже изобрѣтенія, замыкающіяся въ сферѣ нравственной жизни человѣчества. Въ ней

уже духъ, ни мало не связуясь тѣсными узами матеріализма, свободный, направляемый безпредѣльнымъ своимъ мышленіемъ, входитъ на необозримое пространство нововведеній, улучшеній по всѣмъ отраслямъ своей разнообразной дѣятельности. Такъ у гражданскихъ чиновниковъ введеніе лучшихъ формъ судопроизводства чрезвычайно облегчаетъ, ускоряетъ движеніе, рѣшеніе многочисленныхъ дѣлъ, а это оказываетъ уже благодѣтельное вліяніе на народную безопасность, покой, благоденствіе. Къ несчастію, съ этимъ предметомъ слишкомъ мало знакомятся на практикѣ. Политическая экономія, дружно соединенная съ политикою, непремѣнно раскроетъ глаза на него у беззаботныхъ, механическихъ дѣйствователей. Какой бы гражданинъ не пожелалъ добра, пользы обществу, по крайней мѣрѣ тогда, когда эгоизмъ не имѣетъ съ ними столкновенія? Я говорю потому объ эгоизмѣ, что есть люди, которые боятся въ судопроизводствѣ хорошихъ формъ; такъ какъ воръ боится среди ночи лунного свѣта.

Въ ученой сферѣ введеніе хорошаго способа изложенія, преподаванія наукъ служитъ благодѣтельнымъ колесомъ просвѣщенія. Вообще можно отнести сюда и тѣ изобрѣтенія, съ которыми, по видимому, уже никакое твореніе ума человѣческаго не можетъ сравниться, — это письмо и книгопечатаніе. Хотя замѣчено нами было о чрезвычайныхъ дѣйствіяхъ на народное благо банковъ, компаса; но какъ даже усумниться въ преимуществѣ предъ ними книгопечатанія? — Человѣчество рѣшительно никогда не достигнуло бы высшей степени своего просвѣщенія, нравственнаго совершенствованія, даже физическаго своего благосостоянія, если бы оно не воспользовалось этимъ неоцѣненнымъ изобрѣтеніемъ ума. Оставьте

внѣ употребленія это орудіе сообщенія понятій, чувствованій, и въ короткое время нравственно-политическій міръ придетъ въ первобытное состояніе дикости, грубости, варварства.

Изданіе многочисленныхъ журналовъ, распространяющихъ удобнымъ, пріятнымъ способомъ разнообразныя познанія по всѣмъ отраслямъ наукъ, принадлежитъ также къ сферѣ хитрыхъ, затѣйливыхъ произведеній человѣка. Это—искуственныя машины, непримѣтно, удачно перестроивающія, передѣлывающія образъ нашихъ понятій, мыслей, чувствованій. — Государства просвѣщенныя наиболѣе пользуются свободою употребленія этихъ машинъ. Впрочемъ онѣ еще нигдѣ не достигли полнаго своего развитія, не получили своего значенія, ясно вытекающаго изъ собственнаго ихъ свойства. Словомъ: онѣ не живутъ, не дѣйствуютъ духомъ общественнымъ. Это предоставляется позднѣйшему времени.

Заведеніе ученыхъ обществъ, способствующихъ распространенію, раскрытію многочисленныхъ отраслей наукъ въ дѣлѣ просвѣщенія весьма важно. Эти общества походятъ на банки и компаніи. И какъ сіи послѣдніе преимущественно распространены въ государствахъ богатыхъ, торговыхъ, мануфактурныхъ; такъ и ученыя общества достигаютъ блистательной степени раскрытія своего, тамъ, гдѣ умственныя способности получили большую дѣятельность, и высокое образованіе, какъ ниточный клубокъ, разматывается легко, свободно, гдѣ познанія существенныя, основныя по части наукъ уже созрѣли и требуютъ только частныхъ, исключительныхъ улучшеній. Я увѣренъ, что придетъ время, когда не только государства, но каждый городъ, каждое мѣсто будутъ имѣть свои банки, свои ком-

нiи, свои страховыя общества и другiя учрежденiя по части матерiальной жизни, такъ равно и ученыя общества распространятся во всѣхъ государствахъ. Человѣчество, для совершеннаго усвоенiя природы въ своемъ умственномъ мiрѣ, необходимо должно дѣйствовать соединенными силами.

Военный классъ, подобно другимъ нравственнымъ классамъ, снабженъ, обогащенъ своими особенными пріемами къ совершенiю войнъ. Кому неизвѣстно, въ какой мѣрѣ изобрѣтенiе разныхъ орудiй, особливо изобрѣтенiе пороха, перемѣнили движенiе, жизнь, такъ сказать войны? Въ какомъ ужасномъ положенiи находились бы въ это время народы, если бы они, безъ введенiя означенныхъ орудiй сражались въ непосредственномъ соприкосновенiи? Ужели бѣдствiя, всегда сопряженныя съ войнами, въ одинаковой степени тогда постигали бы вѣчно несогласное, ссорливое человѣчество? Сомнѣваюсь. Я думаю даже, что всѣ ухищренныя, утонченныя средства къ произведенiю войнъ ведутъ только къ тому, чтобы въ послѣдствiи совсѣмъ не было войнъ. Искуство взаимнаго истребленiя, раскрываясь, совершенствуясь болѣе и болѣе, наконецъ заставитъ народы положить оружiе. Это покажетъ будущее.

Почты въ гражданскомъ быту составляютъ машину своего рода. Нельзя исчислить всѣхъ выгодъ, проистекающихъ отъ ихъ введенiя. Какiя безчисленныя соотношенiя совершаются между людьми и народами посредствомъ почтъ! Удержите эту безпрерывно движущуюся машину, и вы вдругъ почувствуете большой переворотъ въ дѣйствiяхъ физической и нравственной жизни обществъ, производимость по всѣмъ отраслямъ дѣятельности постепенно начнетъ замедляться, чрезвычайные успѣхи человѣчества встрѣ-

тять тысячи препятствій.—Нынѣ обращаютъ особенное вниманіе на ускореніе дѣйствія почтъ; съ этою цѣлью введены, такъ называемыя, экстра-почты. Въ столицахъ находятся еще домашнія почты, весьма благодѣтельныя, особенно для неимѣющихъ прислуги и между тѣмъ дорожащихъ каждымъ часомъ для своей работы.

При семъ иные могутъ спросить, что хитросплетенные способы злоупотребленій, тонкій обманъ, лесть, извивающаяся чрезъ лабиринты низости, такъ называемое искательство, знакомое съ гостиными, залами, передними, со всѣми сортами людей, начиная отъ богатаго, знатнаго вельможи до его докладчика, и проч. и проч. и проч., не составляютъ ли особеннаго рода машинъ для нѣкоторыхъ людей? Такъ; но лучше бы было, если бы люди не старались о подобныхъ изобрѣтеніяхъ.

И такъ, всѣ части нравственнаго класса, такъ какъ и всѣ отрасли промышленности имѣютъ свои средства, пріемы къ лучшему, успѣшнѣйшему направленію дѣятельности. И чѣмъ болѣе такіе способы будутъ распространяться, тѣмъ скорѣе человѣчество достигнетъ высшей степени обогащенія и просвѣщенія.

Разбирая сравнительно два предмета, раздѣленіе труда и изобрѣтеніе машинъ, Смитъ отдаетъ преимущество въ доставленіи народамъ существенныхъ пользъ раздѣленію труда; но другіе писатели, особенно Лодердаль, предпочитаетъ ему изобрѣтеніе машинъ. Лодердаль полагаетъ, что нераздѣленіе труда, какъ думаетъ Смитъ, предшествовало изобрѣтенію машинъ; а напротивъ отъ изобрѣтенія машинъ происходило раздѣленіе. Мы частію объ этомъ ска-

зали выше. Раздѣленіе труда собственно происходитъ: 1) отъ различнаго направленія способностей человѣка; 2) отъ различія нуждъ; 3) отъ различія способовъ дѣятельности. Такъ постепенно составились различные классы и въ нихъ различные роды труда. Въ мануфактурной промышленности это раздѣленіе дошло до послѣдней точки.

Теперь, безъ всякаго сомнѣнія, всякой работникъ, занимавшійся однимъ какимъ нибудь дѣломъ, имѣлъ и болѣе возможности, времени и средствъ изобрѣтать лучшія орудія, машины, для облегченія или оплодотворенія своего труда. Но нельзя отвергнуть и того, что изобрѣтеніе этихъ орудій, машинъ способствовало самому раздѣленію труда, такъ что безъ нихъ это раздѣленіе или, вѣрнѣе сказать, раздробленіе шло бы несравненно медленнѣе. И такъ, можно объ этомъ предметѣ выразиться слѣдующимъ образомъ: раздѣленіе труда есть краеугольный камень богатства, а изобрѣтеніе машинъ и вообще всѣхъ многоразличныхъ способовъ производимости служитъ уже для богатства лѣствицею.

—

ГЛАВА XIV.

О капиталѣ.

Выше мы видѣли, что трудъ—главный источникъ богатства, но для приведенія его въ дѣло, нужны разныя принадлежности или вещи, составляющія капиталъ. Человѣкъ въ дикомъ состояніи промышляетъ звѣриною и рыбною ловлею, или пользуется плодами, производимыми природою безъ его уча-

стія. Для этого онъ употребляетъ простыя орудія, составляющія почти ничтожный запасъ. Когда же онъ обращаетъ промыслъ свой на скотоводство, умноженіе, а еще болѣе улучшеніе его; тогда, имѣя большій кругъ собственности, онъ нуждается и въ большихъ средствахъ къ сохраненію. Въ состояніи земледѣльческомъ эти потребности несравненно многочисленнѣе. Тогда не только становятся нужными разныя орудія, служащія къ обработыванію земли, но еще требуются семена для посѣва, запасъ съѣстныхъ припасовъ, для содержанія работниковъ, деньги для ихъ одѣянія или для платы имъ за работу, даже кормъ для прокормленія рогатаго скота. Къ этому присоединяются еще многочисленныя полезныя устроенія и т. п.

Тоже надо замѣтить и относительно мануфактурной промышленности. Машины разнаго рода, строенія, свойственныя извѣстной мануфактурѣ, грубыя необработанныя матеріи, запасъ для работниковъ, плата имъ и другія потребности входятъ въ составъ мануфактурнаго капитала.

Торговля имѣетъ свои принадлежности, составляющія ея капиталъ, какъ то магазины, лавки, содержаніе прикащиковъ, товары, денежныя обороты.

И такъ, капиталъ вообще состоитъ въ собраніи разныхъ вещей или произведеній труда, служащихъ для воспроизведенія другихъ вещей, удовлетворяющихъ наши нужды. Но этому тѣ произведенія или вещи, которыя назначаются уже къ непосредственному удовлетворенію нашихъ нуждъ, не составляютъ капитала. Различіе это, на что обращено употребленіе вещей, очень важно. Напр. мебели и другія украшенія дома суть ли капиталъ? Отвѣчаю, нѣтъ;

если они назначены для непосредственнаго потребленія, но тѣ же вещи могутъ быть обращены и въ капиталъ, если онѣ или будутъ опредѣлены для воспроизведенія, или будутъ отданы другимъ на временное пользованіе за проценты или доходъ. Такимъ образомъ, хотя мы, смотря на домъ и другіе роды собственности частныхъ людей, обыкновенно говоримъ, что такой-то имѣетъ большой или малый капиталъ, но это разумѣется по одному предположенію, т. е. что тѣ вещи, или могутъ доставлять владѣльцу какой либо доходъ, или могутъ быть имъ проданы. Тоже можно сказать и относительно другихъ вещей, напр. съѣстные припасы составляютъ капиталъ у купца или фабриканта, если первый назначаетъ ихъ для продажи, а второй на содержаніе работниковъ; но если онѣ служатъ для непосредственнаго ихъ потребленія, то онѣ уже не составляютъ капитала. Писатели, не дѣлающіе этого различія между предметами нашихъ нуждъ, впадаютъ въ величайшую погрѣшность. Ужели, спрашиваю, все равно было бы, если бы владѣлецъ отдавалъ домъ въ наймы или самъ занималъ его? Или, если бы онъ самъ пользовался мебелью, или отдавалъ ее другимъ для пользованія за какую-либо плату? Конечно, если мы возмемъ во вниманіе эти вещи въ цѣломъ государствѣ, то смѣшно было бы ставить ихъ на равнѣ съ прочими вещами, служащими для мгновеннаго потребленія, однако нельзя не видѣть и того, что все таки онѣ нимало не служатъ къ воспроизведенію богатства. Впрочемъ, и самыя вещи, доставляющія мгновенное потребленіе, частію удовлетворяютъ наши необходимыя нужды, частію доставляютъ намъ пріятность и наслажденіе, и вообще, входя въ составъ нашего физико-нрав-

ственнаго организма, производятъ на него полезное дѣйствіе. Нерѣдко одна и та же вещь переходитъ чрезъ многія руки подъ видомъ капитала, напр. сукно. Сначала покупаются овцы, снятая съ нихъ шерсть перепродается другому для выдѣлки, потомъ она продается купцу, купецъ продаетъ ее фабриканту, а этотъ употребляетъ ее уже въ составъ разныхъ издѣлій, эти издѣлія идутъ опять въ руки купца, и наконецъ у купца, или оптомъ, или по частямъ покупаются они потребителями.

Сей. — Cours d'Econ. polit. tom. 1.

«Капиталъ бываетъ постоянный, обращающійся, и капиталъ, доставляющій пользу и пріятность.

Первый капиталъ состоитъ изъ машинъ, строеній или мастерскихъ и т. п. и мало по малу измѣняется, истребляемый временемъ, и потому то я видѣлъ, продолжаетъ Сей, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ капиталисты стараются ежегодно выиграть въ цѣнѣ произведеній, кромѣ издержекъ произведенія, извѣстную часть самаго капитала, употребленнаго на машины.»

Мысль Сея чрезвычайно важна, потому что многіе капиталисты дѣйствительно не берутъ во вниманіе ежегодной потери капитала, употребляемаго ими на машины и разныя устроенія, которыя съ каждымъ годомъ приходятъ въ худшее состояніе, а имѣютъ въ виду одни настоящія издержки произведенія, тѣмъ болѣе, что часто весьма трудно бываетъ исчислить всю массу капитала, издержаннаго въ продолженіе многихъ лѣтъ, то на первоначальное устроеніе, то на поправленіе этого устроенія, и вмѣстѣ распредѣлять ежегодныя его потери. Отъ

того-то многіе капиталисты, особенно владѣльцы земель и фабриканты, раззоряются, даже не замѣчая того. Равно опытъ показываетъ, какъ часто купцы подвергаются быстрому банкротству тогда, когда они пользуются общею довѣренностію и почитаются въ числѣ богатѣйшихъ капиталовъ! Не рѣдко они, занявъ напр. капиталъ во 100,000, уже доходъ, получаемый отъ его обращенія, весь употребляютъ, то на уплату процентовъ, то на свои потребности и наслажденія, и не оставляютъ ни малѣйшей части для уплаты капитала-долга. Почему, при неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, они вдругъ подвергаются невозможности или жить такъ, какъ прежде жили, или уплачивать проценты. Въ это время банкротство—слѣдствіе необходимое. И такъ благоразуміе требуетъ, чтобы капиталисты-предприниматели употребляли прибыль, получаемую ими отъ промышленности, 1) на уплату издержекъ произведенія, слѣдственно и на уплату процентовъ, 2) на уплату части долга, 3) оставлять часть изъ нея на непредвидѣнные случаи, и за тѣмъ уже 4) оставшуюся часть прибыли издерживать на свои нужды.

«Цѣнность улучшеній, устройствъ, оградъ, сдѣланныхъ на землѣ, составляетъ самый постоянный капиталъ. Негоціантъ удобно переводитъ свой капиталъ въ иностранныя земли, но удобреніе земли, осушеніе болотъ и т. д. составляютъ цѣнность недвижимую, не переносимую. Мы нынѣ не видимъ и слѣдовъ многочисленныхъ большихъ городовъ, нѣкогда славившихся торговлею; но Ломбардія, Фландрія, не смотря на ужасныя войны, и теперь составляютъ земли плодоносныя, населенныя.»

Справедливо, но почитаю нужнымъ прибавить, что торговля равно имѣетъ постоянные капиталы,

какъ то, магазины, лавки, которыя можно разрушать, но не перевести. Эта-то причина съ присоединеніемъ другихъ, какъ то, наклонность торговли къ извѣстному мѣсту сбыта, пользующемуся особенными выгодами, удобность покупки разныхъ или грубыхъ, или уже обработанныхъ матерій, знакомство съ потребителями, всѣ эти условія дѣлаютъ нѣкоторымъ образомъ капиталъ негоціанта не переносимымъ, отъ того многіе торговые города, вытерпѣвъ страшныя бѣдствія, нанесенныя войнами, скоро опять возникали, приходили въ цвѣтущее состояніе. Слѣдуетъ только, для убѣжденія въ этомъ, взглянуть на нѣкоторыя Европейскія государства. Даже, по моему мнѣнію, торговыя государства скорѣе могутъ поправиться послѣ бѣдствій, нежели государства земледѣльческія, потому что негоціантъ имѣетъ болѣе возможности сберечь важнѣйшую часть своего обращающагося капитала. Истребленіе же многихъ постоянныхъ капиталовъ, заключающихся въ земледѣльческой промышленности, неизбѣжно влечетъ за собою чрезвычайно пагубныя слѣдствія. Паденіе торговыхъ городовъ происходило болѣе отъ свойства самой торговли. Немногія же исключенія ничего не рѣшаютъ.

«Капиталомъ обращающимся называется тотъ, который безпрерывно измѣняетъ свою форму во время производства. У купца почти весь капиталъ обращающійся. Такъ, онъ покупаетъ у одного производителя товаръ, потомъ продаетъ его другому, за симъ получаетъ новыя произведенія, продаетъ и ихъ и т. д.

У мануфактуриста капиталъ обращающійся составляетъ значительную часть всего капитала. Онъ заключается въ первоначальныхъ произведеніяхъ, въ

платѣ за трудъ работникамъ, въ обработанныхъ матеріяхъ и т. п.

«Есть еще третій родъ капиталовъ, доставляющій пользу и пріятность, какъ продукты нематеріальные, напр. домъ, выстроенный для житья. Хотя этотъ домъ и не доставляетъ процента, но доставляетъ пользу и тогда, когда отдается въ наемъ, и тогда, когда служитъ мѣстомъ жилья самому хозяину.»

Такъ думаетъ и Ганиль, относя къ этому роду капитала статуи, находящіяся въ городахъ и т. п.

Мы частію замѣтили выше, что этотъ родъ капитала не есть особенный, но онъ относится или собственно къ капиталу, или къ вещамъ, непосредственно потребляемымъ. Такъ, домъ, занимаемый хозяиномъ, и статуи не составляютъ капитала, потому что всякая вещь, какую бы мы ни взяли, служащая для непосредственнаго потребленія, равно доставляетъ пользу и пріятность, только въ извѣстной степени и болѣе или менѣе продолжительныя.

«Пріобрѣтенныя способности къ дѣйствованію, таланты могутъ быть отнесены къ капиталу послѣдняго рода. Этотъ капиталъ вообще равенъ издержкамъ, понесеннымъ для пріобрѣтенія способности дѣлать.»

Объ этомъ предметѣ мы скажемъ ниже. Мы иначе разумѣемъ это.

«Всякая мебель, употребляемая въ домѣ, равно составляетъ капиталъ, приносящій пользу и наслажденіе.»

То же наше мнѣніе и о мебели, какое мы сдѣлали о домѣ.

«Самыя общества имѣютъ подобные капиталы, напр. публичныя строенія, мосты, дороги. Общества ежедневно получаютъ отъ этихъ капиталовъ пользу и наслажденіе.»

Мосты и дороги дѣйствительно составляютъ капиталъ, потому что они служатъ для воспроизведенія. Относительно же строеній публичныхъ скажемъ ниже.

«Капиталомъ непроизводительнымъ можно назвать всѣ денежныя суммы, остающіяся праздными до времени своего употребленія, напр. суммы, сберегаемыя негоціантами для обыкновенныхъ или непредвидимыхъ выдачъ, матеріи, назначенныя для крашенія и остающіяся на извѣстное время внѣ употребленія, и даже уже обработанныя, но сохраняемыя нѣкоторое время въ магазинахъ. Сюда относятся и машины совсѣмъ или долгое время остающіяся безъ всякаго употребленія.»

Понятіе «непроизводительный или производительный капиталъ» взято Сеемъ слишкомъ въ обширномъ смыслѣ. Слѣдуя мнѣнію его, мы почти ничего не найдемъ, чтобы не составляло болѣе или менѣе непроизводительнаго капитала. Можно ли напр. поставить въ одномъ значеніи товаръ, лежащій у купца для продажи, съ товаромъ, не имѣющимъ у него никакого сбыта и остающимся безъ всякаго употребленія? Или, можно ли сравнивать денежныя суммы, сберегаемыя купцомъ для обыкновенныхъ издержекъ, съ суммами, хранящимися у скупаго въ сундукахъ безъ всякаго назначенія? Мысль Сея ведетъ только къ тому полезному заключенію, что надо всякую вещь скорѣе употреблять въ дѣло для воспроизведенія, и что оставаясь праздною, она чрезъ то лишаетъ производителя выгодъ или процентовъ. По моему мнѣнію, капиталомъ непроизводительнымъ называется только тотъ, который ничего не воспроизводитъ, напр. я выстроилъ домъ, и онъ никѣмъ не занимается, я купилъ машину, и она не имѣетъ

никакого употребленія, я отдалъ въ долгъ кому нибудь деньги, и они не приносятъ мнѣ процентовъ, или еще болѣе, когда я сбрываю деньги въ сундукахъ, не отдавая ихъ на проценты, я сдѣлалъ или купилъ мебель, и ею никто не пользуется. Сюда частію можно отнести и вещи, едва потребленныя и потомъ брошенныя безъ всякаго употребленія тогда, когда онѣ еще могли бы итти въ дѣло. Въ государствахъ, мало образованныхъ, мало дѣятельныхъ, мы найдемъ чрезвычайное множество этихъ капиталовъ, равно въ городахъ мало торговыхъ, манufактурныхъ встрѣчается ихъ болѣе, нежели въ столицахъ или городахъ богатыхъ. Вообще же осмѣливаюсь думать, трудно найти какого либо человѣка, у котораго не было бы въ большей или меньшей степени непроизводительнаго капитала, и это происходитъ частію отъ неумѣнія употреблять его въ какое либо полезное дѣло, а частію отъ нерасчетливости, безпечности. Я не говорю уже о томъ, что капиталъ можетъ быть болѣе и менѣе воспроизводителенъ, все равно, какъ мы нѣкогда замѣтили это относительно труда. Дайте одинъ и тотъ же капиталъ въ руки благоразумнаго, расчетливаго капиталиста, и въ руки производителя, непонимающаго своей промышленности, какое различіе найдете вы въ воспроизводимости того и другаго? Одинъ можетъ доставить вамъ 100 или 50 на 100, а другой едва доставитъ вамъ 20 или 10.

Шторхъ. — Du Revenu nationale. pag. 58.

«Капиталъ не что иное, какъ доходъ, употребляемый для произведенія новаго дохода. Это относится къ капиталу частныхъ людей и къ капиталу націй. Различіе между этими двумя капиталами слѣдующее.

Частный человѣкъ можетъ отдать свой капиталъ другому и жить одними процентами, съ него получаемыми, но для націй такое употребленіе капиталовъ невозможно. Если мы и видимъ, что богатыя государства заимствуютъ свои капиталы одни у другихъ, то эти капиталы составляютъ самую незначительную часть.»

Мнѣніе это Шторха вообще справедливо. Надо только прибавить, что не всѣ и частные люди могутъ отдавать свои капиталы одни другимъ, чтобы жить процентами, съ нихъ получаемыми. — Если есть заимодавцы, надо быть и должникамъ.

«Изъ этого можно вывести слѣдующія положенія.

Капиталъ, употребляемый націею, даетъ ей доходъ только посредствомъ труда, слѣдственно онъ составляетъ доходъ, обращающійся въ источникъ дохода, а капиталъ частныхъ людей составляетъ собственно ихъ имѣніе.

Капиталъ націй даетъ доходъ только тогда, когда употребляется для воспроизведенія; второй напротивъ, отданный другому и даже употребленный этимъ лицемъ безплодно, равно приноситъ доходъ настоящему владѣльцу: онъ не менѣе того существуетъ.»

Такъ, но за то этотъ доходъ уплачивается другимъ доходомъ, получаемымъ посредствомъ воспроизведенія. Иначе онъ не будетъ платимъ. По сему-то отдающій въ ростъ свои капиталы другому разсчитываетъ, на что они будутъ употреблены его должникомъ. Если они будутъ употреблены имъ на непосредственное потребленіе, то онъ дѣлается осторожнымъ въ довѣріи.

«Капиталъ націй заключаетъ въ себѣ самыя при-

родныя и пріобрѣтенныя способности производителей, но этого нельзя сказать о капиталахъ частныхъ людей. Относительно ихъ, мысль о капиталѣ соединяется съ мыслію объ имѣніи.»

Объ этомъ мы скажемъ въ послѣдствіи.

«Относительно націй, существенное достоинство капитала состоитъ въ пользѣ произведеній, его составляющихъ; у частныхъ людей достоинство капитала состоитъ въ цѣнности произведеній. Для частныхъ людей, которые сами не употребляютъ капитала, произведенія не значатъ ничего; имъ нужна одна ихъ цѣнность. Относительно націй, все зависитъ отъ самыхъ произведеній, а не цѣны ихъ, исключая того случая, когда одна нація повѣряетъ свой капиталъ другой.»

Это не совсѣмъ точно, потому, что, смотря на то, въ какой степени производится внѣшняя торговля, въ той же степени имѣетъ достоинство и капиталъ. Какъ скоро внѣшняя торговля упадаетъ, и съ нею упадаетъ цѣна произведеній, то упадаетъ достоинство самыхъ капиталовъ.

«Посему капиталъ націй, для воспроизведенія, долженъ быть весь потребляемъ; второй, напротивъ, долженъ сберегаемъ.»

Въ этомъ заключеніи, по моему мнѣнію, Шторхъ погрѣшаетъ. Какимъ образомъ капиталъ націи долженъ быть весь потребляемъ, а не сберегаемъ? Потребленіе бываетъ двоякое: непроизводительное, или служащее для удовлетворенія нуждъ, и воспроизводительное, служащее для воспроизведенія. Если капиталъ націи потребляется вторымъ образомъ, то онъ сберегается, увеличивается; если же онъ потребляется первымъ образомъ, то онъ уменьшается, слѣдственно не сберегается. Частные люди также

должны потреблять капиталъ воспроизводительно, напр. если кто либо изъ 100,000 дохода оставилъ 5,000 въ капиталъ, то эти 5,000 должны быть употреблены для воспроизведенія новаго большаго дохода, или для полученія процентовъ; въ послѣднемъ случаѣ равно воспроизводится новый доходъ, только чрезъ постороннее лице, удѣляющее изъ своего дохода часть въ видѣ процентовъ владѣльцу капитала.

Если же владѣлецъ оставленные изъ дохода 5,000 не употребитъ ни на свои нужды, ни на воспроизводительность, то они составятъ у него капиталъ праздный. И такъ, относительно потребленія и сбереженія, я не нахожу существеннаго различія между капиталомъ частныхъ людей, и это потому, что первый капиталъ состоитъ изъ вторыхъ.

Вся погрѣшность, или лучше сказать, неточность Шторха произошла отъ того, что онъ слишкомъ раздѣлилъ между собою два лица: одно лице, состоящее изъ владѣльца капитала, а другое изъ воспроизводителя сего послѣдняго, между тѣмъ какъ въ политико-экономическомъ смыслѣ эти два лица составляютъ одно.

Разобравъ всѣ означенныя мнѣнія Шторха, я почитаю нужнымъ сдѣлать мое общее замѣчаніе.

Дѣйствительно, если мы возьмемъ во вниманіе отдѣльно каждаго человѣка и сравнимъ его съ государствомъ, какъ нравственнымъ лицемъ, то мы найдемъ между ними много различій; но все таки такой рѣзкой черты, какую проводитъ Шторхъ, между ними допустить нельзя.—1-е Дѣло каждаго человѣка въ государствѣ находится въ соприкосновеніи съ дѣломъ другихъ гражданъ. Такимъ образомъ дѣла всѣхъ гражданъ, завязываясь между собою, состав-

ляютъ дѣло цѣлой націи или государства. Связь между частными людьми и цѣлымъ государствомъ необходима, существенно слита въ одномъ общественномъ организмѣ; отъ того капиталъ частныхъ людей есть капиталъ государства, и капиталъ сего послѣдняго есть капиталъ частныхъ людей.—2-е Для чего Шторхъ, обозначивъ различіе между капиталами частныхъ людей и капиталами націй въ отдѣльности, не шелъ еще далѣе? Почему онъ не коснулся различія между капиталами каждой націи и капиталами всѣхъ націй вообще?

Не замѣтилъ ли бы онъ тогда, что если одна нація еще можетъ отдавать свой капиталъ, хотя въ маломъ количествѣ, другой націи, то уже для всѣхъ вообще націй этотъ фактъ невозможенъ? Въ сферѣ націй или въ сферѣ всего человѣчества капиталы потребляются единственно посредствомъ трудa. Здѣсь трудъ не останавливается ни на одно мгновеніе, безъ него нѣтъ ни малѣйшаго дохода.

—

ГЛАВА XV.

О раздѣленіи капиталовъ.

Смитъ раздѣляетъ капиталъ на постоянный и обращающійся. Первый состоитъ изъ a) машинъ, b) построеній, c) улучшеній земли, d) пріобрѣтенныхъ производителями способностей. Эти предметы имѣютъ цѣлію собственно произведеніе вещей матеріальныхъ въ четырехъ родахъ промышленности: земледѣльческой, мануфактурной, торговой оптомъ, и торговой въ раздробь. Всякой фондъ, неупотребляемый въ

какой-либо изъ этихъ промышленостей, составляетъ не капиталъ, а фондъ непроизводительный. — Для чего авторъ, говоритъ Шторхъ, смѣшиваетъ капиталъ, непосредственно нужный производителямъ, съ капиталомъ, который непосредственно нуженъ для произведенія, между тѣмъ какъ тотъ и другой совершенно между собою различны? Далѣе, для чего онъ подъ именемъ перваго разумѣетъ только пріобрѣтенныя способности? Познанія, вкусъ, даже честность промышленника не одинаково ли производительны, какъ ловкость? Равно простыя естественныя способности не суть ли производительны?

Здѣсь Шторхъ говоритъ не совсѣмъ вѣрно. Познанія, вкусъ и честность пріобрѣтаются, подобно ловкости, проворству и другимъ качествамъ. Шторхъ долженъ былъ бы замѣтить такъ: для чего Смитъ беретъ во вниманіе одно только принадлежности физическаго труда, оставляя безъ вниманія пріобрѣтенія или совершенства труда нравственнаго?

Подъ именемъ капитала обращающагося Смитъ разумѣетъ монету и товары, съѣстные припасы, обработанныя матеріи и т. д.

Какое бы ни было употребленіе съѣстныхъ припасовъ, — назначены ли они для сохраненія жизни производителей, или для наслажденія сибарита, — Смитъ равно это употребленіе называетъ непроизводительнымъ. Но что творитъ капиталы, какъ не трудъ? Если паровая машина воспроизводительно потребляетъ уголь, приводящій ее посредствомъ паровъ въ движеніе; не тоже слѣдуетъ ли сказать о съѣстныхъ припасахъ, поддерживающихъ жизнь работниковъ? Напрасно Сей защищаетъ Смита, говоря, что капиталистъ потребляетъ трудъ работника воспроизводительно; но самъ работникъ потребляетъ

съѣстные припасы непроизводительно. Различіе пустое. — Не самъ ли Смитъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что никакой трудъ не можетъ совершиться, если дѣйствователь будетъ лишенъ съѣстныхъ припасовъ? При томъ не допускаетъ ли онъ, что все, потребленное производителемъ во время воспитанія, есть капиталъ? Если потребленіе будущаго производителя составляетъ капиталъ, не болѣе ли составляетъ его потребленіе настоящаго производителя?

По моему мнѣнію Шторхъ говоритъ слишкомъ неосновательно. Одинъ ли работникъ потребляетъ съѣстные припасы для поддержанія своей жизни? Не равно ли они необходимы для капиталиста? И такъ, уже ли первое потребленіе будетъ производительное, а второе непроизводительное? Это странно. Но если Шторхъ скажетъ, что капиталистъ или предприниматель, сверхъ съѣстныхъ припасовъ, потребляютъ много вещей, относящихся къ роскоши, то 1-е, какъ отдѣлить первыя вещи отъ вторыхъ? 2-е, не должно ли при всемъ томъ сдѣлать различія между тѣми и другими, и почитать потребленіе однѣхъ вещей производительнымъ, а потребленіе другихъ непроизводительнымъ? Наконецъ 3-е, развѣ работники всегда потребляютъ только то, что служитъ необходимо для поддержанія жизни, или способности трудиться? Развѣ они не пользуются вещами, служащими болѣе или менѣе, смотря по ихъ состоянію и разнымъ отношеніямъ, къ сферѣ удобствъ и наслажденій жизни? Слѣд. 4-е, не надо-ли поставить тѣхъ же границъ между различными родами потребленія работниковъ, какія мы замѣтили относительно потребленія капиталистовъ?

Шторхъ приводитъ въ примѣръ машину. Но машина становится воспроизводительною въ рукахъ ка-

питалиста, равно и произведенія, назначенныя для содержанія работниковъ, въ его же рукахъ производительны. Но будучи потреблены самимъ работникомъ, эти произведенія уже не могутъ назваться производительными. Иначе они были бы производительны вдвойнѣ. И положимъ, что работникъ, получая произведенія изъ рукъ капиталиста, могъ-бы оставить одну часть ихъ безъ потребленія, и назначить бы ее для продажи, — ужели и та часть, которую работникъ непосредственно потребляетъ, и та, которую онъ оставляетъ для продажи, одинаково производительны? Это не естественно.

Далѣе Шторхъ вопрошаетъ: не самъ ли Смитъ допускаетъ, что все, потребленное производителемъ во время воспитанія, составляетъ капиталъ, и т. д.; Такъ; но потребленное производителемъ во время воспитанія потому составляетъ капиталъ, что оно должно произвесть нѣкогда свои полезныя слѣдствія посредствомъ пріобрѣтеннаго воспитанія; но то, что потребляется работниками, уже произвело свои полезныя дѣйствія въ рукахъ фабриканта. Оно было у него капиталомъ.

Наконецъ Шторхъ говоритъ о сибаритѣ въ сравненіи съ работникомъ. Но мы выше сказали, что произведенія, назначаемыя для работниковъ, производительны въ рукахъ фабрикантовъ, а произведенія, назначаемыя для сибарита, никогда непроизводительны, потому что онъ ничего не даетъ за нихъ. Если же онъ и даетъ деньги за произведенія, то эти деньги составляютъ плодъ труда другихъ, выключая того случая, когда сибаритъ нажилъ капиталъ прежде своимъ трудомъ, или, покрайней мѣрѣ, приноситъ пользу обществу другимъ какимъ либо образомъ.

По мнѣнію Шторха, масса произведеній раздѣляется на двѣ вѣтви: одна необходима непосредственно для производимости и посредственно для производителя, а другая имѣетъ совсѣмъ противное назначеніе. Произведенія перваго рода, говоритъ Шторхъ, мы называемъ дѣйствительнымъ капиталомъ, а произведенія втораго рода называемъ капиталомъ личнымъ. Первый капиталъ раздѣляется на постоянный и обращающійся. Постоянный заключаетъ въ себѣ: 1) улучшенія земли; 2) построенія во всѣхъ родахъ промышленности, равно храмы, училища, крѣпости, театры, дороги, мосты и проч.; 3) машины, орудія, скотъ, корабли для флота, книги для ученыхъ, инструменты для артистовъ, декораціи для зрѣлищъ, и т. д.

Обращающійся капиталъ заключаетъ въ себѣ: 1) матеріи грубыя и обдѣланныя, семена, матеріалы для медицины, бумага, краски для живописи; 2) всѣ товары, назначенные для продажи; 3) монету.

Капиталъ постоянный потребляется производителемъ постепенно; обращающійся же, — или весь употребляется для произведенія, или замѣщается другими предметами.

Капиталъ личный также раздѣляется на постоянный и обращающійся. Первый состоитъ изъ способностей природныхъ и пріобрѣтенныхъ. Хотя способности и не имѣютъ производительной способности, свойственной землѣ, за то земля не стоитъ ничего для содержанія; а человѣкъ до извѣстныхъ лѣтъ долженъ быть содержимъ, такъ что природныя способности требуютъ издержекъ.

Капиталъ обращающійся личный заключаетъ: 1) съѣстные припасы и всѣ матеріальныя вещи, необ-

ходимыя для сохраненія жизни и способностей производителя; 2) услуги (services) напр. тѣ, которыя получаетъ производитель отъ правительства, отъ почты, отъ лакеевъ и проч. Какъ никакое предпріятіе не можетъ быть исполнено безъ капитала, такъ никакой трудъ не можетъ совершиться безъ капитала личнаго.

Въ этихъ мнѣніяхъ Шторха главная ошибка заключается въ томъ, что онъ смѣшалъ трудъ съ капиталомъ. Не самъ ли онъ допустилъ, что трудъ и капиталъ составляютъ главные источники богатства въ соединеніи съ природой?

И такъ, что должно разумѣть подъ именемъ труда? Если Смитъ сдѣлалъ ошибку, включивъ въ область капитала ловкость, проворство и другія пріобрѣтенныя способности, то для чего Шторхъ распространилъ эту ошибку еще на способности природныя?

Трудъ—дѣйствователь человѣка на природу. Трудъ, какъ выше замѣтили, раздѣляется на физическій и нравственный. Какъ тотъ, такъ и другой имѣютъ свои совершенства природныя или пріобрѣтенныя; тѣ и другія равно относятся къ труду, а не къ капиталу. Скорѣе можно было бы отнести къ капиталу издержки, употребленныя на воспитаніе и образованіе, а слѣдственно сіи послѣднія были бы нѣкоторымъ образомъ представителями издержекъ. Но ужели даютъ образованіе собственно для того, чтобы вознаграждены были издержки? Можно ли ихъ расчитать такъ, какъ расчитываютъ издержки, необходимыя для произведенія матеріальныхъ вещей? По моему мнѣнію, воспитаніе и образованіе сами по себѣ служатъ цѣлію. Иначе богатый, для котораго ничего не значатъ издержки, и который имѣетъ довольно капитала для своего содержанія,

въ продолженіи жизни могъ-бы отказаться отъ всякаго нравственнаго совершенствованія. Скорѣе означенное мнѣніе Шторха могло бы быть допущено относительно практическаго обученія ремесламъ, но и то не далѣе этого обученія. Если же оно касается еще другихъ предметовъ образованности, опять не можно согласиться съ его мнѣніемъ.

Вторая ошибка Шторха заключается въ томъ, что онъ смѣшалъ дѣйствія физическаго труда съ дѣйствіями труда нравственнаго, тогда, когда они совершенно между собою раздѣлены.

Капиталы, по моему мнѣнію, могутъ быть раздѣлены на два рода, капиталы физическіе и капиталы нравственные. Капиталы физическіе раздѣляются на постоянные и обращающіеся. Къ первому роду относятся орудія, машины, разныя устроенія и т. п. Ко второму роду относятся съѣстные припасы, платы, назначаемыя для работниковъ, необработанныя и обработанныя матеріи и т. д.

Капиталы нравственные также могутъ быть раздѣлены на постоянные и обращающіеся. Первый составляютъ учебныя заведенія, сочиненія, присутственныя мѣста, постановленія, законы, военная дисциплина, пушки, оружія и т. д. Вторые капиталы заключаютъ самое преподаваніе наукъ, бумагу, чернила, дѣлопроизводства, вещи, потребляемыя во время служенія, или отправленія духовныхъ обрядовъ, порохъ, дробь и т. п.

Способности также относятся къ труду нравственному, какъ сила принадлежитъ къ труду физическому.

Изъ предметовъ физическаго капитала заслуживаетъ особенное вниманіе монета. — Нѣкоторые пи-

сатели причисляютъ ее къ капиталу обращающемуся, другіе относятъ ее къ капиталу постоянному, почитая ее наравнѣ съ машинами. Мнѣ кажется, что деньги, какъ товаръ, безпрерывно переходящій изъ однѣхъ рукъ въ другія, дѣйствительно составляютъ капиталъ обращающійся; — но тѣ же деньги, какъ средство мѣны, способствующее обращенію всѣхъ произведеній, представляетъ болѣе капиталъ постоянный.

Даръ слова въ сферѣ нравственныхъ капиталовъ, тоже значитъ, что монета въ сферѣ капиталовъ физическихъ: посредствомъ дара слова каждый сообщаетъ другому свои мысли и чувства. Кромѣ общей принадлежности, словесность подобно дорогимъ металламъ, имѣетъ частное достоинство, тогда, когда она составляетъ особый кругъ занятій. Книгопечатаніе можно сравнить съ ассигнаціями, которыя сами по себѣ не составляютъ богатства, а представляютъ, его служа значеніемъ монеты. Печатаніе равно представляетъ одну словесность и служитъ удобнѣйшимъ средствомъ къ сообщенію понятій одного другому. Мы выше обозначили, какіе физическіе капиталы непроизводительны. Есть подобные капиталы и нравственные; такъ напр. книги въ публичныхъ или частныхъ библіотекахъ, остающіяся безъ всякаго употребленія, равно древнія рукописи, зарытыя въ монастыряхъ и другихъ заведеніяхъ, мудрыя постановленія, оставленныя въ забвеніи или неимѣющія никакого исполненія, полезныя учрежденія, не рѣдко стоившія большихъ усилій, брошенныя въ пренебреженіи, другіе подобные предметы составляютъ капиталъ нравственный непроизводительный. Я однако здѣсь не разумѣю всего того, что выходитъ изъ употребленія по своей безполез-

ности, подобно какъ многіе физическіе капиталы по своей безнужности оставляются безъ движенія. Какъ ни велико количество непроизводительныхъ нравственныхъ капиталовъ, но все это менѣе поражаетъ насъ нежели въ какой степени поражаемся малою ихъ производительностію. Она несравненно превышаетъ малую производительность физическихъ капиталовъ. Такъ, пользуются ли учебными заведеніями, библіотеками такъ, какъ бы требовала того польза каждаго частнаго человѣка и польза общественная? Нимало. Охраняются ли вполнѣ гражданскими капиталами права личности и собственности всегда и вездѣ въ государствахъ? Очень мало. Пользуются ли даже военными капиталами, сообразно ихъ назначенію, хотя въ половину? И это едва ли исполняется. Вообще, чѣмъ на низшей степени образованости находится какой либо народъ, тѣмъ менѣе онъ проявляетъ успѣха въ дѣйствіи нравственныхъ капиталовъ, тѣмъ меньшая ихъ производимость. Польза, происходящая отъ нравственныхъ капиталовъ, гораздо менѣе ощутительна, замѣтна, нежели польза, приносимая капиталами физическими, а потому грубый народъ пользуется послѣдними гораздо успѣшнѣе. Я не говорю уже о томъ, что капиталы физическіе несравненно быстрѣе идутъ къ улучшенію, нежели капиталы нравственные; такъ, опытъ намъ показываетъ, въ какой степени безпрерывно совершенствуются физическія заведенія, машины, то измѣняясь въ своей прежней формѣ, то замѣняясь новыми гораздо лучшими, болѣе производительными изобрѣтеніями; напротивъ нравственные капиталы часто переживаютъ цѣлыя столѣтія, ни мало не измѣняясь, не улучшаясь, и нерѣдко отстаютъ далеко въ своемъ совершенствованіи отъ требованій своего вѣка, вызывае-

мыхъ обстоятельствами и новымъ положеніемъ обществъ.

Конечно это иногда происходитъ отъ чрезвычайной трудности введенія нравственныхъ улучшеній, а тѣмъ болѣе самыхъ перемѣнъ; но болѣе зависитъ отъ трудности постиженія тѣхъ и другихъ, а иногда отъ невѣжества и безпечности людей и народовъ. Всякій легко понимаетъ ужасы бѣдности, выгоды богатства, но не всякій знакомъ съ одной стороны съ горестными послѣдствіями худой нравственности, съ другой съ чрезвычайными выгодами образованности. Но такъ какъ связь между физическою и нравственною дѣятельностію, между богатствомъ и образованностію самая тѣсная, по этому нечего намъ удивляться, почему въ государствахъ, худо пользующихся нравственными капиталами, мало заботящихся о ихъ улучшеніи совершенствованіи, и физическіе капиталы скудны, жалки? Можетъ ли народъ, у котораго попрано истинное, безпредѣльное движеніе къ религіи, у котораго просвѣщеніе не пользуется просторомъ благодѣтельнаго вліянія на всѣ части общества, у котораго законы не ясны, пристрастны, запутаны, а еще болѣе, остаются безъ исполненія, — можетъ ли, говорю, этотъ народъ высоко стать въ области богатства? Не думаю. Склонность къ порокамъ, къ безпрерывнымъ нарушеніямъ священныхъ правилъ, покушеніе къ злоупотребленіямъ всякаго рода, всегда будутъ служить сильнымъ препятствіемъ къ постепенному, свободному развитію народной физической дѣятельности. Для убѣжденія въ этой истинѣ, стоитъ только взглянуть на прежнее и даже нынѣшнее состояніе Европейскихъ государствъ, — не говорю уже о го-

сударствахъ другихъ частей свѣта, жалкихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

—

ГЛАВА XVI.

Объ увеличеніи капиталовъ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, въ разсужденіи капиталовъ, состоитъ въ рѣшеніи задачи: что наиболѣе способствуетъ увеличенію капиталовъ? Не всѣ писатели одинаковаго мнѣнія объ этомъ предметѣ. Большая часть ихъ держится мнѣнія Смита, т. е., что главною причиною увеличенія капиталовъ служитъ бережливость. Такъ думаютъ Сей, Сисмонди, Мальтусъ, Ганиль и другіе; Лодердаль же напротивъ доказываетъ, что бережливость относится только къ капиталамъ частныхъ людей; капиталы же государствъ увеличиваются единственно изобрѣтательностію, подъ коею разумѣетъ разныя орудія, машины. Шторхъ почти слѣдуетъ его мнѣнію, какъ увидимъ ниже. Разсмотримъ яснѣе предметъ.—Дѣйствительно, когда я посѣлъ какія либо семена и послѣ извѣстнаго времени, получаю отъ посѣва новыя произведенія, за тѣмъ опять начинаю засѣвать землю; то не ясно-ли видно, что чѣмъ менѣе я самъ потреблю новыхъ произведеній, и чѣмъ болѣе ихъ оставлю для воспроизведенія, тѣмъ болѣе могу надѣяться вторично получить новыхъ произведеній? Тоже можно примѣнить къ цѣлому государству. Чѣмъ болѣе отъ общихъ годичныхъ продуктовъ государства оставлено будетъ для воспроизведенія, и чѣмъ менѣе ихъ будетъ потреблено для непосредственныхъ нуждъ, тѣмъ болѣе

государство можетъ ожидать новыхъ произведеній въ теченіе слѣдующаго года. И такъ законъ бережливости — законъ необходимый для увеличенія капиталовъ не только въ отношеніи къ частнымъ людямъ, но и въ отношеніи къ цѣлому государству. Слѣдственно возраженіе Лодердала несправедливо. Но нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ, что изобрѣтательность занимаетъ весьма важное мѣсто въ пріобрѣтеніи и умноженіи богатства; она одна уменьшаетъ относительную или мѣновую цѣнность произведеній посредствомъ разныхъ машинъ, облегчающихъ и усиливающихъ трудъ, она одна и наиболѣе способствуетъ увеличенію капиталовъ, такъ, что посредствомъ одной бережливости, народы никогда не могли бы достигнуть нынѣшней блистательной степени обогащенія. Бережливость собственно поддерживаетъ, сохраняетъ и постепенно увеличиваетъ капиталы; изобрѣтательность же не рѣдко вдругъ даетъ имъ быстрое, чрезвычайное движеніе. Это особенно замѣчается въ то время, когда предразсудками, заблужденіями, злоупотребленіями надолго замедляется, останавливается естественное стремленіе людей и народовъ къ своему совершенству. Такъ, въ новѣйшія времена изобрѣтательность сдѣлала необыкновенные успѣхи, потому что въ срѣдніе вѣки народы много запоздали, медленно подвигаясь впередъ въ своемъ общественномъ быту. Это же самое и открываетъ намъ причину, отъ чего изобрѣтательность, сама по себѣ благодѣтельная для человѣчества, между тѣмъ сильно нарушила порядокъ въ развитіи народнаго богатства; милліоны людей-работниковъ употребляютъ всѣ усилія для ограниченія ея дѣйствій. Писатели политико-экономы, внимая ихъ голосу, возстаютъ противу нея,—

не смотря на это, она всегда торжествуетъ надъ всѣми страхами, опасностями и временными невыгодами, даже бѣдствіями.

Не одна физическая промышленость,—нравственная дѣятельность равно представляетъ намъ примѣры подобнаго нарушенія равновѣсія. Когда образованность, одолѣваемая силою невѣжества, варварства, идетъ медленно, народы кажутся дремлющими, мало заботящимися объ улучшеніи своего нравственнаго состоянія, въ это время иногда вдругъ появляются величайшіе геніи-мыслители, геніи дѣйствователи, вооруженные необыкновенными идеями истины, истощающіе всѣ средства для извлеченія человѣчества изъ жалкаго положенія, для направленія его къ цѣли высшей, благороднѣйшей. Геніи нравственности занимаютъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто; за ними слѣдуютъ геніи-политики, законодательства и другихъ важнѣйшихъ предметовъ общественной жизни. Всѣ науки равно иногда медленно, иногда быстро идутъ въ своемъ развитіи.

Въ строгомъ смыслѣ изобрѣтательность относится не къ капиталамъ, а къ труду, какъ мы выше обозначили, и она увеличиваетъ собственно богатство, — это богатство или доходъ можетъ быть потребляемъ весь непроизводительно; если же мы оставляемъ большую часть дохода для воспроизведенія, что служитъ къ увеличенію капитала, то это будетъ составлять уже бережливость.

—

ГЛАВА XVII.

Объ отношеніи произведенія къ потребленію.

Cours d'Econ. polit. tom. IV. pag. 24.

«Если 4 франка, платимые заводчику, дѣлающему стекла, поддерживаютъ его выгоды и вмѣстѣ поддерживаютъ выгоды другихъ производителей, у которыхъ заводчикъ покупаетъ на 4 франка произведенія, то все было бы равно, какъ если бы эти 4 франка достались книгопродавцу, ибо послѣдній вмѣсто заводчика могъ бы купить другія произведенія. Когда запрещено было во Франціи носить лакеямъ галуны на ливреяхъ, то всѣ жаловались на то, что это запрещеніе разрушало одну изъ промышленостей, какъ будто деньги, употребляемыя прежде на покупку галуновъ, не могли быть употреблены на покупку другаго какого либо произведенія.»

Это такъ; при всемъ томъ нераскупленный товаръ остается у продавца въ убытокъ: онъ, по необходимости, долженъ или продать его по дешевой цѣнѣ, или совсѣмъ оставить его безъ сбыта. Я не говорю уже о томъ, что производители потребленнаго товара, принужденные перевести свои капиталы на другую какую либо промышленость, теряютъ большую или меньшую ихъ часть.

Мальтусъ почитаетъ благодѣяніемъ для общества то, что находятся капиталисты, живущіе одними процентами, получаемыми отъ своихъ капиталовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что правительство поступаетъ весьма хорошо, увеличивая публичный долгъ, т. е., обременяя народъ налогами. Равно Сисмонди пола-

гаетъ, что если бы всѣ граждане начали трудиться, подобно простымъ работникамъ; то произошло бы то, что каждый работникъ въ послѣдствіи имѣлъ бы вещей для продажи, какъ 10, а для покупки какъ 1. Не странно ли это?

Мальтусъ почитаетъ живущихъ процентами отъ своихъ капиталовъ благодѣтельными для общества потому, что они потребляютъ вещи, сами ничего не производя. Но онъ забываетъ, что вмѣсто этихъ капиталистовъ трудятся другіе, производящіе полезныя вещи на занятый капиталъ; въ этомъ случаѣ все равно, какъ если бы трудились сами владѣльцы-капиталисты. Живя благоразумно, они должны проживать одни проценты; трудясь же сами непосредственно, они могли бы проживать еще и ту часть дохода, которая достается производителямъ-должникамъ. Капиталистовъ-заимодавцевъ можно назвать благодѣтельными только въ томъ отношеніи, что они способствуютъ своими капиталами обогащенію людей, обладающихъ теоретическими и практическими способностями къ производительности, но немѣющихъ къ тому способовъ. Если же они вручаютъ свои капиталы правительству, то тѣмъ избавляютъ его отъ внезапнаго наложенія большихъ податей, нерѣдко соединенныхъ съ величайшими трудностями и невыгодами для народной промышленности. Кому неизвѣстно, что эти капиталисты изобилуютъ только въ государствахъ богатыхъ, бѣдныя же имѣютъ мало капиталовъ праздныхъ, идущихъ въ посредничество посторонними производителей. Впрочемъ, поелику Мальтусъ страшится не столько умноженія потребленія, сколько изобилія произведеній; то предположительно, что владѣльцы-капиталисты, обладая огромными капиталами и по-

лучая съ нихъ доходы, не всѣ рѣшатся на большія усилія къ пріобрѣтенію новыхъ доходовъ, нежели какъ этого надо ожидать отъ капиталистовъ-должниковъ, которые выручаютъ доходъ и для личнаго удовлетворенія своихъ нуждъ, и для уплаты процентовъ съ занятыхъ капиталовъ и самыхъ капиталовъ. Они-то наиболѣе заботятся о изобрѣтеніи лучшихъ способахъ производимости; они-то съ занятымъ капиталомъ стараются, сколько можно, болѣе производить. По этой причинѣ они не рѣдко, для увеличенія своихъ прибылей, подвергаются риску, слѣдуютъ необдуманнымъ предпріятіямъ, и, въ случаѣ успѣха, они наиболѣе производятъ, въ случаѣ же проигрыша, они, раззоряя себя, причиняютъ вмѣстѣ раззореніе и гибель заимодавцамъ. Нельзя изобразить, сколько отъ этого происходитъ въ промышленомъ мірѣ волненій, переворотовъ, бѣдствій! Банкротство, подобно землетрясенію, иногда ниспровергаетъ, опустошаетъ цѣлые города. Итакъ, разсматривая съ этой точки заемъ капиталовъ, мы выводимъ заключеніе, совершенно противное мнѣнію Мальтуса.

Что касается до мнѣнія Сисмонди, оно также несбыточно. Естественно ли думать, чтобы капиталистъ сталъ заниматься работою, принадлежащею работнику? Для собственныхъ своихъ выгодъ, онъ долженъ оставить механическій трудъ. Ему надо употреблять время на то, чтобы распоряжаться полезнымъ направленіемъ своихъ капиталовъ. Мнѣніе Сисмонди походитъ на то, если бы кто спросилъ: что бы было тогда, когда бы всѣ начальники нравственныхъ классовъ сами стали заниматься непосредственною работою подчиненныхъ? Невозможность такого предположенія очевидна. Такимъ об-

разомъ, слѣдствіе вышло бы совсѣмъ не то, которое обозначилъ Сисмонди, что въ послѣдствіи каждый работникъ имѣлъ бы вещей для продажи какъ 10, а для покупки какъ 1. Напротивъ, тогда произведено было бы несравненно менѣе вещей, потому что обращеніе капиталовъ шло бы медленнѣе, безуспѣшнѣе.

«Если нѣкоторыя вещи дѣйствительно бываютъ въ изобиліи, то это происходитъ не отъ излишества самыхъ вещей, а отъ другихъ постороннихъ причинъ, такъ какъ иногда по причинѣ различнаго урожая бываетъ хлѣба то много, то мало. Я согласенъ на то, что въ извѣстномъ состояніи образованности число нуждъ ограничено; но чѣмъ государства становятся богаче и образованнѣе, тѣмъ кругъ нуждъ болѣе и болѣе расширяется. Публицистъ слишкомъ взялъ бы на себя много, назначивъ имъ предѣлы.»

Такъ; но если мы внимательнѣе присмотримся къ состоянію дикости и варварства народовъ, то легко примѣтимъ, что и у нихъ находится весьма много такого, чего они желаютъ и чего не въ состояніи пріобрѣсти. Но разумѣется, что съ увеличеніемъ народонаселенія, умноженіемъ общественныхъ связей, слѣдственно съ умноженіемъ самаго богатства и образованности, кругъ разнообразныхъ нуждъ обширнѣе.

«Если бы кто во время Генриха IV, французскаго короля, вздумалъ увѣрять другихъ, что нѣкогда будетъ продаваться такое то количество сукна и другихъ издѣлій, не смѣшно ли бы показалось это увѣреніе? Могъ ли бы кто подумать тогда, что явится настоящее число потребителей для всего того количества? Какой владѣлецъ земли могъ тогда вообразить, что, спустя два столѣтія, земли въ та-

комъ огромномъ количествѣ засѣятся картофелемъ и другими произведеніями? Но въ особенности произведеніе нематеріальныхъ предметовъ не подлежитъ ограниченію. Такъ можно ли было думать при Францискѣ I, когда публичныя зрѣлища походили на таинственныя представленія, что нѣкогда въ Парижѣ будутъ играть до 15 тысячъ человѣкъ въ театрахъ каждый вечеръ?»

Это мнѣніе Сея превосходно; подобное мы видѣли въ статьѣ «о машинахъ».

«Промышленость богатаго не служитъ предметомъ соревнованія для промышлености бѣднаго. Производимость перваго обращается совсѣмъ на другіе предметы, нежели какіе подлежатъ производимости втораго. Произведенія богатаго нимало не уменьшаютъ потребленія бѣднаго. Если одинъ потребитель теряетъ отъ него, за то другой выигрываетъ.»

Это естественно. Вообще совершеннаго равновѣсія между произведеніемъ и потребленіемъ ожидать нельзя.

Мальтусъ. Principes d'Econ. pol. tom. II pag. 25.

«Положимъ, что владѣльцы-капиталисты и другіе богатые люди рѣшились бы наблюдать бережливость, лишая себя наслажденій, какимъ образомъ въ это время безпрерывно увеличивающееся количество произведеній могло бы имѣть потребителей, разумѣется, безъ того, чтобы вмѣстѣ не уменьшилась цѣнность этихъ произведеній ниже издержекъ, а потому, чтобы не уменьшились въ этомъ случаѣ и самые способы къ сбереженію?»

Такъ; но спрашивается: можно ли допустить та-

кое предположеніе? Естественно ли, чтобы всѣ производители-потребители рѣшились отказывать себѣ въ томъ, къ потребленію чего они уже привыкли; исключая тотъ случай, когда они вынуждаются къ тому разными неблагопріятными обстоятельствами въ полученіи дохода? Бережливость состоитъ не въ томъ, чтобы отказывать себѣ въ привычномъ потребленіи вещей, а въ томъ, чтобы большую часть постепенно возрастающаго дохода обращать не на удовлетвореніе своихъ нуждъ, но на воспроизведенія, и такая бережливость можетъ ли быть вредною для частныхъ людей? Никогда. Напротивъ безъ этого условія, самое народное богатство не могло бы увеличиться. Но кто не видитъ, что при дешевизнѣ произведеній, происходящей отъ приведѣнія въ дѣло машинъ, потребленіе ихъ болѣе и болѣе умножается? Мальтусъ собственно такъ называемую бережливость, основную, капитальную добродѣтель, богатства смѣшиваетъ съ скупостію, составляющею уже порокъ въ политической экономіи. Впрочемъ, въ настоящій вѣкъ намъ нечего бояться этого порока: опасенъ болѣе другой, противоположный порокъ—расточительность. Для убѣжденія въ этомъ слѣдуетъ только посмотрѣть на опыты. Можно сдѣлать еще другой вопросъ, близкій къ вопросу Мальтуса: чтобы было тогда, когда бы потребители стали отказываться отъ потребленія вновь производимыхъ какихъ либо вещей, служащихъ для нашего наслажденія? Безъ сомнѣнія, тогда эти вещи не были бы производимы; но такъ какъ народонаселеніе постоянно болѣе и болѣе возрастаетъ, то оно не имѣло бы уже предметовъ для своего труда, а потому и возможности купить произведеній, для нихъ необходимыхъ; это народонаселеніе

неизбѣжно подвергнулось бы бѣдности, и очевидно, что производители принуждены были бы или менѣе трудиться, или должны были бы продавать свои продукты по цѣнѣ ниже издержекъ произведенія. Къ счастію человѣчества, природа расположила совсѣмъ иначе: съ одной стороны она по своимъ законамъ способствуетъ увеличенію народонаселенія, съ другой вдохнула въ человѣкѣ стремленіе къ улучшенію своего быта распространеніемъ своихъ нуждъ. Не смотря на это, опытъ намъ ясно показываетъ, въ какой бѣдности находится многочисленный классъ народа въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ народонаселеніе увеличивается быстрѣе въ сравненіи съ возрастаніемъ нуждъ, съ развитіемъ дѣятельности, какъ физической, такъ и нравственной: таковъ Китай.

Рикардо допускаетъ только одинъ случай, и то временный, когда можетъ произойти накопленіе произведеній, уменьшающее цѣну произведеній и прибыль отъ капитала: если бы напр. всѣ потребители, отказывая себѣ въ предметахъ удовольствій, стали, сколько можно, болѣе производить предметовъ необходимыхъ нуждъ. Но это, продолжаетъ Рикардо, ни мало не измѣняетъ главнаго начала, т. е., что накопленіе произведеній быть не можетъ. Мальтусъ, не соглашаясь съ Рикардомъ, допускаетъ не только частное, но и общее накопленіе, а потому и капиталы, по его мнѣнію, могутъ быть вообще излишними.

Странно, чтобы капиталы могли сдѣлаться излишними; они могутъ имѣть только невѣрное направленіе въ производимости. Капиталы только тогда были бы излишними, когда бы всѣ роды произведеній были бы въ величайшемъ изобиліи и

превышали все потребленіе; но въ этомъ случаѣ не нужно было бы болѣе и производить, произведеніе было бы соразмѣрно потребленію. Къ этой-то цѣли и стремится дѣятельное человѣчество. Но можно ли думать въ настоящее время, чтобы не было такихъ предметовъ, на произведеніе которыхъ нельзя было бы употреблять капитала, потому что всегда являются новые потребители произведеній; и если достаточно количество однихъ произведеній, то не достаетъ количества другихъ для потребленія. Теперь представимъ, что производители имѣли бы произведеній у себя столько, сколько ихъ нужно для настоящаго потребленія, и представимъ теперь, что еще болѣе было бы доставлено этихъ произведеній,—естественно, что эти излишнія произведенія не были бы раскуплены, но не потому, чтобы не находилось потребителей для нихъ, а потому, что эти потребители не имѣли бы возможности платить за нихъ своими произведеніями, слѣдственно у нихъ не доставало бы капиталовъ. Вотъ почему производители стараются уже посредствомъ машинъ уменьшать издержки произведеній, чтобы уменьшеніемъ цѣны произведеній привлечь болѣе потребителей. Теперь слѣдуетъ все то, что нами было сказано въ статьѣ о машинахъ.

Послѣ сего Мальтусъ склоняется къ любимой своей мысли, что люди чрезвычайно любятъ покой, и при извѣстномъ довольствѣ, они лучше соглашаются ограничиться одними прежними произведеніями, нежели желать, искать новыхъ, и что вкусъ къ роскоши рождается постепенно.

Если такъ, то накопленіе капиталовъ и самыхъ произведеній неизбѣжно, но съ этимъ мнѣніемъ Мальтуса мы вовсе несогласны.

Шторхъ. (Du revenu national).

«Главныя правила для произведенія и потребленія слѣдующія:

1. Все потребленіе доходовъ, пріобрѣтаемыхъ законнымъ образомъ, благодѣтельно для народнаго богатства. Въ этомъ правила Политической Экономіи согласны съ правилами разсудка и нравственности.

2. Общая польза требуетъ того, чтобы богатый издерживалъ весь свой излишній доходъ, а бѣдный, напротивъ, болѣе сберегалъ изъ своего дохода. Отсюда проистекаетъ тройкая польза.

а) Частные люди могутъ пріобрѣтать въ собственность капиталы и земли, и чрезъ то могутъ быть болѣе полезными и для себя и для общества, нежели если бы они занимали то и другое.»

Этотъ законъ общественной жизни непремѣненъ. Всегда будутъ бѣдные, нуждающіеся въ займѣ капиталовъ людей богатыхъ, и всегда будутъ они обогащаться посредствомъ этого займа и потомъ пріобрѣтать въ свою собственность самые капиталы и земли. Но къ этому надо прибавить, что это новое пріобрѣтеніе никакъ не должно быть соединено съ потерями богатыхъ капиталистовъ и владѣльцевъ, которые, увлекаясь безразсудною расточительностію, нерѣдко проживаютъ какъ капиталы, такъ и земли. Безъ этого предположенія, послѣднее пріобрѣтеніе или пріобрѣтеніе земель въ собственность бѣдными возможно только тогда, когда владѣльцы продаютъ ихъ для употребленія полученнаго въ замѣнъ ихъ капитала на другую какую либо отрасль промышленности, или уже пріобрѣтеніе относится

къ землямъ, еще не заселеннымъ, раздаваемымъ иногда отъ правительства даромъ или за умѣренную цѣну. Къ сожалѣнію, мы видимъ изъ опыта, что большею частію владѣльцы продаютъ свои земли во время несостоятельности своей, во время невозможности уплачивать накопленные расточительностію долги и жить однимъ частнымъ доходомъ. Капиталисты, нажившіе капиталы въ разныхъ отрасляхъ промышленности, умѣютъ пользоваться этимъ случаемъ; они, покупая земли, поступаютъ въ число владѣльцевъ. Такимъ-то путемъ исчезаютъ богатѣйшія владѣльческія фамиліи, и мѣсто ихъ заступаютъ фамиліи незначительныя, преимущественно изъ средняго класса. Иногда это производитъ чрезвычайный переворотъ въ государствѣ, даетъ ему совсѣмъ иное направленіе въ общественной и политической жизни.

«b.) Приращеніе богатства высшихъ классовъ становится медленнѣе, напротивъ удобности жизни низшихъ классовъ безпрерывно умножаются, а это оказываетъ благодѣтельное дѣйствіе на постепенное уничтоженіе неравенства имѣній.»

Замѣчаніе это Шторха превосходно. Только, по моему мнѣнію, медленное приращеніе богатства высшихъ классовъ должно быть относительное, т. е. сравнительно съ увеличеніемъ богатства низшихъ классовъ, чтобы не сдѣлать заключенія, будто умноженіе самыхъ нуждъ и способовъ къ удовлетворенію ихъ, должно раскрываться медленно въ первыхъ классахъ, между тѣмъ какъ отъ этихъ собственно классовъ зависитъ большее развитіе вкуса къ удовольствіямъ, наслажденіямъ, и, могу сказать, благодѣтельной роскоши, оживляющей дѣятельность низшихъ физическихъ классовъ и классовъ нрав-

ственныхъ. Это замѣчаніе нечувствительно ведетъ къ важнѣйшему вопросу Политической Экономіи, а именно, въ какомъ отношеніи станутъ между собою всѣ сословія, всѣ граждане одного и того же общества тогда, когда богатство общественное достигнетъ высшаго своего развитія? Не положено ли въ законахъ природы то восхитительное уравновѣсіе выгодъ, котораго тщетно теперь ищутъ восторженные энтузіасты? Я почитаю это идеею, рѣшеніе которой принадлежитъ будущимъ, отдаленнымъ столѣтіямъ.

с.) Такимъ образомъ наслажденія общественныя будутъ умножаться, трудъ болѣе и болѣе будетъ достигать развитія, просвѣщеніе получитъ быстрое совершенствованіе и т. д.»

Такъ,—только при соблюденіи условій, нами выше обозначенныхъ.

«Изъ всего этого видно, что націи обогащаются не чрезъ сбереженіе и потребленіе исключительно, но вмѣстѣ чрезъ то и другое.»

Націи, подобно частнымъ людямъ, обогащаются собственно чрезъ одно сбереженіе. Какъ можетъ потребленіе, какъ потребленіе, служить къ увеличенію богатства? Это не понятно. Но очень ясно, что для того производятъ, чтобы потреблять, иначе не нужно было бы и производить. Самое же потребленіе имѣетъ цѣль другую, именно, цѣль нашей усовершимости физической и нравственной.

«Смитъ полагаетъ, что капиталъ общества, который ни что иное есть, какъ капиталъ частныхъ людей, не можетъ увеличиваться, какъ только чрезъ сбереженіе. — Это ошибочно, потому что для того, чтобы одинъ сберегалъ для увеличенія производительнаго капитала, надо, чтобы другіе потребляли

его произведенія. Какъ можно было бы сберегать, если бы другіе не дѣлали издержекъ?»

Заключеніе это странно, потому что не одинъ частный человѣкъ, но всѣ должны и сберегать и потреблять; но бѣдный долженъ болѣе сберегать, чтобы въ послѣдствіи сдѣлаться богатымъ, а богатый долженъ менѣе сберегать, потому что онъ богатъ, — не смотря на это, онъ все таки долженъ сберегать. Изъ мнѣній Шторха, слѣдуетъ, какъ будто всѣ не могутъ въ одно и то же время сберегать. Сбереженіе означаетъ равно потребленіе, только воспроизводительное. Было, безъ сомнѣнія, время, когда не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Спрашиваю: какимъ образомъ произошли богатые? Разумѣется, чрезъ собственное сбереженіе. — Я не беру здѣсь во вниманіе изобрѣтенія различныхъ лучшихъ способовъ производительности, быстро увеличивающихъ доходъ: они могутъ быть и не быть.

«И такъ, капиталъ частныхъ людей умножается чрезъ сбереженіе, а капиталъ общества чрезъ сбереженіе совокупно съ потребленіемъ.

Такъ; потому что, какъ я сказалъ выше, если произведенія не будутъ потреблены,—для чего ихъ и пріобрѣтать?

«Смитъ желаетъ, чтобы производители сберегали, сколько можно, болѣе, а издерживали, сколько можно, менѣе. Если бы народы рѣшились поступать сообразно мнѣнію Смита, то всегда былъ бы излишекъ сбереженія или излишекъ капитала, который, безпрерывно увеличиваясь, не могъ бы наконецъ имѣть полнаго своего раскрытія, весь народъ не могъ бы потреблять всего производимаго.»

Это дѣло другое,—разумѣется, что всегда должна

быть соразмѣрность между произведеніемъ и потребленіемъ.

«Наконецъ, не заключается ли явное противорѣчіе въ томъ мнѣніи, что народы обогащаются чрезъ лишеніе себя наслажденій или осужденіемъ себя на бѣдность?»

Въ чемъ же состоитъ лишеніе себя наслажденій? Конечно, уменьшеніе обычнаго потребленія не служитъ къ увеличенію богатства, особенно когда оно падаетъ на всѣхъ частныхъ людей; объ этомъ мы скажемъ ниже.

Сисмонди.—Nouveaux principes d'Eco. Pol. tom. 1 pag. 124.

Рикардо полагаетъ, что когда произведеніе продуктовъ цѣлаго года превосходитъ потребленіе, то обыкновенно говорятъ, что капиталъ увеличивается, если же потребленіе годовое не все замѣняется годовымъ произведеніемъ, то говорятъ, что капиталъ уменьшается. Умноженіемъ капитала обязаны бываютъ или увеличенію произведенія или уменьшенію потребленія.

«Какъ, замѣчаетъ Сисмонди на разсужденія Рикардо, это равно служитъ признакомъ народнаго благоденствія. Когда напр. на шляпныхъ Лионскихъ фабрикахъ сдѣлано было бы 100,000 шляпъ въ 1811, и 110,000 шляпъ въ 1818 году, или 100,000 сдѣлано было бы въ послѣднемъ году, но продано было бы только ихъ 90,000, потому что въ томъ и другомъ случаѣ будетъ находиться въ остаткѣ 10,000 шляпъ? Купецъ, торгующій шляпами, едвали согласится на это,—онъ разочтетъ, что если въ 1818 году сдѣлано было 110,000 шляпъ вмѣсто 100,000, то онъ выиграетъ, когда шляпы будутъ всѣ прода-

ны, но потеряетъ, если изъ 110,000 не будетъ продано 10,000. Равно если въ 1818 году сдѣлано было бы 100,000 шляпъ также, какъ было въ 1811 году, и все таки 10,000 шляпъ не будетъ раскуплено, то онъ также потерпитъ убытокъ.»

Примѣръ этотъ Сисмонди не вѣренъ. Рикардо, полагая, что капиталъ увеличивается въ слѣдствіе уменьшенія потребленія, разумѣетъ то, что если производитель вмѣсто того, чтобы извѣстную часть своего дохода употребить на непосредственное удовлетвореніе своихъ нуждъ, употребляетъ ее на покупку предметовъ, служащихъ для воспроизведенія, то онъ чрезъ это получитъ большое количество произведеній, и увеличитъ свой капиталъ. Но дѣло другое, успѣетъ ли онъ распродать всѣ эти произведенія, а потому увеличитъ ли онъ чрезъ это свой капиталъ? Можетъ случиться, что онъ не будетъ въ состояніи распродать ихъ, тогда, конечно, онъ понесетъ убытокъ. — Впрочемъ капиталистъ можетъ часть дохода, прежде потребляемую, и не употреблять на воспроизведеніе, а можетъ оставить ее у себя въ видѣ капитала для полученія процентовъ. Не ясно ли видно, что и тогда капиталъ его вообще увеличится?

Также, по мнѣнію Рикардо, капиталъ увеличивается въ слѣдствіе увеличенія произведеній, что происходитъ особенно при изобрѣтеніи машинъ, — и это не подлежитъ сомнѣнію. Но можетъ ли быть, чтобы Рикардо думалъ такъ, какъ полагаетъ Сисмонди? Что же касается до того, не нарушается ли порядокъ въ потребленіи тѣмъ, что производители отказываются отъ покупки прежнихъ потребляемыхъ произведеній и приготовляютъ для сбыта болѣе своихъ произведеній, — объ этомъ скажемъ ниже.

«Когда капиталы находятся въ маломъ количествѣ въ отношеніи къ нуждамъ, то они никакого не будутъ терпѣть стѣсненія, напротивъ они тогда принесутъ большой доходъ; въ это время бережливость даже полезна. Въ такомъ положеніи находится Америка.»

Мы замѣтили выше, что нужды болѣе и болѣе возрастаютъ у самыхъ образованныхъ и богатыхъ народовъ: онѣ безчисленны. Слѣдственно въ этомъ отношеніи бережливость нужна и для народовъ Европы, также какъ нужна для народовъ Америки. Теперь спрашиваю: для чего нужна была бы бережливость въ Америкѣ? Для того, чтобы увеличить количество капитала, количество произведеній для продажи. Но развѣ въ Европѣ не нуждаются произведеніями? Развѣ находится въ ней такое ихъ количество, которое превышало бы потребность ихъ? Не думаю,—но понятно, чтобы покупать ихъ, для этого равно нужны капиталы, нужны произведенія. Не то же ли самое мы должны замѣтить и объ Америкѣ?

Скажутъ намъ, что въ Америкѣ мало капиталистовъ, а въ Европѣ ихъ много. Такъ,—но это ведетъ насъ только къ тому заключенію, что въ Европѣ капиталисты должны наблюдать болѣе осторожности и вниманія на счетъ употребленія своихъ капиталовъ въ какихъ либо отрасляхъ промышленности, дабы не подвергнуться между собою опасному столкновенію, соперничеству. Впрочемъ, въ извѣстное время всегда находится извѣстное число потребителей для всѣхъ произведеній, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ.»

Когда капиталы увеличились не въ соразмѣрность съ потребленіемъ, то капиталисты, оспаривая

одинъ у другаго полезное употребленіе капиталовъ, получаютъ отъ того малый доходъ, отъ чего и наслажденія ихъ подвергаются уменьшенію. Нельзя не замѣтить и того, что въ это время капиталисты, желая вознаградить убытки, еще болѣе стараются производить, и это подвергаетъ ихъ еще большимъ лишеніямъ, бѣдствіямъ.»

Что значитъ это, когда капиталы увеличились не въ соразмѣрность съ потребленіемъ? Мы выше замѣтили, что нужды безпредѣльны, и что даже въ настоящее время почти всѣ потребители желаютъ тѣхъ или другихъ вещей, которыхъ они не имѣютъ, и что они не въ состояніи пріобрѣсть ихъ единственно по недостатку капиталовъ. Далѣе, можно ли предположить, чтобы капиталисты, видя, что вещи, ими производимыя, не получаютъ выгоднаго сбыта, старались еще болѣе ихъ производить? Напротивъ, они ищутъ новыхъ отраслей промышленности для употребленія своихъ капиталовъ. Разумѣется, сдѣлать это не легко, — это не рѣдко соединяется съ затрудненіями и потерями. Притомъ всегда непріятно переходить отъ привычной промышленности къ другой, мало извѣстной, отъ того то капиталисты-производители не рѣдко соглашаются лучше терпѣть какіе либо убытки, нежели перемѣщать свои капиталы. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ излишняго накопленія произведеній и излишества самыхъ капиталовъ!

И такъ, мы видѣли, что писатели различно думаютъ о накопленіи произведеній и капиталовъ. Вообще Сей и Рикардо не допускаютъ того и другаго вообще, а Мальтусъ и Сисмонди представляютъ то и другое со стороны невыгодной. Изложимъ свою теорію.

Количество произведеній можетъ быть увеличено или въ слѣдствіе сбереженія на счетъ уменьшенія прежняго потребленія, или въ слѣдствіе уменьшенія издержекъ произведенія, или въ слѣдствіе сбереженія при постепенно-возрастающей дѣятельности.

Представимъ первый случай, т. е., что бы произошли въ мірѣ богатства, еслибы всѣ производители-потребители рѣшились уменьшить свое прежнее потребленіе? Такъ напр., если бы каждый, вмѣсто того, чтобы потреблять произведеній, какъ то дѣлалъ прежде, на 1000 руб., сталъ потреблять ихъ для удовлетворенія своихъ нуждъ только на 500 руб. Не произошло бы дѣйствительно въ этомъ случаѣ накопленіе произведеній? Я не купилъ извѣстнаго количества сукна, которое покупалъ прежде, слѣдственно сукно, приготовленное для меня, должно уже остаться у купца или фабриканта не проданнымъ. А такъ какъ фабрикантъ, по причинѣ, предположенной нами бережливости, долженъ былъ еще болѣе увеличить количество сукна, — то и большее количество его останется у него нераскупленнымъ. Тотъ же фабрикантъ, положимъ, покупалъ у меня золотыя вещи. Такъ какъ онъ употребилъ часть своего потребленія на увеличеніе своихъ издѣлій, то не останутся ли въ этомъ случаѣ и мои золотыя вещи непроданными? Но когда въ слѣдствіе бережливости я еще болѣе приготовилъ этихъ вещей, то и большее количество ихъ не получитъ у меня сбыта. И такъ, при такомъ политико-экономическомъ направленіи, нѣкоторыя вещи, а именно, служащія для непосредственнаго потребленія, найдутся въ чрезвычайномъ изобиліи, накопленіи. Напротивъ, вещи, служащія

къ воспроизведенію, какъ то: шерсть, шелкъ, бумага, получатъ еще сильнѣйшее требованіе.

И такъ какъ уменьшеніе потребленія болѣе падетъ на вещи, служащія для удовольствія, роскоши, то вообще высшія отрасли промышленности будутъ завалены нераскупленными произведеніями, а низшія въ большей или меньшей степени будутъ ощущать въ нихъ недостатокъ сравнительно съ требованіемъ; цѣна на нихъ сдѣлается высокою, можетъ даже далеко превзойти издержки произведенія. Это, безъ сомнѣнія, возбудитъ капиталистовъ къ большему произведенію требуемыхъ вещей. Но очень ясно, что количество издѣлій, обработываемыхъ изъ этихъ вещей, какъ первоначальныхъ, грубыхъ матерій, въ послѣдствіи должно превзойти требованіе, особенно если и относительно ихъ уменьшится предположенное нами потребленіе. А это произведетъ то, что и грубыя матеріи, приготовленныя въ большемъ количествѣ, сдѣлавшись не нужными, останутся безъ сбыта. Такимъ образомъ не только въ высшихъ отрасляхъ промышлености, но и въ низшихъ, мало-по малу произойдетъ накопленіе произведеній. Всѣ производители будутъ роптать на замедленіе и прекращеніе торговли, вездѣ будутъ слышны жалобы, что произведеній много, а покупающихъ мало. Эти печальныя слѣдствія произведенія и потребленія неизбѣжны. Но означаютъ ли они въ самой дѣйствительности накопленіе капиталовъ? Нимало.

Теперь представимъ случай, совершенно противоположный первому. Положимъ, что еслибы вдругъ всѣ потребители стали потреблять гораздо большее количество произведеній, въ сравненіи съ прежнимъ потребленіемъ, на пр. если бы каждый вмѣ-

сто 1,000 рублей, прежде отдѣляемыхъ на воспроизведеніе, употреблялъ только 500 рублей, а вмѣсто 500 руб., прежде издерживаемыхъ на удовлетвореніе своихъ нуждъ, потреблялъ бы 1000 рублей;— спрашиваю, что произошло бы въ это время въ политико-экономическомъ мірѣ?

Естественно, что требованіе произведеній въ высшей степени пало-бы на высшія отрасли промышленности, доставляющія предметы удовольствій и роскоши, — отъ чего эти произведенія получили бы такую высокую цѣну, что на слѣдующее время приготовлено было бы ихъ несравненно большее количество. Но такъ какъ въ низшихъ отрасляхъ промышленности, по причинѣ малой производительности, получено было бы менѣе дохода, то уже производители не въ состояніи были бы въ послѣдствіи потреблять столько, сколько потребляли прежде. Слѣдственно и въ высшихъ классахъ произошло бы накопленіе произведеній. Если же, по нашему предположенію, высшіе классы равно увеличатъ свое потребленіе; то и въ нихъ постепенно уменьшится приготовляемое количество произведеній. Такимъ образомъ мало по малу неизбѣжно долженъ произойти всеобщій недостатокъ; — бѣдность и нищета должны постигнуть всѣ классы, какъ высшіе, такъ и низшіе.

Вотъ, какими страшными слѣдствіями угрожаются люди и народы отъ безразсудной несоразмѣрности въ произведеніи и потребленіи! Къ счастію человѣчества, мы не видимъ на практикѣ этихъ гибельныхъ крайностей. Политико-экономическій міръ какъ бы самъ собою, механически, уклоняется отъ нихъ. Вездѣ мы встрѣчаемъ и толпу жалкихъ, презрѣнныхъ людей, привязанныхъ всѣми желанія-

ми къ накопленію произведеній, капиталовъ, и толпу безумныхъ расточителей, потребляющихъ непроизводительно весь свой доходъ. Одна крайность останавливаетъ другую, — и жертвы, какъ первой, такъ и второй, навѣрное не отдадутъ сами себѣ отчета, почему онѣ поступаютъ такъ, а не иначе.

Но страшно было бы состояніе государства, заключавшагося между двумя этими крайностями,—и, смотря по тому, какая крайность болѣе торжествовала бы среди общества, такіе проистекли бы и опыты, болѣе или менѣе для него пагубные.

Мы замѣтили, что количество произведеній можетъ еще увеличиться въ слѣдствіе уменьшенія издержекъ произведенія. Объ этомъ предметѣ мы уже довольно распространялись въ статьѣ о машинахъ. Обыкновенно въ этомъ случаѣ произведенія добываются дешевле, а потому и раскупаются потребителями въ большемъ количествѣ. Конечно, количество это заключается въ своихъ границахъ, и, вышедъ изъ нихъ, произведенія уже теряютъ свою цѣнность или остаются совсѣмъ непроданными, но это накопленіе только случайное, вообще же оно служитъ къ благоденствію государства.

Наконецъ, при постепенно усиливающейся, возрастающей дѣятельности, за исключеніемъ означенныхъ нами случаевъ, можетъ нечувствительно произойти накопленіе произведеній и капиталовъ, если дѣйствительно бережливость слишкомъ будетъ переходить свои границы, т. е., если всегда большая часть дохода будетъ обращаема на воспроизведеніе, а малая на потребленіе. Впрочемъ это экономическое направленіе не можетъ причинить государству особенныхъ бѣдствій, а капиталисты - произ-

водители только войдутъ въ стѣсненное положеніе отъ невыгоднаго распредѣленія своихъ капиталовъ по разнымъ отраслямъ промышленности. И такъ, Сей и Рикардо, по нашему мнѣнію, слишкомъ безусловно разсматривали пользу, проистекающую отъ бережливости, и слѣдственно отъ увеличенія произведеній и капиталовъ, а Сисмонди, Мальтусъ, Шторхъ, напротивъ, усвоили потребленію то условіе, то достоинство, котораго оно, какъ потребленіе, совсѣмъ не имѣетъ.

Соображая всѣ вышеизложенныя нами мысли, мы выводимъ слѣдующія правила. Сначала произведенія и капиталы, по естественному ходу раскрытія богатства, должны увеличиваться въ низшихъ отрасляхъ промышленности, потомъ когда безпрерывно возрастающее количество ихъ становится достаточнымъ для удовлетворенія нуждъ; то уже должны постепенно возрастать высшія отрасли производительности. Но если сіи послѣдніе слишкомъ рано распространяются и выходятъ изъ круга правильной соразмѣрности къ раскрытію низшихъ отраслей; тогда эти неизбѣжно должны терпѣть недостатокъ большій или меньшій въ умноженіи капиталовъ.

Напротивъ, если высшія отрасли промышленности слишкомъ поздно и медленно увеличиваются; то въ низшихъ отрасляхъ нечувствительно должно происходить накопленіе произведеній и видимое излишество капиталовъ. При этомъ мы не беремъ во вниманіе внѣшней торговли, которая нерѣдко доставляетъ чрезвычайно выгодный сбытъ произведеніямъ, ненужнымъ для внутренняго потребленія, и произведеніямъ, какъ необходимымъ, такъ и служащимъ для наслажденія и роскоши.

Вообще, для соблюденія строгой постепенности

между произведеніемъ и потребленіемъ, каждый частный человѣкъ изъ всей суммы возрастающихъ доходовъ долженъ удѣлять одну часть на воспроизведеніе, а другую на умноженіе своего потребленія. Только при сохраненіи этого условія, всѣ отрасли промышленности и всѣ классы дѣятельности достигаютъ постепеннаго своего раскрытія и избѣгаютъ растройства, замѣчаемаго нами въ политико-экономическомъ быту. Законъ природы на всегда священный—тотъ, есть что все въ ней должно стремиться къ совершенствованію постепенно, правильно, и что какъ ускореніе, такъ и замедленіе его равно угрожаютъ человѣчеству пагубными слѣдствіями. Къ сожалѣнію, немногіе знакомы съ этою истиною, и потому-то большая часть людей нимало не сохраняютъ точныхъ, благодѣтельныхъ правилъ умѣренности. Даже писатели, увлекаясь силою опытовъ, безпрерывно изъ одной крайности ввергаются въ другую, и часто держатся объ одномъ и томъ же предметѣ совершенно противоположныхъ мнѣній. Люди же, чуждые понятія высокихъ законовъ природы, выводятъ изъ этого противорѣчія самое постыдное для человѣчества и оскорбительное для божества заключеніе, именно, будто человѣку не назначено въ этомъ мірѣ счастіе, что безпрерывныя войны, переломы, бѣдствія неизбѣжны какъ въ физической, такъ и въ нравственной его жизни. По моему же мнѣнію, одни только предразсудки, страсти, заблужденія — вотъ, что составляетъ главную, коренную причину нарушенія равновѣсія въ постепенной дѣятельности и усовершимости людей и народовъ.

Изъ важнѣйшихъ причинъ, имѣющихъ вліяніе на нарушеніе порядка между произведеніемъ и потреб-

леніемъ заслуживаютъ особенное вниманіе: измѣненіе вкуса, привиллегіи промышленниковъ, таможенныя ограниченія и запрещенія, и наконецъ войны.

Измѣненіе вкуса. Вкусъ или выборъ изящнаго зависитъ отъ соединенія безчисленныхъ обстоятельствъ, вообще же отъ высшей утонченной образованности. Если мы пробѣжимъ со вниманіемъ всѣ эпохи жизни каждаго народа, то мы замѣтимъ рѣзкое различіе въ измѣненіи вкуса, въ выборѣ предметовъ, наиболѣе потребляемыхъ въ ту или другую эпоху; особенно это замѣтно въ настоящее время, когда образованность быстро вездѣ развивается и когда наиболѣе просвѣщенные народы, вступая въ тѣснѣйшія связи, стараются заимствовать одинъ у другаго все лучшее, все изящное. Франція нынѣ служитъ для всѣхъ народовъ націею, отличающеюся утонченнымъ вкусомъ. Вкусъ этотъ выражается общепринятымъ названіемъ *мода*, которая безпрерывно измѣняетъ свои прихоти, иногда въ продолженіе одного года. Нельзя изобразить, въ какой мѣрѣ эти измѣненія производятъ невыгодное вліяніе на произведеніе и потребленіе. Вещи, иногда составлявшія предметъ отборнаго вкуса въ прошедшемъ году, становятся уже запоздалыми, старыми въ нынѣшнемъ. Само собою разумѣется, что онѣ теряютъ свою цѣну и нерѣдко съ потерею самыхъ издержекъ произведенія, а иногда и вовсе остаются безъ всякаго сбыта. За то предметы новаго вкуса получаютъ слишкомъ высокую цѣнность сравнительно съ издержками ихъ произведенія. Посмотрите внимательнѣе на магазины, отличающіеся модными товарами, — сколько вы тамъ найдете предметовъ, неимѣющихъ никакого сбыта!

Очень ясно, что производители или негоціанты,

для вознагражденія этихъ потерь, вынуждаются необходимостію налагать большую цѣну на новыя произведенія, — и потому-то жалобы потребителей, что такія то вещи продаются чрезмѣрно дорого, почти всегда не имѣютъ основанія. Конечно, иногда нѣкоторые производители-продавцы выигриваютъ чрезвычайно много въ сбытѣ извѣстныхъ товаровъ, за то сколько находится другихъ, теряющихъ всѣ свои прибыли, капиталы, и впадающихъ мгновенно въ жалкое положеніе несостоятельности, банкротства! Въ большей или меньшей степени измѣненіе вкуса падаетъ на всѣ предметы потребленія, и отъ того-то производители безпрерывно жалуются на мнимое накопленіе произведеній. Каждый годъ потребители перемѣняютъ своихъ производителей. Если же къ этому обстоятельству мы присоединимъ еще и то, что производители, смотря по своимъ доходамъ, то уменьшающимся, то возвышающимся, ежегодно поступаютъ въ тотъ или другой разрядъ, въ тотъ или другой отдѣлъ промышленности, то еще менѣе будемъ удивляться чрезвычайному не соотвѣтствію, представляемому намъ торгомъ политико-экономическаго міра.

При этомъ я не могу не обратить вниманія на два важнѣйшія обстоятельства: а) Что одинъ народъ часто безразсудно увлекается прихотями потребленія другаго. Каждый народъ владѣетъ особенными своими источниками богатства, каждый народъ отличается особенными наклонностями, привычками, обычаями и другими качествами. Такимъ образомъ, что полезно для одного, то можетъ быть вреднымъ для другаго, къ потребленію чего одинъ владѣетъ благопріятными легкими средствами, къ потребленію того другой иногда не можетъ приступить

безъ мѣръ отяготительныхъ для своихъ производителей. — Изъ этого однако не льзя думать, будто народамъ не слѣдуетъ заимствовать одному у другаго все лучшее, все полезное. Къ сожалѣнію, нерѣдко существенно хорошее оставляется безъ всякаго подражанія, почитается или безполезнымъ, или невозможнымъ для заимствованія, а то, что служитъ къ удовлетворенію однихъ требованій тщеславія и роскоши, то, говорю, составляетъ любимый предметъ слѣпаго подражанія.

b) Второе обстоятельство—самое щекотливое въ нынѣшнемъ общественномъ быту. Знаемъ, что женскій полъ произвелъ чрезвычайное, благодѣтельное вліяніе на общества; знаемъ, что Европа, снявъ съ него цѣпи рабства, усвоивъ ему различныя права, облагородившія его значеніе, чрезъ это много выиграла въ общественной жизни; пріятность обращенія, чувствительность, утонченіе вкуса и другія многоразличныя пріобрѣтенія новыхъ столѣтій были дѣломъ вліянія женскаго пола. Самая политическая экономія много обязана ему; потому что, съ общественнымъ значеніемъ женскаго пола, явились тысячи новыхъ нуждъ, прежде неизвѣстныхъ, и по отношенію къ нему самому, и по отношенію къ мужескому полу, а это невѣроятнымъ образомъ способствовало раскрытію и умноженію разныхъ отраслей труда. Но нельзя не пожалѣть, что съ этою пользою сплелись многіе недостатки потребленія. Женскій полъ слишкомъ удачно умѣлъ воспользоваться усвоенными ему правами, и получилъ вліяніе на общества, хотя не вездѣ чрезвычайно обширное, но вездѣ большее, нежели сколько ему слѣдуетъ. — Я оставляю разбирать этотъ предметъ въ нравственно-политическомъ отношеніи,

этотъ разборъ принадлежитъ къ наукѣ Политикѣ; я замѣчу только о немъ въ экономическомъ смыслѣ. Гордясь своимъ обширнымъ кокетствомъ, увлекаясь своимъ блистательнымъ тщеславіемъ, женскій полъ сталъ изыскивать всѣ способы къ поддержанію того и другаго, — и одинъ изъ этихъ способовъ палъ на потребленіе произведеній. Мода, нами выше обозначенная, почти исключительное его твореніе. Женскій полъ разнообразитъ ее до безконечности, и когда уже вкусъ не успѣваетъ въ своихъ изобрѣтеніяхъ угождать ея требованіямъ, она переходитъ въ одинъ пустый, безжизненный капризъ. Все это въ совокупности совершенно разстроиваетъ потребленіе въ отношеніи къ произведенію: одни произведенія безпрерывно замѣняются другими, то потребленіе, выходя изъ границъ умѣренія, ставитъ послѣдственно производимость въ стѣсненное положеніе и невозможность сбыта. Это рано или поздно должно навлечь за собою важныя слѣдствія для обществъ. Лучшая мѣра къ удаленію этихъ слѣдствій, состоитъ въ томъ, чтобы предоставить женскому полу воспитаніе и образованіе, болѣе сообразное съ его цѣлію и назначеніемъ въ общественной жизни. Жаль, что на это нынѣ такъ мало обращаютъ вниманія!

2. *Привиллегіи промышленникамъ.* Нерѣдко государства даютъ особыя привиллегіи промышленникамъ на сбытъ ихъ произведеній. Конечно, если изобрѣтается какая либо новая отрасль промышленности, то привиллегія, данная изобрѣтателю, лишаетъ государства однѣхъ выгодъ, которыя можно было бы получить безъ ней, какъ мы замѣтили это выше; но сама по себѣ привиллегія, какъ привиллегія, не нарушаетъ порядка между произведеніемъ

и потребленіемъ; если же она падаетъ на извѣстныя уже промышленности, то вредъ неизбѣженъ. Вообще о привилегіяхъ мы будемъ говорить во второй части сочиненія.

3. *Пониженіе цѣнности монеты*, — что̀ дѣлается или уменьшеніемъ достоинства дорогихъ металловъ въ сравненіи съ пробою, или возвышеніемъ цѣнности монеты противу цѣнности самыхъ металловъ. То и другое производитъ чрезвычайное разстройство въ торговомъ мірѣ. Но измѣненіе цѣнности ассигнацій или бумажной монеты еще гораздо важнѣе. Во второй части сочиненія увидимъ подробнѣе, какимъ образомъ ассигнаціи замѣняютъ въ обращеніи дорогіе металлы. Положимъ, что для обращенія всѣхъ произведеній какого либо государства потребно 1000 мил. рублей. Теперь положимъ, что выпускаются въ оборотъ ассигнаціи. Естественно, что, по мѣрѣ выпуска сихъ послѣднихъ, соотвѣтственное количеству ихъ количество дорогихъ металловъ, сдѣлавшись не нужнымъ, уменьшится въ своей цѣнности, по необходимости, выходитъ за границу. Но разумѣется, что если ассигнаціонныя деньги употреблены на распространеніе, усиленіе промышленности, то, сообразно этому, нѣкоторое количество золота и серебра остается внутри земли для оборота увеличившагося количества произведеній. Положимъ еще, что выпускъ ассигнацій болѣе и болѣе увеличивается. Ясно, что вначалѣ онѣ по причинѣ малаго своего количества и большаго требованія въ оборотахъ торговли получаютъ большую цѣнность въ сравненіи съ цѣнностію дорогихъ металловъ. Но мѣрѣ же усиленнаго ихъ выпуска, цѣнность эта будетъ постепенно уменьшаться, такъ что мало по малу ста-

нетъ въ уровень съ цѣнностію металловъ или золота и серебра въ монетѣ. Если за тѣмъ еще будетъ продолжаться выпускъ ассигнацій, то цѣнность ихъ уже начнетъ упадать. Такъ, ассигнационный рубль будетъ стоить уже менѣе рубля въ монетѣ, ибо все количество дорогихъ металловъ никогда не можетъ быть замѣнено одними ассигнаціями, потому, что внутри государства всегда требуются небольшія деньги, для покупки произведеній малой цѣнности, и потому, что ассигнаціи не имѣютъ никакой цѣнности за границею, гдѣ идутъ въ оборотъ одни дорогіе металлы. Изъ сказаннаго видно, что ассигнаціи должны быть выпускаемы съ чрезвычайною осторожностію и всегда въ маломъ количествѣ, — въ это время онѣ не могутъ нарушить существующей цѣнности въ торговомъ мірѣ, — или, по причинѣ большаго ихъ прилива, слѣдственно по причинѣ увеличившагося количества денегъ, произведенія, соразмѣрно этому увеличенію, увеличатся въ своей цѣнѣ не по отношенію къ деньгамъ, но по отношенію къ деньгамъ. Какой при этихъ обстоятельствахъ происходитъ переворотъ въ торговлѣ? Одни производители выигрываютъ, другіе проигрываютъ. Вообще, при упадкѣ цѣнности ассигнацій, проигрываютъ 1) занимодавцы, получающіе отъ должниковъ уплату долга деньгами меньшей цѣнности, 2) всѣ торговцы, кредитующіе одними другихъ произведеніями, оцѣняя ихъ цѣнностію монеты въ извѣстное время, 3) всѣ получающіе жалованье отъ правительства. За то само правительство проигрываетъ въ полученіи податей, платимыхъ ассигнаціями. Вотъ важнѣйшая причина, по которой умныя мудрыя правительства, знакомыя съ правилами Политической Экономіи, скорѣе согласятся на заемъ

капиталовъ, нежели на увеличеніе выпуска ассигнацій, особенно тогда, когда и безъ этого находится въ оборотѣ значительное ихъ количество, смотря по отношенію цѣнности ихъ къ цѣнности дорогихъ металловъ. Впрочемъ, какъ я замѣтилъ выше, вредъ отъ выпуска ассигнацій болѣе или менѣе увеличивается, соотвѣтственно большему или меньшему усиленію самыхъ промышленностей. Горе государству, когда это мнимое богатство служитъ единственно къ умноженію непроизводительнаго потребленія, ко введенію роскоши! Люди не легко разстаются съ тѣмъ, къ чему привыкаютъ, даже не легко разстаются съ удобностями и наслажденіями жизни. Какъ скоро они приходятъ въ невозможность потреблять прежде потребляемаго, удовлетворять своимъ всегдашнимъ нуждамъ; то уже посягаютъ на низкія мѣры пріобрѣтеній, хитрости, обманы, злоупотребленія, не рѣдко на смятенія народныя. Этотъ источникъ общественнаго зла бываетъ тѣмъ ужаснѣе, что онъ менѣе замѣтенъ, дѣйствуетъ медленно, разливаетъ ядъ по всѣмъ сословіямъ народа скрытными путями. По этой-то причинѣ я полагаю, что даже не всегда правительства могутъ занимать въ долгъ значительные капиталы съ тѣмъ, чтобы употреблять ихъ на улучшеніе промышленностей. Съ вѣрнымъ успѣхомъ и безопасностію въ этомъ отношеніи можно надерживать капиталы единственно на устроеніе дорогъ, на проведеніе каналовъ и подобные предметы, потому что всегда есть средства выручаемыми доходами отъ этихъ улучшеній уплачивать постепенно проценты и занятый капиталъ. При такомъ распоряженіи остаются въ выигрышѣ какъ производители - потребители въ государствѣ, такъ и правительство. Кажется, что

Англія не наблюдала прежде въ этомъ надлежащаго расчета. Но скажутъ, что правительство и потому остается въ выигрышѣ, что, при увеличеніи народнаго богатства, оно получаетъ болѣе податей, а слѣдственно въ состояніи уплачивать проценты съ занятаго капитала и капиталъ. Правда, къ сожалѣнію, 1) распредѣленіе налоговъ по мѣрѣ увеличенія богатства производителей чрезвычайно трудно, 2) въ это время, по необходимости, требуются и большіе доходы правительства для большихъ расходовъ, какъ то, для содержанія большаго числа чиновниковъ и для увеличенія ихъ жалованья, въ слѣдствіе увеличенія богатства прочихъ классовъ, для предпринятія обширнѣйшихъ и лучшихъ мѣръ къ поддержанію промышленности и на другіе многочисленные предметы, 3) если извѣстный доходъ не прямо назначается на извѣстный расходъ, то онъ почти всегда теряется въ правильномъ своемъ назначеніи, — отъ того-то долги рѣдко уплачиваются постоянно и въ свое время. Эта уплата обыкновенно отлагается до другаго времени, а между тѣмъ, по разнымъ политическимъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, правительства вынуждаются еще болѣе увеличивать долгъ. Не льзя при этомъ не замѣтить и ту важную истину, что удобство платежа налоговъ никогда не будетъ въ уровень съ умноженіемъ богатства. Богатые тяготятся ими болѣе, нежели бѣдные; это зависитъ отъ умноженія ихъ нуждъ, относящихся къ удобствамъ и наслажденіямъ, такъ что, по моему мнѣнію, ариѳметическая пропорція умноженія налоговъ къ умноженію богатства предположительно будетъ ниже, напр. если богатство увеличилось у какого либо производителя вдвое, то платежъ налоговъ можетъ безъ

его отягченія увеличится только въ $1^1/_2$ или по-крайней мѣрѣ въ $1^3/_4$, но никакъ не вдвое.

Соображая же то, что налогъ никогда не падаетъ на всѣхъ производителей въ соразмѣрности улучшенія ихъ состоянія, мы должны еще болѣе унизить эту пропорцію. — Правители, распоряжающіе приходами и расходами государства, непремѣнно обязаны имѣть въ виду эти замѣчанія, чтобы не остаться въ недоимкѣ, или не остановить приращенія богатства, особенно въ низшемъ классѣ народа, часто безвинно несущемъ тяжесть податей. Иногда налогъ такъ можетъ казаться отяготительнымъ, что производитель скорѣе согласится оставить выгодную для себя промышленность, нежели подвергнуться ему, какъ скоро онъ рискуетъ увеличить свое богатство, и соразмѣрно тому имѣть большую возможность платить налогъ. Таковы люди; таковы привычки!

4. *Таможенныя ограниченія и запрещенія.* Вотъ еще ужасный бичь правильной соразмѣрности между произведеніемъ и потребленіемъ. Таможенныя ограниченія или запрещенія ввоза и вывоза товаровъ безпрерывно то привлекаютъ капиталы къ извѣстнымъ родамъ промышленности, то отвлекаютъ отъ нихъ. Не рѣдко то, что было запрещено прежде со всею строгостію, позволяется въ послѣдствіи съ неограниченною свободою, и на оборотъ. Нельзя исчислить, сколько среди такого волненія произведеній, погибаетъ капиталовъ! И такъ цѣна произведеній безпрестанно то возвышается, то упадаетъ, то ощущаютъ излишество ихъ въ сравненіи съ потребленіемъ, то недостатокъ. Міръ политико-экономическій такъ обширенъ, что жалобы, ропотъ, возгласы производителей и потребителей совершен-

но заглушаются въ чрезвычайномъ его [пространствѣ; однако пренебрегать ими никогда не должно, часто это бываетъ началомъ политическихъ болѣзней, разъѣдающихъ мало по малу цѣлый организмъ государствъ. Впрочемъ, мы не разсуждаемъ о пользѣ и вредѣ самыхъ таможенныхъ постановленій, — это уже будетъ составлять предметъ второй части сочиненія. Довольно было намъ здѣсь упомянуть о вліяніи ихъ на произведеніе и потребленіе.

5. *Налоги въ дѣйствіяхъ своихъ одинаковы съ таможенными распоряженіями.* Ясно, что всякій налогъ, падающій на какую либо отрасль промышленности, имѣетъ вліяніе на возвышеніе цѣны ея произведеній, безъ этого она не могла бы быть производима. Но если еще налоги остаются на долгое время постоянными, безъ всякаго измѣненія, то они по крайней мѣрѣ не могутъ нарушать принятаго вначалѣ направленія промышленности, хотя бы это направленіе въ самой сущности и не было выгоднымъ для государства,— отъ того-то благоразумные министры съ чрезвычайною осторожностію приступаютъ къ измѣненію налоговъ, къ уничтоженію старыхъ, даже худыхъ, и ко введенію новыхъ. Привычки къ извѣстному образу жизни весьма сильны во всякомъ частномъ организмѣ, тѣмъ болѣе въ организмѣ общественномъ, заключающемъ въ себѣ жизнь нѣсколькихъ милліоновъ людей. Вообще предметъ налоговъ такъ важенъ, такъ многосложенъ и разнообразенъ, что онъ составляетъ одинъ изъ первыхъ главное отдѣленій науки политической экономіи. Можно сказать, что онъ образуетъ вѣнецъ ея теоріи.

Наконецъ 6-й *войны*. Вотъ еще ужасное зло, терзающее міръ человѣчества, и зло, къ несчастію не-

обходимое, не само по себѣ, но по нарушенію прав одних народовъ другими. Не льзя исчислить всѣх потерь, претерпѣваемых народами во время войнъ. Сюда надо включить, кромѣ издержекъ, употребляемых правительствомъ на содержаніе войскъ, и все то, что разрушается, погибаетъ въ продолженіе войнъ, наконецъ все то, что теряютъ промышленности отъ разстройства торговли, отъ замедленія или совершеннаго пресѣченія покупки и сбыта произведеній. Обыкновенно многіе капиталы получаютъ въ это время особенное направленіе, смотря по требованію различныхъ предметовъ для войны,—а то, по окончаніи ея, происходитъ новый переворотъ или распредѣленіе капиталовъ, и—то ощущается недостатокъ въ произведеніяхъ, то излишество: одни капиталисты слишкомъ скоро обогащаются, другіе же несутъ большіе убытки.

Извѣстно, что по окончаніи послѣдней войны Наполеона съ Европою, вдругъ въ политико-экономическомъ мірѣ открылось чрезвычайное накопленіе произведеній; вездѣ жаловались на малый ихъ сбытъ, вездѣ твердили, что товаровъ много, а покупателей мало. Не одна Европа, но самые Сѣверо-Американскія Соединенные Штаты страдали отъ той же причины: это обратило особенное вниманіе политико-экономовъ, и быть можетъ навело многихъ изъ нихъ на ту мысль, что произведеніе далеко превосходитъ потребленіе, что капиталы слишкомъ накопились въ избыткѣ, что бережливость и пріобрѣтенія влекутъ за собою гибельныя слѣдствія для народнаго благосостоянія. Таиль и другіе писатели превыходно изъяснили этотъ феноменъ политико-экономическаго міра: они приписали его столкновенію капиталовъ послѣ войны въ одинъ и тѣ же отрасли

промышленности такъ, что потребленіе никакъ не могло уравновѣситься съ произведеніемъ. Дѣйствительно, не льзя не согласиться съ мнѣніемъ ихъ, но только къ этому надо присоединить и другія обстоятельства, участвовавшія въ произведеніи феномена, какъ то: необыкновенный толчокъ, данный расширенію, улучшенію всѣхъ отраслей промышленности послѣ долговременнаго ихъ замедленія и полудѣятельности, изобрѣтеніе различныхъ машинъ и жадность пріобрѣтенія. Все это произвело чрезвычайное вліяніе на изобиліе произведеній не въ соразмѣрность съ потребленіемъ. Вотъ важнѣйшія причины нарушенія постепеннаго развитія промышленности, развитія произведенія и потребленія.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Стр.

Какія науки составляютъ область наукъ политическихъ. . . . . I.

О началахъ Политической Экономіи. . . . . XIV.

О теоріи и практикѣ. . . . . XXV.

Исторія Политической Экономіи. . . . . XXXIII.

О Меркантильной Системѣ . . . . . L.

Польза Политической Экономіи. LXXXIX

—

Вступительная Лекція. . . . . 1.

ЗАПИСКИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ГЛАВЫ I. Главныя основанія Политической Экономіи. . . . . 45.

— II. Идеи Политической Экономіи. . . . . 54.

— III. О богатствѣ. . . . . 61.

— IV. Объ источникахъ богатства. . . . 79.

— V. О природѣ. . . . . 91.

— VI. О трудѣ . . . . . 96.

— VII. О непроизводительности классовъ. . 113.

— VIII. О нематеріальной цѣнности. . . . 136.

Стр.

ГЛАВЫ IX. О принадлежащихъ трехъ промышленностей. . . . . 142.

— X. О сравнительной производительности трехъ промышленностей. . . . . 155.

— XI. О непроизводительномъ классѣ. . . 205.

— XII. О раздѣленіи труда. . . . . 224.

— XIII. О машинахъ. . . . . 242.

— XIV. О капиталѣ . . . . . 312.

— XV. О раздѣленіи капиталовъ . . . . 324.

— XVI. Объ увеличеніи капиталовъ. . . . 336.

— XVII. Объ отношеніи произведенія къ потребленію. . . . . 337.